

РИХЕР
РЕЙМСКИЙ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

Рихер Реймский

RICHERI

Moscoviae
ROSSPEN
1997

РИХЕР
РЕЙМСКИЙ

Москва
РОССПЭН
1997

**Издание осуществлено при поддержке
Министерства Иностранных Дел Франции**

Перевод с латинского, составление, статья,
комментарии и указатели *А. В. Тарасовой*
Ответственный редактор к.и.н. *И. С. Филиппов*

Рихер Реймский. История. — М.: «Российская
политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. —
336 с., илл.

Сочинение Рихера Реймского «История» является практическим главным источником по политической истории Франции второй половины X в. В ней освещены перипетии борьбы за власть между династиями Каролингов и Капетингов, содержащие ценные сведения о системе образования и повседневной культуре той поры, о раннем периоде деятельности знаменитого ученого-энциклопедиста, будущего папы Герберта. «История» Рихера, написанная своеобразным, выразительным языком, представляет и большой литературный интерес.

На русский язык полностью переводится впервые. Перевод сопровождается статьей, комментариями, указателями.

ББК 63.3(0)4

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997.

ISBN 5-86004-074-1

Пролог

Господину и святейшему отцу Герберту, архиепископу Реймскому¹, монах Рихер.

Под твоим влиянием, святейший отец Герберт, возникло у меня желание поведать в сочинении о сражениях галлов. Так как оно сулит принести большую пользу и тема его весьма обширна, я составлял его в душевном напряжении, сравнимом лишь с необычайной добротой того, кто подвигнул меня на это.

Я решил начать повествование об этих событиях с недавнего времени, ибо о делах, происходивших ранее, подробнейшим образом рассказал в своих анналах благословенной памяти Гинкмар², восьмой до тебя на архиепископстве³. Чтобы заглянуть в столь отдаленное прошлое, пусть читатель обратится к его труду и прочитает его вплоть до начала нашего сочиненщика. Я опасаюсь, что частое повторение имени «Карл» и других имен в обоих сочинениях расстраивает их внутренний порядок. Ибо любое искажение последовательности событий приводит к столь же сильному заблуждению, насколько был нарушен порядок. Поэтому пусть разумный читатель, встречая то и дело упоминания о Карлах и Людовиках, различает королей, носивших одинаковые имена, учитывая время, о котором пишет автор.

Это сочинение имеет целью сохранить на письме память о войнах галлов, частых в то время, о разных мятежах и о различных причинах тех или иных событий. Я упоминаю и о делах других народов, но, полагаю, я вполне мог рассказать о них от случая к случаю, если это было необходимо. Если же меня обвиняют в незнании неведомой старины, то я не отрицаю, что почерпнул некоторые сведения из сочинения Флодоарда, Рейнского каноника⁴, но не используя те же выражения; я заменил их и совершенно иначе построил свое изложение, о чем свидетельствует мой труд.

Я полагаю, что читатель будет удовлетворен правдоподобием, ясностью и краткостью изложения. Не желая разливаться в речах, расскажу все как можно более сжато. А перед началом сочинения предполагается кратко описать разделение мира, разные части Галлии, обычаи ее народов и их действия.

КНИГА I

1. Разделение мира

Итак, мир, который предназначен для смертных, согласно космографии¹, разделен на три части, а именно на Азию, Африку и Европу. Первая из них с севера, через восточные области и до юга снаружи ограничена Океаном, изнутри же — Рифейскими горами до самой середины земли, Танаисом, Меотидой² и Средиземным морем отделена от Европы. С середины же земли по направлению к югу она отрезана рекой Нилом. Африка и Европа, окруженные снаружи с юга на север Океаном, разделяются вторгшимся между ними Средиземным морем. Изнутри же они отделены от Азии, как было сказано, где Нилом, а где Средиземным морем, Танаисом и Меотидой. Каждая из них имеет свое внутреннее деление, и я счел нужным поведать об одной из частей Европы, которая называется Галлией за белизну, так как ее уроженцев отличает довольно светлый цвет кожи³; она тоже разделена на определенные части.

2. Разделение Галлии на части

Галлия разделена на три части: на Бельгику, Кельтику, Аквитанию¹. Первая из них, Бельгика, протянулась от Рейна, который отделяет от Океана Германию, изобильную многими народами и за их порождение получившую такое название², до реки Марны. От двух других же она отделена где Пеннинскими Альпами, а где морем, из волн которого поднимается остров Британия. Кельтика лежит от Марны до Гаронны, к ней прилегает Британский океан, остров Британия находится недалеко от нее. Пространство от Гаронны до Пиренеев, ограниченное Роной и Арапом³, а с другой стороны — Средиземным морем, называется Аквитанией. Итак, отмечено, что территория всей Галлии опоясана с востока Рейном, с запада — Пиренеями, с юга же — Средиземным морем.

3. Обычаи Галлов

Все галльские народы известны своей природной отвагой и не терпят коварства. Если их подстрекают, они рвутся в бой, если их разозлят — сражаются, не зная жалости. Сразу верят убеждениям и не привыкли изобличать ложь. И святой Иероним¹ говорил: «Только Галлия не порождает чудовищ, но славится разумными и красноречивыми мужами». Помимо этого, белги лучше умеют вести дела², но уступают остальным в

силе и храбрости. Они чаще добиваются своего разумом, чем силой. Но если им не удается достичь желаемого с помощью разума, не боятся применить силу. В еде и питье они очень воздержаны. Кельты и аквитаны обладают большой мудростью и храбростью, но склонны к мятежам. Кельты обычно более рассудительны, аквитаны действуют сгоряча и очень прожорливы. Но этого требует их природа. Вот и Сульпиций говорит³: «У греков обжорство происходит от чревоугодия, у галлов это естественная потребность». Хотя эти народы — варвары по происхождению, история говорит, что в древности они бывали очень удачливы во всех своих предприятиях, хотя и оставались язычниками. А когда святой Ремигий окрестил их⁴, им была ниспослана особенно славная и блестательная победа. Говорят, что их первым христианским королем был Хлодвиг⁵. После него государством по очереди правили высокородные императоры вплоть до Карла⁶, с которого начинается наша история⁷.

4. Как из-за малолетства короля и первых графских раздоров пираты вторглись в Галлию

Его отцом был король Карломан, дедом с отцовской стороны — Людовик, прозванный Косноязычным, а прадедом — Карл Лысый¹, высокородный император германцев и галлов. Двух лет от роду он утратил отца, а мать — сразу, как ему исполнилось четыре года². По причине его малолетства графы стремились превзойти друг друга в неумеренной алчности, каждый захватывал, сколько мог. Никто не был королю за старшего, никто не заботился об охране королевства. Каждый был способен лишь захватывать чужое добро, не заботились о том, как идут их собственные дела и те, кто не занимался захватом чужого. Поэтому общее согласие превратилось во всеобщий раздор. Вот из-за чего распространились грабежи, вспыхнули пожары, начались разбойные набеги. И все это, усилившись, вдохновило пиратов³, которые обитали в провинции Руана, а это часть Кельтской Галлии, на бесчеловечные дела.

Этот народ задолго до того отбыл с островов Северного океана. И, блуждая по морю на кораблях, они совершали набеги на все части Галлии. На них часто нападали, часто они терпели поражения от могущественных людей страны. Когда лучшие люди все это между собой многократно обдумали, то постановили, чтобы король даровал им эту провинцию⁴, но однако с тем, чтобы, оставив идолопоклонство, добровольно обратились они в христианскую религию и верно сражались за галльских королей на суше и на море. Главный город этой

провинции называется Руан, и еще шесть других городов, а именно Бато, Авранш, Эvre, Сиз, Котанс, Лизье сумели силой присоединить к своим владениям. Итак, издавна было очевидно, что они стали пиратскими владениями. Но, движимые природной жестокостью, они попытались разжечь усобицу между лучшими людьми. Поэтому они затеяли, нападая, угрожать набегами и разбоем малой Британии, которая граничит с Галлией. Воспользовавшись удобным случаем, они совсем нарушили клятвы в верности и из пограничных областей ворвались в Галлию. Рассеявшись повсюду, они разбрелись там и сям, предаваясь без меры захвату женщин, детей, скота и другого добра. А все, что захватили, свозили по Сене в место под названием ров Гивольда⁵. Когда их нападения участились, все земли Кельтской Галлии, которые находятся между реками Сеной и Луарой и называются Нейстрией, были почти полностью разорены. Они приняли решение ворваться во внутренние области Галлии, а ее население либо истребить до конца, либо обложить тяжелейшей данью. Поспешили, чтобы это произошло прежде, чем знать придет к согласию. Они полагали, что во время таких раздоров смогут вернейшим образом завладеть богатством галлов. Их набегами руководил вождь Катилл⁶. А знатные люди, осознав, какое бесчестье им наносят варвары, стали через послов договариваться между собой о примирении. Не долго медлили, обменявшись клятвами и заложниками, съехались для совещания. На этом совещании, прислушавшись к мудрым советам и поклявшись в верности, вернулись они к величайшему согласию и подготовились воздать варварам за нанесенные оскорблении. И, так как Карлу было только три года⁷, стали они совещаться об избрании короля, но не потому, что стали предателями, а потому, что гневались на своих врагов.

5. Происхождение и судьба короля

Итак, в год по воплощении Господа 888, в пятое воскрепление марта¹ общим решением сделали королем Одона, мужа воинственного и решительного². Его отцом был Роберт³ из сословия всадников⁴, дедом с отцовской стороны — Витикин, прибывший из Германии⁵. Став королем, он повел дела решительно и с пользой, хотя в обстановке военного мятежа редко имел возможность улаживать ссоры⁶. Семь раз он наносил пиратам поражения в Нейстрии и девять раз обращал их в бегство, и все это в течение пяти лет. После того, как их прогнали, последовал великий голод, так как земля три года оставалась невозделанной. Мера зерна, которая составляет $1/16$ модия, возросла в цене до 10 драхм, курица стоила 4 драхмы,

а яйцо — 3 унции, цена коровы поднялась до 11/12 либры⁷. Невозможно было купить вина, так как виноградники повсюду были вырублены и вряд ли у кого вообще имелись.

Король тем временем строил укрепления в тех местах, где возможны были пиратские набеги, и размещал в них войска. Сам он оставался в Аквитании, предполагая вернуться не раньше, чем вышеназванная мера зерна не станет стоить 2 драхмы, курица — денарий⁸, и яйцо также 2 драхмы, а корова будет продаваться за три унции.

6. Пираты вторгаются в Бретань и опустошают ее

Пока король вершил государственные дела в городе Пюи, пираты, изгнанные из пределов Нейстрии, просыпали, что он уехал в Аквитанию. Итак, они собрались, приготовили флот и неожиданно вторглись в Бретань. Жители Бретани, устрашенные внезапным набегом варваров, отступили перед свирепым врагом. Каждому казалось достаточным сохранить свою жизнь, никто не пытался спасти свое имущество от разграбления, заботились только о спасении жизни. Так как они побросали почти все свое добро, пираты расхватали все без разбора. Увезли то, что им понравилось, и вернулись с большим количеством награбленного, которое никто у них не оспаривал. Увлеченные таким крупным успехом, они вторглись через внешние границы Бретани в Аквитанию в районе Анжу и опустошили землю. Захватывали мужчин, женщин и детей. Стариков обоего пола убивали. Детей продавали в рабство, бесчестили женщин, которые казались им красивыми.

7. Король Одон готовит войско к походу против пиратов¹

Но некоторые из них по разным причинам ускользнули и спаслись бегством. Они сразу известили короля Одона. Он, встревоженный серьезностью дела, королевским эдиктом повелел собрать в Аквитании столько всадников и пехотинцев, сколько можно. А также из Провинции, которая окружена Роной, Альпами, морем и землями готов, из Аrelата и Оранжа. Но и из Готии, Тулусы и Нима. Когда все они собрались, королевское войско составило 10 тысяч всадников и 6 тысяч пехотинцев. По пути король прибыл в Бриод, город св. Юлиана, поклонился святому королевскими дарами и затем вступил в округ Овернь. Сюда уже прибыли враги и упорно осаждали город, который назывался Монпансье. Король, сопровождаемый франкской и аквитанской знатью, разрешил начать переговоры, однако расставил войска в боевом порядке, воодушевляя их на бой и превознося их прирожденную до-

блесть. Он говорил им, что они превосходят все народы как силой, так и храбростью, и вооружением. Что их предки завоевали почти весь мир и совершенно разгромили Рим, столицу мира². Он поэтому утверждал, что отвага отцов должна возвращаться в сыновьях, что отцовская доблесть должна передаться сыновьям.

8. Нападение короля Одона на пиратов и описание сражения

Воодушевив их такими речами, он, будучи человеком храбрым и сильным, атаковал варваров с 16-тыс. войском, подняв знамена. Вперед он послал пехоту, чтобы она нанесла первый удар. Сам же стал во главе конницы, выжидая, как решится судьба пехоты. Варвары тоже выстроились рядами и замышляли напасть на противника, пока тот строится. Враги бросились на королевскую пехоту, осыпав ее стрелами, затем, уставив пики, ринулись на них. В схватке с варварами многие погибли, но нанесли ущерб противнику. Ибо с их стороны были убитые и гораздо больше раненых. За пехотой и королевская конница с силой обрушилась на вражеские ряды, поколебленные пехотой. Рассказывают, что там полегло 13 тысяч¹, немногие спаслись бегством. И когда победа была уже обеспечена и предстоял раздел добычи, четыре тысячи варваров, которые коварно затаились в укрытии, напали с боковых дорог. Они постепенно приближались, но дозорные заметили блеск их оружия и дали сигнал к сбору войска. Король, думая, что приближается гораздо больше врагов, убеждал своих вернуться в прежнее состояние духа и не терять его, объявив в длинной речи, что умереть за родину — подвиг, и честь — пожертвовать собой ради защиты христиан. Итак, войско собралось, и хотя много было раненых иувечных, никто не отказался идти вперед.

9. Незнатный Ингон идет в бой с королевским знаменем

Когда все задумались, кому нести королевское знамя, так как в столь благородном войске не осталось никого, кто не был бы ранен и все уклонились от этого, на середину пробился Ингон¹ и, представившись войску, бесстрашно сказал: «Я — королевский конюх, незнательный родом, если мне не откажут в великой чести, пронесу королевское знамя через вражеские ряды. Не убоюсь переменчивой военной фортуны, ибо знаю, что однажды мне все равно придется умереть». На это король Одон ответил: «По нашей воле и по решению графов будь нашим знаменосцем». И тот, подняв знамя, выступил вперед, окруженный густой толпой. Построившись боевым клином,

войско пошло на врага. Столкнувшись с врагом, померялись с ним силами. Порой королевское войско отступало, но вновь бросалось в сражение. Трижды они наступали и перебили почти всех врагов. В этой сумятице воздух потемнел от пыли, и Катилл с несколькими своими людьми во мгле обратился в бегство и укрылся в кустах. Но когда он там прятался, победители, которые рыскали туда и сюда, обнаружили его и схватили, а тех, кто был с ним, изрубили мечами, его же самого, после того, как вся добыча была разграблена, представили королю Одону.

10. Крещение и смерть тирана

Успешно достигнув победы, король отвез пленного тирана в Лимож, а там предоставил ему выбор между жизнью и смертью, обещая сохранить ему жизнь, если он крестится, в противном случае — предать его смерти. Тиран сразу же, без возражений, попросил, чтобы его окрестили. Однако вряд ли он действительно уверовал. Так как близилась Пятидесятница¹ и епископы явились на совет к королю, они предписали ему трехдневный пост. В установленный день, в базилике св. Марсилия мученика, после того, как епископы завершили службу, сам король подвел его к священной купели, он спустился в нее и троекратным погружением во имя отца, сына и св. Духа был окрещен; тут Ингон, бывший знаменосец, выхватив меч, смертельно ранил его, загрязнив кровью святую воду. Король, возмущенный таким злодеянием, приказал негодующим графам схватить и умертвить убийцу. Тот, отбросив меч, бросился и обхватил руками алтарь св. Марсилия, прося милости у короля и графов и добиваясь громкими криками, чтобы ему дали возможность высказаться. По приказу короля его призвали к ответу за содеянное преступление, и он начал так:

11. Оправдательная речь Ингона перед королем и графами

«Я призываю в свидетели Бога, которому известны все мои желания, что для меня нет ничего дороже вашего блага. Любовь к вам толкнула меня на это, ради вашего блага я решился на это преступление. Я не убоился подвергнуть себя такой опасности ради жизни всех вас. Велико совершенное мной злодеяние, но выгода от него еще больше. Я отрицаю, что оскорбил королевское величие и объявляю, что мое преступление сулит много выгод. Поразмыслите над намерениями виновника преступного деяния, и вы обязательно обратите внимание на грядущую выгоду от него. Пленный тиран решил

креститься из страха; будучи освобожденным, он вновь обратился бы к великим беззакониям и отомстил бы нам небывалой резней. Я обратил оружие против того, в ком увидел причину многих бедствий. Вот причина моего поступка. Вот что толкнуло меня на злодеяние. Я совершил это ради блага короля и наших соратников. О, если бы моя смерть привела бы к освобождению моей родины и спокойствию в государстве! И если меня казнят, буду считать, что умираю ради блага короля и сеньоров. Каждый подумает: «Не служил ли он ради такого рода награды, не воздалось ли ему такой платой за сохраненную верность?» Вот свежие раны на моей голове, груди, боках! Видны и рубцы прошлых лет и отметины, разбросанные по всему телу. Приобретя их среди постоянных невзгод, пережив столько бед, ожидаю смерти как конца всех зол». Эта жалобная речь была встречена с благосклонностью, а у некоторых вызвала слезы. Поэтому воины просили короля за него и убеждали проявить милосердие, уверяя, что он ничего не выиграет от смерти одного из своих сподвижников, что есть чему порадоваться и в убийстве тирана, так как если тот умер, уверовав, ему тем самым дарована истинная жизнь, а если он принял крещение обманно, то его коварство наказано. Король смягчился душой от таких речей и, похоронив варвара, вернул Ингону свою благосклонность и милостиво пожаловал ему крепость под названием Блуа, так как тот, кто ведал охраной крепости, был убит в сражении с пиратами. Также, согласно королевской воле, Ингон получил в супружество его вдову¹.

После этого, благодаря помощи короля и сеньоров, все дела его шли успешно и счастливо. Но это продлилось недолго. Ибо из-за нагноения ран, плохо залеченных врачами, снаружи покрытый шрамами и снедаемый изнутри страхом, одолеваемый ревматическими отеками, он слег в постель, промучившись более двух лет. Потом ревматизм усилился и охватил все его тело², и он расстался с жизнью, оставив маленького сына Герцона. Король назначил ему опекуна, он владел отцовским имуществом совместно с матерью.

12. Возведение Карла на трон

Тем временем король, удалившись из города Лиможа, приехал в Ангулем и там занялся некоторыми делами. Немного спустя по прибытии в Перигор, он разобрал с величайшей справедливостью дела сеньоров, которые предавались ссорам, и стал вместе с лучшими людьми в королевстве рассматривать дела всего государства. Он был поглощен этими делами и предполагал задержаться там ненадолго, когда Фулькон, архиепископ Реймский, вовлек белгов¹ в переговоры о возведе-

нии Карла на трон. Ибо ему показалось, что сложившиеся обстоятельства благоприятствуют этому, и что многих убедит отсутствие нейстрийцев, потому что они оставались в Аквитании с королем. Многих также убедили жалобы юноши. Уже достигнув пятнадцати лет², он сокрушался в кругу друзей и родичей о потере королевства и прилагал большие усилия, чтобы вернуть отцовское королевство. Его всячески поддерживали все сеньоры Бельгики и некоторые из кельтских. Они скрепили этот договор клятвой перед лицом Реймского архиепископа. В установленное время явились архиепископы Кельнский, Трирский и Майнцкий с епископами своих диоцезов и их легатами. Из Кельтики же — вышеназванный архиепископ с некоторыми из своих suffraganов, а именно епископами Ланским, Шалонским и Теруанским³.

В год по воплощении Господа 893, в феврале⁴, в воскресенье, собравшись в Реймсе, короновали пятнадцатилетнего Карла в базилике св. Ремигия; и уже в городе, облачив его в пурпур, вручили ему право издавать королевские эдикты. И из Кельтики очень немногие держали его сторону, в Бельгии же, напротив, все были ему преданы. Его провезли по всем их большим и малым городам, где его приняли сердчнейшим образом.

13. Возвращение Одона из Аквитании и его смерть

Узнав, что произошло, король Одон вернулся из Аквитании. Достигнув города Тура, он почтил св. Мартина¹ королевскими дарами. Возвратившись в Париж, он богато одарил святых мучеников Дионисия, Рустика и Элевтерия. Затем, перейдя реку Марну, он вступил в Бельгику. Прибыв в город, который называется Ла Фер, он начал страдать бессонницей от чрезмерных тревог. Из-за того, что она не прекращалась, у него началось помрачение рассудка. Действовали и вредные соки, и на десятый год своего правления, в состоянии помешательства, как говорят одни, или же в припадке буйства, по словам других, он окончил свою жизнь². И был он похоронен под громкие сетования своих соратников в базилике св. Дионисия мученика³.

14. Характер Карла

Итак, Карл, став королем, был принят с большой благосклонностью. Он был хорошо сложен, нрава доброго и простого¹. Недостаточно обучен военному искусству, но сведущ в свободных искусствах². Очень щедр и совсем не жаден. Отличался он двумя недостатками: был чересчур любострастен и несколько небрежен в заботе о правосудии. Галльские сеньоры

были связаны с ним и душевной склонностью, и клятвой. Даже Роберт, брат покойного короля Одона, человек большой отваги и весьма решительный, предложил королю свою военную службу. Король поставил его герцогом Кельтики и возложил на него все управление; почти четыре года он пользовался его советами и очень доверял ему³. Это он сопровождал короля в Нейстрию, он подчинял ему большие и малые города. Прибыв в город Тур, король щедро наделил св. Мартина многими талантами золота и серебра⁴. Упрашивая его служителей молиться за себя, он и сам молился ежедневно. Закончив там все дела, он вновь приехал в Бельгику и почтил св. Ремигия славными дарами. Затем, препоручив Кельтскую Галлию Роберту, он удалился в Саксонию, объехал ее города и поселки и подчинил их без сопротивления. Он поставил там главой надо всеми Генриха, человека знаменитого⁵, из королевского рода и местного уроженца. Без боя он подчинил сарматов. Англов и другие заморские народы⁶ привлек к себе своей удивительной милостью. Но так продолжалось только десять лет. Может быть, он и дальше был бы счастлив во всех своих предприятиях, если бы в одном не ошибся так сильно.

15. Чрезмерная привязанность Карла к Хаганону

Он обходился с сеньорами очень милостиво, но особое благоволение выказывал Хаганону¹, которого из среднего состояния возвел к могуществу; он один пребывал при короле, даже если сеньоры отсутствовали, и часто он, отстранив короля от обязанности защищать королевство, открыто возлагал ее на себя². Это навлекло на короля великое бедствие. Потому что знатнейшие мужи, терпя такое поношение, явились к королю и долго ему жаловались, что человек, рожденный от неизвестных родителей, наносит большой ущерб королевскому достоинству, помогая королю советами, в то время как последний пренебрегает знатью. И если король не откажется от этого обычая, то они сами удалятся из королевского совета. Король же, ничуть не вняв этим убеждениям, не отказался от своей привязанности.

16. Возмущение Роберта против Хаганона

Между тем, король, подчинив большие и малые города Бельгики, вернулся в Кельтику и остановился в городе Суассоне¹. Сюда собрались сеньоры со всей Галлии. Туда же съехались с большой охотой и менее знатные люди. Среди прочих был и Роберт, полагавший, что он находится в наибольшей милости у короля, так как тот поставил его главой над всей Кельтикой; но когда король заседал у себя во дворце, по его

приказу герцога посадили справа, а Хаганона, как равного, слева от короля. Герцог Роберт молча терпел такое поношение, что человека незнатного сочли равным ему и предпочли владетельным сеньорам. Умерив негодование, он затаил в душе обиду и ничего не показал королю. Однако он вскоре поднялся, ушел и стал держать совет со своими соратниками. Посоветовавшись с ними, он отправил послов уведомить короля, что он не может вынести, чтобы Хаганона равняли с ним и предпочитали первым людям в государстве. Что он видит оскорбление в том, что такого рода человек пребывает при короле, а знатнейшие из галлов отстранены от него, и если король не низведет его до подобающего ему состояния, то он безжалостно его повесит. Король отнесся к этим оскорблению немилостиво и ответил, что скорее сможет расстаться со всем своим советом, чем откажется от его дружбы. Роберт был чрезвычайно возмущен и, вместе со многими знатными людьми, вопреки приказу, уехал в Нейстрию и вернулся в Тур. Там много было разговоров об оскорблении, легкомысленно нанесенном королем, и он часто совещался со своими людьми о том, как ему самому захватить власть. Хотя он и поддерживал короля, однако сильно ему завидовал, так как полагал, что королевство должно было достаться ему по наследству от брата. Также он злоумышлял против Фулькона, реймского архиепископа², который наставлял короля с младенчества и возвел на трон. Ибо ему казалось, что как только тот погибнет, он с легкостью сможет возвратить королевство. На это он подстрекал Балдуина, графа Фландрии³ и тот, убежденный им, покинул короля и стал на его сторону.

17. Убийство архиепископа Фулькона¹

Когда король узнал, что происходит, он пошел на Балдуина и после долгой осады отнял у него крепость Аррас, чтобы передать ее вместе с аббатством св. Ведаста Фулькону, выше-названному архиепископу². Через некоторое время архиепископ, по причине далекого расстояния и неудобства для братьев, призвал графа Альтмара и принял у него аббатство св. Медарда³, которое держал этот граф, а взамен вверил ему, после соответствующих переговоров, аббатство св. Ведаста с крепостью Аррас. Это и толкнуло Балдуина на большую жестокость; охваченный тревогой, он решился на месть. Но притворялся другом архиепископу, посыпая к нему послов, чтобы заверить его в своей привязанности и присягнуть ему на верность. Однако в то же время он всячески старался разузнать, привык ли тот останавливаться в королевском дворце один

или с войском, замышляя нанести мощный удар, когда тот окажется в одиночестве.

В это время епископы Бельгики собирались к королю, чтобы посовещаться о государственных делах. Архиепископ тоже был приглашен и, желая ускорить путь, неосторожно выехал лишь с несколькими сопровождающими. И вскоре встретил он некоего Винемара, подосланного с когортой⁴ Балдуином. Так как при архиепископе было мало народу, он был задержан этой когортой. Никто не смог убежать. Их всех окружили и перебили, хотя обе стороны упорно сражались, и с обеих сторон были большие потери. Винемар, напав на архиепископа, пронзил его пикой и швырнул его свите, семижды раненого. Когда он наносил удар, некоторые из епископской свиты, движимые любовью к нему, заслонили его. Они сразу же были пронзены и убиты вместе с ним⁵. Четверо, однако, ускользнули и доложили о случившемся в Реймсе. Сразу же из города выступило большое и хорошо вооруженное войско и попыталось преследовать противников, но их уже упустили, и, подобрав своего убитого господина и его людей, с печальными воплями перевезли их в Реймс, где его торжественно погребли рядом с другими прелатами.

18. Смерть Винемара

Тем временем епископам, собравшимся у короля, вдруг доложили об этом происшествии. Это повергло всех в великую печаль. Сам король, утопая в слезах, сетовал на несчастье, постигшее архиепископа. Епископы изливали чувства в жалобных речах о смерти своего брата и сподвижника; начав совещание, они предали отлучению Винемара и его сообщников. И вскоре ему пришел конец, ибо Господь поразил его неизлечимой болезнью — гидропизией. У него раздулся живот, снаружи его палил медленный огонь, изнутри донимало сильное жжение. Ноги так распухли, что не слушались его. Его срамные места кишили червями, голени распухли и воспалялись, дыхание стало зловонным, а внутренности понемногу вытекали через прямую кишку. Кроме всего этого, он страдал от нестерпимой жажды. Он испытывал некоторое желание есть, но принятая пища вызывала в нем отвращение. Его также мучила постоянная бессонница. Он стал всем отвратителен, все его боялись. Друзья и домочадцы его покинули, тело его распространяло такой запах, что никакие врачи не в силах были приблизиться к нему, чтобы лечить. Так, разлагающийся заживо, отлученный от общества всех христиан, отчасти уже съеденный червями, этот негодный и нечестивый человек лишился жизни¹.

19. Избрание архиепископом Херивея

После того, как архиспископа Фулькона похоронили, Херивей, человек хорошо известный, из числа королевских приближенных, по единогласному решению епископов и с одобрения жителей Реймса, по воле короля унаследовал архиепископство¹. А если кто пожелает подробнее узнать, какими добрыми деяниями и каким благочестием процвела Реймская церковь при этих двух архиепископах, пусть прочтет сочинение священника Флодоарда, который весьма красноречиво описал историю города Реймса от его основания² и до правления этих прелатов. Став архиепископом, Херивей продолжал верно служить королю, борясь с изменниками. Так, Эрлебальда, графа ...³, который посягнул на достояние своего епископа и захватил город, называемый Мезьер, он, согласно церковному обычаю, сначала призвал образумиться, а затем наложил на него отлучение. Когда же проклятый отказался дать ему удовлетворение, пошел на него с большим войском и четыре недели донимал город упорной осадой. Эрлебальд, не в силах долее противостоять продолжающемуся натиску, тайно ускользнул из города вместе с несколькими своими людьми. А те из осажденных, кто остался, сразу открыли ворота и сдались архиепископу; тот их изгнал и поселил в городе своих сторонников, а также изгнал из округа беглеца Эрлебальда.

20. Стычка у Рейна и гибель графа Эрлебальда

Король отправился в район Вормса, чтобы встретиться с Генрихом Зарейнским¹. Туда же явился и граф Эрлебальд, чтобы пожаловаться на супровость архиепископа Рейнского. Генрих добросовестно занялся улаживанием дел с королем. Пока он был поглощен этим занятием, германские и галльские юноши, раздраженные незнанием языка, начали, как это у них в обычай, обмениваться дерзостями. Схватившись, они обнажили мечи и, напав друг на друга, нанесли тяжелые раны. Во время этой стычки и граф Эрлебальд, явившийся для разбора своего дела, был убит буйнами². Король, заподозрив измену, немедленно поднялся и удалился со своей свитой. Генрих же, сочтя это уловкой, вернулся на корабль, так как решил, что люди короля собираются переправиться через Рейн. А советники короля решили, что это он строит козни. Поэтому с тех пор его считали врагом Карла.

21. Изменники притворно убеждают Карла удалить Хаганона

Итак, Карлу угрожали с одной стороны Генрих, а с другой — герцог Роберт, и, находясь между ними, он подвергался

двойной опасности. Он уехал вглубь Бельгики и прибыл в город Суассон, где стал жаловаться своим соратникам на свои несчастья. Туда же из той части Бельгики, которая граничит с Кельтикой, собрались некоторые сеньоры. Но герцог Роберт, оказавшись неподалеку, остановился в Этампе и отправил во дворец послов, чтобы следить за ходом королевских дел. Те, кто явился к королю, оказались на стороне Роберта. Они, по его совету, стали настаивать, чтобы король отстранил Хаганона, но не для того, чтобы добиться этого, а чтобы Роберту предоставилась возможность захватить корону¹. Итак, они не слишком настаивали на удалении Хаганона, в сдержанных речах объявив, что если король не подчинится, герцог его покинет, поскольку рассчитывали, что король, успокоенный столь легким порицанием, не побоится настаивать на своем. Таким образом рассчитывали они получить законное основание для его отстранения от власти.

Все вышло по их желанию. Ибо король, ничуть не тронутый их увершеваниями, ответил, что ни за что не расстанется со своим любимцем и повторял это каждый раз. Когда герцог Роберт увидел, что тот тверд в своем решении, он начал переговоры с Генрихом Зарейнским о смешении короля. Он узнал, как тот был обращен в бегство королевскими людьми, поэтому дал ему клятву верности. Порадовавшись его согласию, тиран² немедленно начал усиленно готовиться к захвату королевства. Он много дарил, да и обещал бесконечно много. Тех, кого ему удалось склонить на свою сторону, он стал побуждать к открытой измене, говоря, что король уехал в Суассон, а белги, за исключением совсем немногих, его покинули. Поэтому, говорил он, обстоятельства благоприятствуют делу, уверяя, что можно легко и быстро захватить короля, если все они явятся во дворец, как бы на совет, и в опочивальне дворца, во время совещания, схватят короля. Это понравилось почти всем в Кельтике, и они поклялись тирану, что совершают это преступление. Прибыли во дворец и собрались на совет к королю; когда их пропустили в опочивальню, чтобы король их принял, они схватили его.

22. Архиепископ Херивей освобождает Карла, захваченного изменниками, и провожает его в Реймс

Они уже собирались уезжать, когда в город Суассон неожиданно прибыл архиепископ Херивей с войском. Тревожась за короля, он предугадал коварный поступок изменников. Сначала он явился с немногочисленным сопровождением, затем и все его люди были пропущены внутрь, с разрешения Рикульфа, епископа этого города. Окруженный воинами, вошел он в

совет окаменевших изменников и грозно спросил: «Где мой король?» Из них только немногие были в силах ответить, чувствуя, что их уличили. Они, собравшись с духом, ответили: «Внутри, совещается с некоторыми людьми». Архиепископ нашел ворота запертыми на засовы и, взломав их, увидел короля, сидящего в окружении нескольких человек. Ибо, захватив его, они приставили к нему стражей и заперли его. Архиепископ, взяв короля за руку, сказал ему: «Выходи, король, тебе лучше быть среди твоих друзей». Вот так архиепископ вызвал его из толпы мятежников. После этого король сел на коня, выехал из города в сопровождении тысячи пятисот воинов и прибыл в Реймс. После его отъезда изменники, охваченные стыдом и понимая, что их провели, явились к Роберту и доложили ему, что их измена имела мало успеха. А король Карл с архиепископом и еще некоторыми, которые ранее покинули его, но потом вернулись, вняв мудрым советам, уехал в Бельгику и остановился в Тонгре; так как здешний архиепископ только что умер, он посвятил в епископы¹, с помощью архиепископа Германа, Хильдуина, избранного клиром и одобренного народом, мужа достойного и решительного, но склонного к интригам. Затем, после того, как тот был посвящен в епископы, он собрал тех сеньоров Бельгии, которые помогали герцогу Роберту в смещении короля, и простил их многочисленные замыслы против себя. И еще король, следуя доброму совету, обратился через посредничество архиепископа Херивея к герцогу Генриху², который управлял всей Саксонией. Тот, подстрекаемый Робертом, бросил короля вместе со всеми остальными.

23. Речь Херивея, архиепископа Реймского, перед Генрихом в пользу короля Карла

Представ перед ним, архиепископ от имени короля начал так: «До сих пор, о благороднейший муж, твоя мудрость, твое милосердие служили процветанию мира между сеньорами и согласию между всеми. Но с тех пор, как ты допустил в свою душу зависть, свойственную негодяям, вокруг тебя свил гнездо великий раздор. Поэтому господин наш король и просил меня приехать и увершевать тебя. До сего времени он восхищался немало твоими заслугами. Твоя доблестная верность, признанная им, помогала ему, внушала ему великое доверие к тебе во время многочисленных испытаний. Хотя король обленен всей полнотой власти, он не отрицает, что несколько ошибся в отношении тебя, но искренне намерен это исправить. Ведь его ошибка не столь велика и такое случалось и ранее. Каждый изредка ведет себя безрассудно, но добрые лю-

ди исправляются, внимая доводам рассудка. К таким вещам следует относиться милосердно и прощать их.

Ты же, первый среди германцев, сильно уклонился от верного пути. И это не удивительно. Ибо герцог Роберт, всегда жаждущий заполучить королевство и завидующий королю, соблазнил тебя, неосторожного, своими речами. Эти ли убеждения не достигли цели? Говорю вам, оба вы сильно сбились с истинного пути. Пусть же наконец лучший из вас вернется к добродетели. Оба вы должны предпринять все возможное, чтобы ты нашел короля в высшей степени к тебе расположенным, а король возымел в тебе человека достойнейшего.

Ибо он желает, чтобы ты стоял во главе всех, кто населяет Германию¹. Взываю к лучшим сторонам твоей души, вернись к государю, которого ты оставил, и ты будешь им принят и возвеличен».

24. Ответ Генриха архиепископу Херивею насчет Карла

На это Генрих ответил так: «По многим причинам мне не следовало бы соглашаться, если бы уважение к твоей добродетели, святой отец, не толкало меня на это. Знаю, как трудно давать советы тому, кто так непостоянен, кто окружен столькими завистниками. Не забыл я и сколько раз сражался я прежде за его дом. Вам хорошо известно, как он нарушил ту верность, какой был мне обязан¹. Может быть, отец, ты убеждаешь меня, чтобы я совершил то, о чем могу пожалеть, но так как никогда не будет более никого столь ловкого, и столь благородного, как ты, хотя чаще имеют успех дурные, нежели добрые советы, я сделаю то, что ты велишь, и моя покорность склонится перед твоим высоким саном. Хотя я и был намерен отказать королю в моих советах, моих дарованиях, моей военной помощи». Итак, Генрих, убежденный архиепископом, прибыл к королю и был принят с большими почестями, и оба заключили дружеский союз.

25.

После этого Хильдуин, епископ Тонгра, был обвинен в заговоре с теми, кто отклонился от короля, и в том, что вел против него враждебные действия; король пошел на неговойной. Сила этой вражды подвигнула Рихера, аббата Прюмского монастыря, отречься от Хильдуина. Но Рихер, которому король даровал епископство, стал подвергаться преследованиям со стороны архиепископа Хериманна¹ за то, что противозаконно принял от короля епископство через голову того, кто его держал и чья вина не была подтверждена признанием, кто не был осужден по закону. Тогда он по приказу короля поспешил

в Рим и там изложил папе Иоанну² решение короля и сущность своего дела. Папа, возмущенный предательством Хильдуина, освободил его от сана и предал анафеме, а Рихера расположил в епископы и даровал ему свое благословение. Во время этих событий приехал и Хильдуин, впustую разливаясь речами перед папой и стараясь добиться отмены приговора. Пока он плакался, Рихер возвратился и занял опустевшую кафедру.

26.

Тем временем Карл возвратился из Бельгики. Было объявлено, что по постановлению короля и по приказу архиепископа в Трозли состоится собор для решения многих неотложных дел¹. На этом соборе председательствовали архиепископ Херивей и король. После того, как важные дела были рассмотрены², архиепископ Херивей, благодаря заступничеству короля и по единодушной просьбе присутствовавших на соборе епископов, снял отлучение с вышеназванного графа Эрлебальда³.

Тогда же, так как Родульф, епископ Лана, умер, рукоположили в епископы Аделельма, казначея того же города, по воле короля и с согласия епископов.

27.

Совершив все это с успехом и пользой, король вернулся в верхнюю Бельгику, чтобы призвать к порядку некоторых своих людей. Он пошел войной на графа Рихуина¹, который, и без того будучи предателем, держал сторону Роберта. Он осадил его города и вел открытую войну. И тот, понеся серьезное поражение от мощной королевской конницы, дал заложников и вернулся к королю. Король, приняв побежденного, смягчил гнев в душе и отнесся к нему милостиво.

28.

В это время Роберт, герцог кельтской Галлии, яростно сражался с пиратами. Они неожиданно вторглись в Нейстрию во главе с Роллоном¹, сыном Катилла, уже переправились через Луару и безнаказанно опустошали его владения. Они разбредались повсюду, потом их свирепые шайки возвращались на корабли. Герцог собрал войско со всей Нейстрии, призвал многих из Аквитании. Наконец, явились и присланные королем когорты, которые вел вышеназванный Рихун². Аквитанскими легионами командовал Далмаций³, нейстрийскими же руководил сам герцог Роберт, и все герцогское войско составляло 40 тыс. всадников. Далмация с аквитанцами он поставил на передовой линии, затем поместил вспомогательные отряды белгов⁴ и нейстрийцев. Герцог лично обезжал легионы, и,

называя по именам наиболее выдающихся воинов, убеждал их помнить о своих доблестях и благородстве, уверяя их сражаться за родину, за жизнь, за свободу и не тревожиться о смерти, ибо никому не известно, когда она придет; если же они побегут, то враг им ничего не оставит. Такими и другими речами воодушевлял он воинов⁵. Сказав это, герцог, выстроив войско, повел их к месту, где должно было состояться сражение⁶.

29.

Вражеское войско, с которым предстояло биться, тоже готовилось к бою с немалой храбростью. Это войско, состоявшее из 50 тыс. воинов выстроилось, чтобы встретить нападающих. Герцог Роберт с тысячей отборных воинов присоединился к Далмацию на передовой линии, подвергая себя наибольшей опасности. Итак, он шел с Далматией и аквитанцами. Пиратские легионы вытянулись в линию; они выстроили свое войско в виде прибывающей луны, чтобы, яростно атаковав врага, окружить его, а затем те, кто находится на концах полумесяца, напав с тыла, перережут их, как скот.

30.

Когда обе стороны были готовы, каждое войско, подняв знамена, ринулось в бой. Роберт с нейстрийцами, Далмаций с аквитанцами достигли пиратских легионов, и немедленно те, кто находился на флангах, напали на них с тыла. Тут неожиданно вступили в сражение и белги¹ и стали избивать пиратов, которые атаковали с тыла их союзников. И нейстрийцы наступали весьма свирепо. В этой схватке аквитанцы, окруженные пиратами, с большими усилиями обратили их в бегство и преследовали, а на тех, кто стоял с краев, насыдали белги, пока вернувшиеся аквитанцы их не перебили. Уцелевшие сложили оружие и громкими криками молили сохранить им жизнь. Роберт просил удерживаться от чрезмерной резни и настаивал, чтобы ее прекратили. С трудом удержал он от резни войско, возбужденное столь блестящим успехом. Когда волнение улеглось, тех из них, кто показался им предводителями, герцог взял в плен, а остальным разрешил вернуться на корабли при условии, что они дадут заложников.

31.

Итак, одержав победу и распустив войско, Роберт отоспал пленников в Париж. Спросив их, не христиане ли они, он узнал, что никто из них не является приверженцем какой-либо религии такого рода. Отправленные для наставления к почтенному священнику и монаху Мартину, они были обращены

в христианскую веру. Обнаружилось, что среди тех, кто вернулся на корабли, были как христиане, так и язычники, и эти, также наставленные вышеназванным мужем, были допущены к спасительным таинствам, после того, как герцог получил их заложников.

32.

Во время подготовки к их крещению герцог поручил Виттону, архиепископу Руана, их наставлять. Виттон же, не довольствуясь своими познаниями, отправил Херивею Реймскому письмо, в котором спрашивал его, каким образом и с помощью каких приемов может быть принят в лоно церкви никогда неверный народ. Архиепископ Херивей, стремясь тщательно в этом разобраться, повелел собрать епископов, чтобы, выслушав различные мнения, легче разрешить дело.

33.

И в назначенный день начался собор. На нем прежде всего беседовали с пользой и со знанием дела о мире и религии святой Божьей церкви и о положении дел в королевстве франков, а затем горячо спорили об обуздании пиратов. Решено было испросить об этом божественный разум, и все постились в течение трех дней. Обратились и к господину папе, чтобы, призвав божественное вдохновение с помощью трехдневного поста и смиренно следя совету папы, успешнее разрешить дело. Просмотрев решения отцов церкви, достопочтенный архиепископ Херивей разумно и с толком составил сочинение в 24 главах¹, излагающее, как обратить в свою веру варваров. Это сочинение он отправил почтенному Виттону Руанскому. Получив его, тот успешно довел дело до конца.

34.

В то время Рагенерий, знатный муж консульского достоинства¹, по прозвищу Длинная шея², пораженный болезнью, лишившей его телесного здоровья, скончался во дворце в Мерсене³. Его смерть повлекла за собой великие бедствия в Бельгии. Говорили, что присутствовавший на его похоронах король Карл сказал со слезами на глазах: «Увы, из великого ты стал ничтожным, ты значил так много, а получил так мало!» — показав сперва на тело, а потом на надгробный памятник. Похоронив его, король в присутствии сеньоров милостиво передал отцовское достояние его сыну Гислеберту, уже вышедшему из отрочества.

35.

Гислеберт, человек из знатнейшего и прославленного рода, имевший счастье взять в жены Гербергу¹, дочь Генриха, гер-

цога Саксонского, вел себя по неопытности безрассудно, в сражениях проявлял такую отвагу, что не боялся добиваться недостижимого; роста он был среднего, крепок телом, с грубыми и сильными членами, с негнущейся шеей, со взглядом недружелюбным, тревожным и настолько быстрым, что никто не мог запомнить цвет его глаз, с беспокойными ногами и легковесным разумом. Его речи были неясными, вопросы — непонятными, ответы — двусмысленными; отдельные части его речи редко были последовательными; свое добро он расточал, алкая чужого неимоверно; ему нравилось быть окруженным людьми выше его по положению и равными себе, но втайне он завидовал им; его очень радовали беспорядки и взаимные распри².

36.

Вот такой человек питал необычайную ненависть к королю. Конечно, он замышлял свержение короля и часто внушал это лучшим людям Бельгики; он даже желал добыть королевство себе самому, а не Роберту, раздавая почти все свое добро сеньорам. И знатным людям он открыто дарил поместья и прекрасные дома, незнатных же успешно соблазнял талантами золота и серебра. Таким образом он добился того, что многие из Бельгики были во всем с ним согласны. Но действовал он неосторожно и необдуманно. Ибо хотя великой щедростью он привлек к себе многих сторонников, однако не обязал их клятвой исполнить задуманное злодеяние. Поэтому они легко встали на его сторону, но так же легко потом его бросили.

37.

Карл, узнав об этом, вернулся с войском из Кельтики и намеревался объявить войну белгам, а белги не желали сражаться вместе с Гислебертом в открытом поле, но заперлись в городах и крепостях. Король направил послов к каждому из тех, кто ему изменил, и объявил через них, что он королевской властью торжественно жалует им полученные от Гислеберта поместья и дома, если они будут сражаться против Гислеберта на стороне короля, буде он пожелает отнять у них что-либо из своих даров. Уразумев это, они быстро вернулись к королю и дали ему клятву, зная, что все пожалования, полученные от Гислеберта, будут прочно закреплены за ними королевским дарением. Поэтому, отступаясь от Гислеберта, они решительно возвратились к королю и сражались вместе с ним против Гислеберта.

38.

А Гислеберт заперся с немногими людьми в городе Харбурге¹, который защищен с двух сторон реками Маасом и Гель, а спереди — огромным ущельем и густыми зарослями терновника. Король с войском поспешил туда и осадил город, действуя с двух сторон с помощью кораблей, а с третьей стороны используя конницу. Пока длилась осада, Гислеберт ускользнул на корабле. Захваченные жители города подчинились королю. Гислеберт же, лишенный отцовского наследства, с двумя своими клиентами² пересек Рейн и провел несколько лет у своего тестя Генриха как изгнаник. По прошествии этих лет Генрих стал убеждать короля вновь призвать Гислеберта и вернуть ему королевскую милость на том условии, чтобы, не нарушая королевского распоряжения о розданных бенефициях, Гислеберт по воле короля забрал те из них, владельцы которых умерли за время его изгнания.

39.

Вернувшись из изгнания, он приобрел с помощью Генриха милость короля, однако на уже упомянутом условии, что из бенефициев, которые он так неумеренно раздавал, откажется от тех, владельцы которых живы, а в тех, чьи владельцы за это время умерли, он будет восстановлен королевской милостью. Итак, он вновь получил то, что осталось свободным после умерших, а именно большую часть своего имущества: Маастрихт, Юпию, Геристал, Мерсен, Литту, Шевремонт. Совершив это, король Карл вернулся в Кельтику, чтобы подготовить войска для сражения с норманнами, которые беспокоили морскую границу Галлии. Так как Генрих тоже ушел за Рейн, в поход против сарматов¹, Гислеберт сильно притеснял и угнетал тех, кто получил от короля дарения. Одних тайно убивая, других постоянными нападками вынуждая оставить свое имущество, он так преуспел, что вернул все свое достояние и вновь стал злоумышлять против короля. Он явился к своему тестю и стал настраивать его против короля, утверждая, что королю достаточно и одной Кельтики, а Бельгика и Германия нуждаются в другом короле. Поэтому многократно он убеждал его короноваться самому. Генрих же осуждал его преступные увершования, сопротивлялся, как мог, этим убеждениям и постоянно уговаривал его отказаться от недозволенного².

40.

И Гислеберт, не преуспев со своим тестем и видя, что он не может захватить королевство, уехал в Кельтику, пробрался в Нейстрию и держал там совет с герцогом Робертом о том же

деле, уговаривая его завладеть королевством и свергнуть Карла. Обрадовался один тиран и сразу же одобрил замыслы другого тирана. Итак, оба тирана вели переговоры и затем скрепили клятвой исполнение задуманного¹.

41.

В заранее назначенное время, когда король уехал в Льеж и жил там как частное лицо, Роберт прибыл в город Суассон. Владетельные сеньоры съехались к нему со всей Кельтики и совещались, на каком основании они свергнут короля. Не отсутствовал и Гислеберт из Бельгики, который кричал, что надо сразу и без разговоров избрать королем Роберта. Общим решением всех собравшихся Роберт был избран и с большими почестями отвезен в Реймс, где и коронован в базилике св. Ремигия. Через три дня после его коронации Херивей, Реймский архиепископ, умер после длительной болезни¹. Будь он в то время здоров, не представилась бы возможности для такого преступления. Ему сразу унаследовал Сеульф, которого поставил Роберт, ранее он выполнял в том же городе обязанности архиdiaкона и был человеком решительным и известным своей ученостью.

42.

Между тем Карл, поняв, что его покинули все галлы, за исключением лишь немногих белгов, жаловался на свое несчастье лучшим из своих людей, которые ему не изменили. Несчастным называл он себя, ведь беды так теснят его, что если бы внезапная смерть смежила бы его веки, был бы он избавлен ею от все призывающей печали; что ему легче погибнуть от меча, чем быть лишенным королевства самозванцем, а после потери королевства ему остается только удалиться в изгнание. В этих обстоятельствах ему приходится вспомнить о тех, кто всегда пользовался наибольшей любовью, о тех, с кем он долго жил бок о бок, о тех, кому он не причинял никакого зла, чтобы заручиться их поддержкой.

43.

На это они ответили: «Пагубно, о король, дав клятву, покинуть своего господина и в высшей степени преступно воевать против господина. Если уж речь идет о предателях и перебежчиках, то, если вдуматься в значение этих слов, уже из них ясно, что все, что они замышляют, направлено против закона и порядка. Поэтому, без сомнения, если придется воевать с ними, то они не избегнут божьего возмездия. И ты знаешь точно, что не вернуть тебе королевство, если не объявишь войну тирану; не вступишь вновь в захваченное коро-

левство, если не проложишь себе дорогу железом¹. И так как теперь положение дел требует войны, нам следует принести тебе присягу, чтобы, поклявшись, мы не колебались более. Затем надо избрать по меньшей мере 50 человек, которые сразу пробьются к тирану и окружат его прочным заслоном, чтобы, когда неистовство сражения возбудит одних против других, они, улучив момент, убили тирана. Ибо какой смысл убивать прочих, если уцелеет источник зла?» И в полном согласии они поклялись исполнить задуманное против Роберта.

44.

И сразу королевским приказом из Бельгии были вызваны все, кто не изменил королю. Когда все они собрались, их число, говорят, едва доходило до 10 тыс.¹ Однако после смотра ни один из воинов не был признан негодным. Все были крепки телом и искусны в бою, все единодушно рвались в сражение с тираном. Сопровождаемый ими король выступил против врага через Кондре и Асбен. Они вступили в захваченное королевство и вошли в старую королевскую резиденцию Аттины, где войско некоторое время отдыхало, затем двинулись на врага.

45.

Приблизившись к силам тирана, Карл подготовил свое войско к сражению, выставив вперед 6 тыс. сильнейших воинов. Командовать ими он поручил герцогу Фульберту¹, мужу консульского достоинства. Сам он решил встретить первый написк нападающих в окружении 4 тыс. воинов². После этого король, разъезжая по отдельным легионам, усердно побуждал к сражению командиров, воодушевляя выстроенное войско с помощью различных доводов; а затем выступил к тому месту, где должно было начаться сражение. Переправившись через реку Эну, он направился к городу Суассону, так как там собирали свое войско тиран. Его армия состояла из 20 тыс. воинов. Но король собирался вступить в бой осторожно, и, согласно убеждению епископов и других мужей церкви, которые ему помогали, было решено, что король не будет участвовать в сражении, чтобы в смертельной схватке не сгинул вместе с ним королевский род. И военачальники и воины заставили его согласиться. Подчинившись, король поручил командовать 4-мя тыс. воинов, которые он вел, мужу консульского достоинства Хагральду³. Он убеждал их, что они вымолят у Бога помочь, что им нечего бояться, что незачем сомневаться в победе. Уверял их, что изменник сможет продержаться едва ли мгновение. Бог проклял такого рода дела, Он ни во что не ставит гордыню, поэтому как выстоит тот, кого Он не защитит? Как воспрянет тот, кого Он низверг? Так он говорил.

После этого в сопровождении епископов и людей церкви он поднялся на гору, где находится церковь, посвященная св. Геновеве⁴, напротив места битвы, чтобы оттуда наблюдать за ходом сражения. Тем временем подошло собранное войско и решительно и быстро двинулось на врага. Прибыл и тиран, не менее решительно настроенный, но с большим числом легионов.

46.

Завидев друг друга, оба войска с громкими воплями бросились в атаку, подняв знамена¹. В схватке пало бесчисленное множество людей. И король Роберт, которого нельзя было узнати в военном облачении, отважно сражался по всему полю, так что заговорщики заметили его и стали спрашивать, не он ли это. И тут он, бесстрашный, вдруг открыл спрятанную бороду, показав, что это точно он², и с огромной силой метнул копье в графа Фульберта. Тот попытался отразить удар и был поражен наискось в правую руку. И так Роберт нанес ему тяжелейшую рану в бок, пробив рукав кольчуги, и пронзил его через печень, легкое и левый пах до самого щита; тут заговорщики окружили короля, поразили семью пиками, сбросили на землю и убили. А Фульберт умер тут же, на поле боя, от потери крови.

После смерти Роберта между двумя войсками началась такая резня, что, по словам пресвитера Флодаарда, с их стороны пало 11 тыс., а со стороны Карла 7 тыс. 118 человек³. И уже казалось, что победа за Карлом, так как после смерти тирана его войско стало отступать; и Хугон, сын Роберта⁴, едва возмужавший, приведенный к месту сражения Херибертом⁵, прикрывал их отступление. Он пришел с войском, но поскольку понял, что все полагают, что его отец убит и герцогу не на кого положиться, то уклонился от прямого участия в сражении. Следует заметить, однако, что он занял поле боя без сопротивления и оставался там некоторое время, стараясь отбить у противника военную добычу. Поэтому он считал победителем себя, а Карл полагал, что это он одержал победу благодаря гибели тирана.

А потому было неясно, кто же победил, ибо, хотя кельтские изменники и покинули убитого короля, но Карл не получил никакой добычи. Разграбить захваченное не смог ни тот, ни другой⁶. Не то, чтобы Карл упустил такую возможность, но, не испытывая никакого желания грабить, он удалился. И изменники, полностью отчаявшись из-за потери большей части своего войска, сразу, без добычи, отступили в Бельгику, предполагая затем удалиться в более дикие края.

В это время в Камбрези произошло землетрясение, и некоторые дома разрушились⁷. Можно было увидеть в этом знак беды, ибо первому мужу в королевстве предстояло быть захваченным против закона и провести все оставшиеся дни своей жизни в темнице. Дело в том, что Карл замыслил военные действия и готовил большое войско к походу в Галлию, внушив тем самым галлам великий страх, смущивший их души. Карл, подозревая это, старался договориться с ними через по-слов и убеждал их различнейшими доводами. С норманнами он тоже договорился настолько успешно, что они поклялись королю в верности и обещали воевать за него, если он прика-жет⁸. Однако когда они были готовы воевать вместе с королем, их задержали нападения галлов. Поэтому и их поддержки ко-роль был лишен.

47. Избрание королем Радульфа и пленение Карла

Галлы, продолжая упорствовать в исполнении своих за-мыслов, пригласили в город Суассон Радульфа¹, сына Ричарда Бургундского, мужа решительного и немало осведомленного в науках, и, приветствовав его громкими криками, поставили над собой королем². А Хериберт, зачинщик этого зла, желая схитрить, снесся с Карлом через послов, уверяя его, что он хотел сопротивляться совершению таких злодеяний, но был принужден множеством заговорщиков; тогда у него не было случая открыть свои намерения, теперь же он придумал наи-лучшее средство. Поэтому пусть король скорее приедет туда, где пожелает с ним встретиться, однако с небольшой свитой, так как если с ним будет много народа, взаимная вражда про-тивников приведет к войне. Что же касается безопасности ко-роля в пути, то, если ему будет угодно, пусть примет присягу у этих послов. Доверчивый король, приняв у послов клятву верности, не откладывая поехал без своих людей на перегово-ры с предателем. Предатель, скрывая свои козни, равным об-разом явился с немногими людьми; обменявшись поцелуем, они увлеклись дружеским разговором. Во время переговоров он вызвал из укрытия когорту вооруженных воинов и напра-вил против беззащитного короля. И тот, не имея возможности сопротивляться такому количеству людей, был захвачен этой когортой; из спутников короля одни попали в плен вместе с ним, других убили, а оставшиеся бежали; короля отвезли в Перонну³, заключили в темницу и приставили к нему стражу. Германцы, лишившись короля⁴, вели себя по-разному. Одни старались вернуть свободу своему господину, другие, утратив надежду, перешли на сторону короля Радульфа, однако не поклялись ему в безоговорочной верности.

Первые, долго ожидая освобождения господина, часто приходили к предателю Хериберту, чтобы выяснить, кто же нарушил клятву, и жаловались на его дурных сообщников. Но они не смогли ни убедить его изобличить клятвопреступников, ни заставить его покраснеть от стыда; однако гнев Божий его погубил.

48. Изъятие дани, предназначенной для пиратов

В это время пираты вторглись в Галлию, разорили ее, захватив много крупного и мелкого скота и много добра, и увезли множество пленных, так что она совсем обезлюдела. Король, опечаленный этим набегом, посоветовавшись со своими людьми, повелел собрать дань, которая будет передана врагам по мирному договору. Когда дань собрали, с общего согласия был заключен договор, и пираты ушли восвояси. Король, занимаясь этим, не забывал о других делах. Он подготовил войско к походу в Аквитанию, против герцога Вильяма¹, т.к. тот отказался подчиниться ему. В удобное время он уже был с войском на Луаре. Но Вильям, не имея возможности сразиться со столь большим войском, поспешил отправить послов к вторгшемуся в его пределы противнику; и они, разделенные рекой, целый день слушали переговоры послов. Наконец, на другой день они разошлись, обменявшиесь клятвами.

49. Сражение короля Радульфа с пиратами и их бегство

По возвращении оттуда короля застигла жестокая лихорадка в городе Суассоне. Когда он уже оправлялся, и кризис миновал, болезнь вновь обрушилась на него со свежими силами. Потеряв надежду на выздоровление, он приказал отвезти себя в Реймс к св. Ремигию. Принес большие дары, по прошествии месяца вполне выздоровел и отправился в Суассон, чтобы позаботиться о другом. Пока король совещался там с сеньорами о государственных делах, прибыли послы и известили его, что пираты, нарушив клятву, вторглись в Бургундию и что у них состоялось сражение с графами Манассией¹ и Варнерием², а также с епископами Иосельмом³ и Ансегизом⁴, и те потерпели такое поражение, что 960 человек из них было перебито у горы Калаум, многие взяты в плен, немногие уцелевшие спаслись бегством, а Варнерий, под которым убили коня, умер, пронзенный 10-ю ударами. Встревоженный этим, король посвятил весь следующий день переговорам, а на третий день королевским эдиктом повелел созвать новобранцев из ближней части Галлии в течение 15 дней и повел их на врага, переправившись через Сену. Пираты, намереваясь сопротивляться, вернулись и собирались в своем лагере. Галлы, пресле-

дуда отступающих, поджигают лагерь и в свирепом натиске сражения избивают побежденных. Одни сбежали посуху, другие ускользнули на кораблях, трети сгорели вместе с лагерем, остальные пали в сражении в количестве 3-х тыс. человек. Те, кто убежал, затем собирались в некоем своем укреплении, расположенном на берегу моря и называемом Э.

50. Смерть пирата Роллона и избиение его людей¹

Их предводитель Роллон, собрав в укреплении достаточно войска, готовился объявить войну. Король, уже успевший удаститься оттуда, повел на подстрекателя свое войско, не замедлив собрать его. Он пришел к укреплению и, осадив его, стал разрушать окружавшие его стены. Взобравшись на стены, новобранцы бросаются на врага и захватывают укрепление², избивают всех мужчин, женщин жалеют и не трогают, а укрепление разрушают и предают огню. Воздух сгустился и потемнел от дыма пожаров и в ужасной мгле некоторые из пиратов убежали и заняли соседний островок. Наступающее войско немедленно двинулось на них и победило их в морском сражении. Пираты, потеряв надежду на спасение, стали бросаться в волны; одни утонули, другие выплыли, но были перерезаны сторожевыми отрядами, некоторые, охваченные страхом, поражали себя своим же оружием. И так, всех перебив и захватив немалую добычу, король вернулся в Бове и остался там.

51. Опять об избиении пиратов

Услышав, что вокруг Артура беспокоят другие пираты, король, собрав войско из тех, кто жил в приморских областях, внезапно напал на них. Пираты не смогли объединить свои силы, были оттеснены наступавшим войском и под их натиском старались укрыться в некоем заросшем лесом ущелье. Войско окружило и теснило их. Они же, предприняв ночью вылазку, ворвались в лагерь, но, будучи окружеными войском, покорились своей печальной судьбе. Говорят, там было убито 8 тыс. пиратов¹. В свалке король был ранен между плечами, а Хильдегард, граф знатного рода, — убит, также, как и некоторые другие, не столь известные люди. Одержав победу, король вернулся в Лан.

52. Лунное затмение

В то время луна, находясь в четырнадцатой фазе, затемненная расположением земли, пропала с глаз людских¹; в Реймсе также видели в небе пылающие острия. Возвещенные этими знаками², вдруг объявились недуги, сопровождавшиеся лихорадкой и кашлем. Поэтому многие, смертельно пораженные ими, скончались. В это же время разгорелась вражда меж-

ду королем и Херибертом, который содержал под стражей Карла, так как Хериберт слишком много требовал от короля, король же ничего этому ненасытному не давал.

53. Карл освобожден Херибертом

Хериберт, желая устрашить короля, вывел короля Карла из темницы и отвез его в округ Вермандуа, не для того, чтобы вернуть ему королевство, как подобало бы верному подданныму, но чтобы его освобождением вызвать ужас у тех, кто подозревал его. Призвали норманнов, они собрались у городка Э и отправились к нему; сын пирата Роллона¹, об убийстве которого уже рассказывалось², попросился на службу к королю, посулил сохранять верность ему и скрепил свои слова клятвой.

54. Отвергнутое постановление, посланное папе Херибертом против Радульфа

С тех пор Хериберт, завидуя королю Радульфу, всячески злоумышлял против него. Поэтому, прибыв в Реймс с Карлом, он отправил в Рим послов просить за него и послал папе Иоанну¹ письмо, в котором объявлял, что в заговоре против Карла он лично не участвовал и не был свидетелемговора, примкнул же к заговору против воли, поэтому он весьма сильно желает, чтобы на троне был восстановлен Карл, невиновный и свергнутый беспричинно. И не он один питает такие чувства относительно этого, но и некоторые знатнейшие люди, за исключением тех, кто был подкуплен большими дарами. Поэтому пусть папа апостольской властью прикажет восстановить на троне свергнутого короля, а тех, кто посмеет противиться его предписанию, подвергнет вечному отлучению; и пусть направит епископам и сеньорам Галлии и Германии послание, содержащее и благословение для добрых людей и проклятие мятещикам.

Послы поспешили в Рим, но, преодолев трудный путь, не выполнили своих поручений. Ибо папа, захваченный префектом, с которым был в великом раздоре, содержался им в заключении и под стражей². Поэтому, не добившись цели посланства, они вернулись в Галлию. Хериберт же, увлеченный другими делами, старался заключить союз с Хугоном, сыном Роберта. Он привлек его к себе убеждениями и привязал к себе по договору. Итак, успешно уговорив Хугона, он вернулся к Радульфу и, помирившись с ним, провел у него некоторое время. Добившись от него больших милостей, он, чтобы выказать себя верным исполнителем королевской воли, сразу вернул Карла в Пероннскую темницу.

55. Хериберт получает от короля Реймское архиепископство

Он просил у короля пожаловать ему Реймское архиепископство на имя его сына, еще ребенка, и получил то, чего желал¹. Потому что священной памяти архиепископ Сеульф расстался с жизнью². Но так как нежный возраст не позволял мальчику³ принять на себя священные обязанности, некий Оделрик, изгнанный натиском пиратов из епископства Экс, был назначен управлять вместо него. Ему предоставили для его собственных нужд аббатство св. Тимофея мученика и сверх того определили содержание, как у каноников. Тем временем король Радульф, желая показать, что его совесть спокойна, прибыл туда, где был заключен Карл. Там, выслушав его многочисленные жалобы на свои несчастья, попросил его смиренно, если он его обидел, простить ему. И поскольку, приняв королевский венец, он не мог от него отказаться, то вернул ему имущество, которым тот владел по закону, а именно королевские резиденции в Аттины и Понтионе, и потом вернулся в Суассон.

56. Смерть Карла

После этого Карл, охваченный тоской и печалью, впал в истощение и, испытывая воздействие вредных соков, в расслабленном состоянии лишился жизни¹. А король Радульф, извещенный послами, что пираты ворвались в Аквитанскую Галлию, раздумывал, каким образом напасть на них.

57. Сражение короля с пиратами и их бегство¹

Собрав королевским эдиктом из кельтской Галлии всех, кто годился к военной службе и многих белгов, он снаряжает 12 когорт. Пустившись с ними в путь, достигает Лиможа и выстраивает там легионы; пираты, не выдержав натиска конницы, пытаются спастись бегством, но отброшены аквитанскими легионами. Король, преследуя их со своими когортами, почти всех истребил в жестокой сече, лишь немногие смогли ускользнуть и сбежали. А из раненых его воинов некоторые оправились от ран, а некоторые умерли. И случилось так, что аквитанцы, в благодарность за милость короля, с радостью предпочли подчиниться ему и поклялись в нерушимой верности. С успехом достигнув этого, король увел войско и распустил созванных воинов.

58. Ссора Хериберта и Хугона

Пока это происходило, между Хугоном и Херибертом¹ началась ссора из-за архиепископской кафедры, и они нападали друг на друга, учиняя грабежи и поджоги. Король, гневаясь на

Хериберта, и зная, что вероломство того изобличено, становится на сторону Хугона, и, помогая ему, подходит к крепости Хериберта под названием Денэ, осаждает ее, берет и разрушает. Также он взял посредством осады и Аппас, пленил его жителей и заставил их дать клятву. Потом король отступил, и, когда он полагал, что может быть спокоен, Хериберт, собрав германцев, что обитают по берегам Рейна, пошел на короля и учинил страшные пожары и грабежи, наводя на всех ужас; сверх того он берет, занимает и разрушает крепость Хугона, которая стоит на быстрой реке Вель и называется Брен.

59. Приготовления короля против Хериберта

Претерпев от него это оскорблесние, король стал думать, как уменьшить его могущество. Итак, он отправил к жителям Реймса послов и повелел им избрать архиепископа, а если они этого не сделают, он сам его поставит против их желания. И жители, получив королевское распоряжение от послов, ответили через собственных послов, чего они хотят и что думают, а именно, что они по приказу короля приняли и избрали архиепископом сына Хериберта, хотя он еще ребенок, и поклялись ему в верности, поэтому невозможно, чтобы они, нарушив клятву, покинули его. Король, поняв, что горожане взяли сторону Хериберта, собрал войско и внезапно подступил к городу. Когда его отказались впустить, он установил осаду и жестоко донимал сопротивляющихся горожан. Они же, угнетенные многочисленными атаками, на третью неделю открыли ворота и просили о милости¹. Войдя в город, король, отдав некоторые распоряжения и посовещавшись со своими людьми, собрал горожан и держал перед ними такую речь:

60. Речь короля Радульфа в свою пользу перед жителями Реймса

«Я думаю, вам хорошо известно, сколько убийств и грабежей претерпело государство за последнее время от шайки злодеев. И быть того не может, чтобы там, где столь свирепо сражаются, вы остались незатронутыми и позабытыми. Теперь, когда все то, что вам необходимо, частью разграблено, а частью сожжено, терпите вы это бедствия. Не только достояние всего государства, но и ваше частное имущество изо дня в день расхищалось этим ужасным палачом Херибертом. Поэтому, я полагаю, вам следует общим решением избрать себе пастыря, ибо сын тирана еще мал и не может вас устроить, а канонические правила не допускают, чтобы церковь столь долгое время оставалась без пастыря. Это не навлекает на вас никакого позора, так как вы были побеждены и захвачены

войной силой, и перейти на другую сторону вас заставила необходимость. Я признаю, что вы в этом деле ошибались не так, как я. Я сожалею, что так поступил. Следует и вам показаться, ведь вы сами стали причиной своих убытков. Поразмыслите над несчастьем, которое вас поразило. Подумайте также об успехе в делах, который последует, если вами будет управлять добрый пастырь».

61. Избрание Артольда

Горожане, убежденные королем, последовали его приказу. Итак, по воле короля монах Артольд из обители св. Ремигия¹, избранный с общего согласия, в назначенное время наложением рук епископов и королевским пожалованием был посвящен в епископы. Он, всегда поступая благоразумно и решительно, был очень полезен своим согражданам и, делая добрые дела, приобрел их большую любовь.

62. Пленение Бовона, епископа Шалонского, и взятие крепости Лана

Тем временем королевские соратники случайно захватили в дороге Бовона Шалонского, так как он был изменником и отложился от короля, и отвезли его к королю. Его вина была изобличена перед королем его сообщниками, он был осужден и брошен в тюрьму. Совершив это и продолжая преследовать заразу, занесенную Херибертом, он, призвав Хугона, поспешил с 8 тыс. в Лан¹. Там он донимал Херибера длительной осадой, и тот попросил короля позволить ему покинуть это место, так как ему не хватало и военных сил, и продовольствия. Получив от короля разрешение, он со своими людьми вышел из города, оставил жену² в построенной им крепости, чтобы скоро вернуться с войском. Король, используя хитрость, вошел в пустой город и подготовился к долгой осаде крепости, окружил ее валами, перекрыл все подъездные пути и вел затяжную войну. И, не имея сил сопротивляться такому написку, те сложили оружие, вышли и просили сохранить им жизнь. Жена тирана, также побежденная, поспешила со своими людьми к королю, чтобы просить за себя, сдав крепость и желая только покинуть это место. Король же, считая недостойным удерживать женщину, позволил удалиться ей и ее свите и занял крепость вместе с городом³.

63. Гибель графа Аделельма, обманутого неким клириком, ищущим епископства Нойонского¹

А там, приняв необходимые меры для защиты города, он стал расспрашивать, кому можно было бы передать епископство Нойонское, епископ которого Айрад недавно умер.

Предложили, чтобы ему унаследовал Вальберт, аббат Корби, человек решительный и благоразумный, который всем нравился своей честностью. Также и некий клирик из вышенназначенного города просил перед королем, чтобы его сделали преемником; то был человек невежественный и неимоверной силы и дерзости, его, всегда радовала возможность присвоить чужое. Отвергнутый королем и горожанами, он пустился на хитрость. Итак, он отправился к Аделельму, графу Арраса (то, что случилось с ним, вызвало большую печаль), чтобы соблазнить его; униженно прося его помощи и обещая свою, скрывая, что король полностью отверг его, говорил он так: «Если я смогу с твоей помощью добиться епископского сана, ты тем успешнее добьешься графского титула с моей помощью. И так и будет, если ты ночью подступишь к городским стенам и, изнутри руководимый мною, введешь в город твоих людей. Я тоже приду с многими воинами и, объединив войска, ты ворвешься в город. А горожан мы возьмем в плен или изгоним». Легковерный Аделельм уступил этим увещеваниям. Чтобы исполнить задуманное злодеяние, он ночью пошел на город с большим войском. Клирик, которому в городе никто не доверял, дождался там совершения преступления. Когда Аделельм приблизился, тот присоединил к его войску свое и, выстроившись в одну колонну, они в ночной темноте ворвались в город, громко крича и бряцая оружием. Поэтому разбуженные горожане поняли, что к ним проникли хитростью, и бросились бежать от врага. Никто из них не был захвачен, так как враги держались вместе, боясь рассыпаться по городу. Поэтому все смогли сбежать. Итак, убежавшие горожане раздобыли по соседству оружие и подкрепления и на пятый день отважно напали на город; жители пригородов охотно им помогали и явно предстояло сражение. Аделельм и клирик со своими спутниками отчаянно сопротивлялись. Простой народ, который оставался в городе и поклялся им в верности, нарушил клятву и свирепо ударили с тыла. Окруженные врагом, они были вынуждены укрыться в церкви. Горожане, которых выпустили те, кто оставался внутри, не прекратили преследовать Аделельма и клирика и, взломав ворота церкви, захватили врагов и вместе с многими другими безжалостно умертвили почти на самом алтаре²; так они заняли город и вернулись по домам. После этого церковь была очищена, как положено по закону, и Вальберт, монах и аббат Корби, королевским пожалованием был посвящен архиепископом Артольдом в епископы Нойона.

64. Аквитанские и гасконские владетельные сеньоры явились на военную службу к королю Радульфу

Тем временем гасконские сеньоры Рагенмунд¹ и Эрмингайд² поспешили навстречу королю к реке Луаре с войском, вложили свои руки в его, поклявшись служить ему и, как того пожелал король, присягнули ему на верность. Удалившись оттуда, король отправился в другую часть Аквитании, и Луп Ацинарий Гасконский³, который ездил верхом, хотя ему было больше ста лет, и телом еще чрезвычайно крепкий, поспешил на службу к королю, вернув ему управление провинцией; но король ласково вновь передал ее ему и приказал управлять ею для него.

65. Множество зловещих чудес

В то же время в Реймсе видели в небе огненные острия и кровавые языки пламени, которые разбегались по небу наподобие стрел или змеек. Сразу началась и болезнь с сыпью, и многие умерли¹. Немногим позже последовала и смерть короля. В то время, когда осень изливает меланхолию на подверженных ей, его поразило худосочие, как на латыни называется плохое состояние тела, и, слабея в течение всей осени, побежденный прилившими дурными соками, он умер и покинул людей². Он был погребен в церкви св. девы Колумбы в присутствии удрученных друзей и покорной свиты. Он не сделал никаких распоряжений касательно управления королевством, так как не имел сына, и предоставил сеньорам решать, кто будет править королевством.

КНИГА II

1. Переговоры галлов об избрании короля

После его похорон сеньоры говорили разное и преследовали различные цели. Ибо галлы и кельты с аквитанами последовали за Хугоном, сыном короля Роберта, белги же — за сыном Карла Людовиком. Ни один из них не смог бы править спокойно, так как Хугон помнил, что его отца стубила гордыня и поэтому боялся принять власть, а Людовик оставался в Англии, так как его ребенком перевезли туда, к дяде по матери, королю Адельсттану¹ из-за преследований Хугона и Херберта, ведь они схватили его отца и заключили в темницу. Итак, галлы, желая беспристрастно обменяться мнениями по поводу возведения короля на трон, собрались по призыву герцога Хугона, чтобы обсудить, кого следует избрать королем.

2. Речь в пользу Людовика, произнесенная Хугоном перед галлами

В разгар совещания герцог, после долгих переговоров, весьма благожелательно начал выступление так: «Несчастный король Карл умер, потому ли, что заслужил это, или потому, что прогневали Бога наши злодеяния, но если наши отцы и мы сами допустили что-то, на что вознегодовал Господь, надо приложить все усилия, чтобы исправить это, а затем позабыть. Итак, да будут устраниены раздоры, поговорим во всеобщем согласии о вышенназванном государе. Мой отец, некогда избранный королем согласно вашему волеизъявлению, правил не без великого греха, ибо тот, кому одному по закону надлежало царствовать, был жив и при жизни был заточен в темницу¹. Поверьте, Богу это не было угодно. Поэтому и не бывать тому, чтобы я унаследовал отцу. Не следует и избирать кого-либо из другого рода после благословенной памяти короля Радульфа, ибо и в его время было ясно, что сейчас может появиться только ничтожный король, и из-за этого произойдет раздор между знатнейшими сеньорами. Итак, да возобновится прерванная было королевская династия; и, призвав из заморской страны сына Карла, Людовика, сделайте его, как подобает, своим королем². Пусть сохранится старинное древо королевского рода, и его сторонники отдохнут от сетований. Давайте поступим так, как лучше и произовем немедленно с морского берега того юношу³. Галльские сеньоры уступили этим речам на удивление благосклонно. Итак, герцог направил за море послами ораторов, чтобы они пригласили Людовика и убедили его вернуться к герцогу и

другим сеньорам, и присягнули, что путь безопасен, и объявили о прибытии короля до самых прибрежных песков. Они тотчас отправились и прибыли в Булонь. В ее порту они взошли на корабли и, подгоняемые благоприятным ветром, быстро достигли суши. Король Адельстан решил провести переговоры о возведении на престол с племянником Людовиком и своими приближенными в городе, который называется Йорк. Прибыв туда, послы приблизились к королю и приветствовали его надлежащим образом от имени герцога и сеньоров Галлии.

3. Посольство галлов к Адельстанию ради Людовика

Послы начали так: «По благосклонности герцога и всех знатнейших мужей Галлии прибыли мы сюда по волнам неведомого моря, таково желание всех и общее решение. Когда благословенной памяти король Радульф был восхищен из мира, герцог позаботился, чтобы ему унаследовал Людовик; хотя многие, приглашенные на совет, рассматривали этот вопрос, так как имели в виду, что сын будет опасаться ловушки, в которую попался его отец. Все же благодаря насторожениям герцога все с радостью сошлись на этом. Таким образом, все желают Людовика ради всего доброго. И нет никого, кому бы собственное благо было дороже и значило больше, чем его благо. Итак, все просят, чтобы вернулся тот, кого они жаждут видеть с пользой управляющим Галлией. Желают, чтобы было назначено время, когда герцог с сеньорами поспешат на морской берег, чтобы встретить его и взвесить на царство». Так как король Адельстан не слишком доверял варварам¹, он попросил их поклясться в этом и привел к присяге. Было назначено время встречи. Король одарил послов, и они удалились, морем вернувшись в Галлию и доложили герцогу о милости короля, суля ему его великую дружбу из-за приглашения стать королем. Итак, герцог с галльскими сеньорами приехали в Булонь, чтобы встретить короля, и, собравшись на песчаном морском побережье, запалили хижины и указали на свое присутствие тем, кто был на другом берегу. Туда же приехал король Адельстан с королевской конницей, чтобы проводить племянника к ожидающим галлам. По его приказу подожгли какой-то дом и так показали, что они прибыли и находятся напротив².

4. Хугон и остальные галльские сеньоры вызывают Людовика из изгнания, избирают его и коронуют

Король же, находясь напротив Галлии, отправил послом епископа Одона¹, позже архиепископа Кентерберийского², мужа весьма справедливого и красноречивого, поручив ему

передать, что он охотно отошлет Людовика, если в Галлии ему окажут такой же почет, каким он пользовался у его собственных подданных, так как они весьма этого желают; и это подтвердят, дав клятву. Если же не захотят этого, пусть попросит их дать королевство кому-либо из своих соотечественников, чем они и своего порадуют, и чужого не соблазнят. Герцог вместе с другими галльскими вельможами заверил, что он это исполнит, если тот, став королем, не отступится от его советов³, и не отказался сопроводить свои слова священной клятвой. Итак, посол, вернувшись, доложил все это ожидавшему королю. Поэтому он спокойно отправил своего племянника со свитой из числа его лучших людей на великолепно украшенных кораблях. Выйдя в море с парусами, наполненными благоприятным ветром, вспенивая веслами тихую воду, подошли они к земле. Корабли вытащили на берег, Людовик спустился, и, выйдя к герцогу и остальным собравшимся, принял присягу. Подбежал герцог и подвел королю коня в по-королевски украшенной сбруе. Когда тот попытался сесть на него и нетерпеливый конь шарахнулся в сторону, Людовик легко и проворно прыгнул и, пренебрегая ржанием коня, внезапно вскочил на него верхом. Всем это было на радость и вызвало громкие одобрительные крики. Герцог принял его оружие и шел как оруженосец, пока король не приказал ему передать его галльским сеньорам⁴. Это воинство с большими почестями и величайшим послушанием отвезло короля в Лан. И там через пятнадцать дней, приняв клятву в том, что его избирают королем, при всеобщем одобрении он был коронован архиепископом Артольдом с двадцатью епископами⁵. Оттуда его провезли по соседним городам и везде его радостно приняли. Все ему рукоплескали. Все ликовали. Таково было настроение у всех.

5. Король с герцогом едет в Бургундию, осаждает город Лангр и берет его

Герцог также посоветовал ему поехать в Бургундию и осмотреть города и королевские поместья¹. Король, следуя этому совету, приехал в Бургундию в сопровождении герцога. К нему радостно съехались сеньоры из городов и великолепно его приняли. По его просьбе они присягнули на верность. Однако Хугон², брат короля Радульфа, который владел городом Лангром, отказался явиться к королю, гневаясь на тех, кто поспешил к нему навстречу. Король в течение нескольких недель облезжал свои поместья, потом двинулся на завистливого недруга. Угрожая перед отъездом не миновать ни один город, он отправил послов к Хугону, чтобы они призвали его оставить упорство и убедили поклясться королю в верной

службе. Послы выступили перед ним, но ни мира, ни чести королю не добыли. Поэтому они удалились и доложили королю об услышанном. Хугон, поняв, что он поступает против закона, послал в город войско. А сам на время удалился в приграничную область королевства. Король, досадуя на упорного, двинул войско к городу и подступил к нему со стороны равнинны, ведя упорные военные действия. А с другой стороны тянулись горы, и он был почти неприступен. Итак, король с герцогом сражались с защитниками города с той стороны, которая была удобна для осады. Осажденные стойко сопротивлялись врагу, непрерывно метали дротики и камни и истребляли нападающих. Однако они не в силах были противостоять нападениям с полным успехом. Ибо, не выдержав натиска королевской конницы, ночью прорвались с той стороны, которая не подверглась осаде, спустились вниз и убежали. А оставшиеся горожане сразу же открыли королю ворота и без сопротивления впустили в город его и его войско, горячо их приветствуя. Достигнув этого, король принял от них заложниками епископа и других знатнейших людей в королевстве и так повернул с герцогом в Париж³.

6. Король отказывается от опеки герцога

Король, воодушевленный счастливым исходом предприятия, подумал, что сможет решать свои дела и без герцогской опеки. Поэтому он стал заниматься и военными делами и управлением уже без него. Итак, он отправился в Лан, где поручил своей матери, королеве Этгиве, защиту города. С тех пор он всячески умышлял против герцога. И так посеял семена великого бедствия¹. Поскольку герцог понял, что король отверг его заботы об управлении, он привлек к себе графа Хериберта, часто обсуждая с ним оскорбление со стороны короля. И они скрепили клятвой условия дружбы между собой.

7. Хериберт, воспользовавшись изменой, занимает Шато-Тье́ри и бросает в темницу предателя

Итак, Хериберт коварно пришел к Валону, вассалу короля, который держал крепость под названием Шато-Тье́ри, и уговаривал его стать перебежчиком. Он недолго убеждал его обманными речами, много предлагая и суля еще больше. Тот сразу потребовал поклясться в этом обмане, ручаясь, что тогда он исполнит требуемое. Тиран охотно согласился, и предатель также поклялся и назначил время совершения преступления. Мало того, он, протянув руки тирану¹, поступил к нему на военную службу и принес вассальную присягу. Совершив это, они разъехались вояси. Срок пришел: Валон, притворяясь

поглощенным делами, разослал в разные стороны воинов короля, которые находились при нем, как бы по королевским делам; крепость опустела, остался только он со своими слугами. Появился тиран с когортой. Впущенный предателем, он вошел в крепость и занял ее. И сказал, пристально глядя на предателя: «Не считаешь ли ты, что крепость следует оставить под твоей охраной?» и, схватив его, бросил в темницу и поручил своим людям охрану крепости. А следующей ночью в северной части неба виден был дивно пылающий огонь. За этим сразу последовало неожиданное вторжение венгров в Галию². Они свирепствовали без меры и опустошили некоторые города, деревни и поля, сожгли еще больше церквей и, благодаря раздору среди знати, смогли спокойно отступить с большой толпой пленных³. Король же, не имея войска, сносил бесчестье и уступил свирепствующим врагам, поскольку его соратники его покинули.

8. Король с когортой нападает на крепость Монтины и берет в плен ее владетеля

Когда они ушли, король направил когорту к крепости Монтины, чтобы взять ее, занять и разрушить, так как некий Серл, занимавшийся разбоем, захватив, удерживал ее. Когорта прибыла к крепости и завязала сражение с разбойниками. Вскоре она захватила ее, сожгла и разрушила, а плененного предводителя разбойников, отпустив его подручных, доставила к королю. И когда он по приказу короля должен был быть обезглавлен гладиатором¹, король его помиловал благодаря вмешательству Артольда, архиепископа Реймского, и он поклялся никогда более не разбойничать, и ему позволили уйти. Совершив это, король удалился в ту часть Бельгики, которая соседствует с морем, намереваясь построить укрепление в морском порту. И это место называется Виссан. Король был принят Арнульфом², графом тех мест, и говорил с ним о возведении крепости. Так как он задержался там из-за переговоров, Хериберт, воспользовавшись изменой, проник в замок, принадлежавший Реймской церкви, под названием Шозе, расположенный на берегу реки Марны и построенный прелатом Артольдом, и захватил его. Пленив защитников замка, он увел наиболее знатных из них, опустошил сельскую округу, наполнил замок несметной добычей и, поместив там вооруженную охрану, куда-то уехал.

9. Король берет крепость Лана

Тем временем король узнал об этом от послов архиепископа. Прервав начатые переговоры, он сразу пошел на помощь, собрал воинов и подготовил войско. Придя с ним в Лан, он

осадил крепость¹, недавно возведенную там Херибертом, где находился его гарнизон. И те, кто был в крепости, приготовились к сопротивлению. А король, расставив вокруг лучников, осыпал их стрелами. Во время этого нападения многие с обеих сторон были ранены, ведь те, кто был в крепости, тоже использовали стрелы и другое метательное оружие². Так как король не смог силой достичь цели осады, он хитро измыслил, как их захватить.

10. Постройка машины

Итак, он сделал из крепкого дерева машину наподобие длинного дома¹, вместительностью в 12 человек, в высоту равную человеческому росту, ее стены он соорудил из толстых бревен; кровлю же — из прочно сплетенного плетня; внутри нее установил четыре колеса, чтобы те, кто прячется внутри, могли толкать машину до самой крепости. Кровля не была ровной, но с наклоном вправо и влево, чтобы легче скатывались камни, брошенные снаружи. Когда она была построена, ее заполнили новобранцы² и покатали на подвижных колесах к крепости. Враги с высоты ее скалы попытались разрушить машину, но лучники, расставленные повсюду, умело их отбрасывали. Итак, машину придвинули к крепости и подкопали и разрушили часть стены³. Враги, устрашенные тем, что через этот пролом могло ворваться множество воинов, сложили оружие и просили милости короля. Запретив продолжать сражение, король взял в плен гарнизон, почти не пострадавший, кроме тех, кто был ранен, и разместил в крепости своих людей для охраны города.

11. Коварство Арнульфа и взятие крепости Монтрей

Пока это происходило, Арнульф, вышеназванный правитель Теруана¹, замыслил включить в свои владения крепость Эрлуина², расположенную на берегу моря и называемую Монтрей, так как от прибывающих оттуда морем исходило много жалоб³; для того чтобы достичь этого, он придумал хитрые уловки. Итак, он направил неких хитрецов в потрепанном платье, чтобы нельзя было разгадать его козни, к некоему стражнику этой крепости, которого он считал более всего склонным к измене. Они, войдя, приветствуют его от имени господина и стараются найти повод для разговора. Итак, они отходят в сторону и, притворяясь, что дело, ради которого они пришли, настолько важно, что не знают, с чего начать, некоторое время колеблются. И наконец, вздохнув, говорят: «Вот как Роберт! Ну же, Роберт! — ведь его так звали — скольких зол ты избежал, от скольких опасностей избавился, и сверх того, какую удачу сулит тебе грядущее!» И тотчас показыва-

ют два кольца, одно золотое, а другое железное. «Видишь, — говорят, — какое из них чего стоит». Так как он не понял, они продолжили: «Золотое означает роскошные дары, железное — тюремные кандалы. Ибо подходит время, когда крепость перейдет под власть другого. Мы верим, что будешь молчать об этом. Это предприятие уже устроено неведомо для вас. Мы также полностью этого не знаем. Но не отрицаем, что знаем суть дела. Нам сказали о смерти или об изгнании. И поэтому граф Арнульф, подумав, решил предупредить тебя о грядущем бедствии, призывая, чтобы ты перешел к нему и получишь от него золотые и серебряные украшения, множество земель и толпу воинов, как будто королевским пожалованием. Вы попадете в руки норманнов, обосновавшихся поблизости, каким образом — не знаем. И что насчет этого думаешь, ответь через нас другу, не откладывая». Охваченный алчностью, он колебался, не согласиться ли на измену. Итак, он оставался в сомнении. Наконец, Роберт предположил, что от бесчестья, которое повлечет за собой предательство, можно будет оправдаться, сославшись на необходимость, ибо он знал, что все жители крепости в ближайшее время будут изгнаны или убиты. Поэтому он торжественно согласился изменить и дал клятву в верности. Они также поклялись в том, что обещали. Было назначено время злодеяния и скреплено клятвой. Послы удалились и доложили, что уговорили его⁴.

12. Вторжение Арнульфа в Монтрей

Итак, Арнульф, созвав воинов, собрал войско, чтобы свершить задуманное преступление. И пустившись в дорогу, он подступил почти к самой крепости. Солнце уже зашло. Предатель выслал несколько человек за ворота, будто бы поручив им позаботиться о чем-то важном. Он сам, стоя на стене, держал перед собой яркий факел, как будто освещая дорогу отосланным прислужникам, и этим же факелом подал знак пришедшему, как было уговорено с послами. Арнульф ринулся туда с конницей и через открытые ворота ворвался в город. Захватив его, взял в плен жену и детей Эрлуина и разграбил его сокровища. А Эрлуин, переодевшись, ускользнул из самой гущи врагов. Арнульф, захватив всю крепость, также разместил там своих людей, а жену и детей Эрлуина отоспал за море под охрану Адельстана, короля англов. И так вернул свою крепость под свою власть.

13. Эрлуин жалуется герцогу Вильгельму на утрату крепости, жены и детей

А Эрлуин, избавившись от смертельной опасности, направился к предводителю норманнов Вильгельму¹ и много жаловался ему на свои обиды, называя себя несчастным, так как,

лишенный крепости и войска и потерявший жену и детей, он не располагал ничем, кроме собственного тела. Не столь сильно поразила его утрата крепости, так как оставалась надежда как-нибудь ее вернуть, ведь земля неподвижна и крепость нельзя переместить. Но пленение жены и детей казалось ему неисправимой бедой, ведь если они погибнут, его будет мучить нескончаемая печаль, а если не погибнут и останутся в чужой власти, он будет обольщаться тщетной надеждой. Поэтому он говорил, что пришел в поисках утешения и повторял это, непрестанно стеная.

14. Эрлуин осаждает и берет крепость

Герцог, тронутый его жалобами, согласился помочь и дал ему войско. Итак, Эрлуин поспешил к крепости и в удобное время подступил к ней с войском и окружил ее с моря и с суши. Итак, он упорно стоял и напирал жестоко. Наконец, после многочисленных яростных атак он ворвался и захватил всю крепость, взяв в плен всех воинов Арнульфа. Из их числа одних перебил, а другим сохранил жизнь, чтобы вернуть жену и детей.

15. Сражение Эрлуина с воинами Арнульфа

Пораженный этим несчастьем, Арнульф собрал воинов и двинул их против Эрлуина, чтобы разграбили они его земли до самой крепости. И те, кого он послал, свирепствовали по всей округе, грабя и поджигая; собрав большую добычу, они заторопились, так как прибыли послы от Эрлуина и объявили, что если не вернут тотчас все награбленное, он без промедления пойдет на них войной. Враги пренебрегли посольством и поспешили вывезти награбленное. Послы вернулись и доложили, что их прогнали. Эрлуин сразу же выступил с четырьмя сотнями воинов и нагнал отступающих. А те, бросив добычу, повернулись к нападающим и оказали сопротивление; подняв знамена, они сражались яростно. Почти все грабители пали, кроме тех, кто бегством спасся от ужасов войны. И однако после, во время бегства, они были безжалостно перебиты преследующим их Эрлуином. Эрлуин овладел награбленным и счастливо вернулся к себе с огромной добычей, отбитой у врага.

16. Бельги упрекают короля в непостоянстве

В это время наиболее знатные люди Бельгики сошлись к королю в Лан и горько сетовали, что он принимает решения, не советуясь с ними. Если бы он довольствовался их советами, все его предприятия приходили бы к счастливому исходу, говорили они. Для того они и собирались, чтобы он поведал им,

чего хочет и сообщил, чего желает. Если он повелит, они будут помогать ему сражаться с врагом советом и оружием, на суше и на море. Король, приняв у них клятву верности, милостиво позволил им удалиться, приказав вернуться, если случай того потребует. Вскоре после того Адельстан, король англов, послал королю флот с войском. Ибо он услышал, что обитатели морского берега бунтуют и послал флот сражаться с ними и в помощь племяннику королю. Узнав же, что никто из них не выступил против короля и что сам король благополучно отбыл в Германию, они уплыли восвояси¹.

17. Король собирает своих сторонников в Бельгике и изгоняет сторонников Оттона¹ за Рейн

Король, вступив в Эльзасе в переговоры с Хугоном², цизальпинским правителем, принял тех жителей окраин Бельгии, которые еще не приходили к нему, а тех, кто держал сторону Оттона, принудил бежать за Рейн. Ведь он понял, что Оттон желает распространить свою власть на Бельгику. Поэтому король не был к нему расположен. Ведя против него решительные действия, он изгнал из королевства его сторонников. А тех, кто пребывал в согласии с ним, то есть Гислеберта, герцога Бельгии³, а также графов Теодерика и Исаака обласкал и держал с ними совет, и принял у них присягу на верность, после чего уехал в Лан. Там он изгнал из города вместе с приспешниками епископа этого города Радульфа, которого подозревали в открытой измене. А их добро отдал своим сторонникам.

18. Оттон разоряет Бельгику

Тем временем¹ Оттон узнал, что белги встали на сторону короля и совсем от него отложились; перейдя Рейн, он вторгся в Бельгику и опустошил ее грабежами и пожарами, ибо он утверждал, что они презрели повеление его отца, согласно которому он должен был стать правителем Бельгии²; ведь из-за дерзости славян³ его отец был единственным королем Саксонии, так как Карл, которому все должно было принадлежать, тогда пищал в колыбели⁴. Итак, собрав большую добычу, он вернулся за Рейн.

19. Вторжение Гислеберта в Германию и его бегство вместе с войском

И Гислеберт, желая отомстить за беззаконное оскорбление, прошел всю Бельгику и собрал отборнейших новобранцев¹, оставил на родине только негодных к службе стариков. Подготовив войско, он перешел Рейн и опустошил страну так, что огонь пожаров поднялся к солнцу. Он собрал и увел огромное количество крупного и мелкого скота. И уже собирался

было пересечь реку, когда Оттон повел на отступающих свое войско. Сопротивляясь, белги сражались с германцами на берегах реки и огромное число людей с обеих сторон было убито. В тот день германцы одержали победу печальную, ибо бесчисленное множество их пало, однако блестящую. Ведь герцог Гислеберт, поняв, что войско бежит и покинуло его, попытался бегством избавиться от опасности. Итак, он бросился на коне в реку. Однако конь не смог справиться с течением, был побежден силой волн и погрузился в воду вместе со всадником². А из белгов одни утонули в реке, другие были перебиты, третьи — захвачены в плен, некоторые же спаслись бегством. Король Людовик, узнав о гибели Гислеберта, сильно сокрушался по этому поводу и, приехав в Бельгику, взял в супружество его жену Гербергу³, сестру Оттона и короновал ее вместе с собой.

20. Вильгельм, пиратский герцог, клянется королю в нерушимой верности

Пока это происходило в Лане, Вильгельм, герцог пиратов, отправил к королю послов, чтобы заверить его в преданности: если король повелит, он поспешит к нему и поклянется в беззоговорочной верности. Король принял это посольство с большой благосклонностью и велел ему приехать в округ Амьена, чтобы уладить там некоторые особенно важные дела. Итак, отправив послов, король в назначенное время прибыл на место встречи. Его встретил вышеназванный герцог, был милостиво принят королем и получил от него провинцию, пожалованную отцом короля Карлом¹. Став таким образом вассалом короля, он так к нему привязался, что тут же задумал или умереть, или полностью восстановить власть короля.

21. Архиепископ Артольд осаждает и захватывает замок Шозе

Счастливо завершив это предприятие, король удалился в Бургундию. В его отсутствие архиепископ Артольд, чтобы не казалось, что он не печется о своих делах, без королевских войск пошел к замку Шозе и осадил его¹. Он продолжал вести упорную осаду, пока наконец на пятый день не ворвался в замок и не захватил его. Также он взял в плен тех, кто склонился от подчинения ему, но, будучи человеком добрым и не желая ничьей смерти, позволил им уйти невредимыми. А взятый замок он разрушил² и вернулся к себе.

22. Хериберт и Хугон¹ осаждают и берут Реймс и изгоняют прелата

Хериберт, случайно узнав о несчастье, притворяясь, что скрушаются о разрушении своего замка, упорно уговаривал

Хугона: вот бы тот вторгся в Реймс и изгнал епископа². Хугон, соглашаясь с тираном, как подобает тирану, сразу посулил ему свою помощь. Итак, собрав войско, они оба подступили к городу, окружили его и осадили. Горожане сочувствовали Хериберту, так как по приказу короля до Артольда избрали епископом его сына, они уступили военной силе и покинули прелата, а в довершение своей вины отправили к тиранам перебежчиков. А на шестой день осады, открыв ворота, они впустили тиранов в город. Изгнанный Артольд уехал в обитель святого Ремигия, изливая там свои жалобы Богу, который видит все. Вскоре там собирались другие епископы и некие могущественные люди и просили его, чтобы, приняв заботы об аббатствах Авене и святого Базола, сложил с себя епископский сан. И, пораженный великим страхом и зловещими предчувствиями, он согласился и также, как говорят, под клятвой сложил с себя сан и, удовлетворив наконец собак, удалился к святому Базолу, чтобы жить там до самой смерти.

23. Хугон и Хериберт в отсутствие короля нападают на Лан

Итак, оставив в Реймсе диакона Хугона, сына тирана, никогда уже избранного в епископы этого города, сами Хериберт и Хугон подступили с войском к Лану и осадили его, полагая, что в городе нет воинов, так как король занимался другими делами на окраинах Бургундии. Изо всех сил осаждая его, они старались прорвать оборону. И, не имея достаточно сил, чтобы преодолеть гору, не раз вынуждены были отступить. Однако они наседали и старались упредить возвращение короля.

24. Король приезжает и снимает осаду

Осада продолжалась уже семь недель, когда король, оповещенный вестником о происходящем, своевременно появился в округе Реймса¹. Хотя и с небольшим войском, он перешел Эну и ринулся на врагов. Узнав об этом и взвесив состояние духа и хладнокровие короля, тираны сняли осаду. Король вошел в город, приготовил необходимое для войска продовольствие и удобно его разместил. Устроив также и другие дела, он уехал в Бургундию. По его уходе Видон, епископ Суассонский, убежденный отступниками, так как и сам втайне держал их сторону, приехал в Реймс и рукоположил в священники Хугона, сына Хериберта. Поэтому его отец, желая для него более высокого сана, настоятельно просил, чтобы Артольда по закону лишили архиепископства. План этого предприятия он обсуждал с герцогом Хугоном и старался довести до успешного завершения.

25. Провинциальные епископы низлагают Артольда, вместе него избирается Хугон

Полностью разработав план действий, они созвали епископов Реймского диоцеза, чтобы они разобрали спор между Артольдом и Хугоном и положили бы конец делу. Собравшись в городе Суассоне, в базилике святых мучеников Криспина и Криспиниана, епископы приняли жалобу Реймских горожан, гласящую, что они уже очень долго остаются без пастыря и смиленно просят дать им того, кому будут подчиняться и повиноваться. Артольда они уже не хотят, так как он отказался под клятвой от епископства, зато всем весьма угоден Хугон, единодушно всеми избранный. Согласившись с этими жалобами, епископы признали Хугона достойным епископского сана, так как в его пользу говорило не только знатное происхождение, но и целомудренная душа. И чтобы прийти к согласию, решили, что столь высокий сан будет украшен его благородной особой. Итак, с общего согласия возвели Хугона и, привезя его в Реймс, торжественно посвятили в архиепископы в обители святого Ремигия; в городе его приняли надлежащим образом и оказали великий почет и послушание¹. Король, извещенный вестником в Бургундии, был встревожен произошедшим и сразу вернулся в Лан. Также он изгнал из города Арнольда и его брата Ландрика, обвиненных в измене, но не уличенных полностью, так как в этом деле стала совершенно очевидной их вина.

26. Король собирает в Бургундии войско против тиранов

Так как король из-за недостатка в военной силе не мог ничего предпринять против тиранов, он вернулся в Бургундию, чтобы собрать там войско и повести на Реймс. Ведь он очень старался изгнать Хериберта из захваченного города. Однако когда сбор войска задержал его, тираны с многочисленной конницей подошли к Лану и окружили его, надеясь на некую измену. Весть о происходящем своевременно достигла ушай короля. Он, взяв тех, кого смог собрать отовсюду, прибыл в Порсьен. Когда он там выстраивал войско и готовился идти войной на врага, тираны, оставив Лан осажденным¹, пошли на короля и, неожиданно напав на его войско, некоторых убили, а остальных обратили в бегство. Король, которого покинули его приближенные, едва избежал смерти вместе с двумя спутниками², укрывшись в крепости под названием Омон³. Тираны, утратив надежду на предательство, сняли осаду и удалились восвояси.

27. Папа уговаривает тиранов не преследовать своего короля

Тем временем¹ папа Стефан² направил в Галлию послом славного мужа, именем Дамасия, с посланием от апостольского престола, содержащим повеление папы, чтобы провинциальные владетельные сеньоры не медля признали своим королем Людовика и более не преследовали его, словно враги. А если не подчинятся, да поразит их анафема. Когда епископы Реймского диоцеза узнали об этом, они сразу собрались и горячо обсуждали проклятие, которое они навлечут на себя, если не раскаются. Положили послать к Хериберту и смиренно спросить у него, когда же он придет к герцогу и уговорит его признать короля, открыв ему опасность анафемы и объяснив, какая им грозит погибель, если не убоятся презирать и преследовать своих повелителей. Эти уговоры не имели никакого успеха. Вышеназванный папа сразу отправил другое посольство к Реймской церкви, чтобы снять с Хугона епископский паллиум³, объявив повеление папы, чтобы галльские сеньоры прекратили преследовать своего короля и сверх того, чтобы относились к нему с великим почтением. А если в предписанный срок этого не исполнят, то зачинщики этого предприятия и их сообщники или сочувствующие будут подвергнуты ужасной каре — анафеме. Если же они охотно повинуются апостольскому повелению, пусть отправят в Рим послов, которые доложат папе об их расположении к своему королю. И даже так не убедили тиранов, но в то время, как они непрестанно добивались погибели короля, то, напротив, их интересы пострадали.

28. Король совещается с герцогом Вильгельмом через посредничество графа Ретгера

Король, вняв добрым советам, отправил Ретгера, славного мужа, к Вильгельму, герцогу пиратов, чтобы тот выступил от его имени. Тот наилучшим образом исполнил посольство в пользу короля и там и умер. Все же прежде он успешно уговорил герцога. Ведь немного времени спустя тот отправил к королю свое посольство и изъявил преданность ему; король оставил ему Руан и осыпал несметными дарами¹. После этого и другие убоялись и своевременно отправились к королю. Итак, Вильгельм, герцог аквитанов², и Алан, герцог бриттов³, узнав, как король позабочился о пиратах, поспешили приехать. Они явились к королю, изъявили ему свою преданность и поклялись служить ему. Итак, собрав их, король выступил с ними на тиранов Хугона и Хериберта, чтобы встретиться и поговорить с ними на берегу реки Уазы. Тираны, подозревая, что появится королевская конница, приняли меры и разруши-

ли мосты, и все лодки отогнали к другому берегу. А сами со своими людьми расположились на противоположном берегу реки. Только две лодки сновали туда и сюда и так они разбирали свой спор через посредников. Наконец заключили мир, обменялись заложниками и разошлись к себе.

29. Король Людовик приходит к согласию с Оттоном, а через посредничество Оттона и с Хугоном

Король, отпустив с миром сеньоров, повернул с небольшим сопровождением в Бельгику, чтобы встретиться с Оттоном, сестру которого он взял в жены. Их совещание было отмечено большим согласием, и они установили, на каких условиях заключают взаимную дружбу. И, закончив переговоры, король возвратился в Лан. Оттон же всячески старался вернуть Хугону милость короля¹. Он по-дружески убеждал его многими речами и вызвал в нем некоторый страх, так как тот противодействовал своему королю и не убоялся преследовать господина, и заставил его вернуться к королю; и в подходящее время, отправив послами мудрых людей, отвез его к королю и помирил с ним.

30. Сеньоры съезжаются к королю и Вильгельм учиняет волнение во время совещания

Король вернул герцогу прежнюю милость, так как тот отличался и доблестью, и военной силой, за ним в свою очередь возвратились и другие. Итак, все вернулись к королю, и король объявил, что через тридцать дней в королевском поместье Аттины состоится совещание знати¹. И в установленный срок король прибыл туда с правителями провинций, то есть с Хугоном по прозвищу Великий, с Арнульфом Теруанским, Вильгельмом, герцогом пиратов, и с тираном Херибертом, присутствовал и саксонский король Оттон. Король Людовик расположился в особом покое с королем Оттоном и сеньорами, только герцога Вильгельма туда не допустили, неясно, умышленно или же случайно. Долго он ждал снаружи, пока его позовут, и лелеял в душе гнев. Вконец разозлившись, он взломал запертые двери, ведь был человеком силы и храбости чрезвычайной, и в ярости ворвался к ним. Ворвавшись, он увидел переносное ложе. На нем в изголовье, повыше, сидел Оттон, а король скромно устроился в изножье. Напротив них Хугон и Арнульф, расположившись на двух стульях, следили за ходом совещания. Вильгельм не стерпел обиды, наносимой королю: «Не следует ли, — говорит, — мне вмешаться? Разве не вызывает отвращения позор предательства?» И, приближившись, сердито сказал: «Поднимись-ка, король!»² Король сразу поднялся, и герцог сел сам. И сказал, что непристойно,

когда король сидит ниже, а кто-либо другой — выше. Поэтому следует Оттону встать и уступить место королю. Оттон, охваченный стыдом³, поднялся и уступил место королю. Итак, король сидел выше, а Вильгельм ниже всех.

31. Оттон прячет обиду под личиной верности. Его жалобы

Оттон, опираясь на палку, стоя ожидал конца начатого совещания, совершенно скрыв обиду. Когда все предметы были обсуждены, король, поднявшись, вышел с участниками совещания. Оттон, тщательно скрывая нанесенную Вильгельмом обиду, много говорил с ним о нерушимой верности, которую им следует сохранять. Так прятал он задуманное злодеяние под завесой разных цветистых речей. После этого король уехал к себе вместе с Вильгельмом. А Оттон, держа совет с Хугоном и Арнульфом, горько жаловался им на нанесенную обиду, припоминая, как его на глазах друзей подняли и прогнали с сиденья против всякой справедливости и права. Друзьям же надо было бы поддержать его и счесть его обиду своей. Он объяснял, что они никак не должны были допускать такой заносчивости, ведь это легко может затронуть и их самих. Ибо тот, кто не уступает королю, тем менее уступит им. Такой речью он разжег великую зависть и возбудил в друзьях ненависть к Вильгельму, так как они, хотя и втайне, очень ему завидовали. Король Оттон уехал к себе.

32. Хугон и Арнульф сговариваются убить Вильгельма

Хугон и Арнульф обсуждали, как им поступить с Вильгельмом. Они говорили, что если убить его, им все было бы проще; и легче склонить короля на что ни пожелают, если сгинет тот, доверяя кому, король отказывается уступить. А если не убьют его, то, без сомнения, они предвидят ссоры и раздоры и, по его вине, великую резню в будущем. И говорили, что оба выхода опасны; если убьют его, будут уличены в человекоубийстве, если оставят тирана в живых, будущее сулит много смертей.

Решившись наконец на убийство, призвали они тех, кто должен был совершить преступление, объяснили суть дела и заставили поклясться против Вильгельма. Тут же заговорщики составили такой план его убийства: чтобы Арнульф отправил послов, поручив им сообщить Вильгельму, что им крайне необходимо встретиться в ближайшее время¹, пусть спросят, в какое время он подоспеет, а насчет места пусть просят, чтобы, покинув свою землю, он соизволил приехать на совещание на берег реки Соммы. Пусть, когда он приедет, его примут по-дружески, обещают ему великую дружбу и еще большую вер-

ность. И так как это невозможно будет осуществить в присутствии его сопровождающих, следует помедлить с ударом, пока герцог еще не взошел на корабль, если по воле случая герцог прибудет на корабле; а когда он уже будет плыть по волнам, заговорщики громкими криками призовут его, как будто чтобы сообщить ему, что было позабыто нечто особо важное. Он приедет на лодке с несколькими людьми, а другие будут ожидать его на воде, и тут заговорщики, выхватив мечи, нападут на неосторожного. А если он приедет верхом, то, когда совещание окончится, Арнульф удалится и он будет уходить, заговорщики также будут звать его, притворяясь, что хотят сообщить нечто важное, и отвлекут его некоторыми острыми вопросами до тех пор, пока все его люди не уйдут вперед и он не останется последним. Напав на него, таким же образом заколют его мечами. Нападения подоспевших пиратов они избегнут, вскочив на быстрых коней и поспешив к господину, ожидающему их с войском; пиратам не останется ничего другого, как только поторопиться с отступлением или позаботиться о похоронах господина. И будет казаться, что это преступление совершено без ведома Арнульфа, так как он отсутствовал.

33. Убийство герцога Вильгельма

Итак, были отправлены послы, они просили о встрече и добились ее. Срок был установлен через тридцать дней. Также было условлено место в округе Амьена, на берегу реки Соммы, там, где остров Пикиньи; завершив переговоры, послы удалились. И в установленное время Арнульф по сухе, а Вильгельм — водой прибыли в назначенное место и много говорили о дружбе, а еще больше — об обоюдной верности и, после довольно долгого совещания разъехались восвояси. Арнульф, притворившись, что удаляется, немного отъехал. А Вильгельм вернулся к кораблю, взошел на него и уже плыл по волнам, когда заговорщики громкими криками призвали его и он повернулся назад на лодке. Подгреб к берегу, чтобы спросить, чего они хотят. Они сразу объявили, что им надо поговорить о чем-то весьма важном, о чем их господин по забывчивости умолчал¹. Соскочив с лодки на берег, герцог подошел к ним, они сразу же выхватили мечи и убили его². Ранили они двух юношей, которые пришли с ним без оружия, а также лодочника, вскочили в лодку и, сообщив господину, что преступление совершено, обратились в бегство³. А те, кто плыл по волнам, вновь вернулись на оставленный берег и нашли господина — убитым, а двух юношей и лодочника — ранеными. Подняв тело господина, они предали его погребению под громкие жалобы⁴.

34. Король отдает отцовские владения сыну Вильгельма Ричарду

Немного спустя к королю привезли сына от конкубины британки, по имени Ричард¹, объявив ему о ходе случившегося. Король, привлеченный изяществом юноши, принял его любезно и даровал ему провинцию, которой прежде владел его отец. Знатные сеньоры, которые прибыли с юношей, также присягнули королю, вложив свои руки в его, и стали его вассалами; радуясь великой милости короля, они вернулись в Руан. А другие норманны, недовольные тем, что Ричард перешел на сторону короля, уехали к герцогу Хугону.

35. Короля призывают в Руан и он сражается с пиратами

А те, кто держал сторону короля, пригласили его в Руан и приняли как подобает. Там ему доложили, что пиратский король Сетрих, появившийся на Сене на кораблях, полных воинов, и его герцог Турмод, тоже с кораблями и войском, прибыли, чтобы, пренебрегая королевским пожалованием, захватить все, побудить сына покойного герцога¹ к идолопоклонничеству и приобщить к языческим обрядам; тогда король приказал собрать со всей округи войско. Надеясь на божью милость, он поспешил навстречу инородцам с восемью сотнями воинов. Так как людей у него было немного, он не мог расставить ряды с разных сторон, чтобы окружить врагов. Итак, окруженный воинами, он поднял знамена и выступил, сомкнув ряды. Язычники наступали пешими. Приблизившись, они бросились в первую атаку с обнаженными мечами², по обычанию отцов. Надеясь устрашить всадников своим числом и изранить их, они выступали с щитами и копьями. Но затем рассеянная мечами королевская конница двинулась на пеших, прикрываясь щитами. И, плотно сомкнув ряды, они оттеснили их и одолели, рубя и убивая. Затем, немного отступив назад, они вновь пошли в атаку и разорвали их ряды. Король Сетрих вынужден был бежать с поля боя, и всадники, разъезжавшие по полю, отыскали его в кустах и пронзили тремя пиками. А Турмода в разгаре сражения убил ударом в грудь Людовик в конном поединке. Когда король отражал его нападение и не узнал его, и задержался на месте, сражаясь врукопашную с обступившими его врагами, Турмод, окруженный своими людьми, напал на короля с тыла и, очутившись справа от него, проткнул бы его через рукав кольчуги до самого левого паха³. Но король в бою на минуту обернулся к нему и заметил, что тот собирается его поразить. И, нанеся ему удар справа, снес нападающему голову вместе с левым плечом. Язычников избивали так, что, гово-

рят, их было там убито девять тысяч. Оставшиеся же, хотя их было совсем немного, были принуждены спасаться вплавь. Бог ниспослал победу королю, но из его людей некоторые были убиты, а некоторые — ранены. Позаботившись о них, король вверил Руан Эрлуину, а сам вернулся в Компьен.

36. Архиепископ Артольд освобождается от тиранов и переходит к королю

Узнав о его прибытии, Артольд, который пребывал в обители святого Базола исповедника, будучи изгнанным из города, сразу бросил все, что ему оставил тиран, и направился к королю, предпочитая быть с ним, довольствуясь малым, чем пользоваться бесконечными милостями тирана. Король горевал из-за того, что архиепископ, короновавший его самого, был беззаконно низложен и убеждал его не отчаиваться, обещая вернуть ему архиепископский сан.

37. Смерть Хериберта¹

Тем временем Хериберт лелеял некие гибельные замыслы и приуготовлял многие бедствия некоторым людям, но, когда он восседал среди своих людей в дорогих одеждах и, протянув к ним руку, произносил речь, его поразил тяжелый приступ апоплексии, вызванный прилившими дурными соками. Он еще не успел поднять руку, как вдруг его руки сковала судорога, его нервы стянуло, рот искривился к уху и, в ужасе и дрожи, он внезапно испустил дух на глазах своих людей². Они подняли его тело и склонили у святого Квентина. Вскоре после похорон его сын пришел к королю и был принят им милостиво³. Показывая, что он никогда не обратится к отцовским беззакониям, он простил епископа Хугона, однако при условии, что тот, не откладывая, подумает, что сказать в удобное время в свою защиту насчет приобретения епископства. Король уехал с ними в Амьен. Там он пожелал уладить некое дело исключительной важности с помощью знатнейших из своих людей и пригласил через послов Эрлуина⁴, пребывавшего в Руане.

38. Стычка Арнульфа с Эрлуином

Когда Арнульф узнал об этом из сообщений дурных людей, он устроил засаду и повел когорту на прибывающего Эрлуина, не известив короля. Поняв это, Эрлуин сразу поднял знамена и вступил в сражение. Обе стороны бились свирепо. Когда люди Арнульфа были перебиты, он обратился в бегство и едва ускользнул от угрожавшей ему участи. Одержав победу, Эрлуин одних убил, других взял в плен, а прочих принудил бе-

жать. В этом сражении он захватил и убийцу Вильгельма, который, вместе с Арнульфом, некогда совершил нападение на него самого. Он отрубил ему руки в отмщение за друга¹ и отоспал в Руан, а сам, собрав добычу с убитых, уехал к королю.

39.

В то время герцог Хугон был в большой милости у короля и воспринял его дочь¹ от священной купели. С тех пор король поставил его герцогом всех галлов². Сделав его герцогом, король собрал конницу и вместе с королевой Гербергой отправился в Аквитанию. По прибытии в город Невер, он принял там герцога Готии Рагемунда³ и знатнейших аквитанов, которые приехали ему навстречу. Обсуждая с ними управление провинциями, он, чтобы все их владения находились под его властью, принял у них провинции и, не откладывая, вверил их вновь их управлению. Итак, он пожаловал им их владения и назначил править ими от своего имени, затем он отпустил их, обрадованных тем, что они порадовали короля, а сам вернулся с герцогом в Галлию и уехал в Лан.

40. Арнульф и Эрлуин возвращаются к прежней дружбе, вняв уговорам короля

Там он созвал знатнейших из своих людей, за исключением герцога, и спросил у них, когда же славные мужи Арнульф и Эрлуин предадут забвению нанесенные друг другу обиды и помирятся, полагая, что его дела будут более успешными, если его люди будут жить в согласии. Итак, призвав обоих, он убеждал их стать друзьями, обещая быть им судьей и отнести к обеим сторонам с равной благожелательностью. Они уступили и повиновались приказам короля, выставили поручителей и подчинились решению суда. Так как король благоволил к обоим, он раздумывал, как бы обоим оказать милость. Поняв, что Арнульф медлит дать возмещение за разграбленное добро, а Эрлуин настоятельно требует вернуть ему утраченное, а также, что Арнульф должен возместить большее, так как он причинил больше убытка Эрлуину, он постановил, что город Амьен отойдет к Эрлуину в возмещение за расхищенное Арнульфом; таким образом и Эрлуин восстановил свое достояние, и добро Арнульфа не уменьшилось. Итак, примиренные стараниями короля, они отныне отстаивали королевские дела.

41. Чудо, сулящее бриттам погибель

В то время, рассказывают, на Париж внезапно обрушился смерч такой силы, что прочные стены, сложенные из камней

на Горе Мучеников, были разрушены до основания; также видели, как демоны в обличье коней разрушили некую базилику, располагавшуюся неподалеку, и метали бревна в упомянутые стены с такой силой, что развалили их; также они повырывали виноградники с этой горы и вытоптали посевы¹. Сразу после того, как видели это чудесное знамение, последовала погибель бриттов. Они жили в раздоре из-за распри правителей Беренгара² и Алана³, в это время к ним вторглись норманны, с которыми у них был договор, учинили великую резню и истребили их. Ими был захвачен и город Нант⁴. Епископ этого города, пораженный страхом перед приближающимся врагом, вынужден был бежать в церковь и в толпе своих людей был задавлен и удушен. Бритты во время этого нападения вновь собрались с силами и мощным ударом выбили врагов из города, настигли их и в кровопролитном сражении перебили. Затем бритты, ободренные блестящим успехом, дарованным судьбой, на третий день достигли кораблей и завязали бой. С обеих сторон пало неисчислимое множество людей. Но бритты не выстояли перед натиском войска противников и обратились в бегство. Одержав победу, норманны часть бриттов перебили, других загнали в воду, а остальных изгнали из пределов Бретани, за исключением тех, кто не отказался подчиниться рабскому ярму.

42. Король вторгается во владения норманнов и захватывает их

Когда весть об этом достигла слуха короля, он призвал графов Арнульфа и Эрлуина вместе с несколькими епископами Бургундии: он понял, что некоторые норманны нарушили верность ему и перешли к Хугону, и пошел на них войной. Арнульф, выступая со своим войском впереди короля, успешно разбил норманнский дозор и освободил королю путь. Прибыв в Руан, король был принят теми из его жителей, кто сохранил верность. А перебежчики сбежали и уплыли морем; но они оставили укрепленные места, где размещались их войска. Король, полагая, что эти войска представляют большую опасность, через послов просил герцога Хугона помочь, обещая отдать ему город Байе, если тот придет с достаточным войском и завоюет оставшуюся часть Нормандии. Герцог принял королевское пожалование, подготовил подкрепления и подошел к королю. Он перешел Сену вместе со своим войском и некоторыми могущественными людьми из Цизальпинской Галлии и достиг Байе. Подступил к городу и начал мощную осаду. Между тем норманны, убежденные королевскими сподвижниками, вернулись к королю. А герцог наседал на Байе. Король

через послов повелел герцогу снять осаду. Но тот, получив ранее позволение короля, ужесточил военные действия. Король вторично передал ему, что если он живо не уйдет, король сам поведет на него войско¹. Не в силах противиться приказам короля, герцог вынужден был снять осаду и уйти. Следом за тем король вошел в город. Обеспечив подчинение его жителей, он устремился в Эvre и вступил в него без малейшего сопротивления; получив заложников от жителей Эvre, он беспрепятственно занял оставшуюся часть страны.

43. Герцог побуждает своих людей возмутиться против короля

Герцог часто напоминал своим людям об этой обиде и замышлял погибель для короля, побуждая верных своих и друзей поспешить с отмщением. Подкрепляя свои слова горькими жалобами, он настроил их против короля. Итак, Бернард Санлисский и Теутбольд Турский¹, в возмездие за его обиды, в самый день пасхи напали на королевский замок Монтины², захватили и разрушили его. Также они внезапно ворвались в королевский дворец в Компьене и унесли оттуда некоторые королевские инсигнии. Немного спустя тот же Бернард захватил и увел королевских охотников и собак, с лошадьми и рогатинами³.

44. Король осаждает город Реймс

Король, находившийся в Руане, узнав об этом, собрал большое войско норманнов и повернулся к ним в округ Верманду, полностью опустошив его. Также призвав графов Арнульфа, Эрлуина, другого Бернара и Теодерика¹ он пошел на город Реймс². Расставив их, он обложил город осадой, так как архиепископ Хугон, державший сторону герцога, отказался впустить короля. С самого первого столкновения завязалось жестокое сражение. Там и сям расставленные лучники поражали стрелами тех, кто сопротивлялся на стенах. Те отступили, но на их место вышли другие, невредимые, в свою очередь вступив в битву. Но камни и копья, летящие снаружи поражали и убивали некоторых из них. Наступление часто повторялось, постоянно шло рукопашное сражение то у ворот, то у самых стен. Обе стороны, разъярившись, не собирались отступать и никогда бы не отступили вплоть до полного изничтожения, если бы взаимное избиение не закончилось снятием осады, благодаря молениям посредников.

45. Герцог через послов уговаривает короля снять осаду

Во время осады герцог попросил графа Рагенальда¹ принять у него заложников и поспешить к нему на переговоры. И король согласился на это. Рагенальд был послан к герцогу,

принял заложников и приехал к нему. Долго они переговаривались и наконец герцог добился того, чтобы король, взяв заложников у епископа и горожан, перестал воевать город до тех пор, пока епископ не явится в назначенное место, когда королю будет угодно, чтобы оправдаться. Рагенальд донес до короля желание герцога и убедил его согласиться, так как сам он одобрял этот план. Взяв подходящих заложников, король на пятнадцатый день снял осаду и объявил, что он выслушает доводы архиепископа через 40 дней, то есть в июльские каледы. Тем временем он занялся другими делами. Подошел день совещания. Герцог выехал навстречу королю, чтобы обсудить вышеназванное дело. Обе стороны горячо отстаивали свои интересы и никак не могли договориться. Так как спор не имел положительного исхода, договор о мире не был заключен; решили только сохранять перемирие до следующих переговоров, отложенных до середины августа.

46. Смерть Теотилона, епископа Турского¹

В то время блаженной памяти Теотилон, прелат города Тура упорно старался восстановить мир между сеньорами; поглощенный этими стараниями, он поехал в Лан и по пути туда подхватил воспаление легких. Болезнь вызвала отек легких и лихорадку и на четвертый день от ее начала он расстался с жизнью. Как только он испустил дух (а дело было ночью), сразу же, говорят, в воздухе засверкал светящийся шар, замеченный дозорными. Этого света, разогнавшего ночной мрак, было достаточно тем, кто переносил бездыханное тело в Тур; свет сопровождал их всю дорогу длиной в 150 миль. Его тело с великим почетом погребли в базилике святого Юлиана мученика, которую этот святой муж построил, охваченный благочестивым рвением.

47. Пленение короля норманнами

После его похорон, поскольку мир между королем и герцогом не был заключен и поскольку король еще не распознал козней лицемеров, он уехал в Руан, взяв с собой Эрлуина и других и жил там с небольшой свитой, как привык, ничего не опасаясь. Измена, подготовленная перебежчиками вместе с герцогом, до поры скрываемая, вырвалась наружу, воспользовавшись малочисленностью королевских воинов. Как только король приехал, Хагрольд, который правил Байе, отправил к нему послов и пригласил его к себе; тот с небольшим сопровождением спокойно отправился по приглашению в Байе, ведь он ехал к верному своему, которого ни в чем не подозревал. А варвар¹, зная о нехватке воинов, напал на неосторожного короля с большим войском. Из спутников короля одни

были ранены, другие убиты, а король обратился в бегство. Он был бы захвачен, если бы сопротивление его оруженосца, тут же убитого, не задержало бы преследователей ненадолго. Воспользовавшись этой задержкой, король быстро поскакал по окольным дорогам и въехал в Руан в одиночестве. Когда он вошел в город, горожане, поскольку они тайно сговорились с жителями Байе, схватили его и заперли².

48. Король отпущен норманнами в обмен на заложников, но хитростью захвачен герцогом

Герцог Хугон, узнав, что король захвачен в Руане, приехал в Байе, чтобы принести благодарность за плениение короля и похлопотать, чтобы пленника отослали к нему. Норманны же¹ отвестили, что это должно происходить на справедливых условиях, что они передадут герцогу короля, если получат в заложники всех сыновей короля. А по другому они короля не отдадут. Скрывая плениение короля и как бы заботясь о его интересах, герцог отправил к королеве Герберге послов за сыновьями короля. Узнав о неотложности дела, королева отослала младшего сына под клятвой, но невозможно было отослать и старшего². Ведь их было только двое. Предложили в заложники младшего, норманнам этого было недостаточно, они требовали и старшего сына. Тем не менее некоторые, сохранившие подобие верности люди, поняли, что благородный королевский род может полностью сгинуть, если изменники удержат всех детей вместе с отцом, и ответили остальным, что они не согласны выполнить условие и выдадут только младшего сына, а вместо старшего пусть выберут кого-нибудь из них. Норманны пожелали в заложники Видона, епископа Суассонского, который показался им самым могущественным, и приняли его в заложники вместе с королевским сыном. Итак, короля отпустили, но герцог, который, как полагали, должен был отвезти его домой, задержал его и отправил под охрану к Теутбольду Турскому³. Поэтому ясно было, что тиран желал полностью уничтожить славный королевский род, убив и отца, и сыновей. Но случилось иначе и только один королевский сын оставался в неволе.

49. Оттон и Эдмунд, короли германцев и галлов, выступают в защиту короля против герцога

О ходе этих событий королева вскоре известила королей Эдмунда Английского¹ и Оттона Зарейнского — устно, через послов, и сверх того отправила письмо, полное горчайших жалоб. Король Оттон, опечаленный случившимся с сестрой, сразу отправил к Хугону посольство, требуя освобождения короля, прося, но одновременно и угрожая. Король Эдмунд, огорченный несчастьем своего двоюродного брата, изъявил

через послов герцогу свое негодование, грозя причинить ему большие беды, если тот не отпустит короля, и повести против него его врагов по суше и по морю и опустошить его земли. Если герцог запрется в каком-нибудь городе, он предпримет мощную осаду и скорее, чем герцог, найдет поддержку у галлов. И если тот тут же не освободит короля, он вскоре устре-мится против него и сушей, и морем.

50. Возмущение герцога против короля Эдмунда

Удрученный суровым посланием Оттона¹, герцог отчасти не согласился с ним, а отчасти пошел ему навстречу. А послам короля Эдмунда ответил, что не выполнит их требования ни в ближайшем будущем, ни когда-либо еще. Что угрозы англов ничего не заставят его сделать. Если они явятся, то вернейшим образом испытают, на что способны вооруженные галлы. А если убоятся и не явятся, то все равно узнают могущество галлов и их гордыня будет наказана. Итак, в гневе он выгнал послов. Созвав совещание, он говорил с теми, кто был на его стороне. После совещания он устремился к Оттону, прося его через послов о встрече, но не добился того, чтобы раздраженный Оттон поговорил с ним. Сильно разозлившись, он удалился восвояси и, воспользовавшись советом своих людей, пришел к королю и так к нему обратился:

51. Речь Хугона перед королем

«Некогда, о король, преследования врагов заставили тебя, ребенка, бежать в заморские края. Согласно моему замыслу и совету, тебя призвали оттуда и возвели на престол. После ты прислушивался к моим советам и дела твои процветали. Я ни за что не отложился бы от тебя, если бы не твой упорный гнев. Ты пользовался указаниями людей ничтожных и несведущих и всячески избегал советов мудрых. Поэтому и постигло тебя несчастье, достойное наказание за твои дела. Как ты полагаешь, с чьей, если не с моей помощью тебе удавались все необходимые и славные предприятия? За это многое, говорю тебе, с .тебя спросится. Вспомни же, что ты мужчина¹. Подумай также, какие условия освобождения тебе подходят. И так вернется к нам добродетель и призовет нас к примирению, чтоб ты царил, а я служил², а с моей помощью и остальные придут к тебе на службу. А так как ты, став королем благодаря мне, ничего мне не пожаловал, я охотно приму Лан в награду за военную службу. Это и будет условием сохранения верности». Так как король находился в пленау, он уступил высказанному предложению. Поэтому его отпустили³; отдав Лан, он удалился в Компьен. Там была королева Герберга, многие добродете-ли которой памятны до сих пор. Были также и некоторые

епископы из Бельгики. Съехались туда и некоторые славные мужи.

52. Король жалуется своим близким друзьям на преследования Хугона

Король жаловался им в таких выражениях: «Ну, Хугон! Смелее, Хугон! Сколько добра я потерял из-за тебя, сколько бед претерпел, в какой печали ныне пребываю! Ты вторгся в город Реймс. Коварно захватил Лан. Завладел этими двумя городами и закрепил их за собой. Отец мой, захваченный и брошенный в темницу, стойко претерпел все мучения, которые угрожали и мне¹. Ввергнутый в те же бедствия, я не получил от королевства ничего, кроме видимости. Мне уже ни жить не хочется, ни умереть нельзя². Что же мне делать?» Он и дальше собирался жаловаться, но возмущенные друзья остановили его. Наконец, умерив свой гнев, он держал совет со своими людьми.

53.

Посоветовавшись с ними, он через послов известил короля Оттона о причиненном ему насилии. Напомнил ему, что с тех пор, как его захватили, он лишен своего имущества. Поэтому он обращается за помощью к другу. Пусть тот поможет ему вернуть потерянные города. Если сделает это, он с великой благодарностью возместит ему все убытки. Оттон принял послов чрезвычайно милостиво, клятвенно обещая прийти с войском на помощь королю и назначил время¹. Послы возвратились и доложили порученное. Так же он просил войско у бургундского короля² Конрада³ и получил его.

54.

Тем временем король Оттон, перейдя Рейн, повел войско через Бельгику навстречу королю Конраду, который пришел из-за Альп с большим войском и спешил на помощь к Людовику. Соединившись, они двинулись вперед с большой конницей. Узнав об их приближении, король Людовик поспешил встретиться с ними. Итак, собравшись вместе, три короля решили первым же военным ударом устремиться к Лану. И без промедления повели туда войско. Но когда они завидели впереди высокую гору и осмотрели все части города, то поняли, что зря будут здесь сражаться; тогда они отступили от города и подошли к Рейму. Там начали осаду, так как равнина подходила для военных действий. В первой же стычке они схватились врукопашную. В этом сражении метательные снаряды и копья летели так густо, как иногда сыплется частый град¹. И весь день напролет они донимали город бесконечными нападе-

ниями. После этого семь раз бились врукопашную, и так было в течение шести дней.

55.

Однако знатные горожане не были побеждены этим натиском и никоим образом не уступали; в это время их прелат Хугон вступил в переговоры вне города с некоторыми знатными сеньорами, которые приходились ему родственниками, спрашивая, что, по их мнению, ему следует делать и как спастись. Пусть скажут ему, можно ли это уладить через каких-либо посредников, надо ли умолять о милости или следует продолжить упорные военные действия. Они сразу открыли ему непреклонность короля, твердо заявив, что он не согласится ни на чье вмешательство и будет продолжать осаду до полного успеха. И что если король силой захватит город, то выколет глаза прелату, это у него заранее решено и предусмотрено. Поэтому пусть Хугон поспешит выйти из города и так спаси своих людей от королевского гнева. Напуганный прелат объявил это своим людям. Посоветовавшись с ними, он вышел из города на шестой день осады. Ворота открылись перед королями.

56.

А короли, вновь призвав Артольда, надлежащим образом вступили в город. Артольд ехал между двумя епископами, Фредериком Майнцским и Робертом Трирским, и был ими возведен на прежнюю кафедру. Вскоре, отослав оттуда королеву Герберту под охраной некоторых славных мужей, три короля пошли войной на герцога Хугона. Они попытались с боя ворваться в Санлис, но увидев, что город хорошо укреплен, удалились, однако прежде подожгли пригороды и убили некоторых людей; так они подошли к Сене.

57. Как несколько юношей хитростью вернули корабли, захваченные герцогом

А герцог, предугадав их нападение, приказал отогнать все лодки от берега, обращенного к врагам на протяжении 20 миль, чтобы противники не смогли переправиться. Но его замысел не удался; рассказывают, что все произошло иначе. Ибо десять юношей, которые твердо решили не избегать никакой опасности, опередили королей; сменив воинскую одежду на одеяния паломников и притворяясь, что они исполняют обет¹. Итак, они шли, опираясь на посохи, за плечами у них висели корзины. Скрываясь под одеяниями паломников, они пересекли город Париж и мост через Сену, вышли к берегу, у которого находились лодки, и никто не распознал их притвор-

ства. Они направились к жилищу некоего мельника и рассказали ему, что они пришли с другого берега ради того, чтобы увидеть святые места. Мельник, увидев юношей красивых, пусть и в потрепанной одежде, охотно предоставил им убежище и принял их радушно. Выполняя свой коварный замысел, они дали ему денег и, купив вина, напоили своего гостеприимца. И так они провели весь день, весело пируя. Расположив хозяина к себе с помощью вина, юноши спросили, чем он занимается. Он назвал себя мельником. Они, продолжая расспрашивать, спросили, не способен ли он на большее. Он ответил, что он начальствует над герцогскими рыбаками и получает некоторый доход, надзирая над лодками. Они на это говорят: «Мы находим тебя милейшим человеком, поэтому желаем тебе достичь большего. И мы обещаем дать тебе десять солидов², если исполнишь нашу просьбу, то есть перевезешь нас через реку, поскольку мы не хотим продолжать путешествие, долгая дорога утомила нас». Хозяин ответил им, что по распоряжению герцога все лодки были отогнаны от того берега, чтобы германцы не могли вторгнуться в его владения, но они возразили, что можно сделать это ночью, тогда он избежит наказания. Жаждая денег, он принял плату и поклялся исполнить просьбу. Наступила ночь. Юноши попросили выполнить обещание. Он взял с собой пасынка и в ночной тьме провел юношей к лодкам. Юноши его сопровождали. Увидев, что место уединенное, они схватили мальчика и бросили в воду. А хозяина, который попытался кричать, схватили за горло. И пригрозили ему смертью, если не сделает, что они хотят, и не отвяжет лодки. Перепуганный мельник отвязал лодки. Начав исполнение своего плана, они связали его и бросили в лодку, затем один за другим отвели лодки к другому берегу. Выбросив связанного хозяина на сушу, они забрались в одну из лодок и отправились за оставшимися и привели еще девять. Восемь раз возвращались они за реку и отогнали 72 лодки³.

58.

Пока они занимались этим, королевское войско в тот же день на утренней заре достигло реки и обнаружило подготовленные к отплытию лодки с веслами; новобранцы взошли на них, переправились через реку и причалили к берегу. Затем они разбрелись по округе, захватили у разных причалов другие лодки и отогнали их к войску. Никто им не препятствовал, поскольку все окрестные жители разбежались из страха перед их нападением. А герцог уехал в Орлеан. Поэтому некому было оказать сопротивление. Лодки связали вместе, прочно

закрепили и сделали подобие моста. Войско вступило на него и перешло реку. Как только воины достигли суши, они тут же пожгли и разграбили всю округу до самой Луары. Затем повернули во владения пиратов¹ и начисто опустошили их. Отмстив столь сурово за обиду, короли вернулись к себе. А король Людовик уехал в Реймс.

59. Как Дерольд был обманут неким медиком и в свою очередь обманул его

В это время расстался с жизнью епископ Амьенский Дерольд¹, выдающийся человек, царедворец, некогда весьма ценимый королем, во врачебном ремесле искуснейший. Рассказывали, что он, когда еще служил королю во дворце, был обманут неким медиком из Салерно², а потом и сам обманул его. Оба они были прекрасно осведомлены во врачебной науке, но королю он казался лучше, королева же считала, что салернитанец искуснее. А благодаря королевскому замыслу все смогли узнать, кто из них более сведущ в науке о природе. Он приказал им пiroвать вместе с ним, не объясняя, почему, и часто задавал им вопросы. Каждый старался ответить как можно лучше. Дерольд, знакомый с трактатами, посвященными этой науке, превосходно разбирал все предложенные вопросы. А салернитанец не отличался знанием трактатов, однако обладал природными способностями и большим опытом. Итак, по приказу короля они сидели изо дня в день за королевским столом и бесконечно пiroвали вместе. В один из дней они обсуждали различные способы лечения и подробно разбирали, когда следует обратиться к фармацевтике, когда — к хирургии, а когда к ботанике. И салернитанец, не понимая незнакомых ему названий, попросил, покраснев, объяснить их. Поэтому он очень завидовал Дерольду и замыслил приготовить отраву ему на погибель, но притворялся весьма к нему расположенным. Приготовив зелье, салернитанец, сидя вместе с ним за трапезой, бесстыдно спрятал яд под ногтем и таким образом смертельно отравил подливу, в которую они оба обмакивали кушанье. Беспечно отведав ее, Дерольд сразу ослабел под действием яда, подобного змеиному. Его слуги увезли его и он победил силу отравы с помощью териака. По прошествии трех дней он вернулся и подошел к салернитанцу. На вопрос, что с ним случилось, он ответил, что ему причинило легкое нездоровье воздействие холодных соков, скрывая, что он понял его коварную уловку. Поэтому он добился того, что его враг ничего не подозревал. А когда возобновилось пиршество, Дерольд достал яд, спрятанный между ушной раковиной и указательным пальцем³ и брызнул на кушанье, которое

тот собирался принять. Яд проник в его жилы, его бросило в сильный жар. Слуги подняли его, сотрясаемого лихорадкой, и унесли. Он старался изгнать отраву, но безуспешно. Тогда он признал Дерольда победителем, объявив его величайшим в медицине, и горячо просил его о помощи. Повинуясь приказу короля, тот дал ему противоядие, но не смог полностью очистить его от яда. Когда он принял териак, вся сила отравы перешла в левую ногу, так, что, как он рассказывал своим домочадцам, яд в виде горошины поднимался по вене и вновь опускался по ноге под действием противоядия. Долго сражались яд и противоядие и наконец это вызвало сквозную язву в коже ноги. Позже хирурги, к сожалению, отняли пораженную недугом ногу.

60.

Тем временем герцог, печалясь о сожженной и разграбленной Нейстрии, приготовил войско и свирепо двинулся на Арнульфа, так как не решился напасть на короля. Он осадил несколько его крепостей, но не смог захватить ни одной в течение шести дней и удалился к себе вопреки желанию. Пока герцог был занят этим, король осаждал Музон, поскольку там укрывался лишенный архиепископства Хугон, племянник герцога. Он преследовал его в поношние герцогу. Но узнав, что герцог снял осаду, он также возвратился в Реймс. В это же время расстался с жизнью Бовон, епископ Шалонский. Согласно воле короля, ему тут же унаследовал Гипуин, превосходный юноша, избранный всем духовенством; он был посвящен в епископы Артольдом, архиепископом Реймским.

61.

После этого король удалился в Бельгику, и король Оттон приехал туда к нему навстречу, чтобы побеседовать с ним. Разобрав некоторые неотложные дела, два короля отпраздновали пасху в Ахене¹. Они обращались друг к другу с большим почтением, особенно Оттон, он также по-королевски одарил Людовика.

62. Герцог осаждает Реймс

Тем временем герцог обсуждал со своими людьми нанесенную королем обиду, утверждая, что в отсутствие короля можно захватить город Реймс, ведь город ныне лишен и епископа, и воинов, а король в другом месте занимается другими делами. Поэтому, говорил он, можно легко взять город с боя, и он очень хочет попытаться совершить это. Его рыцари вняли убеждениям и произвели смотр когортам, которые предстояло послать к городу. Собрав их, они выступили вместе с герцо-

том, подступили к городу и установили кругом осаду. Воины разбрелись повсюду и свозили из соседней местности хлеб для пропитания бойцов. Они окружили лагерь рвами и укрепили плетнями. Каждый день один или два раза предпринимали штурм. Горожане тоже отчаянно сопротивлялись. Уже девятый день продолжалось сражение, когда лазутчики известили герцога о приближении разгневанного короля. Он сразу снял осаду и на двенадцатый день¹ войско отступило от города.

63.

Король не долго медлил прийти на помощь городу. Вскоре сеньоры съехались к нему и совещались о спасении города и его жителей. И так как для пользы дела требовалось участие в совете Оттона, к нему отправили послов объявить ему о необходимости его приезда и сообщить, что совещание состоится в августе на берегу реки Шер.

64.

В то время герцог сожалел о том, что его племянника изгнали из архиепископства. Он убеждал его продолжать исполнять обязанности первосвященника и посвятить в более высокий сан несколько человек, чтобы не казалось, что он лишен сана. Итак, он пригласил Тетбальда, диакона Суассонской церкви и рукоположил в священники, затем он по совету герцога посвятил его в епископы Амьена. Казалось, только Видон, епископ Суассонский, одобряет его действия¹. Позже он раскаялся в этом, как будет рассказано далее. Наступило время для переговоров королей и они поспешили на берег реки Шер. Там присутствовал и герцог, который разбил свой лагерь у селения Дузи и ходатайствовал перед епископами за племянника.

65. Герцог старается уговорить епископов решить дело его племянника

Пока короли занимались своими делами, герцог изложил епископам дело своего племянника, напомнив, что племянник был низложен несправедливо и не за какие-либо очевидные провинности¹, и он сам очень этим возмущен. Когда об этом доложили королям, было решено, по совету Оттона, чтобы епископы разобрали дело Артольда и Хугона, при условии, что и герцог в ближайшее время даст удовлетворение королю. Епископы начали разбирать дело, но Хугон, вопреки всем объяснениям, был обвинен в том, что он противозаконно посвятил епископа Амьенского, будучи сам лишенным сана²; тогда короли решили перенести рассмотрение дела на другой собор. Ведь было ясно, что невозможно беспристрастно разрешить

этот спор, если для этого не будет созван собор. Согласно королевскому декрету объявили, что собор состоится 17 ноября. До тех пор Артольду вверили Реймскую кафедру, а Хугону велели находиться в Музоне; кроме того, благодаря посредничеству Оттона было заключено и скреплено клятвой перемирие между королем и герцогом до того времени, когда состоится собор.

66. Собор, состоявшийся в Вердене

Подошло время¹ и в Вердене состоялся собор епископов, и председательствовали на нем Роберт, архиепископ Трирский, с Артольдом Реймским, с ними заседали Адальберон Метцкий, Гаузлин Тульский, Хильдебольд Мюнстерский, Израэль Бретонский², а также достопочтенный Брунон³, аббат, и другие аббаты, и почтенные монахи Агенольд⁴ и Одилон⁵. На этот собор пригласили Хугона, послав за ним епископов Адальберона и Гаузлина, но он отказался явиться. Поэтому по решению епископов Артольду позволили удерживать епископство. И собор был распущен, так и не разрешив спора.

67. Собор, состоявшийся в Музоне

Следующий собор был назначен на январские иды и, когда подошел срок¹, состоялся в базилике святого Петра в Музоне, на нем также председательствовал вышеназванный архиепископ Трирский Роберт в присутствии почти всех епископов своего диоцеза, вместе с ними заседал и Артольд, дело которого надлежало рассмотреть. Приехал и Хугон, но прийти на собор не пожелал, а поручил своим людям зачитать собору послание, подписанное папой Агапитом. Когда послание развернули и прочитали, стало ясно, что оно не имеет канонической силы и не содержит ничего в пользу Хугона, кроме утверждения, что следует вернуть ему епископство. Прочитав его до конца, епископы посовещались и решили объявить его недействительным, так как оно необоснованно повелевало вернуть спорную кафедру низложенному. И, так как немного ранее папой Агапитом было отправлено с Фредериком, епископом Майнцским, послание, содержащее распоряжения, освященные апостольской властью, и было оно вручено Роберту, архиепископу Трирскому, в присутствии королей, и некоторые из предписаний уже были исполнены, с общего согласия постановили, чтобы разбирательство, начатое правильно, было доведено до конца разумно и в соответствии с канонами. Тут же архиепископ велел зачитать 19 главу Карфагенского собора², которая касалась обвиняемого и обвинителя. Прочитав ее, постановили, что согласно этой главе следует восстано-

вить в Реймской епархии Артольда, который ни разу не уклонился от присутствия на слушании дела на соборе; а Хугона, который пренебреж уже двумя призывами на соборы, нельзя допустить к управлению Реймским епископством до тех пор, пока он не явится на третий собор и не очистится от обвинений. Сделали копию с упомянутой главы и отправили Хугону. Увидев завершающие ее подписи епископов, он пришел в гнев и дерзко отоспал ее назад Роберту, председателю на соборе, утверждая, что он ничего не сделает согласно суду епископов. И собор был распущен, не обсудив дело до конца. Объявили, что третий собор состоится в августовские календы.

68.

Пока это происходило, Артольд отправил в Рим послание, в котором четко описал по порядку все несправедливости, которые он претерпел, и все тяготы, доставшиеся на долю королей. Итак, папа Агапит¹ отнесся к нему очень милостиво, сразу призвал достопочтенного Марина, епископа Остии², человека весьма справедливого и рассудительного, объяснил ему суть послания и горячо просил его способствовать восстановлению порядка. Достопочтенный Марин поехал к королю Оттону в качестве викария папы, чтобы созвать епископов на вселенский собор и провести его. Особые письма были посланы к некоторым епископам как Галлии, так и Германии, чтобы убедить их разобрать дело справедливо.

69. Еще один собор, состоявшийся в Ингельхайме

В установленный срок¹ во дворце в Ингельхайме (это название переводится как «дом ангелов»), на берегу Рейна, в базилике святого Ремигия, апостола франков, состоялся вселенский собор, созданный по повелению папы Агапита и под председательством его викария Марина. Итак, Марин председательствовал, съехались отовсюду и расселись по церковному обычаю епископы: Роберт, архиепископ Трирский, Артольд, архиепископ Рейнский, Фредерик, архиепископ Майнцский, Викфрид, архиепископ Кельнский, Адальдаг, епископ Гамбургский, Хильдебольд, епископ Мюнстерский, Гаузлин, епископ Тульский, Беренгарий, епископ Верденский, Фульберт, епископ Камбре, Родульф, епископ Ланский, Рикон, епископ Вормский, Реймбольд, епископ Спира, Боппон², епископ Вюрцбургский, Конрад, епископ Констанцкий, Оделрик, епископ Аугсбургский, Тетард, епископ Хильдесхаймский, Бернард, епископ Хальберштадтский, Дудон, епископ Падеборнский, Лиоптак, епископ Риба, Фараберт, епископ Тонгра, Доддон, епископ Оsnабрюггский, Эвхерий³, епископ

Минденский, Балдрик, епископ Уtrechtский, Хейролд, епископ Зальцбургский, Адальберт, епископ Пассау, Старканд, епископ Айштадтский, Хорат, епископ Шлезвигский, Викхард, епископ Базельский, Лифдаг, епископ Риба⁴.

70. Назначение объяснителя и председателя

Когда каждый из них согласно канонам и декретам был наделен полномочиями обсуждать какое бы то ни было дело, Роберту Тирскому вверили обязанность давать объяснения и разбирать споры, так как он превосходно знал дела божественные и человеческие и обладал выдающимся даром красноречия. А вынесение окончательного приговора поручили Марину, викарию папы. Все участники собора расселись, прочли молитвы, предваряющие по правилам начало собора, затем зачитали главы из священных декретов и пригласили на священный собор светлейших королей Людовика и Оттона. Когда они уселись, достопочтенный Роберт начал так:

71. Вступительная речь на соборе Роберта, архиепископа Тирского

«Многочисленные дела, достопочтенные отцы, заставляют нас заседать здесь вместе с светлейшими королями; очень многое вы должны честно разрешить. Известно, что Галльское государство пришло в волнение из-за дерзости дурных людей и все еще остается в большой опасности. Законы божественные и человеческие были попраны злодеями, тогда как тот, кому по закону надлежит править королевством и кому власть было вверена по наследству от отца, подвергался преследованиям своих подданных, был позорно заключен в темницу и доныне опасается их мечей. Негодяи свирепствуют в Реймской митрополии, лишенной паства, божественная служба обесценилась, истинная вера обратилась в ничто¹. Вот что я полагаю, мы обязательно должны рассмотреть, прилагая все наше усердие; мы, собравшиеся вместе благодаря Духу святыму, чтобы возродить распавшиеся устои, дабы королю была возвращена власть свободно править королевством, а с его помощью и Реймская церковь обрела должный почет».

72. Ответ Марина, посла Святого престола

На это Марин, викарий святого Римского престола, ответил: «Наш собрат и сотоварищ Роберт превосходно и вполне ясно изложил, в каком порядке нам следует рассматривать дела. Хотя он сам знает, что божественные законы следует ставить впереди человеческих, однако, поразмыслив над положением дел, он сказал, что прежде всего следует восстановить власть короля. Когда власть короля будет упрочена и обретет подлинное могущество, тогда благодаря ее защите

Божьи церкви процветут к вящей радости, и будут поддерживать добродетель в добрых людях. Чтобы это сбылось, с Божьего изволения, следует прежде всего выслушать и разобрать дело светлейшего короля, нашего господина, если вы тоже считаете, что оно требует вашего суда». Собор объявил: «Да будет выслушано».

73. Король Людовик жалуется королю Оттону и собору королевства

Тогда король Людовик, сидевший рядом с королем Оттоном, встал и смиленно просил позволить ему изложить свои жалобы. По просьбе собора он излился в следующей жалобной речи: «Все, что совершено Хугоном дабы вынудить меня жаловаться, известно тому, по чьей милости, как говорилось ранее, вы здесь собирались. Начну с самого начала. Его отец, завидуя королевской власти моего отца, вместо того, чтобы служить ему, как должно, во время мира и на войне, злодейски лишил его королевства и заточил в темницу до конца его жизни¹. А меня, ребенка, мои люди укрыли в снопе соломы, и я вынужден был бежать в заморские края, почти до самых Рифейских гор². Когда мой отец умер, а я находился в изгнании, он, по примеру отца, погибшего из-за своей гордыни, не убрался взять на себя управление королевством. Ненавидя нас, он возвел на трон Радульфа³. Но Провидение, ведающее и его судьбой и судьбами остальных людей, положило конец его правлению, когда пожелало. Когда трон опустел, он, вняв советам добрых людей, призвал меня, изнывающего в чужих краях, и с общего согласия возвел на престол, не оставив мне ничего, кроме Лана. Когда же, став королем, я постарался вернуть то, что по закону входит в королевские владения, он повел себя, как последний завистник. Став моим тайным врагом, он сворачивал деньгами моих немногих друзей и возбуждал ненависть в моих недругах. Наконец, мучимый завистью, он обратился к пиратам, чтобы они коварно захватили меня; он считал, что таким образом сможет вернуть себе королевство. И его козни имели успех, я был схвачен и брошен в темницу. А он, скрывая, что я в пленах, просил отдать моих сыновей в заложники, но верные мне люди отказались выдать всех, отпустив только одного; так он получил меня из рук пиратов. Я уже надеялся на свободу и изгнал из души гнев, но известно, что произошло дальше. Он сразу схватил меня, заключил в оковы и держал в темнице в течение года. Узнав, что мои друзья и родственники возмущены и угрожают напасть на него, он пообещал вернуть мне свободу, если получит Лан. У

меня оставался только он, только там я мог укрыться с женой и детьми. Что мне было делать? Я предпочел свою жизнь крепости, получил свободу в обмен на город. И вот, лишенный всего, я прошу вашей помощи. А если герцог решится оспаривать мои слова, мы будем сражаться один на один».

74. Речь Роберта в защиту Людовика

К этому прилюдному заявлению архиепископ Роберт добавил: «Так как мы выслушали жалобу светлейшего короля, изложенную, я считаю, с превосходной краткостью и ясностью, следует, кажется, разобрать ее, насколько позволяет нам священный закон. Поскольку герцог почти полностью присвоил королевскую власть и поскольку мы не можем силой противостоять ему, нам надлежит приступить к делу мягко, но с настойчивостью, возвав к разуму и рассудительности, с божьей помощью постараться возвратить на путь истинный того, кто не боится Бога и не опасается людей. Нам следует сперва, согласно наставлениям отцов церкви и каноническим правилам, по-братьски призвать его к покаянию, и вновь смиренно призвать его в умеренных выражениях. Если он после ласковых увещеваний не пожелает образумиться, мы все подвергнем его анафеме, имея на то изволение папы, и прикажем ему прекратить преследовать своего господина».

75. Ответ легата Марина

Марин присовокупил к этому следующее: «Я помню, как господин папа в прошлом году предал анафеме тех, кто преследовал повелителя и короля франков, а также как ко всем добрым людям было отправлено послание, чтобы побудить их не оставлять короля, к здравомыслящим людям была послана письменная жалоба по тому же поводу. Поэтому, я полагаю, тут совершенно справедливо говорили, что, так как мы уже получили от папы приказ призвать его и исправить, то следует сперва вновь сердечно призвать его и предостеречь, чтобы прекратить творить зло, а потом уже предать анафеме, и не только его одного, но и всех, кто помогали и помогают ему в дурных делах. Только этим мы и можем помочь королю. Может ли он надеяться на помощь кого-либо другого? Оканчивая свою жалобную речь, он просил об общей помощи. Но если мы ее окажем, как поможет ему король Оттон? Священные декреты гласят, что после того, как епископы предадут анафеме тиранов, добрым людям, обладающим властью, надлежит прибегнуть к силе, и, если они не пожелают подчиниться церковному постановлению и вернуться на путь истинный, пусть могущественные люди

заставят их обратиться к добру и придерживаться добра, хотя бы и против воли».

76. Выступление короля Оттона

На это король Оттон сказал: «Отцы мои, вы можете оказать много благодеяний светлейшему королю Людовику. Ведь если вы примените против его преследователей божественное оружие, вы или легко поколеблете и победите их, или же, если и останется кто-то, угрожающий нападением, мы легко справимся с ним своими силами. Обнажите же ваше оружие по приказу посла папы и пронзите мечом анафемы противников короля. А если после этого кто-нибудь осмелится поднять голову и не убоится противиться божественному отлучению, мы, кому поручено заботиться о святой Божьей церкви в этой части света¹, возьмемся за оружие против них и укротим их. И если это будет необходимо, мы, обнажив мечи, учиним безжалостное избиение бесчестных людей, так как у нас будет в высшей степени справедливый повод сражаться с теми, кто творит недозволенное и не прекратил творить, несмотря на призывы. Итак, стойте на своем, а за вашей умеренной карой последует наше суровое наказание».

77. Послание, отправленное собором Хугону¹

Сразу после его выступления собором было составлено и зачитано вслух послание следующего содержания: «Святой собор, имеющий место во дворце Ингельхайма под председательством праведных королей Людовика и Оттона герцогу Хугону. Во всех краях с волнением говорят о том, сколь злобно ты преследовал и терзал достопочтенную Реймскую метрополию, и как жестоко безумствовал ты против короля, твоего господина. Божественные и человеческие законы более чем достаточно показывают, что твое поведение было преступным и опасным. Но мы сострадаем тебе и потому вновь просим тебя отказаться от таких действий и побуждаем покорно и смиренно вернуться к твоему господину. А если ты пренебрежешь этими увещеваниями, не сомневайся в том, что мы, прежде чем разъехаться, предадим тебя анафеме до тех пор, пока ты не поедешь в Рим оправдаться перед папой. Он дважды посыпал тебе письма, чтобы предупредить тебя и запретить продолжать свои злодеяния. А теперь и мы после него в третий раз призываем тебя исправиться». Все участники собора тотчас заверили это послание и отправили с послами к герцогу.

78. Дело Артолльда

Затем поднялся архиепископ Артолльд и изложил ясно и подробно, как развивалось его дело и с чего началась егоссора с Хугоном, избранным епископом вместо него. Он даже предъ-

явил послание, совсем недавно отправленное ему папой, чтобы указать, что епископство следует сохранить за ним. Когда он растолковал смысл послания, некий Сигебольд, клирик вышенназванного Хугона, тут же предъявил собору другое послание, доставленное из Города и скрепленное папской подписью. Это послание также было зачитано в присутствии епископов и прилежно обсужденено. Из содержания его следовало только, что Радульф, епископ Ланский, Видон Суассонский и Хильдегар, епископ Бове, а также некоторые другие епископы Реймского диоцеза, посыпали к святому престолу просьбу восстановить Хугона и низложить Артольда. Исходя из этого, он полагал, что папа поступит по их желанию и в согласии с их просьбой. По зачтении этого послания вышенназванные епископы сразу поднялись, полностью отказались от содержания письма и объявили, что бесчестным человеком совершен подлог. Он не смог оспаривать их слов и был осыпан проклятиями и публично обвинен в вероломстве.

79. Епископы осуждают лжесвидетеля¹

Тогда Марин предложил зачитать главы, посвященные лжесвидетелям. По окончании их чтения лжесвидетель не смог оправдаться и по приговору епископов был лишен сана диакона, чьи обязанности исполнял, и вследствие этого уннзительного приговора изгнан из собора. А архиепископский сан Артольда собор подтвердил в согласии с предписаниями канонов и постановлениями отцов церкви, так что он уже не мог быть оспорен ни на каком другом соборе. И все это было решено в день первого заседания.

80.

На второй день, после того, как зачитали тексты, обладающие священной властью, и архиепископ Роберт произнес речь, достопочтенный Марин предложил, чтобы, поскольку архиепископский сан Артольда восстановлен, собор в соответствии со священными законами произнес приговор и против захватчика его кафедры. Итак, прочитали канонические уставновления и предписания святых отцов Иннокентия, Александра, Симмаха, Сикста, Целестина, Зосимы, Льва, Бонификация¹ и других прославленных наставников святой Божьей церкви. Согласно этим декретам единодушно предали анафеме и отлучили от церкви Хугона, захватчика Реймской церкви до тех пор, пока он не покается и не возместит ущерб тем, кто пострадал от его злодеяний.

81.

В оставшиеся дни были приняты решения касающиеся крещений и недозволенных браков священников, а также

священников, которые совершают евхаристию, будучи недостойными, и церквой, незаконно захваченных мирянами; также были представлены, прилежно рассмотрены и успешно разрешены и другие дела; после этого собор распустили¹. Было решено через 30 дней вновь собраться в Лане, в базилике святого Винцентия мученика, чтобы провозгласить анафему против тирана Хугона.

82. Епископы предают анафеме герцога и его сообщников

После того, как собор совершил все это с приложением и в согласии с канонами, король Людовик принял у короля Оттона войско во главе с герцогом Конрадом¹, чтобы идти против тирана Хугона. Его сбор потребовал 40 дней, а тем временем вышеназванные епископы спустя тридцать дней после закрытия собора собрались в базилике святого Винцентия мученика в Лане, в присутствии короля Людовика. Председателем снова был ранее упомянутый Марин; после зачтения и тщательного обсуждения страниц святого Писания, епископы предали анафеме тирана Хугона и отлучили его от святой церкви, если только он не покается и не даст удовлетворения своему господину, или же не поедет в Рим, чтобы добиваться своего оправдания у папы. На соборе также говорилось о епископах, которые были призваны вместе с герцогом и отказались явиться, а также о тех, кто недолжным образом был возведен в сан уже низложенным епископом Хугоном; и постановили, что незаконно посвящены те, кого он посвятил, будучи изгнанным, или после того, как был низложен. Итак, осудили двух лжеепископов, посвященных Хугоном, Тетбальда и Ивона, из которых первый был посвящен изгнаником в епископы Амбуаза, второй же — низложенным в Санлисские епископы. Был осужден и Аделельм, диакон Ланской церкви, которого его епископ Родульф обвинял в том, что он безрассудно ввел в церковь отлученного Тетбальда. Он также был призван на предыдущий собор вместе с герцогом, но отказался дать удовлетворение. Также Марин и епископы отправили посольство, чтобы призвать Хильдегара, епископа Бове, явиться к ним, либо отправиться к святому престолу оправдываться в своих преступлениях, ведь он участвовал в посвящении тех вышеназванных лжеепископов. Призвали и Хериберта, сына тирана Хериберта, так как он причинял огромное зло церкви и епископам. А Видон, епископ Суассонский, многими обвиняемый в том, что он сам посвятил в епископы Хугона, сознался в своей вине собору и покаялся в содеянном, горько плача; тогда архиепископы Артольд и Роберт вступились за него, и он получил от собора прощение. Был оправдан и Викфрид, епископ Теруанский, также обвиняемый в участии в посвящении.

На соборе присутствовал посол Трансмара, епископа Нойонского, священник Сильвестр, который утверждал, что его епископа охватила столь сильная лихорадка, что он не смог приехать на собор, и свидетели подтвердили это перед лицом собора. После этого епископы разъехались вовсю. А Марин, приглашенный через послов королем Оттоном, уехал в Германию и освятил там церковь Фульдского монастыря, а затем на исходе зимы возвратился в Рим. По окончании этих событий расстался с жизнью Родульф, епископ Ланский, страдавший тяжелым телесным недугом. Ему унаследовал Рорикон², брат короля от конкубины, известный своими познаниями в науках.

83. Король посыпает когорты в Музон и берет 'его

Тем временем герцог Конрад собрал для короля войско со всей Бельгики, и по приказу короля три когорты были посланы к Музону, так как король узнал, что там заперся низложенный Хугон, а войско у него маленькое. Когорты подошли к городу в сумерках и внезапно напали на него со всех сторон. И осаждали они его доблестно и упорно. Поскольку немногочисленные защитники города едва ли умели обращаться с оружием, нападающие непрерывно изматывали их силы и теснили их. Когда одни уставали, их сменяли другие. И так без малейших потерь они побивали многих. Устрашенные натиском осаждающих, горожане на закате следующего дня вынуждены были сдаться вместе со своим господином. Но в суматохе низложенный Хугон сбежал, каким образом, неизвестно. Из защитников города нападавшие взяли в плен тех, кого сочли более знатными, разместили в городе своих воинов и ушли к королю.

84. Король берет Монте́жу

А король с войском осаждал замок под названием Монте́жу¹, расположенный близ Лана. И так как его стены были недостаточно прочными, и в нем нельзя было разместить большое войско, его обитатели не смогли долго сопротивляться упорной осаде. Итак, они признали себя побежденными и перестали сопротивляться. Король разместил во взятом замке своих людей и увел войско к Лану. Он начал осаду, используя все подступы к городу и наседая изо всех сил. Часто сражался на расстоянии, а врукопашную — девять раз. Но поход короля не ознаменовался заметным успехом. Приближалась зима, угрожала непогода, поэтому они не смогли соорудить военные машины, без которых нельзя было завоевать крепость, стоявшую на горе. По приказу короля войско ушло с тем, чтобы

вернуться, когда кончится зима. А король без сопровождающих вернулся в Реймс.

85.

Герцог Хугон же, пренебрегая проклятием епископов и отказываясь подчиниться королю, подступил к королевскому городу Суассону с большим войском норманнов и начал осаду. Напав на город, он одних убивал мечом, других смертельно ранил тучей стрел и камней. Горящими стрелами сжег дом матери нашей церкви. Обитель каноников и большую часть города спалил огнем. Но взять его не смог и тогда свирепо ринулся в округ Реймса, где король жил в одиночестве. Прослышиав о его появлении, сельские жители сбежались со своими пожитками в святые церкви. И тиран, не питавший жалости к толпе бедняков, больше 560 человек предал огню в церквях. Затем он вернулся к себе.

86.

А король Людовик послал королеву Гербергу к Оттону, се брату, чтобы тот скорее приходил на помощь. Она уехала, когда приближались пасхальные торжества и отпраздновала святую пасху¹ во дворце в Ахене с братом Оттоном. Туда съехались некоторые владетельные сеньоры из Германии и все из Бельгики. Присутствовали послы греков, итальянцев, англов и многих других народов. Посовещавшись с братом и получив от него обещание помощи, она невредимой возвратилась к королю Людовику.

87.

Людовик, разгневанный на тирана, решил, распалясь, не дожидаться помощи Оттона, поскольку счел, что обида останется неотмщенной, если он будет долго ожидать войска. Итак, он держал совет с моим отцом¹, ведь тот был его воином, способным дать совет, красноречия и храбрости великой. Поэтому король очень к нему привязался и часто совещался с ним. Мой отец² предложил королю и немногим присутствующим такой план взятия Лана: он сказал, что прежде сам выяснит, есть ли возможность захватить его и досконально разведает, позволяют ли это особенности местности и насколько тщательно горожане охраняют город. Затем, сказал он, он составит надежный план действий и приведет дело к столь успешному исходу, что не останется ничего такого, что требовало бы завершения.

88.

Пока король задержался на несколько дней в Реймсе, Родульф¹ — так звали моего отца² — выяснил с помощью своих

разведчиков, есть ли возможность исполнить задуманное. Послав лазутчиков, он узнал, что городские конюхи, числом пятьдесят или шестьдесят, изо дня в день под вечер выходят из города и относят в город охапки травы для лошадей, прикрыв головы от солнечного зноя. И так каждый день, в одно и то же время. Когда лазутчики рассказали об этом моему отцу³, он понял, что войско может проникнуть в город под их видом. Вернулся и так изложил задуманный план перед ним и немногими присутствующими:

89.

«Было бы великим делом, о король, попытаться исполнить это только силой оружия. Но так как для блага сеньоров следует прибегнуть к хитрости, то, по-моему, надо тайно разместить у горы несколько когорт. Затем надо подождать до того времени, когда конюхи выйдут пасти и поить лошадей. После того, как они в свое время выйдут, и лазутчики доложат нам, что они вышли, и сколько их, сразу отборнейшие юноши в том же числе, в такой же одежде, с таким же количеством лошадей, прикрыв головы, отвезут на лошадях охапки сена к воротам, как если бы это возвращались конюхи, которые немного раньше вышли из города. Они смогут укрыться от посторонних взглядов за высокими снопами и легко проникнут в город. А чтобы ты не подумал, что я говорю о невозможном, я сам буду руководить этим сражением. Мои люди будут держаться стойко и, с Божьего изволения, добьются успеха. Если же жители вовремя распознают уловку и нападут на горстку наших, мы твердо решили, что будем удерживать открытые ворота до тех пор, пока на звук наших труб не подойдут наши когорты или же каждый храбро падет на том месте, где стоял».

90.

Такой план действий показался всем подходящим. Вновь были отправлены лазутчики и подробно доложили о привычках конюхов, их одежде, количестве и времени, когда они выходят. Также в соответствии с их сообщением когорты были размещены в укрытии близ горы. Воины вместе с моим отцом, по числу конюхов, принесли присягу и отправились выполнить план. Итак, конюхи, числом 60, взяв оружие, как обычно, спустились с горы и с накрытыми головами пошли за королем. Они занялись сбором осоки вокруг и немного задержались с возвращением. И отец мой и те, кто под клятвой присосединился к нему, отважно вышли и, сбившись толпой и накрыв головы, по обычаям конюхов, своевременно пустились в обратный путь со связками осоки, полностью закрыв лица

большими связками. При их приближении ворота распахнулись и они вместе проникли в город. Тут они затрубили в трубы и взбудоражили город громкими криками. Горожане, распознав их уловку, бросились с оружием на врагов. Все упорно сражались, многие мощно напирали на немногих. Но королевские воины были защищены с левой стороны — некоей башней, справа же — домами, а со спины стеной и знали, что сзади подходит большое войско, поэтому они сражались увереннее. Однако они не дерзали двинуться вперед на врага, чтобы противники за их спинами не проникли к воротам и, вновь напав, не окружили их и не поубивали. Каждый изо всех сил сражался там, где стоял. И уже все они были сильно изранены, когда королевские когорты, поднятые трубными звуками, вырвались из укрытия, ринулись к уже почти побежденным сотоварищам, вошли в защищенные ими ворота и начали нещадно избивать горожан. Когорты сразу же одолели горожан и захватили всех, кроме немногих, которые укрылись в башне¹.

91.

Заполучив город, король Людовик никак не мог захватить башню; тогда он отрезал ее от города, подведя изнутри стену. Когда герцог узнал о случившемся, он поспешил туда с войском, но не сумел ничего добиться силой и в печали ушел к себе. Говорят, он смог только оставить в крепости свое войско.

92.

Подошел срок, к которому король поджидал войско от короля Оттона. Итак, прибыл посланный королем Оттоном герцог Конрад с войском, собранным со всей Бельгики. И король Людовик вступил на герцогскую землю с войском из Бельгии. Сначала он подошел к Санлису. Желая взять его с первого удара, он убрал от города все препятствия: сжег пригороды и сровнял с землей все, что поднималось над ней. Затем начал осаду и окружил город. Обе стороны отчаянно сражались, с обеих сторон было много раненых. Но белги, понеся большие потери от городских арбалетчиков¹, перестали сопротивляться. Ведь они не использовали против горожан ничего, кроме «черепах» из щитов². Поэтому по приказу короля они отступили от города, не только из-за натиска арбалетчиков, но и из-за хорошо укрепленных башен.

93.

Итак, он повернул в другую сторону и безжалостно уничтожил все, что считалось принадлежащим герцогу, на расстоянии в 40 миль, вплоть до реки Сены. Но река воспрепятство-

вала дальнейшему продвижению королевской конницы, тогда король с благодарностью вернул войско, а свое увел к себе. А герцог собрал войско и повел по следам короля в Суассон.

94.

Там он столкнулся с королем, но благодаря посредничеству епископов Видона Оксерского и Ансегиза, епископа Труа, они обменялись клятвой и согласились отложить решение своего спора и сохранять перемирие до пасхи. Все это произошло в июле месяце.

95.

В это время в Риме, в базилике святого апостола Петра состоялся собор под председательством папы Агапита. На нем сам папа в присутствии итальянских епископов утвердил решение собора, состоявшегося в прошедшем году в Ингельхайме, и остальным велел утвердить его. Также он сам проклял Хугона, герцога Галлии, проклятого на вышеназванном соборе, до тех пор, пока тот не даст удовлетворения своему королю или не приедет на суд в Рим. И сразу записали и скрепили формулу анафемы в подтверждение анафемы епископов Галлии.

96.

Итак, галльские епископы, побужденные подтверждением анафемы, съехались к герцогу и горько жаловались ему. Они доказывали герцогу с помощью постановлений отцов и священных канонов, что никто не должен противиться своему господину и не смеет ничего замышлять против него. Они ясно показали, что, согласно велению апостола, королю следует оказывать почет¹, говорили, что подданные должны подчиняться не только королю, но и всем могущественным людям, которые стоят над ними. Кроме того, крайне опасно упорно пренебрегать апостольской анафемой, так как это есть меч, который пронзает тело до самой души и так отторгает дух убитого от царства блаженных. Говорили, что они сами окажутся в опасности, если пренебрегут разоблачением того, кто несет угрозу для душ.

97.

Побежденный этими доводами герцог смиленно просил короля помириться с ним и обещал дать ему удовлетворение. Посредниками в установлении мира и согласия между ними были герцог Конрад и Хугон по прозвищу Черный, а также епископы Адальберон и Фульберт. В установленный день король и герцог встретились и, посовещавшись на берегу реки

Марны, при посредничестве вышеназванных знатных мужей великодушно вернулись к полному согласию¹. И насколько сильно прежде друг против друга свирепствовали, настолько полно с этих пор упивались дружбой. Итак, герцог Хугон принес королю присягу под клятвой и с вложением рук и вернул ему башню Лана, покинутую его людьми, обещая отныне верно служить ему.

98.

Получив от короля приказ, он подготовил для короля войско к походу в Аквитанию. С этим спешно собранным войском король отправился в Бургундию для решения неотложных дел. Там он разбил лагерь на землях Маконне и к нему поспешил Карл Константин¹, владетель города Виенна, назвался его человеком и присягнул на верность. Он был рожден от кого-то из королевского рода, но его презирали, так как он происходил от незаконной ветви, начиная с отдаленных предков; это был муж, умудренный годами, израненный в многих военных стычках, много раз отличавшийся в успешных сражениях с превосходящим числом пиратов. Прибыл также Стефан, прелат Оверни, и поручил себя королю. Также приехали усердные послы от Вильгельма, государя Аквитании, чтобы дать клятву в верности за своего государя. Вручив им знаки власти, король с герцогом отвели войско в город Безансон, столицу генавнов², который расположен в Альпах и омыается рекой Ду. Там Летольд, владетель этого города, пошел к нему на военную службу.

99.

Удачно завершив эти дела в разгар осени, король занемог холерой от изменения элементов в природе и мучился от сильной лихорадки. Пока он страдал этим недугом и не мог заниматься военными делами, герцог по его приказу увел войско. А граф Летольд во время болезни короля преданно и ласково за ним ухаживал. И в переломный день от начала лихорадки, протекавшей неравномерно, король поправился полностью и не опасаясь возвращения болезни. Через 30 дней¹, чтобы тело окрепло, он вместе с Летольдом вернулся во Францию.

100.

Когда он достиг внешней Бургундии, то узнал из рассказов путников о том, что некие злодеи донимают провинцию разбоем и грабежами, то есть об Ангильберте и Гозберте, построивших некое укрепление под названием Бриенн, где они укрывались после своих преступных вылазок. Явившись туда, король осадил его, воевал долго и со славой и наконец взял

крепость и разрушил. А разбойникам, которые умоляли Летольда заступиться, позволили уйти, дав клятву.

101.

В то время, когда король так задержался в Бургундии, его мать, королева Этгива, не известив его, вышла замуж за графа Хериберта¹ и уехала с ним, оставив город Лан. Король был чрезвычайно возмущен этим, поспешил вернуться и вступил в Лан с женой, королевой Гербергой. Он отнял у матери недвижимое имущество и дома и поручил жене.

102.

Тем временем¹ королева Герберга родила в Лане близнецов. Одного из них назвали Карлом², другого — Генрихом. Но Генрих сразу по принятии крещения умер в белых одеждах. А Карл вырос крепким, как подобает мужу.

103.

Король Людовик, возвращаясь в Реймс и подъехав к реке Эне, увидел бегущего по лугу волка¹. Разогнав коня, он бросился за ним и погнал в сторону от дороги. И поворачивал коня за каждым поворотом зверя. Он не успокоился, пока не перегнал на коне бегущего волка. Но конь, принужденный скакать по непроходимому месту, наткнулся на кочку и упал. Король сильно пострадал при падении, его люди подняли его и с грустью отвезли в Реймс. Он мучился и боль терзала все его тело. Болезнь была долгой и изнурила все его внутренности, затем под действием прилива дурных соков его охватила слоновья болезнь². Долго он страдал ею и в год правления 18-й, от рождения же 36-й³ окончил последний день своей жизни и был под всеобщие громкие стенания похоронен в обители монахов святого Ремигия, которая отстоит от города почти на милю.

КНИГА III

1.

По окончании похорон короля Герберга отправила послов к своим братьям, королю Оттону и архиепископу Брунуону¹, ставшему герцогом, а также к Хугону, герцогу Галлии, прося их, чтобы Лотарь, ее сын, унаследовал умершему отцу. Итак, от короля Оттона прибыли все владетельные сеньоры Бельгики во главе с герцогом Бруноном, и некоторые из Германии. Приехал Хугон, герцог Галлии. Съехались и сеньоры из Бургундии, Аквитании и Готии, а также епископы из разных областей и городов. Всех их собрали в Реймсе, у королевы Герберги одно намерение: все единодушно желали, чтобы Лотарь унаследовал покойному отцу.

2.

Итак, с общего согласия Артолльд, Реймский архиепископ, с помощью Брунона, дяди Лотаря по матери, под радостные крики знатных людей из разных народов, короновал двенадцатилетнего Лотаря¹ в базилике святого Ремигия, где отец его был погребен и упокоился рядом с другими королями. После коронации его мать Герберга и знатные сеньоры с большими почестями отвезли его в Лан, который с давних пор был королевской резиденцией. Герцог всегда был с ним неразлучен и, чтобы добиться большой благосклонности короля, он воспользовался тем, что сеньоры разъехались вовсю, чтобы совещаться с королем частным порядком. И чтобы показать, насколько прочна его верность, он пригласил короля и его мать осмотреть все большие и малые города, принадлежащие ему в Нейстрии, и получил согласие.

3.

Герцог провез короля и его мать по Нейстрии и подобающим образом принял его в Париже, Орлеане, Шартре, Туре, Блуа и во многих других больших и малых городах Нейстрии. Оттуда они направились с войском в Аквитанию, и, когда герцог Вильгельм¹, предупрежденный послами, не пожелал поспешить к ним навстречу, осадили Пуатье, полагая, что герцог находится там. Пока войско упорно осаждало город и занимало горожан продолжительными военными действиями, некие королевские люди тайно проникли в замок святой Радегунды, соседствующий с городом, захватили и сожгли его. Через два месяца они наконец узнали, что герцога там нет, и

сняли осаду, так как войско было изнурено из-за нехватки продовольствия.

4.

А Вильгельм отправился в пределы Оверни, которая составляет часть Аквитании, вывел воинов из крепостей, готовя войско к войне. Собрав его, он пошел на короля. Узнав об этом, король с помощью герцога повернул войско назад и повел на врага. Подняв знамена, они сошлись. Завязалась яростная битва, с обеих сторон гибли люди. Но королевская конница одержала верх и обратила аквитанцев в бегство. Королевское войско их преследовало. В бегстве некоторые из аквитанцев были убиты и многие захвачены в плен. А Вильгельм с двумя спутниками бросился в сторону и едва ускользнул, укравшись в горах.

5.

Король, прославившись успешной битвой, повелел вести войска на Пуатье, так как полагал, что очень легко взять город теперь, когда войско еще пылает отвагой недавнего сражения, а горожан скованы великим страхом из-за бегства своего государя и несчастного исхода его военного похода. Порадовавшись доблести короля, герцог повел к городу войско, хотя и утомленное, но воодушевленное столь блестящим успехом. А горожане, измученные войной, умоляли сохранить им жизнь и просили оставить город невредимым. И хотя войско хотело с боя ворваться в город и увезти добычу, герцог разубедил их и город не тронули по приказу короля. Король же взял у горожан заложников, сколько пожелал. Так благодаря заступничеству герцога город был избавлен от нашествия войска и осаду сняли, заключив мир, а король, добившись такого успеха, вернулся в Лан вместе с герцогом и войском. А герцог, возвратившись в Париж, занемог, болезнь усилилась и он окончил свою жизнь и был погребен в базилике святого Дионисия мученика¹.

6.

Между тем король Оттон вел войну с Булизлавом¹, королем сарматов, а некий Рагенерий, которого Оттон послал охранять Бельгику, совершил много недозволенного. Среди прочего он с безрассудством тирана захватил королевские поместья и земельные владения королевы Герберги, находившиеся в Бельгике². Королева сразу же стала советоваться со своими людьми, как вернуть земельные владения и королевские поместья.

7.

Они решили, что из них мой отец лучше всего подходит для выполнения этого и попросили его постараться придумать что-нибудь. Однако он и сам решил совершить это дело и сказал так: «Позвольте мне обдумать это предприятие в течение нескольких дней. И если только возможно будет осуществить это нашими силами, то, без сомнения, за это время я придумаю план действий. А вы тем временем займитесь другими вещами. Пусть у вас все будет готово, чтобы, если только Бог пошлет нам возможность совершить это, вы без промедления могли взяться за дело». И они разъехались восвояси.

8.

Итак, мой отец направил к замку вышеназванного Рагенерия под названием Монс¹, где находилась его жена с двумя маленькими сыновьями, двух своих людей, которых он сам наставлял в военном деле, чтобы они осторожно разузнали, как выглядит эта местность, сколько там воинов, велики ли богатства в замке, где выход для прислужников и насколько приложен ночной дозор. Отправились два лазутчика в бедной одежде и дошли до самых ворот замка. Тогда там возводили стены поперек самых лучших строений. Поэтому носильщики с камнями и щебенкой часто выходили через ворота и возвращались, передавая свою ношу тем, кто руководил работой. Пришли к ним и лазутчики и предложили себя для доставки камней. Им поручили работу и выдали вьючные корзины. Они переносили щебенку и камни и каждый день получали по монете. Госпожа дважды кормила рабочих, и лазутчики вместе с каменобойцами и каменотесами с любопытством все осматривали. Они подробно разведали, где спальня госпожи и место отдыха ее детей, где входят и выходят прислужники, в какое время что делается, где в замке лучшие места для засады. Они провели там четыре дня, приближалось воскресенье. Приняв плату за труды, они были освобождены от работы. Итак, они возвратились, все разузнав, и доложили моему отцу весьма важные сведения.

9.

Преисполнившись надежд, он известил королеву и с двумя когортами подошел к замку, подступив к искомому месту ночью, по совету тех, кого посыпал прежде. Захватив ворота и все выходы, он поставил стражу, чтобы никто не убежал. А сам свирепо направился в спальню госпожи. Войдя в нее, он захватил в плен мать с двумя детьми. А прочие предались дележу дорогих украшений. Он взял в плен и воинов и сжег

замок. Спалив его, он вернулся к королеве Герберге с пленной госпожой и детьми и захваченными воинами¹.

10.

Узнав об этом, Рагенерий под давлением необходимости просил Брунона, брата королевы, чтобы королева поскорее назначила переговоры, на которых он вернет себе жену и детей, а королева получит поместья и земельные владения. Было назначено время встречи.

11.

Пока это происходило, Роберт, граф Труа, сын тирана Херберта¹ и брат низложенного Хугона, причинил королю Лотарю следующую обиду. Он жаждал захватить королевский замок, который называется Дижон, возведенный на берегу быстрой реки Уш, так как полагал, что если только сможет завладеть им, в его руки перейдет лучшая часть Бургундии. Итак, он с помощью послов подговорил начальника замка перебежать к нему, многое обещая и еще больше суля под клятвой. Он говорил, что служа королю, тот сильно нуждается; у него же, утверждал он, тот получит достаточно добра, несколько замков и другие желанные отличия. Тогда юноша, охваченный желанием разбогатеть, попросил назначить плату за предательство. И они назвали сумму оплаты. Он также попросил их поклясться в том, что обещанное будет исполнено и получил клятву. В удобное время он впустил в замок тирана с большим войском и пошел к нему на службу, поклявшись в верности. Когда замок захватили, королевские воины были изгнаны с позором. В замке разместили воинов тирана.

12.

Об этом доложили королю, и король отправил послов к Бруону, дяде с материнской стороны, прося у него войско. Бруон не медлил и с двумя тысячами воинов из Бельгики занял владения тирана и осадил город Труа. А король с матерью повели войско к отнятому замку. Так как тирану угрожали сразу два войска, он сдался и просил милости. Его заставили дать заложников и принести присягу и выдать того, кто сдал ему замок. И по приговору короля его вскоре обезглавили на глазах отца перед воротами города.

13.

А король, завладев замком, вернулся с матерью в Лан. Туда к королю стеклись сеньоры из разных мест. Были среди них и два сына покойного герцога, Хугон¹ и Оттон², которые перед всеми поклялись верно служить королю. В ответ на их дружес-

любие король выказал неменьшую милость и сделал Хугона герцогом, как отца, а сверх того прибавил к его герцогству земли Пуатье, Оттону же пожаловал Бургундию.

14.

Во время этого распределения владений достопочтенный архиепископ Артольд усердно трудился весь день напролет, истекая потом от солнечного жара, так что ему пришлось сбросить верхнюю одежду. Тут-то осенний холод и проник в его тело через поры, открывшиеся от жары; внутреннее охлаждение породило болезнь печени, и, терзаемый сильной болью, он окончил последний день своей жизни накануне октябряских календ, на двадцатый год своего архиепископства¹.

15.

Когда его похоронили, Хугон, которого король недавно сделал герцогом¹, смиренно пришел к королю и просил восстановить его архиепископский сан, напоминая, что он был избран еще до Артольда, и Артольд сменил его не из-за его преступлений, а из-за зависти короля Родульфа. Итак, он настаивал, чтобы ему возвратили архиепископство. И тотчас же королевским декретом было установлено, что через 40 дней состоится собор епископов.

16.

По прошествии этого срока в округе Mo¹, на берегу реки Марны, в селении² состоялся собор 13 епископов из Реймского и Санского диоцезов под председательством епископа Санского. Среди них находились и сторонники Хугона, в основном те, кто был близок к герцогу³, то есть епископы Орлеанский, Парижский и Санлисский⁴; и они при всех советовали избрать Хугона. С ними спорили епископы Рорикон Ланский и Гибуин Шалонский, упорно настаивая на том, что отлучение, провозглашенное множеством епископов, не может быть снято меньшим их числом, и рассмотрение дела отложили до тех пор, пока от папы Римского не придет ответ на запрос.

17.

Немного спустя папа Иоанн¹, который уже сменил Октавиана, преемника Агапита, направил в Галлию посольство, утверждая, что вышенназванного низложенного Хугона и итальянские епископы как на Римском соборе, так и на том, который недавно состоялся в Павии, предали анафеме до тех пор, пока не перестанет он вновь и вновь творить недозволенное. Как только послы сообщили об этом, было решено не рассматривать жалобу Хугона. Хугона принял к себе его брат

Роберт и спустя немногих дней тот умер в Монреале от чрезмерных волнений.

18.

Тогда архиепископ и герцог Брунон просил у короля архиепископства для некоего члена коллегии каноников Метца по имени Оделрик¹. Добившись этого, он представил его королю. То был человек выдающийся, славящийся богатством, знатностью и образованием; король спросил у него, дерзнет ли он принять архиепископство от щедрот короля. Ведь этой кафедры домогался и другой известный человек, которого поддерживал герцог. Но Оделрик, будучи человеком храбрым, ответил, что если король предлагает ему архиепископство, то он принимает его и будет защищать ото всех врагов. И тем самым он навлек на себя ненависть герцога.

19.

Итак, он был посвящен в базилике святого Ремигия¹ епископами Реймского диоцеза: Видоном Суассонским, Рориконом Ланским, Гибуином Шалонским², Хадульфом Нойонским и Викфридом Верденским. Как только его посвятили в архиепископы, он сразу в соответствии с церковными законами призвал тиранов, посягавших на достояние его церкви, явиться и дать удовлетворение. И дал им на размышление три раза по сорок дней.

20.

По прошествии этого срока он предал анафеме Тетбальда Турского¹ и других расхитителей церковного имущества. Через несколько дней они явились, охваченные раскаянием, чтобы дать удовлетворение прелату, и законным порядком вернули похищенное добро. Итак, архиепископ принял от Хериберта богатое и многолюдное селение Эперне, а от Тетбальда — замок Кузи и освободил их от оков проклятия. А замок он передал на условиях военной службы сыну Тетбальда, который принес ему присягу.

21.

В то время расстался с жизнью Арнульф, граф Теруанский¹. Вступив в его владения, король Лотарь милостиво вернул их сыну покойного и связал его и его воинов священной клятвой.

22.

А сми счастливо унаследовал Адальберон¹, муж королевской знатности, также из коллегии Метца. Далее будет рассказано, как он защищал своих друзей, и как претерпел от

завистников больше, чем заслуживал. В самом начале, после своего избрания², он прилагал большие старания, чтобы восстановить свою церковь³. Он полностью разобрал массивные своды, которые загромождали почти четвертую часть всей базилики. Поэтому церковь украсилась и более просторными нефами, и более впечатляющим устройством. Также поместил у входа тело святого Каликста, папы и мученика, с должным почетом — на возвышении, посвятив ему алтарь и прибавив часовню, удобную для молящихся. Главный алтарь он украсил золотым крестом и с двух сторон обвел сверкающей оградой.

23.

Кроме этого он велел сделать переносной алтарь искусственной работы. В четырех углах алтаря, от которого священник обращается к Богу, стояли изображения четырех евангелистов, выполненные из золота и серебра. Их свисающие одежды спускались с боков алтаря до середины, их лица были обращены к агнцу непорочному. Он также велел сделать ковчег Соломона. Сделал и канделябр из семи светильников, все семь срастались в одно, это означало, что семь даров благодати исходят от единого Духа. Ковчег он сделал не менее красиво и хранил в нем ветвь и зерно, являющиеся священными реликвиями. Для украшения церкви он развесил венцы, стоявшие недешево; окна осветил витражами разного содержания, а для звона повесил звучные колокола.

24.

Каноников же, которые жили в отдельных жилищах и заботились только о своем, он наставлял жить по закону общежития. Поэтому он пристроил к их монастырю здание, где они каждый день пребывали вместе, а также dormitorий, где бы ночью отдыхали в молчании, и общую трапезную, где они за общим столом подкрепляли бы свои силы. И предписал, чтобы они во время проповедей в церкви переговаривались только знаками и только если это вызвано необходимостью¹; чтобы принимали пищу вместе и молча, а после трапезы пусть в благодарность поют хвалы Богу. По завершении же всех дневных молитв² пусть не нарушают тишины до утренних хвалений³. Поднятые звоном колоколов, пусть поспешат отправить хваления. После первого часа дня никто не может свободно покинуть обитель, кроме тех, кого заставляют выйти из обязанности. И чтобы никто по незнанию не уклонился от выполнения своего долга, он предписал ежедневно зачитывать правила святого Августина и писания отцов церкви⁴.

25.

Что до монахов, то он с несказанной любовью и усердием исправлял их нравы и отделял их от общества мирян. Он не только пекся о том, чтобы они прославились отменным благочестием, но и был столь разумен, что заботился о приумножении их имущества и следил, чтобы оно не уменьшалось. Он ко всем относился с большой любовью, но особую любовь питал к монахам святого Ремигия, покровителя франков, поэтому, стремясь закрепить за ним на будущее их имущество, он поехал в Рим¹. И поскольку он был человеком решительным, знатным и славился у всех молвой о целомудренной жизни, благословенной памяти папа Иоанн² принял его с большим почетом. Они много беседовали, затем по его приказу Адальберон в присутствии двенадцати епископов отслужил праздничную мессу в день рождества Господня. И был он у него в такой милости, что папа велел ему просить, чего пожелает.

26. *Как архиепископ Адальберон просил у папы Иоанна грамоту на владения святого Ремигия*

Тогда славный муж начал так: «Святой отец, ты осыпал меня милостями, как родного сына, и я чрезвычайно привязан к тебе, поэтому, полагаю, то, что я у тебя попрошу, не обременит тебя. Я знаю, что заботливый отец радуется, принимая на себя бремя ради сына. Но то, что я хочу попросить, не будет особенно обременительно столь заботливому отцу, а просящему доставит большое удовольствие. Есть у меня в Галлии обитель монахов, расположенная недалеко от города Реймса. Там достойно упокоилось тело святого Ремигия, покровителя франков, и ему воздается должный почет. Желая закрепить за ней на будущее ее владения, я прошу вас утвердить сейчас вашей властью привилегию; то есть вашей апостольской властью закрепить и упрочить за монастырем земли возделанные и невозделанные, леса и пастбища, виноградники и сады, реки и водоемы, разрешение укрепить свой монастырь, безраздельную власть над деревнями и всеми сторонами их жизни, наконец, владение движимым и недвижимым имуществом. Кроме того, я в вашем присутствии и призывая в свидетели этих епископов, передаю этой обители аббатство святого Тимофея, которое находится в нашей власти, чтобы они отныне заботились о бедняках и чтобы служители Бога сохранили в обители память о нас. Пусть аббатство перейдет под власть вышенназванного святого и прибавится к вышеперечисленным владениям, и права на него также будут подкреплены вашей властью».

27.

На это папа ответил: «Я с радостью соглашаюсь закрепить нашим апостольским решением имущество за господином и покровителем нашим Ремигием, чтобы оно отныне было в безопасности, а также прибавить к нему любую часть ваших владений, какую пожелаешь. Я не только сам скреплю эту грамоту своей подписью, но и всем присутствующим епископам велю подписать». И сразу приказал составить грамоту и, записав ее, прочесть при всех.

28.

Содержание грамоты было приблизительно следующим: «Иоанн, раб рабов Божьих ...»¹.

29.

Когда это донесли до слуха всех присутствующих, он сразу заверил свою подпись печатью и дал скрепить епископам. После этого архиепископ с разрешения папы и епископов уехал, вернулся в Галлию и взял путь к гробнице вышеназванного святого, чтобы поднести ему в присутствии монахов грамоту с привилегией. Монахи, приняв преподнесенную им грамоту, отправили ее в архив на хранение и должным образом возблагодарили архиепископа за такую милость.

30. Альберон добивается подтверждения привилегии собором епископов

Шесть месяцев спустя после этих событий тот же архиепископ созвал собор епископов на горе святой Марии, которая принадлежит к Реймскому диоцезу¹. Собор открылся, и, после того, как епископы приняли некоторые постановления канонического собора и на благо святой церкви, епископ поведал им следующее: «Достопочтенные отцы, поскольку мы собрались здесь благодаря圣ому Духу и приняли постановления, которые показались нам нужными для блага святой церкви, нам предстоит решить еще одно дело, очень приятное для меня и полезное некоторым сынам нашей церкви и ныне, и в будущем. Я полагаю, вам следует узнать о нем и засвидетельствовать его вашей властью. Вам хорошо известно, что семь месяцев назад я поехал в Италию, прибыл в Рим и наслаждался дружеской беседой и благосклонностью папы Иоанна, который побудил меня просить, чего я желаю. Я решил просить, чтобы он своей властью издал привилегию, защищающую имущество господина и покровителя нашего Ремигия от всевозможных тиранов, а также присоединил к нему аббатство святого Тимофея, пожалованное мной, и легко добился этого. Итак, он приказал составить грамоту и зачитать ее в присут-

ствии двенадцати епископов и дал им подписать ее. Я прошу вас тоже подписать эту грамоту, скрепленную печатью папы. Заверенная столь большим числом людей, она обретет такую силу, что ничьи темные замыслы не смогут нарушить ее. Поэтому я и хотел бы, чтобы вы заверили ее». Собор сказал: «Заверяем». Затем архиепископ зачитал собору принесенную грамоту и передал епископам, и каждый из них приложил к ней руку, заверяя ее. Монахи, присутствующие там, приняли грамоту и вновь отнесли ее в монастырский архив.

31. Жалоба архиепископа по поводу благочестия монахов и соблюдения обрядов

Пока они обсуждали это и другие полезные дела, архиепископ печально пожаловался на благочестие монахов, ведь обряды, принятые издревле,искажались и изменялись некоторыми из них. Поэтому он в присутствии епископов постановил, чтобы съехались аббаты из разных обителей и надлежащим образом посовещались. Было назначено время и место проведения совещания; после чего собор был распущен.

32. Как аббат Родульф был избран председателем совещания аббатов

Между тем подошло время совещания и собрались аббаты из разных мест. Лучшее место и первенство было отдано Родульфу, аббату из обители святого Ремигия, мужу благословенной памяти. Он председательствовал и пользовался почестом, подобающим прелату, остальные разместились вокруг него. Архиепископ же сидел напротив него в плетеном кресле. По приглашению председателя и других отцов, он так начал свое выступление:

33. Вступительное слово архиепископа на совещании аббатов

«Очень важно, святейшие отцы, чтобы добрые люди собрались вместе и вместе взрастили плоды добродетели, ведь они тем самым послужат добрым людям и приготовят добрые дела. Напротив, очень опасно, когда объединяются люди дурные, чтобы замышлять и исполнять преступные дела. Поэтому я увещеваю вас, кого я собрал здесь именем Бога, искать блага и не замышлять ничего дурного. Да не имеют над вами никакой силы мирские любовь и ненависть, которые губят правосудие и душат справедливость. Идет молва, что древние обычаи вашего ордена сверх меры удалились от древней чистоты; ведь вы соблюдаете правила по-разному, одни — так, другие иначе, как кто хочет или считает нужным. Поэтому многое надо изменить, дабы достичь истинной святыни. И я

должен увещевать вас, собравшихся вместе милостью Бога, желать одного и того же, одно и то же думать, действовать одинаково, чтобы общая воля, общее желание, общий труд возвратили отвергнутую добродетель и решительно изгнали позорное бесчестье».

34. Ответ председателя и его негодование против дурных людей

На это председатель совещания аббатов сказал: «Твоя речь, святейший отец, запомнится надолго, ведь ты желаешь и телесной чистоты, и спасения душ. Известно, что никто не достигнет подлинной добродетели, если не укрепится духом и приложит старания, отыскивая благое, а то, что надлежит отвергать, не отвергнет. Ясно, что мы совершили преступление, так как уклонились от изыскивания благого, как должно. И следует остановить это, сурою осудив, ведь не малодушие ввергает нас в этот грех, и не нужда толкает к нему».

35. Председатель возмущается монахами

«Какая же сила толкает монаха, призванного на службу Господу в монастырской обители, заводить кумовьев и называться кумом? Подумайте, насколько это противоречит уставу вашего ордена. Говорю вам, кто такой кум? Если избрать из возможных толкований этого слова наиболее распространенное, то это человек, у которого есть отец и который сам является отцом. Но если он является отцом, он, без сомнения, имеет сына или дочь. Поэтому его скорее можно назвать распутником, чем монахом. А что можно сказать о куме? Что подразумевается под этим словом у мирян, как не женщина, способная на разврат? Говоря подобное, я не осуждаю мирян, но отвергаю недозволенные обычаи в нашем ордене. Поскольку эти обычаи неуместны, следует решительно запретить их». К этому достопочтенный архиепископ прибавил: «Если собору угодно, эти обычаи будут запрещены». Собор сказал: «Запрещаем». Итак, по приказу архиепископа и с общего согласия эти обычаи были запрещены.

36. Второе возражение председателя

И снова начал председатель: «Я снова разоблачаю обычаи, противоречащие уставу нашего ордена. Известны некоторые братья, имющие опасную привычку постоянно уходить из монастыря в одиночестве, чтобы оказаться в одиночестве снаружи, без свидетелей своих поступков, и, что хуже всего, они выходят без благословения братьев и возвращаются без него. Нет сомнения в том, что гораздо легче обмануть тех, кто не защищен щитом братского благословения. Поэтому обвините-

ли упрекают нас в бесстыдном образе жизни и дурных обычаях, и использовании собственных денег. Мы должны согласиться с этими обвинениями, поскольку не можем выставить свидетелей, которые опровергли бы их. Поэтому следует запретить это вашим решением». Собор сказал: «Воспрещается». И достопочтенный епископ добавил: «Мы также воспрещаем это нашей властью».

37. Третье возражение председателя

К этому председатель добавил и другое: «Поскольку я уже начал говорить о пороках нашего ордена, то, полагаю, я ничего не должен оставлять на потом, дабы пороки эти были устранины и наше благочестие засияло, словно безоблачное небо. Ведь есть в нашем ордене и такие, кто открыто возлагает на голову шапки с наушниками и предпочитает чужеземные меха предписанным обычаем шапочкам, и отвергает скромные одеяния, надевая роскошные одежды¹. Они жаждут одеваться в дорогие туники, облегающие бока, с рукавами и развевающимися полами, так что со спины они своими обтянутыми талиями и выставленными ягодицами напоминают скорее блудниц, чем монахов».

38. О чрезмерном разноцветье одежды

«А что можно сказать о цвете одежд? Монахи настолько подвержены соблазну, что пытаются явить свое достоинство с помощью расцветок. Если туника не черного цвета, они ни за что не согласятся надеть ее, и если во время окраски черный смешать с белым, такую одежду также отвергнут. И желтый они отвергают. И природный черный цвет недостаточно хороший, если ткань не пропитана соком древесной коры; вот что я скажу об одежде».

39. Об избытке обуви

«Что же мне сказать об избытке обуви? Они так безумствуют в этом, что причиняют себе большое неудобство. Они надевают такую узкую обувь, что она стесняет и почти стреноживает их. Они также укрепляют на обуви острые носы и водружают с обеих сторон ушки и с большим трудом добиваются того, чтобы они не болтались. Кроме того, они требуют от своих прислужников, чтобы обувь блестела».

40. Об избытке белья и предметов роскоши

«Могу ли я умолчать о дорогом белье и меховых покрывалях? Я думаю, из-за того, что наши предшественники некогда получили дозволение надевать скромные меховые одежды, в орден прокрался порок излишества. Они украшают одежду чужеземной каймой шириной в два пальца, а сверху надевают

ткани из Норика¹. Никогда не разрешалось использовать по-лотно для белья, но некие менее благочестивые братья и других вовлекли в это излишество, и их число в разных монастырях очень велико, и множество дурных монахов подавляет горстку добрых».

41. Негодование по поводу коротких штанов

«А что я скажу о неподобающе коротких штанах? Их штаны длиной всего четыре раза по полтора фута, а материя такая тонкая, что не скрывает срамные части от взглядов. Количество материи, которого не хватило бы на одну пару, им достаточно, чтобы сшить две. Скажите, не желаете ли вы запретить все, о чем я рассказал вам? А остальное можно исправить и на наших частных совещаниях». Собор сказал: «Запрещаем».

42. Ответ архиепископа председателю

Ко всему этому архиепископ добавил: «Вам, с вашей строгостью, достаточно сказать немногое, чтобы пощадить многих, но поскольку вы рассудили, что из тех пороков, в которых мы упрекаем ваш орден, одни следует исправлять нам, а другие вам, на ваших частных совещаниях, я разделяю и одобряю ваше мнение. Поэтому мы своей властью запрещаем то, что вы просили строго воспретить. Мы предоставляем вам исправить и то, о чем вы умолчали». После этих слов собор был распущен. С тех пор благочестие монахов процветало, ведь архиепископ, лучше всех знатный религиозные установления, воодушевлял и увещевал их. А чтобы все отвечало его благородным намерениям, он всячески старался как следует наставить сынов своей церкви в свободных искусствах.

43. Герберт приезжает в Галлию

Пока он раздумывал над этим, Бог послал к нему Герберта¹, мужа великих природных дарований и чудесного красноречия, который подобно сияющему лучу озарил и просветил всю Галлию. Аквитанец по рождению, он был с детства взращен и обучен грамматике в обители святого исповедника Герольда². Пока юноша усердно обучался там, Боррелю, герцогу ближней части Испании³, случилось приехать в ту же обитель помолиться. Аббат любезно принял его и в ходе беседы спросил, есть ли в Испании люди, сведущие в свободных искусствах. Герцог ответил утвердительно, и тогда аббат уговорил его взять кого-нибудь из его монахов и увезти с собой, чтобы тот обучился свободным искусствам. Герцог не отказал в его просьбе и с согласия братьев взял Герберта, увез в Испанию и поручил епископу Хаттону⁴ наставлять его. С ним Герберт

много и успешно изучал математику. Но когда Пророчество пожелало возвестить свет в покрытой мраком Галлии, оно навело на вышеназванного герцога и епископа на мысль совершить паломничество в Рим. Приготовив все необходимое, они отправились в путь и взяли с собой вверенного им юношу. Приехав в Город и помолившись у гробниц святых апостолов, они пришли к блаженной памяти папе⁵, представились ему и радостно преподнесли из своего имущества то, что ему понравилось.

44. Как Хаттон умер во время посещения Рима¹

От папы не укрылось усердие юноши и его желание учиться. И так как музыка и астрономия в то время были неизвестны в Италии, папа сразу же известил через послов Оттона, короля Германии и Италии², что к нему прибыл такой юноша, который превосходно знает математику и может с пользой обучать других. Король посоветовал папе задержать юношу и никоим образом не позволять ему уехать. Герцогу и епископу, которые приехали из Испании вместе с ним, папа сказал просто, что король желает на время удержать юношу при себе, а немного спустя с почетом отошлет его и сверх того хорошо отблагодарит. Итак, он уговорил герцога и епископа отпустить юношу на этих условиях и вернуться в Испанию. Юноша остался при папе и был им доставлен к королю. Король спросил, каковы его познания, на что он ответил, что он достаточно хорошо знает математику, но желает еще изучить науку логику. Так как он упорно старался достичь этого, он ненадолго задержался там, занимаясь преподаванием³.

45. Как король Оттон поручил его логику

В то время лучшим из логиков считался Геранн¹, архиdiacon из Реймса. Король франков Лотарь отправил его тогда послом к королю Оттону. Обрадованный его приездом юноша пришел к королю и добился того, чтобы его приставили к Геранну. И он оставался некоторое время при Геранне и сопровождал его в Реймс. Он изучал у него науку логику и вскоре преуспел в ней, а Геранна учили математике, но сложность этого искусства устрашила того и он отказался от музыки. Тем временем Герберт стал известен вышеназванному архиепископу² своими выдающимися познаниями и снискал его милость. Поэтому по его просьбе архиепископ поручил ему наставлять в свободных искусствах³ толпу учеников.

46. В каком порядке он использовал книги для обучения

Он бегло коснулся диалектики в том порядке, в каком указаны эти книги: прежде всего он растолковал «Изагоги» или «Введения» Порфирия¹, согласно переводу ритора Виктори-

на², а затем в переводе Манлия³; затем он наилучшим образом разобрал книгу высказываний Аристотеля, то есть «Категории»⁴. Далее он изложил содержание книги «Пери Херменейас» или «Об истолковании»⁵, а затем пересказал своим слушателям «Топики», то есть сочинение об основах доказательств, переведенное Туллием⁶ с греческого на латынь, которое консул Манлий объяснил в шести книгах комментариев.

47. Как он подготавливал учеников к восприятию риторики

Также он прочел и ясно истолковал четыре книги о топических различиях, две о категорических силлогизмах, три о гипотетических силлогизмах¹, одну книгу о дефинициях и одну о делении. После изучения этих трудов он пожелал, чтобы его ученики перешли к риторике, но опасался, что они не смогут овладеть ораторским искусством, не зная правил произнесения речей, которые можно почерпнуть у поэтов. Поэтому он использовал поэтов, которые, как он считал, могут научить этому. Он читал и объяснял им поэтов Марона², Стация³ и Теренция⁴, сатириков Ювенала⁵, Персия⁶ и Горация⁷, а также историографа Лукана⁸. Когда ученики ознакомились с ними и усвоили от них основы красноречия, он перешел к риторике.

48. Для чего он препоручил их софисту

Преподав им риторику, он препоручил их софисту, чтобы они упражнялись с ним в контроверсиях и усвоили это искусство настолько, чтобы казалось, что они говорят безыскусно, что является величайшим даром для оратора.

49. Его математические труды

Это о логике, а теперь уместным кажется поведать, каких трудов потребовала от него математика¹. Он начал преподавание, ознакомив их с арифметикой, первой из математических наук. Затем познакомил и с музыкой, до того неведомой в Галлии. Он показывал ее ноты на монохорде, указывая их созвучия или симфонии в тонах и полутонах, в дитонах и диезах и разделяя тона на звуки, и так передал им полные знания².

50. Устройство цельной сферы

Полезно рассказать, с каким трудом им были собраны знания в области астрономии, дабы читатель смог постичь мудрость этого выдающегося человека и лучше понять, сколь плодотворны были его способы обучения. Хотя наука эта поч-

ти непостижима, но чтобы добиться ее понимания, он использовал некоторые достойные восхищения приборы. Прежде всего сопоставив земную сферу с окружной сферой из дерева, он, исходя из сходства с меньшим, объяснил большее. На сфере он отметил два полюса, обозначив горизонт, затем сделал верхний полюс для обозначения северных созвездий и добавил нижний для обозначения южных созвездий, его положение определялось той окружностью, которую греки называют «горизонт», а латиняне — «пограничной» или «определенющей», так как с ее помощью различают и отделяют созвездия, которые можно видеть, от тех, которые видеть нельзя. Разместив полюса по отношению к горизонту так, чтобы успешно и правдоподобно показать восход и заход созвездий, он ввел своих учеников в изучение науки о природе и наставил в познании звезд¹. В ночное время он давал уроки по сверкающим звездам и побуждал учеников наблюдать за их перемещением в разных частях света как на восходе, так и на закате.

51. О значении промежуточных окружностей

Также надо сказать о кругах, которые греки называют «параллелями», а латиняне — «равноотстоящими» и которые, без сомнения, являются отвлеченными понятиями, но помогают постичь эту премудрость. Он соорудил полуширье, разделенное вдоль по диаметру. Этот диаметр он сделал в виде трубочки, концы которой, как он учил, обозначили северный и южный полюс. Само полуширье от полюса до полюса он разделил на 30 частей. На шестом делении он вставил трубочку, которая обозначала полярный круг. Затем, отсчитав от нее пять делений, также вставил трубочку, которая обозначала пояс жарких стран. На четвертом делении от нее он равным образом поместил трубочку, чтобы указать круг равноденствия; таким же образом разделил и оставшееся пространство вплоть до южного полюса. Это устройство — отделенное вдоль полуширье с диаметром, направленным к полюсам, было весьма ценным, так как позволяло познать незримые круги и надолго запечатлеть их в памяти.

52. Устройство сферы, чрезвычайно искусно приспособленной для познания планет

Благодаря его искусству можно было увидеть орбиты блуждающих созвездий, которые передвигаются по мицелюнию и пересекаются друг с другом: Прежде всего он сделал сферу из кругов, то есть состоящую из одних только окружностей. Он обернул ее двумя окружностями, которые греки называют «колюрами», а латиняне — «падающими», поскольку они как бы падают друг на друга; на их поверхности он разместил полюса. Поверх колюров он укрепил пять других окруж-

ностей, которые называются «параллелями», чтобы разделить сферу от полюса до полюса на 30 частей, причем не как придется и не в беспорядке. Из 30 частей сферы шесть он поместил между полюсом и первой окружностью, между первой и второй — пять, между второй и третьей — четыре, между третьей и четвертой — также четыре, пять — между четвертой и пятой, и шесть между пятой и полюсом. Наискось через эти окружности он укрепил окружность, которую греки называют «локсос» или «зоз», а латиняне — «наклонной» или «животворной», поскольку на ней находятся изображения животных, обозначающие созвездия. Внутри этой наклонной окружности он на редкость искусно подвесил планеты. И самым доступным образом показывал своим ученикам их орбиты, высоту и расстояние между ними. Но как именно он это делал, мы не можем рассказать, так как это потребовало бы многословного отступления и нам пришлось бы сильно отклониться от заявленной темы сочинения.

53. Устройство сферы, предназначенной для познания звезд

Кроме той сферы, он сделал и другую, тоже из окружностей, внутри которой не стал помещать круги, но обернул ее поверху железной и медной проволокой для обозначения созвездий; пересек ее трубочкой в виде оси, которая обозначала небесные полюса, так что наблюдая ее, можно было получить представление об устройстве небес. Каждая звезда каждого созвездия была изображена в знаках сферы. Настолько удивительным был этот прибор, что даже тот, кто совсем не знал этой премудрости, если ему указывали одно созвездие на сфере, без учителя находил на сфере остальные; вот какие обширные знания он передавал своим ученикам. Это об астрономии.

54. Устройство абака

С неменьшим усердием он обучал их и геометрии. Для введения в нее он велел мастеру, делавшему щиты, изготовить абак, то есть доску с делениями¹. Она была разделена вдоль на 27 частей, которые он пометил девятью значками, обозначающими все цифры. По их подобию он сделал тысячу роговых фигур, которые передвигались по 27 колонкам абака и обозначали прибавление или деление чисел. Этот прибор позволял делить и умножать множество чисел так быстро, что об их количестве скорее можно помыслить, чем передать словами. Тот, кто желает полнее постичь эту премудрость, пусть прочтет его книгу, написанную им для грамматика Константина, где все это изложено достаточно подробно².

55. Слава Герберта разносится по Галлии и Италии

Он увлеченно преподавал и число его учеников день ото дня прирастало. Молва о таком учителе разнеслась не только по Галлии, но достигла и народов Германии. Она пересекла Альпы и распространилась по Италии до самого Тирренского моря и Адриатики. В то время в Саксонии славился Отрик¹. Он услышал о славе философа и заметил, что тот во время всякого диспута старается четко разделять различные предметы; тогда он просил своих людей узнать для него несколько примеров разделений, которые философ приводит на уроках и в особенности примеры, относящиеся к философии, так как он думал, что разделение предметов в философии легче всего позволяет определить, каковы познания того, кто считается философом, поскольку эта наука охватывает вещи и земные, и божественные. Итак, направили в Реймс некоего саксонца, которого сочли наиболее пригодным для этой цели. Он присутствовал на уроках и тщательно записал разделение родов, установленное Гербертом, однако сильно ошибся там, где речь шла об основной классификации философии.

56. Отрик порицает схему философии Герберта, исаженную недоброжелателем

Ведь в то время, как Герберт назвал физику равной и столь же древней, как математика, тот подчинил физику математике как вид роду и неясно было, сделал ли он это по ошибке или нарочно. И в таком виде эта схема вместе с другими примерами разделения предметов стала известна Отрику. Тщательно обдумав ее, он злорадно сообщил своим ученикам, что Герберт разделил неверно, так как из схемы следовало, что из двух равных видов один другому подчиняется как вид роду. Из этого он дерзко заключил, что Герберт вовсе не понимает философию. Он говорил, что тот совершенно не знает, из чего состоят вещи божественные и земные, а без этого нельзя быть философом. Он отнес эту схему во дворец и разоблачил перед августом Оттоном¹ того, кто считался ученейшим. Август² и сам усердно занимался такими вещами, поэтому удивился, что Герберт так ошибся. Ведь он видел его и нередко слушал, как тот дискутирует. Поэтому он пожелал услышать от него самого объяснение этой схемы. Представилась и возможность для этого.

57.

Ведь в следующем году достопочтенный Реймский архиепископ Адальберон поехал вместе с Гербертом в Рим и в Тичино встретился с августом и Отриком¹. Оттон принял его с

большим почетом и на корабле отвез в Равенну по По. В удобное время по приказу императора во дворце собирались все мудрецы, которые находились при нем. Были там вышеназванный достопочтенный архиепископ, а также Адсон, аббат Монтьеранде², приехавший вместе с архиепископом; присутствовал и Отрик, который в прошедшем году хулил Герберта. Собралось также немалое число сколастиков, которые с нетерпением ожидали начала диспута; их занимало, дерзнет ли кто-нибудь спорить с Отриком. А август очень хитро придумал, как устроить подобное состязание. Он попытался столкнуть ничего не подозревающего Герберта с Отриком, чтобы неожиданное нападение заставило его спорить со своим противником с большим жаром. Отрика же он побуждал задавать множество вопросов и не отвечать ни на один. И когда все присутствующие расселись по порядку, август со своего трона сказал так:

58. Август Оттон обращается к собранию мудрецов с просьбой исправить неверное положение

«Насколько я могу судить, людская премудрость совершенствуется в частых раздумьях и упражнениях, если суть дела, правильно изложенная, трактуется в выражениях, принятых всеми учеными. Мы часто коснемся в праздности, но чьи-либо вопросы сразу наводят нас на плодотворные рассуждения. Вот так ученейшие мужи развиваются наукой, а сказанное ими изложено в книгах и оставлено нам на благо для славных упражнений. Итак, давайте займемся некоторыми вопросами; это занятие возвысит наш дух и укрепит наш разум. Прошу вас, давайте рассмотрим эту схему составных частей философии, которую нам показали в прошлом году. Прилежно изучите ее и пусть каждый скажет, согласен он с ней или нет, и почему. Если никто ничего против нее не имеет, давайте с вашего общего одобрения утвердим ее. А если вам покажется, что ее следует исправить, пусть решением мудрецов она будет либо отвергнута, либо приведена в порядок. Сейчас я предъявлю ее вам, чтобы вы могли ознакомиться с ней». Тогда Отрик показал схему, объяснил, что она составлена Гербертом и так воспринята и записана его слушателями, и протянул прочесть эту запись августу. Зачитав схему, он передал запись Герберту. Тот, внимательно просмотрев ее, отчасти одобрил, а отчасти оспорил, объявив, что он распределил эти понятия не так.

59. Разделение теоретической философии на виды

Август попросил его исправить схему, и он сказал так: «Я считаю тебя, о Цезарь Август, величайшим из людей, поэтому готов повиноваться твоему приказу. Меня не смущает зависеть

моих недоброжелателей, по наущению которых правильное разделение философии, недавно составленное мной в доступной форме, было извращено подменой одного вида. Итак, я утверждаю, что математика, физика и теология равны между собой и починены одному роду. Они составляют равные доли этого рода. Не может быть того, чтобы один и тот же вид, одна и та же категория была и равной одному виду, и подчинялась ему как вид роду. Вот мой ответ на этот вопрос. А если кто-нибудь возражает против него, пусть выдвинет свои доводы и заставит нас согласиться с тем, что природный разум никому и ничего не может подсказать».

60. Разделение философии

На это Отрик по знаку августа сказал так: «Поскольку ты вкратце коснулся частей философии, тебе следует полнее изложить твоё разделение и объяснить его. И когда ты покажешь нам правильное разделение, с тебя будет снято подозрение в том, что ты составил искаженную схему». Тогда Герберт ответил: «Это очень сложный вопрос, ведь он охватывает познание сути божественных и человеческих дел, однако чтобы нас не упрекнули в малодушии и для пользы слушателей, я не устыжусь рассказать о разделении философии согласно Викторину¹ и Бозию. Итак, есть род — философия, она включает в себя виды практические и теоретические; практические виды — это этика, экономика и политика, а под теоретическими понимаются натуральная физика, умозрительная математика и доступная пониманию теология. И мы не без основания поставим математику под физикой».

61. Отрик тщетно опровергает это разделение; ответ Герberта

Стараясь продолжить спор, Отрик заявил: «Я чрезвычайно удивлен тем, что ты только что поставил математику ниже физики, когда между ними подразумевается промежуточный род — физиология. Мне кажется большой ошибкой искать нужную часть так далеко, чтобы включить ее в разделение родов». На это Герберт ответил: «Можно было бы удивляться, если бы я подчинил математику физике, равной ей, как виду. Поскольку они равны и являются частями одного рода, было бы очень странно, если бы одна подчинялась другой. И я утверждаю, что физиология не является родом по отношению к физике, как ты предлагаешь, и не думаю, что между ними есть какое-либо другое различие, чем то, что существует между философией и филологией; в противном случае из этого следует, что филология есть род по отношению к философии».

Тут множество сколастиков, досадуя на то, что изложение разделения философии прервано, просили августа продолжить диспут. Но Отрик сказал, что они продолжат эту тему чуть позже, а сначала побеседуют о причине самой философии. И, обернувшись к Герберту, он спросил у него, что является причиной философии.

62. Какова причина сотворения мира

Герберт попросил его яснее показать, о чем он хочет узнать, о той причине, которая породила философию, или о той, по которой она должна была появиться? Отрик ответил: «Я говорю о той причине, по которой философия должна была появиться». На это Герберт сказал: «Теперь мне ясно, что тебя интересует, и я отвечу, что философия появилась для того, чтобы мы смогли с ее помощью постичь дела божественные и людские». Отрик прервал его: «Зачем тебе столько слов, чтобы определить причину одного явления? Пожалуй, ее можно обозначить одним словом, ведь философы должны стремиться к краткости».

63. О том, что не все определения причин могут быть выражены одним словом

Герберт ответил: «Не все причины можно обозначить одним словом. Ведь Платон¹ выразил причину сотворения мира не одним, но тремя словами: «добрая воля божества», и ясно, что по-другому выразить причину сотворения мира невозможно. Ведь если сказать, что воля есть причина сотворения мира, этого было бы недостаточно, так как покажется, что речь идет о чьей угодно воле, а это неверно». Отрик возразил: «Если причиной сотворения мира называют Божью волю, то короче и удобнее было бы сказать, что Божья воля может быть только доброй и никакой иной. Кто отрицает, что Божья воля есть благо?» На это Герберт ответил: «Этого я ничуть не оспариваю. Но подумай, только божественная субстанция является единственно благой, а творения являются благими лишь отчасти; слово «добрая» прибавляется для определения природы этой воли, поскольку добро присуще Богу, но не творениям. И наконец, нет сомнения в том, что не все определения причин можно выразить одним словом. Что же, по-твоему, есть причина тени? Можно ли обозначить ее одним словом?»

64. Какова причина тени

«Я полагаю, что причиной тени является тело, противоположное свету. И никак нельзя выразить это короче. Если вы скажете, что причина тени есть тело, то это будет слишком общим определением. Если захотите назвать причиной проти-

воположное тело, это определение также не подойдет, так как будет неполным. Ведь есть и другие тела, противоположные чему-либо, но не являющиеся причиной тени. Я не отрицаю, что причины многих явлений могут быть выражены одним словом: таковы роды, которые являются причинами видов, таковы субстанция, количество и качество, и все об этом знают. Но есть и другие, и их нельзя выразить так просто, например, причины разумного и смертного».

65. Какое понятие шире: «разумный» или «смертный»?

Чрезвычайно удивленный Отрик сказал: «Уж не подчиняешь ли ты смертное разумному? Кто не знает, что понятие «разумное» включает только Бога, ангела и человека, а понятие «смертное» шире и содержательнее, поскольку охватывает все бренные создания, а их число бесконечно?» На это Герберт ответил: «Если ты тщательно исследуешь разделение субстанций вплоть до неделимого у Порфирия и Бозия, то, без сомнения, найдешь, что понятие «разумное» содержательнее, чем «смертное», и это легко обосновать соответствующими доводами. Поскольку субстанция, главнейший род, может быть разделена на подчиненные роды вплоть до неделимого, очевидно, что все эти подчиненные роды могут быть обозначены одним словом, но ясно, что названия одних состоят из одного слова, а других — из многих: из одного слова, как «тело», или из нескольких, как «живое разумное». По многим причинам подчиненный род, то есть «живое разумное» включает в себя понятие «живое разумное смертное». Я не говорю, что просто «разумное» включает в себя просто «смертное»; это неверно, но говорю, что «разумное», сопряженное с «живым» подразумевает и «смертное», сопряженное с «живым» и «разумным»».

Было произнесено множество речей и суждений и Герберт намеревался и дальше продолжать, но по воле августа диспути был положен конец, так как на него потратили уже почти весь день и слушатели утомились от обширного и длительного спора. Герберт получил роскошные подарки от августа и со славой вернулся в Галлию вместе со своим архиепископом.

66. Собор, состоявшийся в Сант-Макре

В это время королеву Эмму¹ и Адальберона, епископа Ланского², обвиняли в позорном разврате³, хотя это обвинение выдвигалось втайне и не подтверждалось открыто никакими свидетелями. Но так как сказанное тайком оказалось у всех на слуху, епископы сочли, что следует обсудить это обвинение, чтобы их брат и сотоварищ не подвергался такому позору.

Итак, вышеназванный архиепископ собрал собор епископов в Сант-Макре, в Реймском диоцезе. Они вместе и разобрали некоторые неотложные дела, после чего архиепископ ...⁴

67. Германцы и белги возводят на трон Оттона

После кончины Оттона¹, короля германцев, королем германцев и белгов стал Оттон; его сын, который правил государством решительно и с успехом. То был муж выдающихся природных дарований и большой доблести. Он славился осведомленностью в свободных искусствах, так что в ходе научных диспутов он мог и искусно задавать вопросы, и правильно разрешать их. Королевство Германия вместе с частью Галлии оставалось под его властью до последнего дня его жизни, но иногда на сомнительных условиях. Ведь между ним и Лотарем, королем галлов, была свирепая вражда, и непонятно было, за кем осталась победа. Поскольку Оттон удерживал Бельгику, а Лотарь пытался захватить ее, они оба применяли друг против друга и силу, и хитрость; каждый утверждал, что юю владел его отец, и оба, не раздумывая, защищали свои права на нее с помощью больших военных сил. Ведь на самом деле она принадлежала Людовику, отцу Лотаря, а позже он пожаловал ее Оттону, отцу Оттона². И таким образом Бельгику стала главным поводом для раздора между ними.

68. Гнев Лотаря на Оттона

В то время, как Оттон поселился во дворце в Ахене вместе с беременной супругой Феофано¹, Лотарь был очень встревожен тем, что Оттон находится так близко. Он собрал в Лане на совещание герцога франков Хугона и других знатнейших людей королевства, чтобы спросить их совета. Герцог пришел. Затем и все остальные, с кем он собирался посоветоваться, были допущены к королю. Когда они расселись, король напомнил им, что он претерпел двойную обиду: когда враг захватил часть его страны и теперь, когда враг бесстыдно подступил к границе его королевства. И наиболее обидно не то, что он занял его владения, но что, захватив их, осмеливается приближаться к его границе. Он же жаждет отомстить за это, если они пожелают согласиться с его решением. Он не может отплатить тому своими силами, поскольку у него не хватает войска для осуществления замысла. Но если они согласятся исполнить его желание, он после отблагодарит их.

69. Внезапное нападение галлов на Оттона

Герцог и другие знатные сеньоры сразу и без возражений одобрили решение короля. Они обсещали по доброй воле пойти за королем на Оттона, чтобы, настигнув его, убить или обра-

тить в бегство. План похода держался в тайне и был известен столь немногим, что выступившие в поход воины не знали, куда они направляются. Собранное войско шло столь тесным строем, что поднятые вверх копья напоминали скорее лес, чем оружие. Войско выступало в виде отдельных клиньев, каждое из которых имело свой опознавательный знак. Когда войско пересекло широкий Маас, центурионы, которых назначили и распределили по центуриям, разведали, что у Оттона недостаточно войска. Итак, они приближались, предвидя большую нехватку военных сил у врага¹.

70.

Когда это достигло слуха Оттона, он, будучи человеком храбрым, ответил, что Лотарь ни за что не сможет ни напасть на него, ни проникнуть в его владения, ведь и войска у него недостаточно, и на верность своих людей он не может полагаться. Но когда и одни, и другие упорно твердили ему, что Лотарь уже близко, он ответил, что ничто не заставит его поверить, если только он не убедится своими глазами. Итак, Оттон потребовал коня, вскочил на него и поехал смотреть. Он увидел, что Лотарь приближается с двадцатью тысячами воинов и стал раздумывать, стоит ли сейчас сопротивляться, или временно отступить и вернуться позже с большим войском. В конце концов он не устоял перед наседавшим Лотарем и уехал, не без слез, вместе с женой Феофано и знатными людьми королевства, бросив дворец и королевские инсигнии.

71.

Лотарь подошел с войском, намереваясь настичь Оттона, и он в самом деле захватил бы его, если бы обоз его войска не задержался в пути. Если бы он прибыл днем раньше, до его отступления, то смог бы или пленить его, или предать смерти. Дворец был занят врагами; королевские столы опрокинуты, съестные припасы растащены обозниками. Извлекли из тайников и увезли королевские инсигнии. Бронзового летящего орла, укрепленного на крыше дворца по воле Карла Великого, повернули на восток. Ведь германцы повернули его на запад, намекая на то, что их конница может одолеть галлов, когда пожелает. После этого безуспешного похода Лотарь увел войско без заложников и не заключив мира, надеясь вернуться позже.

72.

Оттон, на которого обрушилось такое несчастье, привлекал к себе своих людей многочисленными дарами и большими милостями. Жаждая отомстить, он старался вернуть расположение

жение тех, кого он обидел, возвращая им отнятое имущество или предоставляя обещанное ранее. Умиротворив всех и привзвав тех, кто случайно отсутствовал, он собрал вместе знатных людей королевства и так обратился к ним:

73. Речь Оттона к его людям

«Не без причины, славные мужи, я пожелал собрать вас. Ваша доблесть побудила меня просить совета у вас, украшенных природными дарованиями и взращенных в духе благородства. Я не сомневаюсь, что получу от вас наилучший совет, ибо я никогда не забуду, сколь отважно и доблестно вы служили мне до сих пор, ни разу не нарушив верности. Теперь же, славные мужи, призовите вашу доблесть, чтобы обрести и честь, и славу, ведь вы блестаете мудростью на совете и на войне непобедимы. И ныне от вашей доблести зависит, не последует ли за громкой славой позорное бесчестье. Итак, пострайтесь изо всех сил скрыть испытанный нами позор под завесой величайшей славы. Вам известно, что недавно Лотарь обратил нас в постыдное бегство. За это следует воздать не просто военным походом, но смертью; это следует сделать ради вашей славы, этого требует время, к этому побуждают и удобные обстоятельства. Если вы предпочтете повелевать, а не быть рабами, пока сильна ваша молодость и дух могуч¹, вы не пренебрежете этим деянием. Докажите вашей врожденной доблести, что вам неведом страх перед незнатными людьми и чернью». И все порешили, что быть посему.

74. Нашествие на Галлию

Тем временем¹ Оттон готовился идти войной на Галлию с тридцатью тысячами всадников². И, не мешкая, выступил в поход, послав вперед центурионов³. Его войско заполонило Кельтскую Галлию, частью пожгло ее и частью опустошило. В свою очередь наседая на Лотаря, который не имел военных сил, Оттон принудил его пересечь Сену и заставил идти плакаться к герцогу⁴. Взволнованный неожиданным нападением врага, король приехал в Этамп, а герцог расположился в Париже, чтобы собрать войско. Пока войско собиралось, Оттон с войском продвигался вперед, разграбил и сжег королевское поместье Аттины, но подступив к окраинам города Реймса, оказал большие почести святому Ремигию⁵. Миновав город Суассон и почтив святого Медарда, он начисто разграбил дворец в Компьене. А выступавшие впереди войска центурионы разрушили и подожгли монастырь святой Балтильды в Шель, не известив об этом короля. Он сильно огорчился из-за этого и направил немалые средства на восстановление монастыря.

Наконец он подошел к реке Сене и разбил палатки для войска в виду города Парижа; почти вся округа опустошалась в течение трех дней.

75.

Итак, подошли всадники с обозными прислужниками, несущими продовольствие, и заняли пространство в 160 стадиев¹. Так как перед ними протекала Сена, никакое войско не могло приблизиться к ним. А герцог на другом берегу реки собирал воинов, но трех дней не хватило, чтобы собрать достаточно большое войско, поэтому он не мог повести его в сражение.

76. Поединок

В то время, как оба войска пребывали в замешательстве и гадали, на чьей же стороне окажется победа, некий германец, уверенный в своих силах и отваге, один подошел при боевом оружии к мосту, который вел к воротам, укрепленным железными засовами и гвоздями, и предложил сразиться с ним один на один. Многократно призывал он врага выйти на поединок. Он уже начал бесчестить галлов ругательствами и никто не отвечал ему, когда герцогу и нескольким знатным сеньорам, которые прибыли туда, доложили, что на мосту у ворот стоит такой вот человек, предлагает сразиться с ним один на один и докучает сеньорам поносными и обидными речами, и что он не уйдет оттуда, пока либо кто-нибудь не сразится с ним в поединке, либо защитники города не откроют ворота и не впустят все вражеское войско. Герцог с сеньорами, не стерпев этого оскорбления, уговаривал молодых воинов отогнать безумца¹ и обрести славу, избавив всех от такого позора². И сразу многие, пылая отвагой, предложили ответить на вызов. Из многих был избран Ивон³, он и пошел сражаться. Храбому мужу сулили награду; засовы были сняты и ворота открылись перед ним. Оба поединщика двинулись навстречу друг другу. Они яростно сшиблись, прикрывшись щитами и уставив копья, и нанесли друг другу несколько ран. Наконец германец бросает копье⁴ и мощным ударом пробивает щит галла. Но когда он выхватил меч и продолжил наступление, тотчас был поражен наискось копьем галла и расстался с жизнью. Победа досталась галлу, он унес отнятое у врага вооружение и доставил герцогу. Герой просил обещанной награды и получил ее⁵.

77. Отступление Оттона из Галлии и бегство его людей

Оттон, зная, что войско галлов мало-помалу собирается, и зная также, что его войско может ослабеть, как из-за долгого пути, так и из-за вражеских нападений, решил отступить; дав

сигнал, он свернул лагерь. Обозникам тоже велено было потопиться; снявшись с места, они отступили, торопливо и не без страха. Одни успели перейти широкую Эну, другие же, едва вступив в воду, были атакованы с тыла войском, посланным королем. Враги застигли их врасплох и сразу перебили многих, но никого из известных людей. Тем временем Оттон, отступая с войском, достиг Бельгики, там он распустил воинов; он завоевал такое расположение и любовь у своих людей, что они обещали сложить за него головы, какая бы опасность ему ни угрожала.

78.

Лотарь, понимая, что он не может ни заманить Оттона в ловушку, ни силой одолеть его, неоднократно спрашивал у своих приближенных, что лучше — продолжать сражаться с врагом, или помириться с ним. Он думал, что если продолжать войну, то может случиться так, что герцог соблазнится подарками и перейдет на сторону Оттона. А если уж мириться с врагом, то с этим надо поспешить, чтобы герцог не упредил его и не пожелал сам заключить мир с ним. А это могло произойти со дня на день. Так что из этих двоих он больше опасался герцога. Наконец, на совещании было решено предложить Оттону дружеский союз с королем, ведь он — муж доблестный, и с его помощью Лотарь сможет не только укротить герцога, но и подчинить других тиранов. Итак, послы, отправленные Лотарем, были весьма милостиво приняты Оттоном и трудились ради достижения дружбы между ними, а герцог ничего не знал.

79. Речь галлов к Оттону

«До сих пор процветали охотники до раздора, вражды и резни, так как на благороднейших королей большое влияние имели те, кто больше всего любит раздор¹; ведь они считали, что смогут хорошо нажиться, пока короли находятся в ссоре. Мало того, они замышляли и общую погибель, чтобы присвоить себе почетное место и большую славу у людей, пребывающих в смятении. Но государство больше выиграло бы, если бы злоба дурных людей была бы уже давно обуздана и воссияла бы ясным светом добродетель людей добрых. Да вернется согласие и да процветет оно между славнейшими королями, тогда зачинщики зла перестанут докучать вам и государство будет управляться вашей добродетелью лучше, чем тогда, когда оно было предано алчному раздору. Вы оба станете править спокойнее, когда заключите дружбу и объедините два войска в одно. Если один из вас решит идти войной на другие народы за

пределы своего королевства, то обретет в своем брате надежного защитника своих владений. Да будут угодны мир и дружба светлейшим королям, которых к тому же связывает кровное родство. Пусть дружба одолеет тех, чьи раздоры несут гибель государству, да установится согласие и да правит оно мужами».

80. Ответ Оттона галлам

На это Оттон ответил: «Я давно знал, какой вред наносят государству бесконечные распри, когда знатные сеньоры обоих королевств то и дело воюют друг с другом. Я знаю также, какое благо сулят государству согласие и дружба. Признаюсь, я и до сего дня прилагал много усилий, дабы достичь мира и согласия, и всегда ненавидел злобную зависть и раздор. Уничтожьте это несогласие, я считаю, что вам это по силам, ведь мы своей взаимной враждой причинили большой ущерб государству. Я одобряю ваше мудрое предложение. Пусть все согласятся исполнить сказанное вами». Уговорив его, послы уехали и, склонив королей ко взаимной благосклонности, подготовили их к заключению дружбы. Было установлено время переговоров и назначено место, удобное обоим: так как их королевства граничили в области реки Маас, они решили встретиться в месте под названием Маргу.

81. Примирение королей Лотаря и Оттона

Итак, они встретились¹. Подав друг другу руки, они, не колеблясь, обменялись самым дружеским поцелуем и скрепили дружбу обьюдной клятвой. Та часть Бельгики, которая была предметом спора, перешла под власть короля Оттона. Установив мир в своем королевстве, Оттон уехал в Италию и прибыл в Рим, чтобы повидать своих людей и расспросить их о положении дел в королевстве; а также подавить волнения, если они есть, и призвать смутьянов к миру в случае, если кто из сеньоров находится в ссоре. А Лотарь, поехав в Лан, вместе со своими приближенными занялся подобающими ему делами. Он уже не надеялся на дружбу с герцогом, ведь хотя он и добился мира хитростью, но имел против него большие подозрения. Все это уже стало известно народу, и некоторые в возмущении роптали против герцога, а герцог, тая в душе печаль, все сносил, а так как у него в обычай было по любому поводу спрашивать совета, он позвал к себе знатнейших сеньоров и обратился к ним с речью.

82. Речь герцога к его приближенным

Он начал так: «Всегда полезно спросить достойного совета у сведущих людей. Только к ним следует обращаться при необходимости; они всегда дадут разумный совет. Я считаю вас

хорошими советчиками и никогда не забуду, сколь часто вы одолевали моих противников своей доблестью и дарованиями. Поскольку вы связаны со мной клятвой и вложением рук, я не сомневаюсь в том, что вы сохраните нерушимую верность, и без колебаний прошу совета у моих верных. Если вы согласитесь со мной, то будете вознаграждены; если откажете мне в помощи, может произойти несчастье и на вас падет позор. Речь идет о жизни и смерти, поэтому будьте великодушны и дайте мне полезный совет. Вы знаете, как коварно король Лотарь обманул меня, неосторожного, когда без моего участия решил помириться с Оттоном и достиг этого. Из его памяти напрочь изгладилось, как отважно я подвергался стольким опасностям, как недавно он благодаря мне обратил в бегство врага и похитил из Бельгики инсигнии своего противника. На что же мне отныне надеяться, когда он так коварно обманул мое доверие?»

83. Приближенные герцога обращаются к нему

На это знатные сеньоры ответили: «Мы знаем не только каким опасностям ты подвергался вместе с нами за короля Лотаря, но и какое несчастье угрожает тебе с тех пор, как два короля, по слухам, сговорились против тебя. Ведь если ты двинешь войско, защищаясь от одного из них, то сразу оба они встанут против тебя. Если попытаешься бороться с обоими, то неминуемо столкнешься со многими бедами: с мощными набегами, с частыми засадами, поджогами и грабежами и, что хуже всего, среди нечестивой черни пойдут слухи, что мы не защищаемся от противников, а вероломно и безрассудно подняли мяtek против короля. Кроме того, народ станет обманываться, что можно, не совершая правонарушения и клятво-преступления, покидать своих господ и надменно поднимать головы против них. Нам кажется, что единственным и наилучшим образом действий в такой опасности было бы, поскольку два наших противника объединились против нас, отдалить одного от другого. А если невозможно склонить их на измену друг другу, найдем выход в дружеском союзе с одним из них, чтобы он, связанный с нами, не мог предоставить другому ни помощи, ни поощрения. Этого можно добиться, если ты, отправив послов, осторожно и благоразумно обратишься к Оттону, который ныне находится в Риме. Оттон не настолько беден рассудком, чтобы не знать, что ты превосходишь Лотаря и военными силами, и богатством, ведь он часто слышал об этом и сам испытал. Поэтому ты легко добьешься его дружбы, этому будет способствовать и ваше кровное родство, которым ты связан с ним так же, как и Лотарь».

84.

Герцог охотно принял этот совет. Итак, отправив послов в Рим, он сообщил Оттону о своих намерениях¹. Оттон принял послов на удивление милостиво, говорил с ними о заключении дружбы и выразил полную готовность к союзу. Если герцог приедет к нему, чтобы доказать прочность обоюдной дружбы, он достойно и с почетом примет его и его людей. Послы, вернувшись, доложили герцогу порученное, и герцог отправился² в Рим вместе с некоторыми людьми, отличавшимися умом и хитроумием: Арнульфом, епископом Орлеанским, Бурхардом³ и⁴, а также несколькими другими, избранными из числа его приближенных. Он почтил святых апостолов, а затем встретился с королем.

85. Свидание Оттона с Хугоном

Оттон, желая добиться вящей славы, подстроил, чтобы все прислужники удалились из королевской спальни, а его меч остался лежать поверх плетеного кресла; герцог вошел в сопровождении только одного епископа, поскольку король говорил на латыни, а епископ переводил его слова герцогу. Итак, их ввели и король принял их очень благосклонно. Король отбросил все обиды, нанесенные ему герцогом, и, поцеловав его, обратился к нему с дружеским расположением. После долгих переговоров о заключении дружбы король, выходя из покоя, обернулся и попросил свой меч, а герцог чуть отошел и наклонился, чтобы взять меч и поднести его королю. Меч был оставлен на кресле нарочно, чтобы герцог на глазах у всех подал королю меч и тем показал, что и дальше будет носить его¹. Но епископ, советник герцога, выхватил у него меч и сам поднес королю. Король был восхищен его сообразительностью и хитроумием и после часто с похвалой рассказывал об этом поступке своим приближенным. Заключив крепкую дружбу с герцогом, он распорядился проводить его с почетом и миром до самых Альпийских гор.

86. Письмо Лотаря к Конраду

Король Лотарь и королева Эмма повсюду готовили засады против герцога и измышляли разные уловки, чтобы захватить его на обратном пути. Итак, король отправил к Конраду¹, королю алеманнов письмо приблизительно следующего содержания: «Лотарь, Божьей милостью король франков, Конраду, королю алеманнов, привет. Мне всегда на радость было соблюдать договор о дружбе, давно уже заключенный нами. Так как наша дружба благодаря моим стараниям всегда приносила обильные плоды, я считаю возможным сообщить вам о некоем

деле и просить вас исполнить мое желание. Ты знаешь, что некогда я считал герцога своим другом. Но узнав, что он был моим тайным врагом, я отказался от его дружбы. А сейчас он поехал в Рим и встретился с Оттоном, чтобы убедить его нанести мне оскорбление и уготовить погибель моему королевству. Вот почему призовите все ваши силы и способности, чтобы он не ускользнул от вас. Будь здоров». Он повсюду разослал лазутчиков, чтобы они поджидали появления герцога на горных отрогах, между скал и на перекрестках дорог.

87. Письмо королевы Эммы к матери

А королева Эмма отправила к своей матери такое письмо: «Своей матери Аделаиде, августе императрице навечно, Эмма, королева франков, привет. Хотя меня и отделяет от вас большое расстояние, я прошу у вас помощи, как дочь у матери. Герцог Хугон не только коварно убедил знатных людей королевства нарушить верность нам, но затеял также отдать от нас брата моего Оттона, для чего и поехал к нему в Рим. Итак, чтобы ему не удалось исполнить свое заветное желание, я прошу вашей помощи, как дочь у матери, пусть наш заклятый враг будет захвачен на обратном пути. Если можно, следует оставить его в плена, чтобы он не возвратился безнаказанным. А чтобы этот коварный человек не ухитрился ускользнуть от вас, я постаралась описать вам все особенности его внешности¹. Затем она описала по порядку его глаза, уши, губы, зубы и нос, и остальные части тела, а также голос, и сделала столь подробное описание, что те, кто не знал его, могли бы теперь разыскать его и опознать².

88. Переодетый Хугон избегает засад

Герцог узнал об этом и поспешил с возвращением. Заранее опасаясь засад, он сменил одежду и притворился одним из прислужников. Он сам направлял и погонял вьючных лошадей, сам надевал и разгружал тюки и старался всем усердствовать. Герцог столь ловко скрывался с помощью потрепанного платья и неряшливого вида, что успешно миновал все засады, которые он не мог объехать, и благополучно провел тех, кто сидел в засадах. Только на одном постоялом дворе его чуть было не схватили. Ведь когда он отправился спать, ему подготовили удобное ложе и все его приближенные окружили его, предлагая свои услуги. Одни, преклонив колена, снимали с него обувь, другие принимали снятое, третьи, склонившись, растирали босые ноги и обертывали их чистыми обмотками. Хозяин сквозь щель в двери увидел это. Но его застигли за подглядыванием и сразу позвали в комнату, чтобы

он никому не рассказал об увиденном. Выхватив мечи и угрожая ему смертью, если подаст голос, они связали ему руки и ноги и затолкали в чулан. Там он и пролежал с заткнутым ртом до самого рассвета. По окончании ночи они поднялись еще в сумерках. Взяли и хозяина, усадили на коня и везли с собой до тех пор, пока не миновали все подозрительные места. А проехав их, они развязали и отпустили его и благополучно совершили оставшийся путь. Так же он избежал и ловушек короля Конрада, прячась, переодеваясь и используя различные уловки, хотя лазутчики усердно разыскивали его. Наконец, избежав стольких зол, он вернулся в Галлию.

89.

Когда оба государя узнали о коварных замыслах друг друга, они жестоко обрушились друг на друга, но не силой оружия, а с помощью тайных козней, так что раздоры великих мужей терзали государство в течение нескольких лет. В то время дурные люди предавались грабежам, притесняли бедняков, бесчестно посягали на имущество тех, кто был слабее. Тогда наиболее мудрые советники обоих государей собрались на совет и много жаловались на раздоры своих господ.

90. Примирение Лотаря и Хугона

Они постановили, чтобы доброжелатели каждого из государей просили другого о мире, дабы каждый из двух, тронутый дружелюбием другого, легче пошел к нему навстречу и горячо покаялся перед ним в нарушении дружеского союза. Этот план вскоре увенчался успехом. Они сумели благополучно убедить их и те заключили прочный союз. Так была скреплена их взаимная дружба¹.

91. Возвведение Людовика¹ на трон королевства франков

Поскольку король желал, чтобы его сын Людовик унаследовал его трон, он попросил герцога устроить его коронацию, на что герцог ответил, что он охотно и не мешкая возьмет на себя исполнение этого замысла. Он отправил послов, чтобы созвать в Компьене знатных сеньоров королевства. Там герцог и остальные сеньоры провозгласили Людовика королем, а Реймский архиепископ, блаженной памяти Адальберон, короновал его как короля франков² в день святой пятидесятницы. Теперь правила два короля и обоим герцог выказывал необычайную обходительность и предлагал всевозможные услуги, превознося перед всеми королевское достоинство и не скрывая своей покорности. Он обещал им упрочить их власть над народами, которые им подвластны, а также успешно укротить непокорных. Он полагал, что Людовику и Лотарю следует пра-

вить в разных королевствах, чтобы теснота одного королевства не умалила власти обоих королей.

92. Возвведение Людовика на трон Аквитании и его женитьба

Пока герцог усердно осуществлял этот замысел, некие коварные люди, зная о его планах и надеясь приобрести себе славу, пришли к королеве Эмме и сказали, что хотят посоветоваться об одном весьма важном деле. Принятые королевой, они сказали, что, как им кажется, королю Людовику лучше всего взять в супруги Аделаиду¹, вдову недавно скончавшегося Рагемунда, герцога Готии. С помощью этого брака можно не только увеличить его королевское могущество, но и извлечь другие выгоды. В самом деле, Людовик соберет под своей властью всю Аквитанию, равно как и Готию, заняв, как господин своей жены, все хорошо укрепленные города, а затем, в чем и заключается главное преимущество этого плана, отец и сын, находясь и тут, и там, смогут постоянно теснить герцога и других врагов, зажатых посередине.

93.

После того, как королю объяснили суть этого замысла, он в присутствии графа Гозфреда велел исполнить его. Приготовления шли без ведома герцога. Позже он узнал о них, но чтобы не показалось, что он противится королям, скрыл обиду и никак не противодействовал. Тес временем собрались знатные люди королевства, была построена королевская конница, привезены королевские инсигнии, подготовлены в большом количестве съестные припасы, нагружены повозки. Когда все было готово, оба короля с большой конницей двинулись в Аквитанию и достигли замка, который исстари называется Бриод.

94. Восшествие Людовика и Аделаиды на трон Аквитании и их развод

Там заранее предупрежденная Аделаида устроила им пышный прием. В назначенный день, совершив подобающие обряды и взяв достойное приданое, король Людовик сочетался браком и был вместе с женой коронован епископами и возведен на трон¹. Но их королевский титул не столь почтился, чтобы они смогли осуществлять королевскую власть над знатными сеньорами. Кроме того, между ними не было никакой супружеской любви. Ведь он был еще совсем молод, а она — в преклонных летах², и различия в их привычках порождали частые ссоры. Они отказались от общей спальни и отдыхали в разных покоях. Если им надо было поговорить, они делали это под открытым небом. И беседы их ограничивались нескольки-

ми словами. Так они жили в течение двух лет, у них стали обычными сильные ссоры, а вскоре последовал и развод.

95.

Людовик, лишенный наставника, предавался суетным забавам, как все юноши. Одежду, принятую на его родине, он сменил чужеземной. Его положение было плачевным, он унижал себя и шла молва о его неспособности править. Тот, кто совсем недавно был могущественным королем, благодаря своему происхождению, славе и богатству, ныне влачил свою жизнь в нужде, испытывая недостаток как в средствах, так и в военных силах. Узнав об этом из разных источников, король Лотарь решил отозвать своего сына, понимая, что он и к худшему скатится, поскольку не обладает достоинством, чтобы блисти королевскую честь. Итак, он приготовил конницу, чтобы вернуть сына. Вступив в Аквитанию, он пришел в Бриод, забрал сына и увез¹. Покинутая королева, печалясь и опасаясь дальнейших обид, поехала к Вильгельму Арльскому² и вышла за него замуж. Так их развод привел к непрекрытому разврату.

96. Смерть Оттона

В то время Оттон претерпел серьезную неудачу на войне с варварами. Он лишился войска, перебитого врагами, и сам попал бы в плен, если бы по Божьей милости не успел вернуться¹. Позже, в Риме, он захворал из-за дурного пищеварения и страдал запором в кишечнике от разлития черной желчи; желая выздороветь, он принял четыре драхмы алоэ. От этого его внутренности пришли в расстройство и в течение двух дней продолжалась диарея, вызвавшая геморроидальную опухоль. Переполненные прилившей кровью опухоли по прошествии немногих дней привели к его смерти².

97.

У покойного остался пятилетний сын Оттон¹. В то время, как одни могущественные люди желали, чтобы он унаследовал отцовское королевство, другие возражали против этого. В конце концов королевство осталось за ним, но только после многих усилий и различных превратностей. Ведь Хезилон², двоюродный брат покойного короля, которого до тех пор содержали в оковах в темнице, поскольку он оспаривал корону, освободился, благодаря козням дурных людей, на погибель королевству, и многие из них приняли его в своих замках. Столь же знатный, как и Оттон, он был красив и крепок телом, охоч до почестей и властолюбив, духом силен, но коварен. Жаждая править, он склонил на свою сторону и сделал

своими приближенными и друзьями всех клятвопреступников, осужденных по суду или опасающихся суда за содеянное³, наконец, просто всех бесчестных людей, которые были ему по душе. Благодаря их коварству, он похитил сына покойного короля, маленького Оттона, рассчитывая править вместо него. Итак, полагая, что королевство уже находится в его власти, он готовился принять корону и скипетр. Он решил просить помощи у Лотаря и надеялся сделать его своим другом и соратником, уступив ему Бельгику; он отправил к нему послов, чтобы они скрепили этот договор клятвой. Согласно этой клятве, оба короля должны были встретиться в назначеннем месте у Рейна⁴.

98.

Согласно клятве, переданной через послов, Лотарь в назначенное время пересек Бельгику со своим войском, чтобы не нарушить обещание, и прибыл в назначенное место на Рейне. Но Хезилон, опасаясь, что если он поспешит навстречу, то знатные сеньоры заподозрят его в том, что он хочет принять Лотаря в своем королевстве, решился нарушить клятву и отказался прийти. Поняв, что над ним посмеялись, Лотарь отступил, однако не без труда, ибо белги, через земли которых он проходил с войском, возмущенные его появлением, завалили деревьями проезжие пути и вырыли глубокие рвы поперек дороги. Они хотели не сразиться с врагом в открытом поле, а напасть с тыла на противников, задержанных этими препятствиями, либо обосноваться на высоких горах и осыпать стрелами и камнями идущих внизу. Так как им не хватало духу сразиться в открытую, они разместили лучников с луками и арбалетами на возвышенных местах, и пока войско проходило внизу, они с высоты одних пронзили, а других изранили стрелами и другими снарядами. Но молодые воины отыскали проход к ним, взбрались и обрушились на врагов; в гневе они ранили некоторых, а некоторых предали смерти. Трижды они нападали столь свирепо, что навалили груды мертвых тел, подобные холмам. Когда они спустились, войско изрубило мечами завалы на дорогах и раздвинуло копьями наваленные кучи деревьев, и так расчистило себе путь. Наконец, с большим трудом войско миновало вражеские земли.

99.

В то время никто не правил Германией, ведь Оттону не позволял править нежный возраст, а стремление Хезилона стать королем оспаривалось лучшими людьми королевства. Поэтому Лотарь, пользуясь случаем, подумывал о вторичном

вторжении в Бельгику, чтобы вернуть ее под свою власть, ведь Оттона больше не было, а знатные сеньоры жили в раздоре и королевство оставалось без короля и никем не управлялось¹.

100.

Итак, он призвал Одона¹ и Хериберта², мужей известных и могущественных, и открыл им свое тайное желание. И поскольку немногим ранее он милостиво пожаловал им огромные владения их дяди, умершего без наследников, вместе с хорошо укрепленными замками, они тотчас ответили, что готовы служить ему и во время мира, и на войне. После того, как они обещали свою помощь, король рассказал им о своем намерении вернуться в Бельгику и завоевать ее; они предложили для начала взять Верден, так как этот город находится ближе всего, и они нападут на него, осадят и не отступят, пока не возьмут его. И они до тех пор останутся в Бельгиике, пока либо не завоюют ее силой, либо пока белги не признают себя побежденными и не сдадутся. Приняв от них клятву, король сразу двинул свое войско на Верден.

101. Взятие Вердена

Расположение города позволяло нападающим подступить к нему спереди по удобопроходимой равнине, но с тыла он был недоступен. С этой стороны поднималась скала и простиралось глубокое ущелье. На другом его краю выселись крутые отроги. Город изобиловал источниками и колодцами, на радость его обитателей, но и соседствовал с лесом и омывался рекой Маасом с крутыми берегами¹. Итак, подступ был только спереди, и нападающие соорудили на равнине военные машины разного назначения. Защитники города также подготовились к сопротивлению. Сражение длилось восемь дней напролет. Но поняв, что союзники вне города не посыпают им никакой помощи и что они не смогут вынести тяжести бесконечного сражения, жители города посовещались и решили сдаться врагу на условиях, что им не причинят никакого ущерба и оставят невредимыми. Они открыли ворота города и сдались Лотарю².

102.

После этого король оставил в городе для охраны королеву Эмму. А сам с войском вернулся в Лан и позволил своим людям разойтись. Он пользовался у них такой благосклонностью и любовью, что они сулили, если он повторит поход, вновь пойти за ним, куда прикажет, и, бросив на время дома и детей, врукопашную сражаться с врагом¹. Тем временем Лотарь обсуждал со своими людьми, что ему лучше предпринять: идти

дальше и силой оружия подчинить себе всю Бельгику, или, обосновавшись в Вердене и разослав послов, увещевать врагов и склонить их на свою сторону. Если он одолеет их мечом, то только после большого кровопролития, и в дальнейшем не сможет добиться их доверия, причинив друзьям столько бед. А если будет ожидать, пока они вернутся к нему, привлеченные его милостью, то, полагал он, надо будет опасаться, как бы такое бездействие не усилило наглости его врагов.

103. Нападение белгов на Верден

Пока шли долгие совещания, герцог Бельгики Теодерик¹, а также Годефрид², муж знатный и решительный, и знаменитый Сигефрид³, и славные и известные братья Бардон и Гозилон⁴, и некоторые другие знатные сеньоры тайно задумали напасть на Верден и очистить его от галлов. Они с отборным войском хитростью заняли стоянку торговцев, которая была обнесена стеной наподобие крепости и отделялась от города течением Мааса, но соединялась с ним двумя мостами. Воины разбрелись по округе и свезли отовсюду продовольствие, забрали для нужд войны и припасы торговцев. Они приказали подвезти к ним бревна из Аргонны⁵, чтобы, если враг использует против них машины, они также могли собрать внутри машины для защиты. Также они сплели прочные щиты из лозы и веток, чтобы, если обстоятельства того потребуют, закрыть ими машины. Приготовили они и колья, заостренные железом и обожженные на огне, чтобы поразить возможно большее число врагов, приказали кузнецам изготовить разного рода метательные снаряды, привезли для разных целей тысячи мотков веревок, установили щиты для «чепрехахи». Сверх того, у них были сотни смертоносных боевых машин.

104. Лотарь отбивает Верден

Лотарю сообщили об этом и он, крайне возмущенный сим преступным деянием, созвал распущенное войско и с десятью тысячами воинов пошел к Вердену и внезапно напал на противников. В первой схватке они выставили против врагов лучников. Выпущенные из луков и арбалетов стрелы и другие метательные снаряды сновали в воздухе так часто, что казалось, надвинулись тучи и скрыли землю. Защищаясь от них, враги на стене выстроили у себя над головой «черепаху»¹; метательные снаряды ударялись о нее и отскакивали. По окончании этой схватки, галлы расположились вокруг осадой и укрепили свой лагерь, выкопав рвы, чтобы противники, внезапно напав на них, не нашли легкого доступа.

105. Сооружение некоей военной машины

Для постройки машины подвезли высокие дубы, срубленные под корень. Положили на землю четыре бревна длиной в 30 футов таким образом, что два бревна лежали вдоль на расстоянии в 10 футов друг от друга и были связаны с двумя другими, уложенными поперек с тем же промежутком. Пространство, заключенное внутри этого сруба, в длину и ширину равнялось 10 футам. Длина внешних сторон сруба также составляла 10 футов. В местах соединения бревен водрузили стойки четыре столба высотой в 40 футов, отстоящие друг от друга на равное расстояние, так что в плане получался квадрат; к ним прикрепили подъемные блоки. С четырех сторон в двух местах — посередине и у вершины — поместили поперечины длиной в 10 футов, чтобы столбы держались прочнее. У концов четырех бревен, на которых покоились столбы, установили четыре других бревна, которые шли наискось и упирались в верхние перекладины, их прикрепили к столбам, чтобы машина была устойчивой и не качалась. Поверх перекладин, которые связывали постройку сверху и посередине, положили брусья. К ним прикрепили плетни, на которых должны были стоять бойцы. С высоты они обрушивали вниз, на противника, град дротиков и камней. Соорудив эту машину, осаждающие намеревались подтащить ее к расположению врага¹. Но так как они опасались лучников, то изыскивали способ приблизить машину к врагам без потерь среди своих. Наконец, благодаря хитроумной выдумке они нашли отличное средство подогнать ее к врагам.

106. Как вышеупомянутую машину подогнали к врагам

Они велели прочно вкопать в землю четыре толстых столба; на десять футов они уходили в землю, а на восемь — возвышались над ней. Установив их, укрепили с четырех сторон прочные брусья. Поперек брусьев натянули канаты. К передним концам канатов привязали машину, которую надо было подвезти к врагам, а к задним — привязали быков. Причем вторые концы были длиннее первых. Передние концы, привязанные к машине, были короче, так что машина находилась между врагами и быками. Поэтому чем дальше быки отступали от врагов, тем ближе машина, подтягиваемая ими, подъезжала к ним. Кроме того, снизу к машине прикрепили цилиндры, чтобы легче было ее двигать, и благодаря этой выдумке машину удалось подогнать к врагам без потерь¹.

107. Победа Лотаря

Противники также соорудили подобную машину, но не столь высокую и крепкую¹. Построенные машины возвыша-

лись с обеих сторон. Обе стороны доблестно сражались и никто не отступал. Слишком близко подойдя к стене, король был ранен в верхнюю губу брошенным сверху дротиком. Воспалименные его ранением, его воины предались сражению еще упорнее. И так как враги, обладавшие военной машиной и оружием в избытке, никак не сдавались, король приказал использовать железные крючья. Их привязали к веревкам, забросили на вражескую машину и, когда они пронзили дерево и впились в него, одни отбрасывали веревки, другие подхватывали и так накренили и повалили машину противников. Одни бойцы успели слезть вниз по столбам и спуститься с нее, другие, спасаясь, спрыгнули на землю, а некоторые в позорном страхе попрятались, опасаясь за свою жизнь. Увидев, что на них надвигается смертельная угроза, враги сдались своим противникам и молили сохранить им жизнь. Им приказали сложить с себя оружие и отдать его. И тут же король повелел, чтобы врагов брали в плен, не причиняя им вреда, и невредимыми уводили. Итак, их, безоружных и не потерпевших иного ущерба, кроме ударов, полученных в сражении, привели к королю. Припав к его ногам, они просили оставить им жизнь, ведь, будучи побежденными мощью короля, они опасались за нее.

108.

Одержав победу, король поручил своим людям стеречь пленных знатных сеньоров Бельгики, но приказал вернуть их в подходящее время. Остальным защитникам города позволили уйти. Сам король возвратился с войском в Лан и там распустил его. Город Верден находился в его безоговорочной власти вплоть до конца его жизни. Кроме того, он подумывал, какими средствами он мог бы расширить свое королевство с помощью дальнейших походов. И в самом деле, дела его шли успешно, а положение королевства, упроченное, когда знатные сеньоры попали в плен, побуждало его к этому предприятию. Но Пророчество, правящее миром, положило конец и спокойствию белгов, и его правлению.

109. Смерть Лотаря

В том же году, когда теплая весна посетила охваченную холодом землю, король захворал в Лане из-за естественного изменения температуры. Мучимый недугом, который врачи называют коликами, он слег в постель. У него нестерпимо болело справа над срамными органами, жестокие боли терзали его от пупа до селезенки и от левого паха до заднего прохода. Кишечник и почки также были поражены недугом, он ис-

пытывал постоянные тенезмы и кровотечение, иногда удушье мешало ему говорить. Время от времени он коченел от озноба; присутствовало урчание в кишечнике, постоянная тошнота, тщетные рвотные позывы, вздутие живота и жжение в желудке. Весь дом наполнился жалобными криками. Слышались различные голоса и разные выклики. Никто из бывших там не мог сдержать слез из-за такой беды. И, пережив Оттона на 10 лет¹, на тридцать седьмом году с тех пор, как воспринял королевство по смерти отца², на сорок восьмом, как еще при жизни отца получил корону и скипетр, а от рождения — на шестьдесят восьмом³, он умер и так уплатил свой долг природе⁴.

110.

Королю устроили похороны с поистине королевским блеском. Для него изготовили ложе, украшенное изображениями королевских инсигний; тело одели в шелковые одеяния, а сверху накрыли пурпурным покровом, усыпанным самоцветами и расшитым золотом. Знатнейшие люди королевства несли это ложе. Выступали епископы и духовенство с распятиями и евангелиями, среди них, рыдая, шли те, кто нес его корону, блистающую золотом и драгоценными камнями, и многие другие знаки отличия. Погребальные песнопения прерывались слезами. Рыцари шли строем с печальными лицами, за ними с жалобами следовала остальная толпа¹. Его похоронили в Реймсе, в обители монахов святого Ремигия, рядом с отцом и матерью, как он ранее приказал своим приближенным; этот монастырь отстоит от места его смерти на 240 стадиев², и всю дорогу туда ему выказывали глубокое почтение и горячую любовь.

КНИГА III

1.

После того, как Лотаря похоронили, герцог и другие сеньоры избрали на царство¹ его сына Людовика. Все хлопотали вокруг него, обещали ему верность, клялись в преданности; приближенные предлагали ему разные советы касательно того, как ему следует поступить. Одни советовали остановиться в своих замках, чтобы сеньоры, собравшись к нему, исполняли его приказания, дабы не умалилось королевское достоинство, если, как неимущий, он будет просить помощи на чужбине, у иноземцев². Ради общей чести следует остерегаться, чтобы с самого начала правления вялость и малодушие не взяли верх над доблестью, ведь если это случится, великое станет презренным и ничтожным, а это очень опасно. Другие же уверяли, что ему следует остаться при герцоге, ведь он молод и ему стоит поучиться и благоразумию и доблести у столь выдающегося государя³. Также ему будет очень выгодно, если на время он вверится опеке могущественного человека, ведь без его помощи он не сможет пользоваться всей полнотой власти, а вместе они будут в состоянии управлять королевством решитель-но и с пользой. Король высушал мнение обеих партий и принял решение. Посовещавшись с герцогом, он пожелал предаться ему всей душой.

2. Речь Людовика к герцогу и другим сеньорам против архиепископа Адальберона

Помня о прошлом, король так пожаловался герцогу и немногим другим¹: «Отец мой, подхватив недуг, от которого и умер, повелел мне, чтобы я спрашивал вашего совета и вашего мнения об управлении королевством, чтобы я относился к вам, как к родственникам и друзьям и ничего не предпринимал без вашего ведома. Он утверждал, что если я обеспечу вашу верность, будет у меня, без сомнения, и богатство, и войско, и защита для королевства. Эта мысль глубоко запала мне в душу. Итак, я желал бы, чтобы вы дали мне совет на будущее, поскольку я объявил, что не расстанусь с вами. Я хочу, чтобы мои планы, мои намерения, моя судьба зависели от вас. Реймский епископ Адальберон, преступнейший человек из всех, кого носит земля², презрев власть моего отца, во всем помогал Оттону, врагу франков; стакнувшись с ним, Оттон повел на нас войско, благодаря его ловкости разорил Галлию, ведомый им, одолел герцогов и невредимым ушел с войском³. Кажется справедливым и полезным, чтобы он понес

наказание за содеянное, ведь когда будет укрощен носитель пагубы, дурные люди убоятся замышлять подобное».

3.

Его выступление не убедило их, так как они подумали, что он говорил недостойное, несправедливо выступив против прелата и вняв наущениям дурных людей. Однако отчасти с ним согласились, а отчасти отказали ему, таким образом, чтобы и королю не было обиды, и герцогу не пришлось подчиниться нечестивому приказу, с которым он не согласен. Король, негодяя против архиепископа, пошел на него с войском, увлекая и герцога, подступил к самому городу и собирался ворваться в него. Однако, воспользовавшись советом знатнейших сеньоров, он отправил вперед послов и спросил через них, будет ли епископ сопротивляться королю или в определенный срок будет готов оправдаться в возложенных на него обвинениях. Если воспротивится, король сразу начнет осаду и, взяв город, покарает врага, а если не откажется ответить на обвинения, он примет от него заложников и уйдет.

4.

На это архиепископ сказал: «Говорят, что добрые люди беспрестанно терзаются из-за козней дурных, а потому я не удивляюсь, что встретился с несправедливостью. Гораздо сильнее меня удивляет, что славные сеньоры могли так легко обмануться, что поверили без малейших сомнений в то, что не обсуждалось в присутствии судьи и если бы было рассмотрено, ничем не подтвердилось бы. Если король желает обсудить то, в чем он уверен, зачем это осуществляется с помощью войска и оружия? Разве это не заставляет нас думать иное? Если речь идет о прошедшем, я до сих пор стремился к благу королей, почитал их род¹; а также, как подобало, охотно отстаивал выгоды сеньоров. Если о настоящем, то я не мешкаю выполнить приказы короля, передаю заложников, каких он пожелает, и не отказываюсь выдвинуть свои возражения против обвинений». Когда обе стороны высказались, архиепископ выдал заложниками Рагенерия, воина, известного знатностью и багатством, и многих других, пока не удовлетворил короля².

5. Смерть Людовика

Итак, король увел войско и прибыл в Санлис. Там в разгаре охоты (ведь было лето) он нечаянно споткнулся и упал, что вызвало сильные боли в печени. Врачи уверяют, что печень — пристанище крови, и, так как это пристанище было повреждено сотрясением, произошло кровоизлияние. Кровь обильно текла у него из ноздрей и горла. Грудь терзали постоянные

боли, нестерпимый жар охватил все тело. Поэтому, пережив отца только на год, в 11-е календы июня он скончался, уплатив свой долг природе¹. Его кончина пришлась на то время, когда архиепископу надлежало оправдаться в возложенных на него обвинениях. Итак, он прибыл, чтобы оправдаться и удовлетворить его королевское величество. Но несчастье и похороны короля приостановили разбирательство, стороны не спорили и решение по делу не было объявлено. Сам епископ в горестных речах жаловался на смерть короля. После того, как были подготовлены похороны, сеньоры решили похоронить его в Компьене, так как будучи в живых, он просил, чтобы его погребли рядом с отцом². Также было решено, прежде чем долгий путь утомит многих из них и они разъедутся к себе, провести совещание на пользу государства. Итак, постановили до отъезда собраться и посовещаться о выгодах королевства.

6. Адальберон очищается от обвинений, выдвинутых Людовиком

После того, как все это было определено, герцог начал так¹: «Я полагаю, вы съехались сюда по приказу короля из разных мест для добросовестного обсуждения обвинений, выдвинутых против прелата Адальберона. Но так как благословенной памяти король, который настаивал на обвинении, расстался с жизнью, разрешение дела предоставлено нам. Итак, если кто-либо, кроме него, дерзнет поддержать обвинения и всей душой пожелает принять сторону короля и продолжить спор, да предстанет перед нами, выскажет, что думает и, ничего не страшась, пусть настаивает на обвинениях. Если этот человек разоблачит его вину, то, без сомнения, мы подтвердим его слова. А если он клеветник и собирается лгать, пусть молчит, дабы не понести наказание за обличенное преступление». Трижды объявили, чтобы вышел обвинитель, трижды все отказались.

7.

Итак, герцог продолжил: «Дело уже прекращено, так как нет обвинителя, поэтому я склоняюсь к тому, что архиепископа надлежит признать мужем благородным и большой мудрости. Оставьте отныне все подозрения и относитесь к архиепископу с величайшим уважением. Почтим столь выдающегося человека и объявим, какова его добродетель, мудрость и благородство. Кому выгодно лелеять подозрения, которые никто не в силах был высказать на суде?»¹ Итак, герцог с согласия остальных сеньоров возложил на прелата честь направлять

мысли на благо королевства, ибо тот отличался знанием дел божественных и человеческих и обладал великим даром красноречия.

8.

Итак, его усадили посередине, рядом с герцогом, и он сказал: «Так как наш благочестивый король вознесся к чистым духом, и милостью великого герцога и других сеньоров я очищен от обвинений, то приступаю к обсуждению государственных дел. Объявляю, что в моей душе не гнездится ничего, что не было бы на пользу государства. Прошу вашего совета, так как желаю блага для всех. Я вижу, что не все сеньоры, благородумие и прилежание которых понадобится для решения дел королевства, присутствуют здесь, поэтому мне кажется, что обсуждение выборов короля надо перенести на другое время, чтобы в установленный срок все собрались вместе и каждый, хорошенько поразмыслив, вышел на середину и изложил, что кажется ему полезным. Да будет угодно вам, собравшимся для совещания, связать себя клятвой со мной и великим герцогом и перед всеми пообещать ничего не предпринимать и ничего не замышлять касательно избрания короля до тех пор, пока мы вновь не соберемся вместе и не поговорим об избрании государя. Также весьма полезно дать свободное время перед совещанием, в течение которого каждый обсудит и прилежно обдумает дело». Все охотно приняли это предложение и связали себя клятвой с герцогом; было назначено время собрания. И так их распустили.

9. Карл жалуется архиепископу по поводу королевства

Тем временем Карл, который был братом Лотаря и дядей Людовика, пришел к Реймскому архиепископу и так обратился к нему по поводу королевства¹: «Всем известно, достопочтенный отец, что по закону о наследовании мне надлежит наследовать брату и племяннику². Хотя я был отстранен братом от управления королевством, однако природа не отказалась мне ни в чем, я был рожден со всеми членами, без которых нельзя возводить в высокий сан. Я не лишен того, чего обычно ищут в государях: происхождения и, осмелюсь сказать, доблести. Отчего я изгнан³ из пределов, которыми владели мои предки, в чем никто не сомневается, когда брата уже нет и племянник умер и не осталось никаких потомков? Отец оставил нас, двух братьев. Брат обладал властью над всем королевством и ничего мне не уступил. Я подчинился брату и верно ему служил, не хуже прочих. В то время, признаюсь, мне ничего не было дороже блага брата. Теперь я — несчастный

изгнаник, не лучше ли вернуть меня, ведь весь мой род исчез? К кому, кроме вас обратиться мне, лишенному всех почестей?⁴ С чьей, если не с вашей помощью верну себе отцовские почести? О, если бы случилось так, чтобы моя судьба окончилась достойно. Кем я, изгнаник, могу быть для посторонних — только потехой. Да коснется вас хоть немногого человеческое милосердие. Посочувствуйте мне, утомленному столькими несправедливостями».

10.

После того, как Карл закончил свою жалостливую речь, архиепископ, оставаясь непреклонным, ответил ему коротко: «Так как ты¹ всегда следовал за клятвопреступниками, святоаттатцами и другими нечестивыми людьми и ныне не желаешь расстаться с ними, как думаешь ты взойти на трон с такими спутниками и с помощью таких сообщников?» Когда Карл ответил на это, что ему не следует покидать своих друзей, но он поищет и других, лучших, епископ про себя подумал: «Так как ныне он лишен всех почестей и связался с дурными людьми, от общества которых ни за что не хочет отказаться, в какой опасности окажутся люди добрые, если он будет избран и взойдет на трон». Наконец, ответив, что ничего не предпримет без согласия сеньоров, архиепископ отдался от него. Карл, потеряв надежду заполучить королевство, удалился в Бельгику с взволнованной душой. Тем временем в назначенный срок галльские сеньоры, которые давали клятву, собрались в Санлисе². Они разместились, как подобало для совещания и, по волеизъявлению герцога, архиепископ начал так:

11. Речь архиепископа в поддержку герцога

«Благословенной памяти Людовик покинул мир, не оставив детей, поэтому следует тщательно изыскать, кто достоин унаследовать ему на престоле, чтобы заброшенное государство без правителя не пришло в упадок. Недавно мы сочли полезным отложить такого рода переговоры, чтобы каждый, подумав, рассказал, что внушил ему Бог, дабы, выслушав решение каждого, из множества составили мы решение всего совета. Сейчас мы уже собирались вместе и нам надо следить с величайшим благочестием и добросовестностью, чтобы либо ненависть не затмила разум, либо любовь не одолела истину. Мы знаем, что у Карла есть свои доброжелатели, которые утверждают, что он должен получить королевский титул, как и его предки. Но если обдумать это, то он не получит королевства по закону о наследстве, и на трон будет возведен только тот, кто блещет не только знатностью рождения, но и мудро-

стью, кто стойко сохраняет верность и подкрепляет ее величием души. В анналах мы читаем о том, как императоры из славнейших родов бывали свергнуты из-за их малодушия, и им наследовали иногда равные им, а иногда неравные. Но чего достоин Карл, который не руководствуется верностью, которого ослабляет бездействие, который, наконец, настолько слаб головой, что не убрался служить иноземному королю¹ и взял жену из рода служилых рыцарей, не равную себе²? Как стерпит великий герцог, чтобы женщина из семьи его вассалов стала его королевой и властвовала над ним? Как подчинится тот, перед кем склоняли колена равные ему и даже высшие и поддерживали руками его ноги? Рассмотрите дело прилежно и увидите, что Карл был отвергнут в большей степени по собственной вине, нежели по вине других. Чего вы больше желаете государству — блага или бедствия? Если хотите его погибели, изберите Карла, хотите, чтобы оно процветало, коронуйте славного герцога Хугона. Пусть никого из вас не облазнит любовь к Карлу и не затмит общей пользы ненависть к герцогу. Ведь если похулите доброго, разве таким образом вы не похвалите дурного? Если восхвалите дурного, не презирите ли таким образом доброго? Но таким разве не грозит карой сам Господь? «Горе тем, которые зло называют добром и добро злом, тьму почитают светом и свет тьмою!» Итак, изберите герцога, славного деяниями, знатностью, военной мощью, в котором вы найдете защитника не только государства, но и ваших частных интересов. Его благосклонность такова, что вы обретете в нем отца. Кто прибегал к нему и не получил покровительства? Кто, лишенный помощи своих людей, не добивался своего с его помощью?»

12. Возвведение Хугона на трон

Все выслушали и похвалили это предложение и герцог с общего согласия был возведен на трон и, коронованный в июньские календы¹ архиепископом и другими епископами в Нойоне, объявлен королем галлов, бриттов, данов, аквитанов, готов, испанцев и гасконцев. Итак, в окружении знатнейших мужей королевства он издавал декреты и устанавливал законы, как подобает королю. С большим успехом он разрешал и устраивал все дела. А чтобы стать достойным своего счастья, он, ободренный успехом своих предприятий, обратился к великому благочестию. И, чтобы после ухода из жизни оставить в королевстве определенного наследника, решил он устроить совет с сеньорами и, посоветовавшись с ними, пригласил, сначала через послов, а потом и лично, Реймского архиепископа в Орлеан, чтобы короновать своего сына Роберта². Когда архи-

епископ ему ответил, что не может по правилам короновать двух королей в один и тот же год, король сразу показал послание, присланное герцогом ближайшей части Испании Боррелем³, который просил герцога прислать помочь против варваров. Он утверждал, что часть Испании уже совсем захвачена врагом, и, если в течение десяти месяцев он не получит войска из Галлии, она вся перейдет под власть варваров⁴. Итак, он попросил короновать второго короля, чтобы, если один из них падет в сражении, войско не отчаялось, оставшись без государя. Он утверждал также, что если король будет убит и родина покинута, может произойти раздор между первыми людьми, дурные поднимутся против добрых и так весь народ подвергнется пленению.

13. Возведение Роберта на трон

Архиепископ, поняв, что так может случиться, уступил настояниям короля. И, так как знатные люди королевства собрались в день рождества Господня, чтобы отпраздновать коронацию, он торжественно короновал в базилике святого Креста его сына Роберта под одобрительные крики франков, облачил его в пурпур и поставил королем над западными франками от реки Мааса до океана; Роберт отличался таким усердием и дарованиями, что и в военных делах выделялся, и был прекрасно обучен божественным и каноническим наукам, был привержен и свободным искусствам¹, также участвовал в соборах епископов и с ними обсуждал и разбирал церковные дела.

14. Жалобы Карла друзьям на утрату королевства

Тем временем Карл в душевном волнении изливал свои жалобы друзьям и родичам и побуждал их склониться на его сторону. Вот что он говорил, обливаясь слезами¹: «Вижу, как проходит мой век и меня изо дня в день лишают отцовского наследия. Поэтому я не могу без слез глядеть на моих малюток, порождение злосчастного отца. Я принес им скорее грядущую скорбь, чем почет. Я был несчастливым отцом, который едва ли мог когда-либо прийти на помощь детям. Но, друзья, дайте по крайней мере совет опечаленному отцу, помогите ему, покинутому, защитите детей, в нежнейшем возрасте уже узнавших горе, позаботьтесь о ввергнутых в несчастья, возможно непреодолимые, помогите избежать их. Да убедит вас хотя бы кровное родство, да убедит знатность рода, которой не следует пренебрегать, убедит и надежда на возмездие, которое будет даровано с большой выгодой для вас».

15.

Тут же все, растроганные, пообещали помочь и дали по-нять, что полностью готовы оказать поддержку. Воспользовавшись их советом, Карл для начала отправил лазутчиков, чтобы тщательно разузнали, нет ли какой-нибудь возможности проникнуть в Лан. Посланые все осмотрели и обнаружили, что нет никакого подступа. Однако они тайно поговорили с некоторыми горожанами и спросили, нет ли средства привести задуманное к исполнению. В то время Адальберон¹, епископ того города, причинил своим горожанам много обид под предлогом поземельной подати. Поэтому некоторые, тайно отложившись от него, но притворяясь преданными ему, пообещали лазутчикам Карла провести их в город.

16. Как Карл проник в Лан

Также они посулили сдать город, если Карл приедет и если оставит им их имущество и еще добавит. Лазутчики, скрепив договор клятвой, доложили об этом Карлу. Он сразу сообщил о договоре тем из своих людей, кого ранее склонил жалобами на свою сторону. Они единодушно предложили в удобное время собраться к нему. Собрав войско, он подступил к Лану, когда солнце заходило, и послал лазутчиков к изменникам, чтобы те сообщили, что надо делать. Итак, они спрятались среди виноградников и заборов, готовые ворваться в город, если подвернется случай, и сражаться с оружием в руках, если того потребуют обстоятельства. Те, кто был послан, чтобы подготовить засады в установленных местах и известить предателей, поспешили к ним и рассказали, что Карл прибыл с большой конницей. Обрадованные предатели отослали лазутчиков и дали знать Карлу, чтобы скорее приходил. Узнав об этом, Карл со своим войском, поднявшись на гору, подступил к воротам города. Когда стражники по фырканью коней и бряцанию оружия приметили, что кто-то приехал и спросили со стен, кто это, угрожая забросать их камнями, предатели сразу объясили, что это кто-то из горожан. Обманутые этой выдумкой, стражники открыли ворота и в полутишине впустили войско. Войско сразу заполнило город. Чтобы кто-нибудь не сбежал, заняли ворота и приставили к ним своих стражей. Итак, одни трубили в трубы, другие громко кричали, трети грозно бряцали оружием. Поэтому горожане перепугались, ведь они не знали, что происходит, и, выбежав из домов, пытались спастись бегством. Одни из них спрятались в тайниках церквей, другие заперлись в различных укрытиях, трети же, спасаясь, прыгали со стен. Среди них был и епископ, но когда он уже сбежал по склону горы, дозорные обнаружили его в

винограднике, отвели к Карлу и бросили в темницу. Также Карл захватил там королеву Эмму, по наущению которой, как он полагал, брат отверг его, и приставил к ней стражу. Захватил и остальную городскую знать почти полностью¹.

17.

Когда суматоха улеглась и в городе восстановилось спокойствие, Карл начал распоряжаться относительно обороны города и пропитания воинов. Он назначил пятьсот стражников, которые каждую ночь при оружии обходили дозором город и стены, а также приказал свезти продовольствие со всего округа Вермандуа. И вот как укрепил он город для обороны: башню, стены которой были низкими, надстроил зубцами и окружил со всех сторон глубокими рвами, приказал также построить машины против врагов. Он распорядился, чтобы подвезли древесину, пригодную для возведения машин, заострили частоколы и сплели щиты и созвали кузнецов, которые бы изготавливали метательные снаряды и делали из железа все необходимое. Были там и люди, умевшие швырять снаряды с помощью баллист с таким тонким искусством, что могли одним броском пробить в стенах дома два равных отверстия, а птиц, парящих в небе, без промаха поражали и сбивали с высоты.

18. Нападение Хугона на Карла

До слуха королей довели, что происходит. Они были очень этим встревожены, однако не нанесли необдуманного удара, а, как это было у них принято, обстоятельно это обсуждали, затаив в сердцах печаль. Они разослали повсюду послов и пригласили идти против тирана галлов, проживавших от Марны до Гаронны. Когда все они собрались вместе и короли построили войско, они стали размышлять, напасть ли им, подступив к городу прежде, чем враги смогут упрочить свои военные силы, и, захватив город, убить тирана, ибо как только он будет захвачен и убит, они сразу смогут править спокойно, или же благосклонно взять мольбам, если выйдет так, что Карл будет просить и умолять, чтобы ему позволили удержать в качестве королевского пожалования захваченные владения¹. И более решительные и упорные полагали, что следует предпринять осаду, преследовать врагов и опустошать пожарами захваченный ими край. Итак, собрав конницу в шесть тысяч, они пошли на врагов. В назначенное время достигли города, обложили его осадой, и окружили рвами и насыпями место, где разбили лагерь².

19.

Они провели там много дней, но ни силой, ни угрозами не смогли одолеть врага; столь возвышенное положение делало

город неприступным. Коротких осенних дней не хватало для успешных военных действий, кроме того, долгие ночи утомляли дозорных, поэтому, посоветовавшись с первыми людьми, они отступили, чтобы вернуться весной. Когда они удалились, Карл обогнул город и осмотрел, нет ли где-либо места, доступного для противника. Итак, он перегородил ворота, через которые врагам легко было бы войти, заделал потайные выходы позади домов, восстановил обветшавшие стены, а башню увеличил и укрепил постройками изнутри и снаружи.

20. Бегство епископа

Епископ, которого содержали в этой башне взаперти, ночью спустился по веревке из окна и уехал верхом¹; чтобы показать, что он не был сообщником Карла, он отправился к королям и очистился от столь серьезных подозрений. Ведь решили, исходя из неких догадок, возможно, измышленных клеветниками, что он будто бы сам предоставил возможность взять город². Принятый королем как верный исполнитель его воли, епископ остался в прежней милости.

21.

Тем временем зимний холод ослабел, воздух потепел, пришла весна и зазеленели поля и луга. Тогда короли, собрав войско, подступили к городу¹ с восемью тысячами воинов. Прежде всего они укрепили лагерь насыпями и рвами. Затем был построен таран, чтобы проломить стену.

22. Устройство тарана

Эту машину построили из четырех балок необычайной ширины и длины, расположив их прямоугольником и связав на верху и у основания четырьмя поперечными брусьями; в середине же были только поперечины из дерева справа и слева. Над верхними сочленениями установили две жерди и сделали их неподвижными, они занимали третью часть пространства между верхними брусьями. На этих жердях укрепили плетенные канаты. Также на этих канатах подвесили бревно с толстым железным наконечником, посередине и на концах него привязали веревки; когда множество людей тянуло и отпускало их, они приводили в движение обитую железом громадину. Поэтому такого рода машина, которая подобно барану, подавшись назад, вдруг наносит удар, и называется бараном и с ее помощью можно наилучшим образом проломить мощные стены. Эту машину установили на три колеса, расположенные треугольником, чтобы легче было ее поворачивать, куда следует. Но так как город возвышался на горе, его положение не позволило приблизить построенный таран, и он отступил¹.

23. Отступление Хугона с войском от Лана

После этого они еще много дней переносили бдения, труды и частые стычки в ходе осады города, но в некий день, когда охрана лагеря отяжелела от вина и уснула, горожане, возбужденные вином, двинулись на лагерь с оружием в руках. За ними следовали вооруженные всадники, ожидая, как повернется дело, чтобы, если начатая стычка будет сулить успех, самим ринуться на врага¹. Пешие приблизились к лагерю, поняли, что охрана спит и забросили в лагерь факелы. В воздух поднялся густой дым от пожара, мгла мешала видеть, чад перехватывал нос и горло, не позволяя дышать. Тут пехотинцы, разразившись криками, стали звать всадников. Король и его приближенные, взбудораженные всеобщим смятением, громкими криками и гудением труб, повернули прочь от города. Ведь король понял, что лагерю не хватает продовольствия и всего необходимого. Поэтому он положил на время отвести войско, чтобы потом вернуться с большим войском. Все это случилось в августе.

24. Смерть архиепископа Адальберона

Немного спустя после этих событий архиепископ занемог болезнью, которую греки называют «каусон», а латиняне — горячкой. Он известил через послов короля, который в то время находился в Париже, что тяжело болен, поэтому королю следует поспешить, чтобы Карл не вторгся в Реймс, как в другие города. Король призвал тех, кто был рядом и быстро приготовился в дорогу. Однако в пути он немного задержался, а тем временем архиепископ, сильно страдая от бессоницы и помутнения рассудка, провел без перелома в ходе болезни все критические дни и в десятые календы февраля уплатил долг человеческой природе¹. Король подоспел в срок и в тот же день вошел в город. Во время похорон первосвященника он изливал свою скорбь в жалобных речах, сопровождавшихся слезами, и предал тело погребению с большими почестями. С удивительным добросердечием утешал он горожан, лишившихся господина. Когда у них спросили, сохранят ли они верность королю и будут ли защищать город, они поклялись в верности и пообещали охранять город. После того, как они связали себя клятвой, король предоставил им свободу избрать господином, кого пожелают, уехал от них и прибыл в Париж.

25. Каким образом Арнульф добивался архиепископства

Пока он оставался там, довольный радушием и верностью жителей Реймса, Арнульф, сын Лотаря¹, стал через некоторых приближенных короля просить у него архиепископство;

также он объявил, что покинул своего дядя Карла, поклялся в верности и пообещал отомстить за понесенную королю обиду, изо всех сил обрушиться на врагов короля и в короткое время вернуть город Лан, занятый врагами. Обрадованные приближенные короля убеждали его как можно скорее дать епископство просящему, уверяя, что король ничего не потеряет, если вручит человеку, который клянется ему в верности и будет служить, то, чего тот добивается, и ему будет очень выгодно сделать то, что обеспечит благо всех. Успокоенный их увещеваниями король приехал в Реймс, чтобы предъявить горожанам претендента, дабы его не обвинили в нарушении обязательств.

26. Речь короля к реймским горожанам

И, призвав всех горожан, король так сказал им: «Я испытал, насколько вы верные исполнители моей воли, и вы провели, что я не чужд верности. Верность своему слову требует сделать то, что было сказано, и я вижу, что вы свое слово сдержали, а я утверждаю, что строго соблюдал свое. Арнульф, сын благословенной памяти короля Лотаря от конкубины, через некоторых моих приближенных просил меня удостоить его этой кафедры; он обещал вернуть то, что недавно было у нас отнято, и решительно бороться с врагами. Представляю на ваш суд и испытания его обещания и верность, чтобы вашим судом был он либо одобрен, либо отвергнут. Он настаивает на своих просьбах. В вашей власти дать ему то, что он просит. Я ни в чем ему не помогал, никакого решения еще не принято. Я счел полезным отдать на ваше рассмотрение, быть ли этому, так как если он будет честен, это принесет вам пользу и мне славу, а если навлечет беду, меня не обвинят в лукавстве и вероломстве. Вы же либо разделите с предателем его вину за его замыслы, либо будете постоянно приглядывать за изменником».

27. Ответ горожан королю

На это горожане ответили: «Так как ваше величество даровало нам свободу выбирать господина, следует призвать всю нашу верность и рассудительность, чтобы и королевской чести не было никакого урона, и мы избежали позора ложных обвинений, если в будущем случится неприятность. Арнульф, о котором мы только что слышали, недавно просил у нас того же, обещая, если его желание будет исполнено, с величайшей преданностью защищать интересы короля и заботиться о горожанах. Но ведь он еще юноша¹, его нрав непостоянен и подвержен влияниям, поэтому мы считаем, что одного нашего

разумения для этого недостаточно. Пусть явятся те, кто уверяет вас сделать его архиепископом, и давайте рассмотрим мнения обеих сторон; пусть каждый объявит, что ему кажется лучшим, не скрывая, чтобы в случае, если предприятие увенчается успехом, слава была общей, а если оно принесет погибель, в равной степени претерпим беду». Король одобрил решение горожан и приказал, чтобы дело обсудили в его присутствии. Стороны высказали свои мнения. Итак, Арнульфа объявили достойным епископства, если он исполнит обещанное. Его призвали, допустили к королю и спросили, сохранит ли он верность королю, а он, к общему удовлетворению, отвечал весьма смиренно.

28. Посвящение Арнульфа

Итак, король и знатнейшие сеньоры проводили его в обитель монахов святого Ремигия, которая отстоит от города на одну милю, там с древнейших времен производилось посвящение в епископы. Король воссел в окружении своих придворных, прежде посоветовавшись с каждым в отдельности, и так начал благосклонную речь: «Если бы сын Лотаря, благословенной памяти Людовик, оставил отпрыска, тот был бы достоин наследовать. Но так как королевский род пресекся¹ и всем это очевидно, я был избран королем с одобрения вашего и прочих вассалов, а из них — лучших из рыцарей. Теперь же, поскольку остался единственный потомок королевской династии, чтобы имя столь славного отца не стерлось забвением, просим даровать этому оставшемуся потомку почетный сан. Если он поклянется сохранять верность, как положено по закону, если пообещает охранять город и не вступит ни в какие сношения с врагами, а, напротив, поклянется сражаться с ними, пусть ваш суд не откажется передать ему епископство, однако при условии, чтобы, согласно решению мудрых людей, связал он себя со мной силой священной клятвы.

29. Составление расписки

И чтобы вам стало совершенно ясно, что у меня на уме, я полагаю, что после принесения присяги ему следует написать расписку. Пусть в ней содержится такое проклятие, которое навлекло бы на него злополучие вместо счастья, вместо спасения — погибель, вместо почета — позор, вместо долголетия — скорую смерть, вместо уважения презрение и, короче говоря, вместо всех благ всяческое зло. По моему мнению, ее следует составить в двух экземплярах, один отойдет ко мне, другой — к нему. Это будет ему обвинением, если позорно уклонится от соблюдения верности¹.

Когда это предложение было объявлено, все охотно согласились, что так и следует поступить. Итак, Арнульф выступил вперед. У него спросили, нравится ли ему этот план и принимает ли он просимое на таких условиях. Будучи человеком честолюбивым, он утверждал, что одобряет это предложение и может на таких условиях его принять. Итак, написав требуемую расписку в двух экземплярах², один он отдал королю, другой оставил себе³.

30. Причастие, влекущее за собой погибель

Хотя король был совершенно удовлетворен, однако епископам, как рассказывают, этого показалось недостаточно, если бы они не добавили вот что: чтобы во время мессы он принял от священника причастие и прилюдно произнес проклятие, которое падет на него, если когда-либо он станет предателем и нарушит клятву; так и сделали. Священник во время мессы протянул ему причастие и тот его принял и произнес проклятие себе, если как-нибудь нарушит верность; и этим, наконец, он заставил короля и знатнейших людей поверить себе.

31. Порицание подобных действий

Однако некоторые, у кого рассудок был яснее, сочли, что это нечестиво и противоречит священным законам. Они говорили, что человеческая природа такова, что легко сама себя губит, а еще легче склоняется на позорное дело под давлением извне. Они также утверждали, что согласно писаниям отцов церкви и каноническим правилам нельзя ни принуждать к принятию причастия против воли, ни предлагать кому-либо причастие, чтобы навлечь на него погибель, ибо онодается ради искупления тем, кто его просит, и в нем отказывают тем, кто не желает его, и в это должно верить. Им показалось недостойным необдуманно вручать нечестивому хлеб ангелов и людей, так как сам Господь отворачивается от нечестивых и умеренно изливает благодать на чистых, согласно написанному: «святой дух удалится от лукавства и уклонится от неразумных умствований, и устыдится приближающейся неправды»¹. Итак, Арнульф был рукоположен епископами Реймского диоцеза и надлежащим образом облачен в епископское одеяние². Немного позже он получил и паллий, посланный апостольской властью папой Римским.

32. Как Арнульф чрезмерно благоволил к Карлу

Достигнув столь высокого сана, он подумал, что остался один из злосчастного рода, и нет у него родственников по отцу, кроме Карла; также он считал и себя несчастнейшим, если был лишен почета тот, на кого он возлагал последние надежды

на восстановление отцовского рода. Итак, он сострадал дяде, думал о нем, заботился о нем, относился к нему, как к дорого-му родителю. Держа с ним совет, спрашивал, каким образом он может помочь ему вознестись на вершину почета, но так, чтобы не показалось, что он предал короля.

33. Взятие Реймса

Решили, что надо поступить так: в установленное время он сберет в городе знатных людей, кого сможет, как будто им надо обсудить нечто важное. Тогда Карл в ночной тишине подойдет к воротам города. Там будет некто, кто откроет ворота наступающему войску, этот человек тайно поклялся в этом. Впущенное внутрь войско вторгнется в город и захватит архи-епископа вместе с собравшимися сеньорами и силой отведет в темницу. Таким образом, власть его упрочится, подобно королевской, и могущество дяди возрастет, и сам он не покажется предателем. Что и было приведено в исполнение.

34.

Он пригласил графов Гилберта¹ и Видона² и других мужей консульского достоинства. Объявил им, что ему надо обсудить нечто важное, поэтому им следует поторопиться. Они приехали без промедления, показывая, что они готовы повиноваться господину. Арнульф, выдавая одно за другое, тщательно скрывал, что на самом деле замыслил; никто не знал, каковы его истинные намерения. Он доверил их только одному человеку, в умсии хранить тайну и всрности которого не сомневался. Он открыл ему, в какую ночь надо впустить Карла, и приказал, чтобы тот тогда взял ключи от ворот от изголовья Арнульфа и открыл город вооруженным людям. Немного позже наступила ночь, когда должно было произойти это злодеяние. В назначенное время Карл с войском прибыл ночью к воротам города. Священник Алгерий³ — так его звали — стоял внутри с ключами наготове. Он тут же открыл ворота и впустил войско. Разбойники взяли и разграбили город.

35. Пленение Арнульфа и его людей

В городе начался крик; суматоха, поднятая разбегавшими-ся во все стороны людьми, разбудила ничего не подозревавших горожан. Арнульф притворился, что крики взволновали и его, бросился к башне, изображая страх, и поднялся на нее. Графы последовали за ним и заперли за собой двери. Карл искал Арнульфа и не находил, разузнавал, где именно он находится. Когда ему сообщили, что тот укрылся на вершине башни, Карл сразу послал к дверям стражников, и, поскольку

осажденные не приготовили заранее ни еды, ни оружия, они сдались Карлу и вышли из башни.

36.

Их схватили и отвезли в Лан, где заключили под стражу. Когда Карл вернулся и потребовал у них присяги на верность, все единодушно отказались. Обе стороны выражали ненависть и никоим образом не выражали сердечной привязанности. Оба притворно жаловались друг на друга, так что один другого называл предателем, а тот его — захватчиком. Наконец Арнульф присягнул на верность, был отпущен и вернулся к себе, отныне он во всем помогал Карлу. И совершенно нарушил присягу на верность, которая обязывала его служить королю. Гилберта и Видона содержали в темнице в течение нескольких дней, немного позже они дали клятву и были отпущены восвояси. Итак, Карл добился блестящих успехов, завладев Реймским архиепископством вместе с Ланом и Суассоном¹ и их крепостями.

37. Нападение Хугона

Были и такие, кто донес это до слуха короля. Король, пораженный таким вероломством, спрашивал себя, что следует предпринять, и понял, что дело можно исправить не деньгами, не дарами, но силой оружия, призвав на помощь Бога. Итак, он собрал шеститысячное войско, намереваясь идтивойной на тирана, осадить его, если хватит военной силы и, если судьба будет к нему благосклонна, продолжать осаду до тех пор, пока не одолеет врага либо силой оружия, либо голодом. Он выступил, полный отваги, и повел войско через земли, откуда враги собирали продовольствие. Он совершенно их опустошил и пожег, свирепствуя так, что не оставил даже хижины — убежища выжившей из ума старухи. Потом, повернув войско на врага, он намеревался предпринять осаду. Карл, который и до этого готовил войска, пытался стойко сопротивляться нападению. Он собрал в Лане четыре тысячи воинов и твердо решил бездействовать, если на него не нападут, а если нападут — сопротивляться.

38. Как войско было разделено на три части

Тем временем король, ведя войско на Карла, увидел легион, расставленный для сражения, поэтому он разделил войско на три части, чтобы слишком многочисленное войско не оказалось бесполезным из-за своей громоздкости. Итак, он выстроил три ряда, первый должен был завязать сражение, второй, в случае, если первый дрогнет, поддержит его и подкрепит его силы, третьему он поручил захват добычи. Когда вой-

ско разделили и расставили таким образом, первый ряд, подняв знамена, пошел во главе с королем в сражение; оставшиеся два ожидали в условленном месте, готовые выступить на подмогу.

39.

Карл выступил навстречу с четырьмя тысячами воинов, взывая ко Всевышнему, чтобы Он защитил его небольшое войско от огромного и показал, что не следует ни полагаться на большое число людей, ни отчаиваться из-за малого. Арнульф, сопровождавший его в походе, убеждал своих людей держаться стойко, выступить в порядке и не разделяясь, и не сомневаться в том, что Бог пошлет им победу; если они будут стоять мужественно, призывая Бога, то вскоре добьются славной победы. Оба войска шли вперед до тех пор, пока не увидели друг друга; тогда они остановились и заколебались. Обе стороны очень беспокоились, ведь Карл испытывал недостаток в военной силе, а король, сознавая свою вину, упрекал себя в том, что он нарушил закон, отняв у Карла отцовский трон и присвоив королевство¹. И оба продолжали тревожиться. Наконец знатнейшие сеньоры предложили королю заманчивый план: чтобы он с войском помедлил некоторое время; если враг пойдет, надо схватиться врукопашную, если же не начнет сражения, войску следует отступить. Карл решил то же самое. Поэтому, согласно своим решениям, каждый удалился восвояси. Король увел войско, а Карл вернулся в Лан.

40.

В это время Одон¹, жаждущий заполучить Дре, жаловался для вида королю на многочисленные препятствия к взятию Лана, когда и таран оказался бесполезным, и войско колебалось, и даже само недоступное расположение города делало бессмысленными усилия нападающих. Охваченный печалью король попросил у Одона помощи, говоря, что вознаградит его в свою очередь, если тот выставит вдоволь войска и отвоюет город, а если сейчас попросит дара, король без сомнений и с радостью предоставит ему желаемое. Одон обещал в ближайшем будущем осадить и взять Лан, если получит от короля Дре. Желая победить, король предоставил замок просящему. Он уступил его прилюдно, склонный верить в обещания на счет Лана. Одон также при всех поклялся в скором времени вернуть потерянный город, а потому без промедления отправился в полученный от короля замок, принял присягу у гарнизона и, объединившись с людьми, верность которых полагал нерушимой, с этих пор решительно отстаивал дело короля. Но

его усердие не имело никакого успеха, так как своевременное предательство в городе ему помешало и неожиданный случай изменил ход событий.

41. Изощренный замысел против Карла и Арнульфа

В то время Адальберон, епископ Лана, который ранее был захвачен Карлом и сбежал, используя все свое разумение, искал случая в свою очередь и Лан взять, и Карла захватить. Итак, отправив к Арнульфу послов, наиболее пригодных для такого дела, он изъявил ему дружбу, верность, готовность оказать поддержку, передал также, что желает примириться с ним, ведь он — его архиепископ, а также — что его несправедливо называют предателем и перебежчиком из-за того, что он не последовал за Карлом, поклявшись ему в верности¹, и если есть у Арнульфа свободное время для него, он желает сбросить с себя этот позор, желает вернуться к его высочеству и просить дружбы Карла, поскольку тот является его сеньором, поэтому он и поручает просить, чтобы ему позволили приехать, куда бы Арнульф ни пожелал. Не ведая, что его верность притворна, Арнульф принял лживых послов милостиво и оказал им почет, как если бы они были послами доброго человека. Исполненный радости, он назначил через них место, куда можно приехать и встретиться с ним. Они обрадовались, что обман удался и сообщили об этом господину, который, сочтя, что семена лжи посажены удачно, понял, что с помощью хитроумного замысла может достичь и большего. После этого оба поспешили в назначенное место; поздравляли друг друга, обнимались и обменивались поцелуями, выказывая столь великую душевную склонность, что не было заметно никакого притворства, никакой хитрости.

42. Хитроумный план Адальберона

После того, как они достаточно наобнимались и нацеловались, Адальберон, который вел себя, как притворщик, и был полон коварства, так сказал неосторожному первосвященнику: «Такая же случайность и такой же поворот судьбы принес нам обоим зло; поэтому мне кажется, что нам следует использовать один и тот же план, один и тот же замысел. Ведь мы оба недавно утратили — вы милость короля, а я — дружбу Карла. Поэтому сейчас вы поддерживаете Карла, я же — короля. Этот — вам, а тот мне полностью доверяет. Итак, если с вашей помощью мне будет возвращена любовь Карла, не будете и вы лишены милости короля. И этого достичь нетрудно. Идите к Карлу и попросите за меня, если случай позволит. Небесполезно будет часто говорить ему о моей верности. Если и будет

заметно, что он сомневается в ней, скажите, что я готов подтвердить ее клятвой. Если он вернет мне епископскую кафедру, а также и святые реликвии, я готов присягнуть ему на верность. Если этого будет достаточно и он вернет мне епископство, будьте совершенно уверены в милости короля. От этого языка и рук зависит, что будет: мир или раздор. Я отправлюсь к королю. Пообещаю всяческие блага не только ему, но и его будущим потомкам. Разоблачу коварство Карла. Я буду утверждать, что неосторожно поторопились осудить архиепископа¹, и буду упирать на то, что этот архиепископ горько раскаивается. Король, который полностью мне доверяет, примет это милостиво. И так как мы оба будем исполнять этот план, то достигнем двух целей сразу. И к этим двум прибавится третья. Ведь когда к вам вернется милость короля, а ко мне — Карла, мы поможем и другим достичь выгоды. Но пора уже положить конец словам, пора подтвердить сказанное делом». Обменявшись крепким поцелуем и дав взаимные обещания, они разъехались к себе.

43. Арнульф по незнанию обманывает Карла, своего дядю

Арнульф, направившись к Карлу, восхвалял Адальберона, и, не зная об обмане, упорно утверждал, что он принесет большую пользу и свидетельствовал, что он сохранит верность. Наконец, будучи и сам обманутым, он убедил его, что нечего сомневаться в Адальбероне. Благоволя к племяннику, Карл пообещал сделать просимое и не отказался вернуть епископство. Пока тот добросовестно улаживал дело с Карлом, Адальберон расспрашивал короля о Карле и Арнульфе и о захвате города. Когда он изложил королю вышеназванные козни¹, благодарность в надежде вернуть таким образом город была немалой. Немного позже Арнульф отправил к Адальберону послов и сообщил, что благодаря его стараниям Карл милостиво даровал ему прощение, и он будет принят в городе с большими почестями. Сан также будет возвращен ему без промедления. Поэтому пусть не задерживается, а приезжает как можно скорее и изведает обещанную щедрость.

44. Адальберон дает притворную клятву Карлу и Арнульфу

Адальберон без промедления поспешил на призыв Карла и Арнульфа в условленное место. Принятый ими милостиво, он изведал немалую радость. Те, кто прежде были в раздоре, редко и лишь слегка касаются его в разговоре. Чтобы прочнее обеспечить дружбу между ними, они обсудили различные

предложения и многократно напоминали, какая выгода последует, если они хорошо воспользуются своей дружбой, а также какой они добьются славы, какой чести, какой защиты. Упомянули также, что в скором времени их партия может достичь преуспеяния и нанести поражение врагам, что ничто не в силах будет этому помешать, если только Бог их не отвергнет; что если их заветные желания будут приведены в исполнение, то когда-нибудь в будущем, благодаря им, государство добьется почета и великой славы и будет процветать. Высказав это и связав друг друга клятвой, они разъехались. Адальберон отправился к королю, чтобы рассказать, что произошло. Король, выслушав все это, одобрил его замысел и обещал, что примет Арнульфа, если тот приедет, добровольно выслушает его оправдания, и если тот оправдается хорошо, то получит не меньшую милость, чем ранее. Адальберон доложил это Арнульфу и уверял, что король к нему благосклонен и милостив, а также что он лично желает выслушать его оправдания и без промедления вернет ему свою милость; поэтому ему надо поторопиться и просить этого как можно скорее, для чего следует прибыть к королю до того, как его опутают кознями другие люди. Итак, оба отправились к королю.

45. Арнульф направляется к королю и получает его милость

Арнульф был допущен к королю и получил от него поцелуй. Он желал оправдаться в брошенных против него обвинениях, но король сказал, что с него достаточно, если тот забудет о прошлом и отныне будет служить ему с нерушимой верностью; ему известно, что Карл принудил его силой и он только по необходимости отложился от него и поневоле помогал Карлу. Но так как сделанного не воротишь, ему кажется разумным, чтобы тот каким-либо образом возместил ущерб за утерянный город. Если король не может владеть городом как раньше, пусть Арнульф, по крайней мере, сделает так, чтобы Карл перешел к нему, чтобы с его согласия держал то, что захватил. Арнульф пообещал сделать и это, и большее, только бы к нему вернулась милость короля и чтобы тот обращался с ним с почетом, подобающим архиепископу. Король отнесся к нему благосклонно и согласился на то, чтобы ему прилюдно оказали большие почести. Поэтому в тот же день за трапезой он сидел справа от короля, а Адальберон — слева от королевы¹. После этого Арнульф уехал от короля. Он рассказал Карлу об удивительной благосклонности короля, описывая, с каким почетом он был у него принят, и долго славил его милоту.

сердце. В то время он старался добиться примирения Карла с королем и их дружбы.

46. Карл принимает Адальберона

Пока это происходило, Адальберон удалился от короля, направляясь к Карлу, и был принят в Лане с большими почестями. Вернулись к себе домой его родственники, до этого изгнанные из города; они, как прежде, распоряжались имуществом семьи, ни в чем не сомневаясь и надеясь наконец на мир. Адальберон встретился с духовенством, которое покинул, посочувствовал ему, пообещал быть к нему благосклонным и призвал не покидать его. Он достаточно посовещался со своими людьми, а потом его призвали к Карлу, чтобы обсудить сохранение верности и города. Карл начал так: «Поскольку Бог, милостивый ко всем, выказывает милость, даже когда наказывает, я признаю справедливым его решение и изгнать меня, и возвратить. Полагаю, что благодаря его доброте я принят в этом городе, а потому ожидаю и в остальном его благосклонности. Думаю, это он вернул мне и вас, и этот город. Итак, я постараюсь, чтобы возвращенное мне Богом осталось при мне. Вот святые реликвии, возложите на них правую руку и поклянитесь, что будете мне верны против всех и не будет никакого исключения, если хочешь быть моим другом». Жаждая исполнить свое желание, он пообещал то, что просили, положил правую руку на моши и не убоялся поклясться во всем, что бы ему не предложили. Поэтому все ему поверили и ни в чем не подозревали; никто не уклонялся от общения с ним, он расспрашивал и советовался об укреплении города, разузнал все подробности, обо всем выведал. И это осталось неизвестным для всех.

47. Пленение Карла Адальбероном

Тем временем он полностью выяснил обыкновения Карла и его людей и остался вне подозрений, применяя разнообразные уловки, чтобы и город себе вернуть, и Карла захватить и выдать королю. Итак, он стал чаще советоваться с Карлом и выказывал все большую привязанность к нему. Когда следовало, давал клятвы, еще сильнее его обязывающие, используя столь искусные приемы, что ему удалось скрыть ото всех свои козни под маской лицемерия. Когда однажды ночью он весело сидел на пиру, Карл взял золотую чашу, в которую наломал хлеба и смешал с вином, и после долгого размышления протянул ему со словами: «Поскольку согласно установлениям отцов церкви сегодня вы освящали побеги винограда¹ и раздавали народу благословения, и нам предлагали причастие, я, как

того требует день страстей Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, протягиваю вашему святейшеству этот сосуд с вином и накрошенным хлебом, пренебрегая интригами наушников, которые отказывают вам в доверии. Выпейте чашу в знак нерушимой верности. Если же не собираетесь сохранить верность, откажитесь от чаши, чтобы не явить вновь пугающий образ предателя Иуды». Тот ответил: «Принимаю чашу и охотно выпью напиток!» Карл тут же продолжил: «И сохраню верность». Тот, выпив, прибавил: «И сохраню верность, а не то постигнет меня участь Иуды»². И произнес перед пиরующими много подобных проклятий.

Наступила ночь, ставшая свидетельницей скорби и предательства. Решено было отправиться на покой и поспать до утра. Адальберон, готовясь осуществить свой замысел, пока Карл и Арнульф спали, убрал мечи и оружие от их изголовий и спрятал в потаенное место. Позвав прислужника, не ведавшего о его коварстве, он приказал ему скорее позвать одного из своих людей, обещая тем временем посторечь вход. Когда тот ушел, Адальберон встал посреди дверей, держа под одеждой меч, и быстро впустил тех, кто помогал ему, то есть сообщников своего злодеяния. Карл и Арнульф отдыхали, охваченные глубоким утренним сном. Когда враги толпой подошли к ним, они пробудились, увидели противников и вскочили с кроватей, стараясь схватить оружие, но не нашли его; они спросили, кто же виновник этого утреннего происшествия³. Адальберон же сказал: «Поскольку недавно вы отняли у меня этот город и принудили бежать из него, вот и вы теперь захвачены нами, но судьба ваша будет иной. Ведь я остался на свободе, вы же оказались в чужой власти». На это Карл воскликнул: «Не помнишь ли, о епископ, вчерашний ужин, вот что меня интересует. Тебя не остановило даже благоговение перед Богом? И священная клятва — ничто? И не было за ужином никаких проклятий?» И сказав это, бросился на врача. Его, рассвирепевшего, окружили вооруженные люди, отбросили на кровать и смирили. Схватили и Арнульфа. Захватив их, заперли в той же башне, а башню заперли ключами и засовами, и запорами, приставив стражников.

Крики и рыдания женщин, детей и слуг понеслись к небу и потревожили и разбудили горожан. Все, кто поддерживал сторону Карла, сразу же бросились бежать. И это им удалось с трудом. Ведь не успели они убежать, как Адальберон приказал окружить весь город, чтобы захватить всех, кого считал своими противниками. Их искали, но не нашли. Они увезли и двухлетнего сына Карла, который носил имя отца, и так он

избежал плена. Адальберон немедленно отправил послов в Санлис к королю, чтобы объявить ему, что потерянный город уже возвращен, Карл с женой и детьми захвачен и Арнульф найден среди врагов и пленен. Поэтому пусть король приезжает, не откладывая, захватив с собой как можно больше народу, чтобы не было никакой задержки в сборе войска, и пусть отправит послов ко всем соседям, кому он доверяет, чтобы следовали за ним и сразу приезжали, хотя бы и с небольшим сопровождением.

48. Король вступает в Лан после плена Карла и Арнульфа

Король взял с собой столько народа, сколько смог и без отлагательств отправился в Лан. По прибытии в город, принятый с королевскими почестями, он стал расспрашивать о бегстве вассалов Карла, захвате города и плена врагов. На другой день, созвав горожан, он потребовал поклясться ему в верности. Так как ранее их захватили и они перешли под власть другого, они пообещали хранить верность королю и принесли присягу, и когда в городе воцарилось спокойствие, король уехал в Санлис вместе с плененными врагами. Затем он призвал своих приближенных и попросил помочь ему советом.

49. Совещание у короля, посвященное Карлу

Согласно решению одних, следовало потребовать у Карла, славного мужа из знаменитого королевского рода, в заложники всех сыновей и дочерей; также принять от него клятву в том, что он останется верным королю и никогда не попытается вернуть себе франкское королевство, а для этого пусть он составит завещание, лишающее его детей права на престол; после этого они советовали отпустить Карла. Совет других был таким: столь славного мужа из древнего рода не следует отпускать сразу, но надо удерживать его при короле до тех пор, пока не объявятся те, кто возмущен его плениением; тогда можно будет выяснить, представляет ли собой угрозу их число, положение и их предводитель, стоит ли называть их врагами короля франков, или же ими можно пренебречь. Если их будет мало и они не будут принадлежать к числу знатных людей, они советовали оставить его в плена; если же это будут люди могущественные и в большом числе, они призывали отпустить его на вышеназванных условиях. Итак, Карла заключили в темницу¹ вместе с женой Аделаидой и сыном Людовиком, и двумя дочерьми, из которых одну звали Герберга, а другую — Аделаида, а также вместе с племянником Арнульфом.

50. О превратностях путешествия автора из Реймса в Шартр

Приблизительно за 14 дней до их плена, когда я как раз горел желанием изучить логику Гиппократа Косского¹ и много размышлял над свободными искусствами, случайно встретил я однажды в Реймсе всадника из Шартра. Я спросил его, кто он и кому служит, зачем и откуда приехал. Он ответил, что он посланник Херибранда, клирика из Шартра и хочет поговорить с Рихером, монахом из монастыря св. Ремигия. Услышав имя друга и цель посольства, я сразу назвался тем, кого он ищет и, поцеловав его, увел в сторонку. Тут он протянул мне послание, в котором меня приглашали прочесть «Афоризмы». Обрадованный этим, я взял с собой некоего мальчика и вместе с шартрским всадником собрался отправиться в Шартр.

Уезжая, получил я от моего аббата только одного мула. Итак, испытывая недостаток в деньгах, платье и других необходимых вещах, я приехал в Орбэ, монастырь, известный гостеприимством, где отдохнул по приглашению аббата Д.³; благодаря их милосердию меня снабдили всем необходимым и назавтра я взял путь на Мо. Пока мы с двумя спутниками пробирались по извилистым лесным тропинкам, были у нас и неприятности. Ведь на перекрестке мы ошиблись дорогой и проехали лишних шесть галльских миль. А как только мы миновали Шато-Тьери, мул, который до того выглядел Буцефалом⁴, вдруг стал спотыкаться, как осел. Солнце уже садилось, шел дождь и тут наш мощный Буцефал, ослабевший от чрезмерных трудов, упал, уронив сидящего на нем верхом мальчика, и, словно пораженный молнией, издох в шести милях от города. Какая тут поднялась суматоха, какое волнение, могут представить себе те, кто встречался с такими превратностями и может сравнить похожие случаи. Не привыкший к столь долгим и трудным поездкам мальчик, лишившись мула, лежал, совершенно обессиленный. Некому больше было нести вещи. Лил сильный дождь, небо затянули тучи, солнце уже зашло, наступили сумерки.

Во время этих тревог Бог не отказал мне в совете. Я оставил мальчика с поклажей там, объяснив ему, что отвечать, если прохожие будут расспрашивать его, и велев не поддаваться сну, и поехал в Мо, сопровождаемый только шартрским всадником. В потемках я едва разглядел мост, подъехал к нему, внимательно осмотрел и был удручен новой неприятностью в пути. Ведь в нем зияло столько дыр, что в то время и горожане едва ли пересекли бы его по своим надобностям. Неутомимый

муж из Шартра, достаточно опытный в дорожных переделках, поискав вокруг лодку и не найдя ни одной, вернулся на опасный мост и, благодарение небу, провел по нему лошадей невредимыми. Подкладывая под ноги лошадям в местах отверстий где щит, а где подобранные доски, где согнувшись, а где прямо, где медленно, а где бегом, он успешно переправил меня с лошадьми. Уже наступила ночь и покрыла мир ужасной мглой, когда я вступил в базилику св. Фарона, а братия тем временем приуготовляла напиток милосердия. В тот же день мы торжественно трапезовали, зачитывая главы о монастырском келаре, который мог как побуждать к пьянству, так и препятствовать ему. Я был принят ими, как брат, с приветливыми речами, насытился и отдохнул. Всадника из Шартра я послал с лошадьми за оставленным мальчиком, и его вновь поджидали опасности пути по мосту, уже им испытанные. Он пересек его тем же способом, что и раньше, и нашел мальчика во время второй ночной стражи, так как сперва он заблудился и едва вышел на него по частым крикам. Подбрав его, он двинулся к городу, но опасаясь пути по мосту, который уже был ему знаком, свернул с мальчиком и лошадьми к какой-то хижине; там они, не евши целый день, собирались отдохнуть ночью вместо еды.

Эту ночь я провел без сна и какие муки претерпел, могут представить себе те, кого тревога о ком-то дорогом вынуждала бодрствовать. Ранним утром, когда наконец рассвело, они появились, испытывая страшный голод. Их накормили и перед лошадьми положили зерно и солому. Оставив аббату Августину мальчика, который потерял мула, в сопровождении только всадника из Шартра, я вскоре приехал в Шартр. Оттуда я сразу отправил лошадь и вызвал мальчика из Мо.

Когда его доставили и все тревоги миновали, я тщательно изучил «Афоризмы» Гиппократа вместе с Херибрандом, человеком большой доброты и учености. Из них я получил сведения только о прогнозировании недугов и, так как простого знания болезней было недостаточно, чтобы удовлетворить мое любопытство, я попросил его прочитать со мной и книгу, которая называется «О согласовании Гиппократа, Галена и Сорана»⁵. И добился этого, ведь от него, столь искусного в этой науке, не укрылись тайны врачевания с помощью фармацевтики, ботаники и хирургии⁶.

51. Как из-за жалоб на задержание Арнульфа по королевскому приказу состоялся собор

Но вернемся к событиям, о которых мы рассказывали выше: некоторые друзья негодовали из-за плениния епископа, некоторые схоластики писали сочинения в его защиту, другие

ссылались на канонические постановления и все это достигло слуха короля, и королевским эдиктом было постановлено, чтобы все епископы Галлии, кто только может, и в особенности епископы этой провинции собирались вместе; а те, кто не сможет приехать, пусть оправдают свое отсутствие с помощью подходящих послов, и на этом собрании в соответствии со строгими правилами и декретами они или объявят его виноватым, либо, оправдав, восстановят на прежней кафедре¹. Итак, в обители монахов святого Базила собрались епископы Реймского диоцеза, суффраганы Реймского архиепископа: Видон, епископ Суассонский, Адальберон, Ланский епископ, Херивей, епископ Бове, Годесман, епископ Амьенский, Ратбод, Нойонский епископ, Одон, епископ Санлисский; Даиберт, архиепископ Буржский, суффраганы архиепископа Лионского, Гуалтерий, епископ Отенский, Брунон, епископ Лангрский, Милон, епископ Маконне, Сигуин, архиепископ Санский со своими суффраганами, Арнульф, епископ Орлеанский, Херберт, епископ Оксера². Вместе с ними заседали и аббаты из разных мест: тайно посовещавшись друг с другом, епископы приказали им сесть рядом с собой.

52. Как решали, кому поручить право выносить суждение и кому быть председателем

Итак, утверждая порядок проведения собора, они решили назначить кого-то, кому будет передано право судить в отдельных случаях и кому поручили бы следить за соблюдением порядка и объяснять происходящее. Достойным выносить суждение сочли Сигуина, архиепископа Санского, в пользу которого говорили и почтенный возраст, и жизнь, полная заслуг¹. А право распоряжаться и обязанность объяснять были вверены Арнульфу, епископу Орлеанскому, ибо он процветал среди галльских епископов даром красноречия и ораторскими способностями². После того, как определили все это, впустили остальное духовенство и огласили содержание подлежащего рассмотрению дела, Арнульф начал так:

53. Обращение Арнульфа к собору

«Достопочтенные отцы, поскольку мы собирались вместе по приказу светлейших королей, а также и ради дела святой веры, мне кажется, что мы должны призвать всю нашу верность, все усердие, чтобы нас, собравшихся здесь милостью св. Духа, не заставила отклониться от истинного пути ни ненависть, ни любовь к кому-либо. И так как мы собирались во имя Господне, нам должно принимать все решения правильно, помнить, что Бог все видит, никого не лишать возможности высказаться,

печься об истине, упорно отстаивать ее, обсуждать дело и отвечать на обвинения в простых и ясных выражениях. Пусть каждому будет оказан должный почет, пусть каждый имеет право выступить, вам дана свобода обвинять и опровергать обвинения. И теперь, поскольку вы пожелали, чтобы я перед вами выступил, полагаю, что я должен объяснить всем задачу этого собора, чтобы всем все было совершенно ясно. Недавно славнейшая Реймская метрополия подверглась нападению из-за измены. Святая святых осквернена вражеским вторжением; Божье святилище поругано нечестивцами, а горожане огорблены разбойниками¹. И обвинение гласит, что зачинщик этого зла — тот, кому должно было защищать город от врагов, — Арнульф, епископ этого города; вот что вменяется ему в вину, а мы собирались здесь по велению короля, чтобы обсудить это. Итак, достопочтенные отцы, приложите все усердие, чтобы вероломство одного не обесценило самого епископского сана». Когда некоторые из присутствующих возразили, что человека такого рода следует как можно скорее осудить и покарать справедливым приговором, епископ Сигуин ответил, что он не допустит, чтобы обвиняемого в оскорблении величества подвергли судебному разбирательству до того, как он получит от королей и епископов клятвенное обещание обойтись с ним милостиво; он утверждал, что согласно 31 главе постановлений Толедского собора² следует поступить именно так. Мы воздерживаемся от приведения ее здесь краткости ради.

54. Выступление Даиберта с требованием суда

Даиберт, архиепископ Буржский, сказал: «Поскольку со-деянное им очевидно и нет никаких сомнений в том, как следует назвать этот поступок, а также в том, насколько тяжелым является это преступление, я совершенно не понимаю, почему необходимо проявить милосердие к обвиняемому. Кажется, необходимость в этом есть тогда, когда нельзя выносить приговор, если прежде не будет подано прошение о помиловании. Но если обратиться к мирскому праву, то, если кто-нибудь совершил какой-либо поступок, то подвергнется наказанию, строгость которого соответствует серьезности преступления»¹.

55.

Херивей, епископ Бове, сказал: «Следует всячески остерегаться смешения мирских и божественных законов. Они сильно разнятся между собой, так как божеские законы трактуют церковные дела, а мирским законам подлежат мирские дела.

Из них первые стоят настолько выше вторых, насколько вторые ничтожнее первых. Поэтому должно всегда охранять величие божественных законов. Если же наш собрат Арнульф обвиняется в оскорблении величества, то я не возражаю, чтобы светлейшие короли оказали ему милосердие из уважения к сану и ради кровного родства. Однако он не избежит вовсе судебного приговора, если из его признания станет очевидным, что он недостоин епископского сана»¹.

56. Обвинительная речь Брунона против Арнульфа

Бруон, епископ Лангра, сказал: «Мне кажется, из этой речи следует, что причиной несчастья стало то, что его поспешили возвести на вершину почета против желания многих добрых людей. Не только родство побуждает меня сказать это, но и желание привлечь его к лучшей жизни, ведь я знаю, что этот захватчик города Лана, этот дерзкий главарь нечестивой шайки в письменном виде клялся королю в верности, в том, что никакая клятва в прошлом или будущем не заставит его нарушить присягу, что он будет сражаться против королевских врагов, используя все силы и средства, и никак не будет сноситься с ними. Но, так как Карл, мой дядя по матери, оказался недругом королей, и так как тот, о ком мы сейчас говорим, вступил в сношения с ним и поклялся ему в верности, то он полностью нарушил присягу. Или нельзя назвать противниками королей Манассию¹ и Роттера², которые вместе с Карлом вторглись в Реймс, ворвались с вооруженной шайкой в базилику св. Марии, матери Божьей, и нечестивым вторжением осквернили священное место? Именно они были поврежденными его замыслов и лучшими друзьями. Так как все это очевидно, он ныне утверждает, что пошел на это под их нацистиком и уговорами. Пусть или докажет вину других, или падет, уличенный показаниями свидетелей. Никакая родственная привязанность, никакое почтение к старинному роду не удержат меня от вынесения должного приговора».

57. Годесман хвалит храбрость Брунона и требует вынести приговор

Годесман, епископ Амьенский, сказал: «Нам известна отвага достопочтенного Брунона, которого никакая привязанность, никакое родство не заставит отклониться от истины; непреклонность его духа и скромность нрава больше всего заставляют поверить в его правдивость. Поэтому, так как все выступления были посвящены расследованию вины нашего собрата Арнульфа, мне кажется, следует спросить у Брунона, каким, по его мнению, должен быть приговор, и не следует ли умерить его суровость, ведь он оказался между двух партий,

будучи и королю обязанным верностью, и с Арнульфом связанным кровным родством. Тогда никакие клеветники не смогут ни в чем обвинить того, кого верность господину вдохновляет на вынесение приговора, а привязанность к близкому удерживает от чрезмерной неприязни».

58. Ответ Брунона

На это епископ Брунон ответил: «Мне совершенно ясен ваш образ мыслей. Обвиняемый в оскорблении величества связан со мной кровным родством, поскольку он сын моего дяди, короля Лотаря. Поэтому вы, при всей вашей доброте, и опасаетесь, что я проявлю несправедливость, признав достойным его предложенный вами приговор. Но нельзя ставить родственную любовь выше любви к Христу. Поэтому пусть по ходу дела ваше святейшество посоветуется со мной касательно расследования. Не опасайтесь за приговор, вынесенный против виновного, ибо равно справедливо как покарать виновного в оскорблении величества, так и освободить невиновного».

59. Ратбод объясняет, что лотарингские епископы порицают письменную клятву в верности

Ратбод, епископ Нойонский, сказал: «Если вы согласны, достопочтенные отцы, я думаю, что сейчас вам следует обсудить письменную присягу на верность, данную некогда Арнульфом королям в обеспечение своей преданности. Ведь ясно, что ее одной достаточно для его осуждения, так как нечестивым преступлением он полностью нарушил верность, клятвенно обещанную и скрепленную собственноручной подписью. Но есть нечто тревожное, а именно то, что лотарингские епископы, говорят, оспаривают ее. Они утверждают, что писать, читать и сохранять ее — против божьих законов. Поэтому, если вам угодно, да будет она предъявлена, чтобы вы обсудили ее». Собор сказал: «Да будет предъявлена».

60. Содержание письменной клятвы Арнульфа в верности

Итак, была предъявлена грамота следующего содержания¹: «Я, Арнульф, Божьей милостью становясь Реймским архиепископом, обещаю королям франков Хугону и Роберту, что сохранию строжайшую верность, что буду оказывать им совет и помочь во всех предприятиях соответственно моим знаниям и возможностям, что сознательно не предоставлю ни совета их недругам, ни помощи их неверным подданным. Обещаю исполнить это перед лицом Всевышнего, дабы в награду достичь вечного блаженства². А если, чего да не будет, и чего я не желаю, я отступлюсь от этого, пусть все благословения обернутся для меня проклятием, и укоротятся дни мои, и мое

епископство воспримет другой, и да покинут меня друзья мои и станут навеки недругами. Я подписываю эту расписку, составленную мной как свидетельство, навлекающее на меня благословение или проклятие, и прошу подписать моих братьев и моих сынов. Я, Арнульф, архиепископ, подписал».

61. Арнульф отчасти соглашается с записью, а отчасти отвергает ее

Когда ее зачитали, собор изучил ее, так как видел, что она имеет силу обвинения или защиты. Тогда достопочтенный епископ Арнульф, которому было поручено давать объяснения, сказал: «Сама по себе расписка отчасти содержит доводы в защиту, а отчасти дает силу обвинению. Ведь ее решил написать и ее автором был Арнульф. Пораженный отвратительным недугом тщеславия, он совершил достойный осуждения поступок, когда, присягнув на верность, не сохранил ее. Это подпадает под обвинения. А то, что мудрые и добрые люди сделали это, чтобы противостоять хитрости и проискам пропащающего человека, говорит в пользу защиты и против жалобщиков. То, что произошло на самом деле, должно быть подкреплено свидетельством. Пусть выйдет священник Адальгер, ведь он, соучастник предательства, лучше всего знает, как было дело. Говорю вам, пусть он выйдет и поведает вашим святейшим о неслыханном злодеянии, чтобы вы узнали, кого следует обвинить, и увидели, кто заслуживает похвалы».

62. Адальгер привлечен как свидетель обвинения

Итак, появился призванный Адальгер, его спросили об этом деле, он ответил, ничуть не медля: «О, если бы, святые отцы, это признание как-нибудь смягчило мою участь! Но так как я дошел до того, что, кажется, все, что можно найти в мою пользу, будет говорить против меня, опишу в коротких словах то, что вы спрашиваете. Дудон, воин Карла, велел мне совершить это предательство, о котором вы расспрашиваете, поклявшись мне, что этим я узижу своему господину. Так как я ему не поверил, то сам спросил моего господина, он ответил, что хочет этого. Затем, чтобы придать этому позорному деянию достойный вид, я принес присягу Карлу и, став его человеком, поклялся совершить измену. И я сделал это, но не беззаконно¹. Если это покажется вам выдумкой, я готов подвергнуться судебному испытанию любого рода».

63. Епископ Гвидон коротко и ясно описывает преступление

Гвидон, епископ Суассонский, сказал: «Если бы мы судили на основании его показаний, то выходит, что за одно преступ-

ленис следует обвинять обоих. Но он утверждает, что совершил это, находясь в зависимости от господина, который убедил его пойти на злодеяние, и таким образом сам стал его зачинщиком. Поскольку налицо очевидные доказательства действий каждого, когда один побуждал к преступлению, а другой исполнил, для вас, отцы, не тайна, как следует их судить. Также силу обвинению придает то, что сам епископ, став виновником измены, чтобы лучше скрыть свой позор в великом рвении, с проклятиями, лишил тела и крови Христовой и отлучил от истинной церкви зачинщиков разграбления Реймса, участников, сообщников, пособников и тех, кто расточал чужое имущество под видом распродаж¹. Но так как зачинщиком столь великого зла оказался епископ, совершенно очевидно, что он подпадает под анафему. И это не в малой степени способствует его осуждению».

64. Гуалтерий возмущается Арнульфом

Гуалтерий, епископ Отенский, сказал: «Не лишен ли рассудка этот епископ, который старательно защищается, в то время как королям и всем святым отцам ясно видна его вина, и сверх того он уличен свидетельством священника, сообщника преступления? Может ли виновник зла избежать анафемы, когда сам зачинщик зла и исполнитель преступления подверг проклятию зачинщиков, и исполнителей, и пособников? Неужели он не знает, что сам Бог его осудил, так как сказано: «на всяком месте очи Господни: они видят злых и добрых»¹. И полагаю, что в сердце своем наверняка говорит неразумный: «Нет Бога». Итак, подумайте, отцы, насколько развернуты и достойны презрения преступник и пособник в его трудах».

65. Епископ Одонувещевает скорее вынести приговор

Одон, епископ Санлисский, сказал: «Поскольку мы собрались здесь ради дела веры и по приказу светлейших королей, не следует откладывать вынесение приговора. Этого ожидают короли, этого ждет духовенство и простой народ. Не следует более медлить, рассматривая различные доводы, так как дело очевидное и приговор суда ясен. Составляя его, прочитайте не только постановления отцов церкви, но и не оставьте без внимания подобные дела для вынесения приговора».

66. Арнульф взывает к защитникам, чтобы свободно вступили в спор

Арнульф, епископ Орлеанский, сказал: «Достопочтенные отцы, хотя то, что говорилось об Арнульфе, совершенно ясно, и его можно справедливо осудить согласно многим постанов-

лениям отцов церкви, однако, чтобы не показалось, что мы радуемся падению брата и жаждем его неправедного осуждения, я полагаю, надо постановить общим решением, чтобы каждый, кто желает что-либо сказать в его защиту, имел возможность защищать его, вновь перечитать свитки, изложить все соображения, какие пожелает и все, что подготовил для защиты, предъявить здесь, перед всеми, ничего не опасаясь. Я считаю, что надо постановить так, чтобы более не пустовало место для защиты. Пусть подумают и скажут».

Тогда епископ Сигуин одобрил предложение Арнульфа и запретил нарушать его. Если кто-нибудь имел, что сказать, он уговаривал таких высказаться. И из присутствующих многие выступили на защиту, среди них наиболее влиятельными защитниками были аббаты Абbon Флерийский и Рамнульф Санский и схоластик Иоанн, учитель из Оксера. Они отличались от остальных познаниями и красноречием. И, когда установилось молчание, было предъялено много свитков, также многое было зачитано из декретов отцов церкви, так как некоторые из них свидетельствовали в защиту обвиняемого.

67. Схоластики защищают Арнульфа

Среди прочего они выдвинули четыре основных возражения. Говорили, что, во-первых, следует восстановить его на кафедре, затем призвать к суду в законном порядке, также сообщить об этом римскому первосвященнику¹ и, наконец, получив согласие римского первосвященника, обсудить преступление на общем соборе. Они уверяли, что это будет соответствовать законам божественным и человеческим.

68. Опровержение защиты

С другой стороны ответили, что нельзя восстановить его на прежней кафедре, так как уличенный в очевиднейших винахзывающим доверие свидетелем, он кажется более склонным к нечестию, чем к соблюдению достоинства церкви и верности своим господам. И уже нельзя более его призывать, ведь после нечестивой измены его в течение шести месяцев звали прийти и оправдаться, а он этим пренебрег. А римского первосвященника известить невозможно, так как этому препятствуют трудности пути и угрозы недругов. И это преступление уже не подлежит обсуждению, так как все ясно: обвинитель доказал его вину и хорошо подкрепил свои доказательства; обвиняемый же, будучи уличенным, не смог ничего возразить. Когда епископы предложили эти соображения, подкрепленные вескими доводами, защитники уступили.

69.

После того, как они отказались от защиты, епископы сочли, что больше ничего не осталось, как только вызвать на середину Арнульфа, чтобы он сказал, что сможет, в свою защиту. Итак, его призвали и он проследовал сквозь ряды епископов. Епископы задали ему много вопросов, на некоторые из которых он не ответил, причем он, как мог, настаивал на одном и отвергал другое, но затем, побежденный силой доводов, он уступил и прилюдно признал себя виновным и недостойным сана.

70. Короли приходят на собор

Когда это сообщили королям, они вместе со знатнейшими людьми сами пришли на священное собрание епископов, чтобы отблагодарить епископов, которые так долго отстаивали в споре их благо и благо сеньоров. Они также попросили, чтобы им рассказали по-порядку, как все происходило и каков был исход споров. Тогда королям изложили ход дела. Выслушав изложение, они объявили, что уже пришло время вынести приговор. Тут епископы стали уговаривать Арнульфа, чтобы он бросился к ногам королей, признал себя виновным и просил оставить ему жизнь и члены в целости. Сразу он, простервшись в ногах у своих господ, признался в преступлении и, объявив себя недостойным сана, молил сохранить ему жизнь и все члены, обливаясь при этом слезами. Поэтому и весь собор запласал. Охваченные великой жалостью короли обещали сохранить ему жизнь и члены и решили содержать его без оков и цепей, под собственной охраной.

71. Постановление

И когда он поднялся с земли, его спросили, желает ли он, чтобы сложение с него сана проходило торжественно, в соответствии с канонами. Он предоставил все решению епископов, и тут же было постановлено, что, так как он признал себя недостойным сана и не скрыл своих злодеяний, следует низложить его по степеням, как он постепенно восходил. Короли попросили его вернуть то, что он получил от них, и он без промедления сложил с себя епископские инсигнии. Затем его спросили, сделает ли он запись о своем отречении; он ответил, что поступит по желанию епископов. Сразу написали грамоту и предложили ему, он зачитал ее собору в присутствии королей и подписал.

72. Содержание письменного отречения Арнульфа

А содержание грамоты было такого рода: «Я, Арнульф, некогда божьей милостью архиепископ Реймский, признавая свою слабость и тяжесть своих прегрешений, зову в свидетели

своих исповедников: Сигуна архиепископа, Даиберта архиепископа, Арнульфа епископа, Годесмана епископа, Херивея епископа, Ратбода епископа, Гуалтерия епископа, Брунона епископа, Милона епископа, Адальберона епископа, Одона епископа, Видона епископа, Хериберта епископа; я сделал их судьями моих грехов и искренне исповедался в них, прося целительного наказания ради спасения души моей, и отказался от своей власти и своих обязанностей, которых я недостоин и которые я утратил через свои грехи, в каковых грехах тайно им исповедовался и в которых был публично обвинен, для того, чтобы они стали свидетелями и имели право назначить и посвятить другого на мое место, того, кто был бы достоин его и мог бы служить интересам церкви, которую я недостоин был возглавлять. Я желаю, чтобы, согласно канонам, у меня не осталось никакой возможности восстановиться или нарушить приговор, и для того скрепляю его, подписав собственной рукой. Зачитав его, подписал. Я, Арнульф, некогда Реймский архиепископ, подписал¹. Присутствующие епископы также подписали грамоту по его просьбе и ответили ему так: «В соответствии с твоим устным и письменным отречением с тебя слагается сан. Сложи свои полномочия». После этого он освободил от клятвы своих людей и вернул им свободу перейти под власть другого.

73. Низложение священника Адальгера

Во время этой торжественной церемонии священник Адальгер, отлученный от церкви, пал к ногам королей и жаловался им, прося снять отлучение и уверяя, что следует смягчить ему приговор, так как он повиновался приказам господина. Ему возразил Арнульф, епископ Орлеанский: «Не думаешь ли ты, что сегодня твои выдумки тебя оправдают? Не ты ли открыл ворота Карлу и как враг ворвался с ним в святая святых? Разве не ты с тебе подобными покинул юношу?¹ Покайся, несчастный!» Тот ответил: «Не могу отрицать свою вину». Арнульф сразу продолжил: «Так можно ли снять с тебя отлучение, чтобы ты, нечестивец, смеялся, когда господин твой рыдает?» Наконец, решили, что следует дать ему выбрать одно из двух подходящих наказаний: или низложить его, или предать анафеме навечно. Тот долго думал и наконец предпочел лишение сана вечному проклятию. И по приказу епископов с него сразу сложили священническое облачение. Отобрали у него все инсигнии без сожаления, и каждый ему сказал: «Сложи с себя полномочия». Его вернули в сообщество мирян и подвергли наказанию, после чего собор был распущен.

А если кто пожелает подробнее узнать, какие из канонов и постановлений отцов церкви были привлечены каждым из выступавших, какие санкции были приняты, какое послание короли и епископы отправили римскому понтифику, какие аргументы были выдвинуты в пользу отречения Арнульфа, пусть прочтет сочинение господина и несравненного мужа Герберта², ставшего преемником Арнульфа на епископстве³, которое включает все постановления, принятые там, и удивительное красноречие которого может сравниться с красноречием Туллия⁴. Оно содержит все обвинения, ответы, расследования и воззвания, инвективы, предположения и дефиниции, и наиболее разумным образом излагает их, объясняет и даст заключения. Оно чрезвычайно полезно не только ради изучения вопросов, связанных с собором, но и для познания правил риторики.

74. Одон жалуется своим людям на утрату Мелена

Тем временем Одон¹ старался увеличить свои владения. Поэтому он, вместе со своими людьми, в верности которых не сомневался, готовился захватить замок Мелен, уверяя, что будет крайне несчастен, если не завладеет переправой через Сену, чтобы иметь возможность переправить войско; вот ему и пришла мысль захватить в свою власть Мелен, прекрасно защищенный, благодаря обтекающей его Сене, и доступный, благодаря двум портам, в то время, как ему принадлежало множество портов на Луаре; он не испытывал страха перед беззаконным злодеянием, так как этим замком некогда владел его дед, и ныне он принадлежал не королю, а другому человеку. Поэтому он уговаривал всех, кто поклялся ему в верности, поспешить и, используя все возможные средства, захватить его и передать в его власть.

75. Обращение посольства Одона к кастеллану Мелена

Тогда один из его людей отправился к кастеллану крепости¹, изобразил перед ним прочнейшую дружбу и посулил великую преданность. Оба сразу скрепили дружбу клятвой. Обратившись к кастеллану, посол спросил его, чьей была эта крепость ранее; тот не отрицал, что знает, чьей она была. Посол продолжил: «Каким образом она перешла под власть короля?» Тот стал объяснять. А посол и говорит: «Почему в ней было отказано Одону, хотя он неоднократно просил вернуть ему крепость, и почему сейчас ею владеет чужак?»² «Поскольку, — отвечает тот, — королю это показалось уместным». Посол же спросил: «Не считаешь ли ты, что самого Бога оскорбляют, когда после смерти отца сироту обманом лишают

отцовского достояния?» Тот говорит: «Так. И еще это вселяет отчаяние в добрых людей. Кто из знатных сеньоров могущественнее Одона? Кто более достоин всяческих почестей?» На что посол промолвил: «Если пожелаешь перейти на сторону Одона, разве твое могущество не возрастет и ты не возвысишься, как ты считаешь? Если ты станешь его человеком, то, без сомнения, получишь его милость, совет и помощь; вместо одной крепости получишь много. Ты достигнешь вершины почести и прославишь свое имя». Этот же в ответ: «Как ты думаешь, каким образом можно это сделать без греха и позора?» А тот и говорит: «Если ты вместе с замком перейдешь к Одону, то все, что последует за злодеянием, пусть падет на меня, пусть называется моим, принимаю на себя кару и дам во всем отчет Богу. Я забочусь о твоей знатности, хочу, чтобы твое достояние возросло; время подходящее и обстоятельства призывают к этому, ведь король обесславился своей неспособностью править, а Одону всегда сопутствует блестящий успех». Охваченный желанием получить обещанное, кастеллан принес присягу. Тот принял ее и попросил заложников для успешного осуществления предприятия. Кастеллан, полагая, что его ожидают большие почести, не отказался дать ему заложников; тот, получив их, отправился домой и доложил обо всем Одону.

76. Одон захватывает Мелен

Итак, он убеждал Одона поскорее начать действовать. Тем временем Одон тайно подготовил войско, чтобы вторгнуться в замок и захватить его. Подготовив все, он в условленное время подступил к замку и вошел в него; притворяясь разгневанным, он настиг предателя и отправил его в темницу; немного спустя тот был освобожден, прилюдно принес присягу на верность и приготовился сопротивляться вместе с Одоном¹. Вскоре весть об этом достигла слуха королей. Встревоженные потерей замка, короли готовили воинов для похода против врагов, предполагая не снимать осады до тех пор, пока они либо не возьмут замок с боя, либо, если того потребуют обстоятельства, не померяются с врагом силами врукопашную.

77. Прибытие королей к Мелену

Итак, подготовив войско, они выступили, чтобы начать осаду. И так как замок был окружен Сеной, они разбили первый лагерь на берегу, поближе к замку, а на другом берегу расставили приглашенных пиратов; а чтобы ничто не мешало осаде, добавили ко всему еще и корабли с вооруженными людьми на реке вокруг замка. Они должны были решительно напасть на замок с воды. Защитники замка, равные им по

силам, сопротивлялись осаждающим, сражались всеми силами и ни в чем не уступали противникам. Они уже долго сопротивлялись, борясь врукопашную, и не сдавались, когда пираты прорвались в замок через заднюю дверь, запертую изнутри, и, напав с тыла на защитников стен, учинили жестокую резню. Оставшееся на берегу войско также смогло взойти на корабли и внезапно напасть на замок.

78. Взятых в плен защитников замка передают королю

Побежденные и захваченные в плен защитники замка были сразу доставлены к королю. Друзья просили за них короля и их отпустили после того, как они поклялись ему в верности, так как можно было не столько обвинить их в оскорблении величества, сколько признать, что они остались верны своему господину. Они утверждали, что не грех вероломства, но великная доблесть увлекла их. После того, как их отпустили, взяли заложников и вернули замок прежнему владельцу, король приказал повесить у ворот замка пленного предателя, из-за козней которого случилось это несчастье. Также была повешена и его жена, причем необыкновенно позорным образом — за ноги, так что одежда задралась и оголила ее, и так она приняла страшную смерть рядом с мужем. Пока все это происходило, Одон с войском выжидал неподалеку окончания дела, полагая, что его люди смогут защитить замок и опасаясь пиратских засад. Пока он пребывал в сомнениях относительно исхода, появились вестники, которые утверждали, что замок взят, а его люди схвачены и обезоружены. Услышав это, он, с печалью в душе, увел войско к себе. Когда некоторые упрекали его в том, что из-за него был повешен муж консульского достоинства, Одон, говорят, отвечал, что его больше печалит пленение его людей, нежели смерть предателя.

79. Ссора Одона и Фулькона из-за Бретани

Вскоре после этого возобновились гражданские войны. Ведь Фулькон¹, который держал сторону короля, подготовил войско к походу против Одона, требуя у него часть Бретани, которую тот немногим ранее отнял у него. Итак, он собрал четыре тысячи воинов, которые должны были не сражаться врукопашную, так как их сил было недостаточно, чтобы противостоять моши Одона, но разорять его земли поджогами и грабежами. И предполагал он поступать так до тех пор, пока Одон, пресытившись его нападениями, либо вернет часть Бретани, либо предложит за нее другие, равноценные владения. Вот почему он свирепо двинулся вперед, разоряя земли грабежами и пожарами и захватывая добычу. Когда он поджег при-

городы Блуа, дуновение ветра разнесло вокруг огонь, и в обители монахов св. исповедника Лодомера занялся большой пожар. Она быстро сгорела и разрушилась, огонь поглотил также и запасы продовольствия и это вынудило монахов переселиться. Совершив это, он увел войско в другие места и опустошил их. После его ухода Одон, в свою очередь, повел войско на его земли и так свирепствовал там, что не оставил ни хижины, ни петуха², вызывая врага и приглашая его сразиться. А тот, сознавая, что у него недостаточно войска, уступил бросившему вызов врагу и ушел к себе. И это происходило в течение двух лет.

80. Выступление послов перед королем по поводу захвата Мелена

Тем временем Одон, огорченный потерей замка, вел себя из-за этого очень осторожно. Ведь он полагал, что ему угрожает двойная беда, так как его огорчала и потеря крепости, и то, что надо было немало опасаться королевского гнева. Поэтому он отправил к королю послов, так как считал, что через их посредничество сможет наилучшим образом оправдаться в любых предъявленных ему обвинениях; он собирался утверждать, что не нанес никакого оскорблений его королевскому величеству, а если речь зайдет о Мелене, то он ничего не имел против короля, ведь это предприятие было направлено не против короля, но против его собственного соратника, то, что он не причинил никакого ущерба королю, так как он сам — человек короля, как и тот, у кого он отнял замок; который из них его держит — это ничуть не затрагивает королевского достоинства; у него были законные основания так поступить, ведь он может доказать, что некогда это было владение его предков. Поэтому стоит обратить внимание, что у него больше прав держать замок, чем у кого-либо другого. Наконец, если он и совершил достойный наказания поступок, то уже был сверх меры подвергнут наказанию позором, и за его проступок было отплачено равным бесчестием. Поэтому должно его помиловать и смягчить его участь за такое беззаконие. Убежденный силой этих доводов король удовлетворил послов и вернул благосклонность просящему. Послы доложили это Одону. Итак, Одон прибыл к королю. Выступив перед ним с пользой, он снискал его милость и был отмечен такой приветливостью, что возобновил прежнюю дружбу с ним, и король ни в чем его не подозревал.

81. Война между Одоном и Фульконом из-за Бретани

В это время опять возобновилась гражданская война. Ведь Фулькон, потеряв часть Бретани, все еще старался устроить

вылазки туда. Собрав войско, он свирепо двинулся в Бретань и подступил к Нанту. Одних его стражей он соблазнил золотом, других увлек посулами, и уговаривал их, пока успешно не добился того, чтобы они поступили по его желанию, то есть открыли ворота города. Под клятвой они назначили время и немного позже впустили его в город; он вступил в него, принял присягу у горожан и взял заложников. Не смог он завладеть только крепостью, так как ее защищали доблестные воины. Поэтому он отступил, решив вернуться к себе, чтобы вновь прийти, собрав побольше войска, и захватить крепость.

82.

Конан¹ держал совет по военным делам со своими людьми у границы Бретани, в месте, называемом Броэрек, когда это достигло его слуха. Сильно встревоженный начавшимися событиями, он собрал войско и подготовился к войне. И поскольку обстоятельства были благоприятны для осады, он послал собранное войско к городу и приказал ему осадить город с суши. Со стороны Луары он отправил корабли пиратов. Началась осада, пираты — с реки и бretонцы — с суши сильно угрожали горожанам. А те, кто оставался в крепости, метали с горы разного рода снаряды, так что оказавшиеся посередине испытывали равный натиск извне и изнутри. Ведь и те, кто был в крепости, и те, кто вел осаду, держали сторону Конана, горожане же добывали победу для Фулькона. Фулькон тоже готовил поход и собирал войско, как из своих людей, так и из наемников. Услыхав же, что Конан осаждает город, он сразу отправил легион в Бретань.

83. Ловушки, приготовленные против Фулькона

Неподалеку было обширное поле, сильно заросшее папоротником. Именно на этом месте Конан решил дать сражение и коварным образом вырыл там ловушки. Он выкопал множество ям, покрыл их сверху ветками, прутьями и соломой, скрепил их изнутри лозой, чтобы поверхность казалась прочной. А чтобы совершенно скрыть обманчиво прочную поверхность, сверху забросал ловушки собранным папоротником и так спрятал их.

84. Хитрость, использованная Конаном против врагов

За ловушками он расставил своих воинов и использовал такую хитрость: сказал, что он тут останется и не пойдет далее искать врага. Если враги будут ему угрожать, он только тут будет отстаивать свою жизнь. И сделает так не из страха, но так как враги поступят противозаконно, если отыщут его здесь и нападут на него. И так он легче сможет добиться их

поражения, ведь они, по своему легкомыслию, подступят спокойные и поэтому неопасные. Итак, он расставил там строй таким образом, чтобы иметь в поле зрения ловушки. Поэтому медлил в ожидании того, как захватит врагов врасплох. Фулькон, заметив, что Конан колеблется и не уходит с того места, и не зная о ловушках, решительно побуждал своих людей напасть как можно более решительно, не колеблясь, приблизиться к врагам и не сомневаться в победе, ведь мужи могут питать наилучшие надежды, если Бог от них не отвернется. Итак, дали сигнал и те бросились в наступление. Считая путь надежным, они приблизились к ямам.

85. Конан наносит врагам поражение

Решив, что бретонцы колеблются из страха, они обнажив оружие, поскакали к ямам и попадали туда вместе с конями, застигнутые неведомой бедой; свалилось в ямы и было задавлено до двадцати тысяч человек. Когда первые ряды потерпели поражение, следующее за ними войско повернуло назад. Поэтому и Фулькон, думая только о спасении жизни, попытался спастись бегством.

86. Гибель Конана

Когда те обратились в бегство, Конан с тремя приближенными удалился в заросли, чтобы, отложив оружие, на свежем воздухе дать отдых утомленному телу. Но кто-то из противников заметил его, подбежал, напал на него, пронзил мечом и добыл победу для Фулькона. Фулькон, воспрянув духом, вернулся к Нанту и вступил в него, безжалостно тесня тех, кто был в крепости. Потрясенные гибелю сеньора, они сдались нападающим и по их требованию присягнули на верность.

87. Король Роберт отвергает королеву Сусанну

Пока это происходило, король Роберт развелся с женой Сусанной¹, итальянкой по рождению, так как он был в возрасте 19 лет и цвел молодостью, она же была старухой². Будучи отвергнутой, она пожелала вернуть то, что он принял в качестве приданого, но король ее не удоволетворил, и тогда она обратилась к другим средствам. В те дни она, требуя свое достояние, замышляла нападения на короля. Так, желая вернуть в свою власть замок Монтрей, который он получил в приданое, и оказавшись не в силах добиться этого, она разрушила другой замок, бывший рядом с ним, под названием ...³, который король занял в разгар бесчинств Одона и Фулькона. Считалось, что его укрепления могут противостоять нападению любого количества кораблей, так как при приближении

они сразу наталкивались на него, поэтому он препятствовал их дальнейшему продвижению.

88. Порицание развода

Некоторые люди с наиболее здравым рассудком в то время немало сокрушались из-за этого преступного развода¹, однако тайно; и никакое могущественное лицо не противодействовало этому и не обвинило короля.

89. Собор, состоявшийся в Шель

Так как в те дни папа римский Бенедикт¹ написал много посланий, в которых придирился к низложению Арнульфа и возвышению Герберта, а также разоблачал и всячески упрекал епископов, зачинщиков этого дела, равно как и их споспешников, епископам Галлии было угодно собраться вместе и посоветоваться насчет этих обвинений. Когда они съехались в Шель², состоялся собор. На нем председательствовал король Роберт, вместе с ним заседали архиепископ Реймский Герберт, которому поручили объяснять смысл всех решений собора, также Сигуин Санский, Эркембальд Турский, Даиберт Буржский и некоторые из их суффраганов. После того, как на соборе зачитали из постановлений отцов церкви положения о святой церкви, епископам, среди прочих полезных дел, было угодно постановить, чтобы с того дня все они чувствовали одно и то же, одного и того же желали, одного и того же вместе добивались, согласно тому, как сказано в Писании: «Было у них одно сердце и одна душа»³. Также пожелали установить, что если в какой-либо церкви появится какой-либо тиран, которого они сочтут необходимым поразить орудием анафемы, следует прежде всего вместе обсудить это и поступить согласно общему решению. И если надо будет снять с кого-либо отлучение, подобным образом следует снимать его согласно общему решению, как сказано в Писании: «У всякого благородного проси совета»⁴. Также было угодно определить, что если папа римский настаивает на чем-либо вопреки постановлениям отцов церкви, пусть его решение считается недействительным, как сказал апостол: «Еретика и отторгнутого от церкви отвращайся»⁵. Также им было угодно подтвердить навечно низложение Арнульфа и посвящение Герберта, совершенное согласно их установлению, как сказано в канонических писаниях: «То, что установлено провинциальным собором, никем не может быть поколеблено».

90. Одон и Фулькон нападают друг на друга

В то время возобновилась гражданская война. Ведь стычки тиранов Одона и Фулькона из-за власти над Бретанью возродили распри, а остальные знатные сеньоры королевства, по-

тревоженные их ссорой, жили в раздорах. Король поддерживал партию Фулькона, Одон наступал со своими людьми и с пиратами, которые покинули короля и переметнулись к нему, а также с аквитанским войском. Поэтому Фулькон, разъярившись на Одона, опустошал его владения, а затем построил в них, недалеко от города Тура, укрепленный замок, разместил там войско, переполнил его воинами и, так как полагал, что Одон придет, чтобы разрушить его, отправился к королю просить помощи. Когда король пообещал ему помочь, он еще упорнее продолжил свои действия. Итак, он готовил поход, чтобы сразиться с врагом, собрал войско и объявил Одону войну. Охваченный стыдом Одон отправился из Галлии в Бельгику просить помощи. Он обещал отблагодарить их, если они придут на помощь. Они охотно согласились и поклялись в верности. Он звал и к жителям Фландрии, просил у них защиты и обещал свою, если не откажут ему в том, что просит. Они также с охотой предоставили просимое. И к пиратам он отправил послов и просил не отказать ему в войске. Все вместе они назначили время и место, где соберутся и померяются силами с врагом. Тем временем Одон задабривал, собирая и воодушевляя своих людей. И, полагая, что белги и пираты своевременно подойдут, он с небольшим войском стремительно ринулся на Фулькона, так что было у него для сражения не более четырех тысяч воинов. Однако он осадил укрепление и расставил вокруг бойцов. И сильно теснил защитников замка.

91. Фулькон через послов изъявляет покорность Одону

Из-за того, что король промедлил, Фулькон не получил помощи и, сочтя войско Одона непобедимым, сразу решил сдаться. Итак, он просил через послов дружбы Одона, обещал уплатить в возмещение за убийство Конана сто фунтов серебра, а вместо убитого вассала предложил ему на службу своего сына; он уверял, что построенное укрепление разрушит в его честь и выведет своих людей; он и сам служил бы ему, если это не было бы беззаконно по отношению к королю. Так как этого не может произойти без обиды королю, то его сын протягивает руку для присяги, и выйдет так, что он сам будет служить через своего сына, так как отдаст своего сына Одону за Конана и сам предоставит сыну Одона воинов. Также он даст клятву сохранять верность в любых случаях, если только это не затронет короля и тех, к кому он привязан особенно близким кровным родством, то есть его детей, братьев и племянников. Узнав об этом, Одон по совету своих приближенных ответил, что охотно принимает такие условия, если тот вернет ему Нант, коварно захваченный город в Бретани, и очистит его от

своих людей. Ведь ему казалось, что будет несправедливо, если он заключит мир с врагом прежде, чем тот вернет захваченное.

92. Фулькон отказывается от изъявлений покорности

Пока все были увлечены переговорами, и Одон полагал понемногу увеличить свое войско, прежде чем оно вступит в битву, появился король с двенадцатью тысячами воинов, в то время, как Фулькона окружало шесть тысяч человек. Их соединили и тем самым сплотили ряды мощного войска. Поэтому Фулькон, став надменнее, пренебреж просьбой, которую выдвинул до того. Он яростно настаивал на том, чтобы состоялось сражение, требовал и уговаривал перейти вброд Луару, которая их разделяла, и напасть на врага. Одон, узнав, что его люди, обещавшие прийти, не явились, так как времени было слишком мало, чтобы собрать войско, пребывал в сильной тревоге. Однако же вместе с четырьмя тысячами воинов он защищал броды через Луару.

93.

Король не смог перейти вброд и повернул войско к замку Амбуаз, который возвышался меж скал неподалеку, на том же берегу реки, чтобы перейти там и затем, повернув, неожиданно напасть на врагов с тыла и одолеть их. Не выдержав нападения королевского войска, Одон направил к королю послов, передавая, что он воевал со своим врагом, а не с королем, и ничего не замышлял против короля, а только против недруга. Если король повелит, он сразу уйдет подальше и даст удовлетворение за все. Король, узнав, как было дело, заподозрил, что такому человеку беспринципно нанесен вред. Поэтому, чтобы тот совершенно от него не отпал, он принял у него заложников, как условие мира и намеревался позже выслушать его объяснения насчет всего, что вменялось ему в вину. Поэтому, уведя войско, он приехал в Париж. Одон, ничего не потеряв, невредимый приехал в Мелен. Оттуда несколько дней спустя он отправился в замок, который назывался Шатодун, чтобы привести в порядок свои дела.

94. Смерть Одона

В то время, как Одон занимался различными переговорами насчет своих людей, которых он отдал в заложники королю по условиям мирного договора, он стал испытывать прилив дурных соков, вызванный переменой времени года, и впал в недуг, который врачи называют синантикой. Этот недуг таится в горле и развивается в ревматическую опухоль, однако иногда отеки и сильная боль распространяются на подбородок и ше-

ки, иногда — на грудь и легкие. Сопровождаемый опухолями и лихорадкой, он убивает больного в течение трех дней, если не одолевает его с самого начала. Итак, охваченный этим недугом Одон страдал от жестокой боли в горле; жар в артериях лишил его дара речи. Этот недуг не добрался до верхней части головы, но проник в его нутро, вызывая острую боль в легких и печени. Раздавались скорбные восклицания воинов, крики слуг, вопли женщин, ведь они так внезапно теряли господина, а у его детей не оставалось никакой надежды сохранить власть, так как короли продолжали гневаться на их отца, а надменный Фулькон различными способами нарушал мир. Однако в предчувствии скорого конца Одон отправил к королям быстрых вестников, чтобы те обратились к ним со смиренной просьбой и посулили справедливое возмещение за нанесенные обиды. Старый король пожелал принять от послов возмещение за причиненное зло, но негодующий сын помешал ему. Он отверг все предложения послов и заставил их уехать, ничего не добившись. В пути они задержались, и еще до их возвращения Одон, постригшийся в монахи, умер на четвертый день от начала болезни и так окончил свою жизнь¹; его люди отвезли его к святому Мартину и с большими почестями склонили в месте, называемом Мармутье.

95. Папа Иоанн посыпает в Галлию аббата Льва, чтобы тот отменил низложение Арнульфа

В то же время германские епископы в посланиях папе Иоанну часто советовали объявить недействительным посвящение Герберта, реймского архиепископа, и отменить низложение Арнульфа, совершенное вопреки закону. Тогда папа направил в Германию монаха и аббата Льва, наделенного полномочиями расследовать эти события вместе с епископами Германии и Галлии, и, исходя из этого, тщательно вынести решение. Он был радушно принят епископами и говорил с ними о проведении собора для разбора этого дела. Они отправили к галльским королям, то есть к Хугону и его сыну Роберту, послов, чтобы открыть им решение папы и желание епископов относительно этого и увершевать их приехать со своими епископами, а место и время, где и когда надлежит съехаться, пусть назовут короли, и послы доложат им их мнение по этому вопросу.

96. Как было сообщено королям, что епископы Германии съезжаются на собор

Итак, отправили послов. Они доложили цель посольства. Короли, приняв сообщение благосклонно, ни в чем не препятствовали исполнению поручения папы и епископов, ответив,

что они сами посоветуются об этом и беспристрастно все выяснят. После того, как отослали послов, королям сообщили, что все это — ловушка, подстроенная Адальбероном, епископом Ланским, и что тот уже давно подбивал на это Оттона. Заветным желанием обоих было, чтобы Оттон пошел на галльское королевство и хитростью или силой изгнал из него королей. А епископы Германии хотели собраться для того, чтобы довести до конца необычайно хитроумный замысел. Итак, короли узнали об обмане и объявили через послов епископам, уже собравшимся в назначенному месте, что они туда не придут, так как нет при них никого из лучших мужей, без которых, как им кажется, ничего нельзя предпринять и нельзя ни от чего отказаться. Также им кажется недостойным дать своих людей для исправления епископам Германии, в то время как они не менее знатны, не менее могущественны и такой же, если не большей мудрости. Поэтому, если они будут настаивать, пусть отправятся в Галлию и проводят собор, где пожелают. В противном случае пусть возвращаются к себе и заботятся о своих делах, как им будет угодно. Поэтому предприятие не удалось. Ведь Адальберон, который оказался их пособником, не ведая о доносе, внушал королям, чтобы они поехали навстречу приехавшим, а старый король, зная об обмане, потребовал у него Людовика, сына Карла, попавшего в плен при взятии Лана, которого он поручил ему стеречь. Кроме того, он потребовал у него и крепость этого города, которую подобным же образом вверил ему.

97. Адальберона упрекают в обмане

Тот упорно отказывался вернуть вверенное ему, тогда приближенные короля, возмущившись, добавили: «Так как ты, о епископ, упорно искал погибели короля и сеньоров через посредство короля Оттона и тирана Одона, как ты не убрался затевать столь великое преступление против королей, прежних твоих господ? Почему ты боишься вернуть Людовика и крепость, если уверен в том, что сохранил верность королям? Почему ты не хочешь вернуть вверенное, если не задумал причинить королям вред? Совершенно очевидно, что ты нарушил верность, так как вел с Оттоном переговоры об убийстве королей и пытался подорвать их достоинство. Поэтому и предъявлено тебе обвинение в беззаконии. Ты доложил Оттону об отправленном королями посольстве и вы с ним коварно постановили, чтобы сам он пришел с небольшим сопровождением, но неподалеку разместил толпу воинов. Наших королей ты убеждал также поспешить навстречу противнику с маленькой свитой, обещая, что никакого зла из-за этого не произой-

дет. Ты говорил, что такой порядок будет наиболее полезным для обоих, так как притворялся, что и тот, и другой частным образом, по-дружески обсудят дело. Однако другое тебе виделось, ты притворялся так, чтобы твои господа короли были захвачены Оттоном и королевство франков перешло под его власть, чтобы тебе стать Реймским архиепископом, а Одону — герцогом франков. И тогда нам все было ясно, но временно мы это скрывали. И, о неизмеримая доброта Всевышнего, каких несчастий мы избежали, от какого поношения избавлены. Подошло время, когда подготовленная хитрость должна была достичь успеха. Ведь епископы под личиной религиозности, якобы чтобы расспросить о возвышении и низложении Герберта и Арнульфа, приехали, отправив прежде послов. А король Оттон приехал в Метц, недалеко от которого приказал собрать войско. Если бы мы поехали, нас бы либо убили, либо захватили в плен. Если бы не пошли, нас обвинили бы в беззаконии. Но королям посоветовали не ехать, так как у них было недостаточно военных сил. Обвинения в беззаконии обрушатся на тебя, так как ты один, в то время как короли ничего не знали, собирался поехать».

98.

Услышав это, епископ, покраснев, умолк. Тогда один из его людей заметил его испуг, бросился, чтобы возразить на это, и так сказал противникам: «Пусть этот обвинитель говорит со мной. У меня есть что сказать в ответ на клевету. Один из вас сказал это и тем самым обрек мне свою голову. Пусть сравнит свое оружие с моим и померяется со мной силами!» Граф Ландрик¹ так сказал этому человеку, обезумевшему из-за своего господина: «О воин наилучший, я вижу, что ты совершенно не знаешь его хитростей. Хотя они тебе неизвестны, но мы рассказали о них ранее. Поэтому умерь свою ярость. Тебе нет необходимости сражаться. Никто тебя не вынуждает, потому что, напав, ты уже не сможешь отступить. А сейчас, послушай моего совета, отойди-ка отсюда; спроси своего господина, справедливы ли обвинения. Если он будет побуждать тебя к поединку, сражайся. Если велит уступить, успокой свой гнев». Итак, тот удалился и, обратившись к господину, спросил у него, таковы ли дела в действительности. Епископ, уличенный сообщником, признался вопрошающему, что именно таковы. Поэтому он воспретил ему сражаться. Итак, умерив столь сильную ярость, воин узнал дело полностью. Епископ, задержанный по приказу королей, поскольку являл-

ся предателем, был заключен под стражу. Его воины сразу дали клятву королям.

99. Собор, состоявшийся в Музоне в защиту Арнульфа¹

Короли запретили епископам Галлии приходить на собор, однако епископы Германии, чтобы их не обвинили в кознях, если они не придут, в установленное время собирались в Музоне, имея при себе послы папы². Итак, съехавшись, в обители святой матери Божьей Марии в должном порядке, по церковному обычаю, заседали епископы, а именно Сугерий Майнцский, Леодульф Тирский, Нохер Льежский и Хаймон Верденский. Посреди них сидел аббат Лев и осуществлял полномочия, полученные от папы. Напротив них сел единственный из галльских епископов, Герберт, Реймский архиепископ, который прибыл туда вопреки приказу королей, чтобы ответить за себя. Заседали также аббаты из различных монастырей и некоторые клирики. Из мирян же — граф Годефрид³ с двумя сыновьями и Регенерий, Реймский видам⁴.

100. Вступительное слово Хаймона, епископа Верденского, объясняющее цель собора

Когда все вокруг умолкли, епископ Верденский поднялся, чтобы объявить задачу собора, так как он знал галльский язык. «Поскольку, — сказал он, — до слуха папы неоднократно доходило, что Реймская митрополия захвачена и лишена своего пастыря, вопреки закону и порядку, он не один раз, а дважды письменно увещевал нас, чтобы мы собирались, взвесили столь тяжкое преступление на весах справедливости, исправили его, будучи наделенными своей властью, и вернули дела к их нормальному состоянию. Но поскольку из-за множества нахлынувших разнообразных дел мы меддили это сделать, теперь, после стольких призывов, он пожелал отправить сюда аббата и монаха Льва, чтобы он, представляя его персону, разобрал упомянутое дело, а мы подчинились ему. Он также прислал с ним письменное изложение своей воли, чтобы, если что-нибудь будет позабыто или умалено, можно было справиться в послании. И сейчас будет полезно зачитать его». Тут же он достал послание и зачитал его для присутствующих, но мы уклонимся от приведения текста послания, так как стремимся к краткости, да он нам и не нужен.

101. Речь, произнесенная Гербертом на соборе в свою защиту

После того, как зачитали послание, поднялся Герберт и прочел собранию речь, написанную им в свою защиту. Он говорил перед ними весьма искусно. Мы захотели привести се,

чтобы читатель мог извлечь большую пользу из подробного изложения всех его доводов. Ее текст был таким¹:

102. Вступление

«Достопочтенные отцы, я постоянно видел перед собой этот день, я ожидал его с надеждой с тех самых пор, когда, понуждаемый моими братьями, принял на себя бремя епископского сана и подверг опасности свою жизнь. Я так заботился о спасении пропащающего народа, так полагался на ваше доверие, что считал себя в полной безопасности. Я вспоминал прежние благодеяния, ваши приветливые и сладкие изъявления благосклонности, которыми вы многократно отмечали меня, сопровождая их похвалами; как вдруг появился слух, что вы недовольны мной и что меня пытаются упрекнуть в том, что у других считалось доблестным деянием. Признаюсь, я пришел в ужас и начал испытывать перед вашим негодованием такой же страх, как прежде перед мечами врагов. Но сейчас, когда Бог по милости своей привел меня к вам, кому я всегда вверял мое спасение, я скажу несколько слов в подтверждение моей невиновности и объясню, исходя из каких соображений меня возвели в архиепископы города Реймса. Так как после смерти божественного августа Оттона я решил не оставлять службы Адальберону, моему святому отцу, то был, не ведая того, избран им в епископы, а уходя к Господу, он в присутствии выдающихся людей назначил меня будущим пастырем церкви. Но симонийская ересь нашла меня равным по твердости Петру, отвергла меня и предпочла Арнульфа. Однако я оказывал ему верное послушание, более, чем следовало, пока не понял, исходя из мнения многих людей и из собственных наблюдений, что он явный отступник; тогда я отправил ему письмо с отказом от службы и покинул вероотступника вместе со всеми своими людьми. Я поступил так не в надежде или в намерении захватить его кафедру, как говорили те, кто завидовал мне, но из страха перед деяниями чудовища, укравшегося под личиной человека. Но, говорю вам, я не оставил бы его, если бы не встретил следующего пророчества: «следовало ли тебе помогать нечестивцу и любить ненавидящих Господа? За это на тебя гнев от лица Господня»¹. Поэтому, когда в течение долгого времени были исчерпаны все церковные санкции и прошли все законные сроки, ничего больше не оставалось, кроме как укротить его судебной властью государей и низвести с главной кафедры как мятежника и бунтовщика, согласно решению Африканского собора², а меня призвали братья мои и знатнейшие сеньоры королевства и убеждали вновь и вновь, чтобы я порвал с отступником, отверг его

покровительство и принял на себя заботу об истерзанном народе. Я долго отказывался от этого, и хотя в конце концов принял это предложение, но не по доброй воле, поскольку хорошо понимал, какие мучения будут мне сопутствовать. Простодушие вело меня по путям моим, невинность моя незапятнана, и перед лицом Господним и вашим, священнослужители, весь мир этому свидетель.

103. Несогласие

Но вот с противной стороны подоспел клеветник и стал с увлечением порицать меня на чужих языках, чтобы усилилась вражда: «Ты предал своего господина, отправил его в темницу, осквернил его церковь, захватил его кафедру!»

104. Доводы защиты и обвинения, изложенные по порядку

Так я предал господина, которому никогда не был слугой, которому никогда не присягал на верность? Если даже я и служил ему временно, то делал это по приказанию отца моего Адальберона, который советовал мне задержаться в Реймской церкви до тех пор, пока не узнаю, каков нрав и каковы поступки ее первосвященника. Пока я был поглощен этим, враги ограбили меня и добро, собранное благодаря вашей милости и выдающейся и хорошо известной щедрости великих герцогов, было отнято шайкой злобных грабителей, а мне, почти нагому, угрожали обнаженными мечами. После того, как я, наконец, покинул этого вероотступника, я не выслеживал его путей и дорог и никак с ним не сносился. Поэтому как я мог предать человека, о котором в то время не знал даже где он находится? Я не заключал его в темницу, ведь я только недавно в присутствии достойных доверия свидетелей просил моего господина, чтобы мне не поручали содержать его под стражей. Если вы, с вашей властью, встанете на мою сторону, Арнульф падет так низко, что уже никак не сможет мне навредить. Если же вы вынесете решение против меня, чего да не будет, то какая мне разница, Арнульф ли, или кто-либо другой будет избран Реймским архиепископом? То, что было сказано об оскверненной церкви и захваченной кафедре — просто смешно. Во-первых, говорю вам, я никогда не давал никакой клятвы тому, кто, приняв достояние кафедры как бы в качестве приданого, разграбил бенефиции, расточил их и опустошил. Не успел он получить епископский перстень, как уже все, что,казалось, называли имуществом церкви, растащили приспешники Симона¹. Также я утверждаю, что следует рассмотреть, какой была его церковь и чем она кончила, после того, как он

осквернил и растлил ее и, так сказать, бросил на разврат своим разбойникам. Так как я мог осквернить его церковь, которой он либо не имел, или же которую утратил из-за своего злодеяния? Затем, как мог я, чужак, пришелец, не располагающий никаким имуществом, захватить кафедру, вверенную охране множества людей? Нас упрекают в том, что мы не известили апостольский престол, так как дело обсуждалось без совета с ним, либо по недомыслию, либо по строптивости. На самом деле не было совершено и не должно совершаться ничего, о чем не доложили бы апостольскому престолу, и его решения ожидали в течение десяти и восьми месяцев. Но пока люди не в состоянии были дать совет, было найдено обращение свыше к сыну Божьему: «Если глаз твой соблазняет тебя...»² и так далее. И грешного брата, предупрежденного в присутствии свидетелей и перед лицом церкви и не повиновавшегося постановил считать язычником и мытарем³. Итак, обратились к Арнульфу и в письмах, содержащих предупреждения, и через послов епископов Галлии, чтобы прекратил он безумствовать и, если пожелает, очистился каким угодно образом от греха предательства, но он пренебрегал спасительными увершеваниями и его считали язычником и мытарем. Но осудили его не как язычника, из почтения к апостольскому престолу и привилегии священного сана, а потому что он сам произнес против себя проклятие, и рассудили, что это был единственный славный поступок за всю его жизнь; если бы епископы оправдали его после того, как он сам себя осудил, они, бесспорно, все равно подвергли бы его каре за преступление. «Если, — как говорит великий папа Лев⁴, — священнослужители и миряне согласны в том, что следует осудить кого-либо, пусть он будет осужден с общего согласия и не избавится от кары по решению вероломных людей. Так предписал всем Бог, который уничтожил грешный мир великим потопом»⁵. И папа Гelasий⁶ сказал: «Заблуждение всегда осуждается вместе со своим творцом, и соучастник, прикоснувшийся к чему-либо дурному, да будет подвергнут проклятию и каре»⁷. Итак, когда его отторгли от Реймской церкви, братья мои, призывая Бога в свидетели, возложили на меня бремя этого сана, хотя я и со-противлялся, опасаясь многих бед, которые я перенес и переношу ныне. Поэтому, если случайно кто-либо отклонился от священных законов, это было сделано не по злобе, а по необходимости из-за обстоятельств того времени. Время было враждебное всем законам, все избегали дозволенного, тот и другой предавали отечество и несли смерть. Конечно, законы

молчали среди оружия; и этот свирепый зверь Одон⁸ так злоупотреблял ими, что почтеннейших священнослужителей как будто скупал задешево, не смягчался даже перед алтарями святой церкви и препятствовал продвижению по дорогам и вся кому сообщению.

105. Эпилог

Возвращаюсь ко мне, достопочтенные отцы, к тому, кто ради спасения пропащего народа и в заботе обо всем государстве выступил против разбушевавшейся чумы со всем своим войском. Там враг захватывал железной рукой нищих бедняков, житницы и склады; здесь дни и ночи проводили без сна те, кому извне угрожали мечи, а изнутри терзал страх. Ожидали только вмешательства вашей власти, как лекарства от стольких бед, верили, что сила ее такова, что она сможет помочь не только Реймской, но и всем Галльским церквям, покинутым и превращенным почти в ничто; ожидали этого как Божьей милости и все вместе молились, чтобы это произошло».

106.

Зачитав речь, он сразу протянул ее папскому послу, чтобы он прочел ее. Тогда все епископы вместе с графом Годефридом поднялись, удалились и стали совещаться, как тут следует поступить. Спустя немного времени они пригласили Герберта. И, поговорив с ним немного, пожелали от имени папы воспретить ему исполнять обязанности священнослужителя и причащать плотью и кровью Господней, но он тут же уверенно доказал, ссылаясь на каноны и декреты, что нельзя ни на кого наложить это наказание, если он или не уличен в преступлении или после призыва не пожелал явиться на собор или на обсуждение дела. Поэтому он не подлежит наказанию, так как приехал, хотя ему это запретили, и ни в каком преступлении его не уличили. Он утверждал это, опираясь на постановления Африканского и Толедского соборов. Но чтобы не показалось, что он во всем противится папе, он пообещал воздерживаться от служения месс до следующего собора. Тотчас, как он сказал это, все вернулись к своим сидениям.

107.

Когда они расселись, вновь поднялся епископ Верденский, которому было поручено давать объяснения на соборе и так сказал тем, кто не присутствовал на совещании: «Поскольку обсуждение этого дела ныне не может быть окончено, так как другая сторона сделала возражение, этим епископам угодно, чтобы вы объявили, что решение задачи нынешнего собора следует перенести на другое время, чтобы там и тот, кто обвиняет, и тот, кто отвергает обвинения, предстали перед судом,

и по рассмотрении доводов каждого из них был бы вынесен справедливый судебный приговор». Все согласились и похвалили это предложение. Итак, назначили место — в Реймсе, в обители монахов св. Ремигия, а также время — восьмой день после рождества святого Иоанна Крестителя. После того, как это было установлено и объявлено всем, собор распустили.

«Анналы»

В установленное время в Санлисе¹ состоялся собор епископов, на котором также обсудили тяжбу между Гербертом и Арнульфом, в их присутствии, и в присутствии аббата и монаха Льва, посла, и многих других. Берта, жена Одона, заполучила в защитники своих интересов и заступники короля Роберта. Ричард, пиратский герцог², умер от второго приступа апоплексии, а Хильдуин — от пьянства.

Состоялся собор пятерых епископов на горе св. Марии. Умер герцог Генрих³. Другой собор был назначен в Ингельхайме в праздник св. Агаты, и состоялся в свое время⁴.

Берта, желая выйти замуж за Роберта, обратилась за советом к Герберту, он отговаривал ее⁵.

Герберт уехал в Рим на разбирательство, на суде в присутствии папы⁶ никто не обвинил его, поэтому был назначен другой собор⁷.

Король Хугон, пораженный волдырями по всему телу, умер в своем поместье Жуф⁸.

Король Роберт, унаследовав отцу, по совету своих приближенных взял в жены Берту⁹, воспользовавшись умозаключением, что лучше совершить меньшее зло, чтобы избежать большего.

Король Роберт, взяв в жены Берту, пошел на Фулькона, противника Одона, и силой отнял у него город Тур и другие владения, захваченные им.

Король Роберт из-за племянника своего Вильяма донимал осадой Хильдеберта¹⁰.

Герберт вновь приехал в Рим; пока он оставался там, король Роберт отпустил Арнульфа.

Когда Герберт узнал о вероломстве короля Роберта, он стал часто посещать короля Оттона и, раскрыв перед ним глубину своих дарований, получил Равеннское епископство¹¹.

Папа Григорий разрешил Арнульфу исполнять обязанности священнослужителя до тех пор, пока в свой срок он или по закону получит кафедру, или по закону лишится ее.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Флодоард
«Анналы»

919 г.

В год по воплощении Господа нашего Иисуса Христа DCCCCXIX в Реймсе выпал удивительный град, размером првышающий куриное яйцо; он был столь велик, что занимал среднюю часть ладони. Но в некоторых местах произошли и большие чудеса. В этом году в округе Реймса почти совсем не уродился виноград. Норманны всю Бретань в Кимпере, То есть ту ее часть, которая расположена на морском побережье, опустошили, растоптали и повергли в запустение, уведя, распродав и изгнав всех бретонцев. Венгры совершили грабительский набег на Италию и на часть Франции, а именно королевство Лотаря¹.

921 г.

В год по воплощении Слова DCCCCXXI умер Родульф, епископ Ланский, его преемником стал Аделельм, казначей этого города, будучи посвященным в Реймсе господином епископом Херивеем. Англы поехали в Рим и в теснинах Альпийских гор арабы закидали их камнями, и многие погибли. В Трозли состоялся синод, на котором председательствовал архиепископ Херивей, а также присутствовал король Карл, настоянием которого с Эрлебальда сняли отлучение². Ричард, маркиз Бургундии³, умер. Король Карл отправился в королевство Лотаря и, взяв с боя неких своих неверных слуг, сообщников Рихуина, и заключив мир как раз к празднику св. Мартинна, вернулся на гору Лана с Генрихом, герцогом Зарейнским. В этот год в различных местах произошли сильные грозы, молнии поражали людей и поджигали дома. Летом была сильная жара и заготовили много сена. Великая засуха продолжалась почти три месяца, июль, август и сентябрь. Граф Роберт⁴ пять месяцев воевал с норманнами, которые осели по реке Луаре, и, приняв у них заложников, уступил им ту часть Бретани, которую они опустошали, вместе с округом Нант, а они начали принимать христианскую веру. Эрлуин, епископ Бове, умер. Между тем Карл подтвердил мирный договор с Генрихом.

923 г.

В год DCCCCXXIII Роберт направился в Лотарингию на переговоры с Генрихом, который прибыл на встречу с ним в

Рипуарский округ, на реке Рур; там они, устрашась друг друга, заключили договор о дружбе и, обменявшись подарками, разъехались. Там же некоторые лотарингцы выдали заложников и заключили перемирие с Робертом в самые календы октября. Норманны опустошили Аквитанию и Овернь; с ними сражались Вильгельм, герцог Аквитанский и Рагемунд, и было убито двадцать тысяч норманнов. Бозон, сын Ричарда, убил на одре болезни Рихуина. Карл со своими лотарингцами, нарушив перемирие, недавно заключенное Робертом, переправился через Маас и прибыл в Аттины, и прежде чем Роберт смог собрать своих верных, неожиданно подступил к городу Суассону, где, как он узнал, отсиживался Роберт. И на завтра, в воскресенье, по прошествии седьмого часа, в день, когда франки дотоле не осмеливались сражаться, в час, когда большинство людей завтракает, Карл переправился через Эну и пошел на Роберта с лотарингскими воинами. Роберт двинул против него воинов, которые находились при нем; завязался бой⁵, многие с обеих сторон были убиты, погиб и король Роберт, пронзенный копьем. Однако те, кто был при Роберте, То есть Хугон, его сын и Хериберт с прочими, одержали победу и обратили в бегство Карла с лотарингцами; но из-за смерти своего короля Роберта не стали их преследовать, а заняли поле и захватили награбленное, которое все же большей частью растащили крестьяне и жители окраин Суассона, сбежавшиеся туда. Затем лотарингцы, потеряв обозы, которые граф Ротгарий захватил и отвез в Лан, и бросив во Франкском королевстве Карла, возвратились к себе. Карл, разослав множество послов, упрашивал графа Хериберта, архиепископа Сеульфа и других знатных сеньоров вернуться к нему; они же отказались и послали в Бургундию за Родульфом, который поспешил к ним с большим войском. Прослышали франки, что Карл приказал норманнам явиться к нему, и чтобы Карл не смог объединиться с норманнами, вместе с Родульфом разместились между ними, по реке Уазе. А затем, заставив Карла отступить за Маас, избрали королем Родульфа. Родульф, сын Ричарда, был коронован в городе Суассоне. А граф Хериберт держал совет со своим двоюродным братом Бернардом и другими людьми и отправил их, как говорят, ни о чем не ведавших, к Карлу. И он, убежденный их клятвами, направился к Хериберту с небольшой свитой; тот принял его в своем замке на Сонс, под названием Сент-Кантен, а затем, отпустив тех, кто с ним приехал, увез Карла в некий свой замок под названием Шато-Тьеири, расположенный на реке Марне, и там со-

держал его под стражей, снабдив необходимым продовольствием; сам он направился в Бургундию к королю Родульфу...

925 г.

В год DCCCCXXV Рагинольд со своими норманнами сзы-
нова опустошил Бургундию. С ним сразились у горы Калаум
графы Варнерий и Манассия и епископы Ансегиз и Готселин и
перебили больше восьмисот норманнов. Там граф Варнерий,
под которым убили коня, был схвачен и убит, а Ансегиз, епи-
скоп города Труа, — ранен. Узнав об этом, король Радульф
отправился в Бургундию с некоторыми людьми из Франции, а
именно с воинами реймской церкви, Аббоном, епископом Су-
ассонским и несколькими другими спутниками; его сопровож-
дал и граф Хериберт. Собрав в Бургундии немалое войско, он
подошел к самому лагерю норманнов на Сене; а там пехотин-
цы из Франции отправились завоевывать лагерь. Увидев же,
что те, кто оставался с королем, То есть большая часть его
войска, не пытаются ни прорваться в лагерь, ни даже сойти с
коней, и что норманны отбросили тех, кто напал на лагерь,
они сняли осаду. Они разбили два или три лагеря близ стоянки
норманнов, а Хугон, сын Роберта, укрепился на Сене со сторо-
ны их лагеря. Так франки повременили с осадой и отклады-
вали ее со дня на день, ожидая появления кораблей из Парижа;
а после того, как была проделана тайная вылазка, как говорят,
с согласия кого-то из наших, норманны уступили свой лагерь
и, вымолив разрешение уйти невредимыми, удалились, и из
наших некоторые отправились вовсюяси.

Когда наступил сорокадневный пост, Хериберт, посове-
щавшись где-то с Гислебертом и Хугоном, призвал короля из
Бургундии; тот быстро пришел и отправился в Камбре, на-
встречу Гислеберту и лотарингцам. Но те отвергли эту ми-
лость, пошли, вопреки его воле, к Маасу, и там Гислеберт и
Оттон присягнули друг другу.

Норманны из Руана нарушили некогда заключенный союз
и ограбили округа Бове и Амбуаза. Город Амбуаз, куда неос-
мотрительно сбежался народ, был сожжен, Appas тоже вне-
запно запытал пожарами. Норманны дошли, грабя, до самого
Нойона и сожгли его пригороды. Кастелланы вместе с жителя-
ми пригородов вышли и отбросили норманнов, убили, кого
смогли, и освободили часть пригородов. Тем временем жители
Байе опустошили владения норманнов на Сене. Узнав об
этом, жители Парижа и некоторые из вассалов Хугона, сына
Роберта, и кое-кто из держателей замков разорили некие мест-
ности Руанского округа, которыми норманны располагали на

Сене, пожгли селения, угнали скот и убили некоторых норманнов. Между тем граф Хериберт с небольшим отрядом франков, так как трава для коней еще не выросла, разместился по Уазе, чтобы преградить норманнам путь. Норманны, узнав об опустошении своих земель, поспешили вернуться. Генрих, перейдя Рейн, взял штурмом замок под названием Цульпих, который держали верные Гислеберта, и, ненадолго задержавшись в пределах Лотарингии, удалился к себе за Рейн, приняв заложников от Гислеберта. Граф Хильгауд и другие франки, обитавшие близ морского побережья, вторглись в соседние владения, недавно присвоенные норманнами, и разграбили их.

Между тем Родульф возвратился из Бургундии во Францию и, чтобы все подготовились к войне с норманнами, объявил франкам о созыве всего войска. Итак, поход против норманнов начался, и Хериберт с воинством Реймской церкви, граф Арнульф и другие приморские франки подступили к укреплению норманнов, куда Роллон, их предводитель, послал из Руана тысячу норманнов в подкрепление обитателям городка. Это укрепление, расположенное у моря, называлось Э; франки оадили его, преодолели вал, окружавший его снаружи, преодолели стену и перебрались через нее; захватив городок с боя, они перебили всех мужчин и сожгли укрепления. Однако кое-кто сбежал и занял некий островок по соседству, подступив к которому, франки захватили его, но не так скоро, как город. Увидев это, норманны, которые еще могли постоять за свою жизнь, утратили надежду на спасение, бросились вплавь и были перебиты. И одни из них пали от франкских мечей, другие же обратили свое оружие против себя. И так, всех уничтожив и захватив немалую добычу, франки возвратились к себе. А король Родульф с Хугоном и бургундцами обосновался в округе Бове.

В это время умер Сеульф, архиепископ Реймский, отправлявший обязанности епископа в течение трех лет и пяти дней. Граф Хериберт прибыл в Реймс и заставил вассалов церкви и клириков избрать пастыря по своему замыслу. Хугон, сын Роберта, заключил договор с норманнами, не обеспечив безопасности землям сыновей Балдуина, Родульфа, Гаудея и Хильгауда. Епископство Реймское было вверено графу Хериберту для его сына Хугона, еще маленького, которому, как говорили, еще не было пяти лет. Епископ Абbon поехал в Рим вместе с посольством графа Хериберта. Все лотарингцы перешли на службу к Генриху, а он уступил Бернуину, племяннику епи-

скопа Дадона, епископство Верденское; тот изгнал оттуда прелата Хугона, которому епископство даровал Родульф, и сам был посвящен в епископы.

927 г.

В год DCCCCXXVII между королем Родульфом и графом Херибертом начался раздор из-за графства Ланского, которое Хериберт желал предоставить своему сыну Одону⁶, а король передал некоему сыну Ротгарию⁷ по имени Ротгарий. В Реймсе в марте месяце в небе видели огненные языки поутру в воскресенье, за этим знамением последовала болезнь, сопровождаемая жаром и кашлем и многих из рода людского в Германии и Галлии довела до смерти. Видрик, Метцкий первосвященник, скончался. Граф Хериберт отправил послов за Рейн к Генриху, которые, вернувшись, передали ему от Генриха приглашение на совещание; поехав туда, он заключил мир с Хугоном, сыном Роберта, почтил Генриха дарами и был им одарен. Также рассказывают, что Генрих там сделал рабом Божиим, после надлежащего избрания, некоего человека по имени Беннон, посвятив его в епископы Метца.

Хугон, сын Роберта, и граф Хериберт выступили против норманнов, которые задержались в верховьях рекиLuары. На окрест Лана нагрянула величайшая буря, которая разрушила много домов, повалила множество деревьев и в разных местах погубила людей более чем многих. Вильгельм, герцог Аквитанский, умер. Норманны с Luары, после того, как Хериберт и Хугон пять недель осаждали их, заключили мир с франками, выдав и приняв заложников и оставив за собой округ Нанта. В Трозли состоялся собор шести епископов, чьему король Родульф воспротивился и приказал через послов графа Херибера, чтобы собор отложили и приехали в Компьен на встречу с ним. Но епископы отказались это исполнить и собор продолжался. Туда приехал граф Херлуин, чтобы подвергнуться наказанию за жену, которую он взял при живой супруге. По завершении собора граф Хериберт пожелал вступить в Лан, но его опередил король Родульф, отправив воинов охранять город; последовав за ними, он, наконец, вошел в крепость. А Хериберт освободил Карла из-под стражи и отвез его в округ Вермандуа, а именно в Сент-Кантен. Родульф же вернулся в Бургундию, оставив охранять Лан сына Ротгарию и свою супругу, которые успешно опустошили некоторые mestечки в округе Куси, замка Реймского епископства. Итак, Карл держал совет с Херибертом и поехал к норманнам в замок, который

называется Э, где сын Роллона присягнул Карлу и заключил союз с Херибертом⁸.

Тем временем Лотарингия и Франция были охвачены страхом из-за ложных слухов о набеге венгров, и многие люди бежали.

932 г.

В год DCCCCXXXII король Родульф вернулся в Бургундию и вернул себе некий замок Гислеберта и Ричарда, которые отложились от него. Скончался Айрард, епископ Нойонский, и некий клирик из этого города, который жаждал быть епископом, ночью впустил в город графа Аделельма, тайно взошедшего на стену. Наутро ускользнувшие воины этого города собрали в пригородах отряд, подступили к городу и при поддержке оставшихся за стенами горожан проникли внутрь, кто — взломав ворота, а кто — через окна церкви. Аделельм укрылся в церкви и был убит у алтаря вместе с остальными, искавшими убежища, а горожане овладели городом.

Граф Хериберт взял замок Хам, а Эбрада, брата Эрлуина, который держал замок, пленил. Король Родульф по совету Хугона милостиво принял епископа Бовона и вернул ему его епископство — епископство Шалонское. Вальтберт, аббат Корби, был посвящен в епископы Нимвегена. Король Родульф, приняв Гислеберта, вернулся из Бургундии во Францию, а там занял аббатство святого Медарда, которое держал Хериберт, и возвратился в Бургундию.

Хугон вместе с несколькими франкскими епископами осадил город Амбуаз, который держали верные Хериберта⁹, занимал его частыми атаками и наконец взял, оставив заложников, а затем обложил осадой замок Сент-Кантен. Милон, который опустошал епископство Шалонское, был отлучен архиепископом Артольдом и другими епископами Реймского диоцеза. Хугон после двухмесячной осады Сент-Кантена наконец вынудил его защитников сдаться. На следующий день он вступил в замок и в сопровождении одного человека поднялся в замковую церковь. Рагемунд и Эрмингауд, правители Готии, пошли на службу к королю Родульфу, а также и Луп Ацинарий Гасконский, который еще ездил верхом, хотя ему было больше ста лет, и телом был очень крепок. Гислеберт с лотарингцами по призыву Хугона осадил Перонну; там много лотарингцев пало в постоянных стычках, а остальные, будучи не в силах взять крепость, отступили, но прежде Гислеберт вступил в переговоры с королем Родульфом при посредничестве Хугона. Король Родульф с Хугоном осадили Хам, замок Хери-

берта, но, получив заложников, оставили все как есть. По смерти Госперта, епископа Ланского, Инграмн, декан монастыря святого Медарда, был посвящен в епископы Лана; Бозон, брат короля и Бернуин, епископ Вердена, неистово учи- няли друг против друга поджоги и разбойные набеги. Хери- берт отправился за Рейн к Генриху.

936 г.

В год DCCCCXXXVI Инграмн, епископ Ланской церкви, умер. Примерно в те же дни скончался король Родульф и был похоронен в Сансе у св. Колумбы, церковь которой незадолго до того горела. Бретонцы возвратились из-за моря, где жили под защитой короля Альстана¹⁰ и вернулись в свои края. Граф Хугон послал за море просить принять королевский венец¹¹ Людовика, сына Карла, которому дал убежище король Альстан, его дядя; король, приняв сперва присягу у франкских послов отправил его во Францию с некими епископами и другими верными своими. Хугон и другие знатные франки поспешили ему навстречу и, взойдя на корабли, отправились к побережью у Булони, где была назначена встреча. Оттуда отвезли его в Лан, где архиепископ Артольд благословил его на царство, помазал и короновал в присутствии знатнейших людей королевства и более чем двадцати епископов. Епископство Ланское было вверено Родульфу, местному священнику, единодушно избранному горожанами и посвященному в епископы господином Артольдом.

Король и Хугон отправились в Бургундию и осадили город Лангр, который держал Хугон, брат короля Родульфа, а после того, как бежал тот, кого они подстерегали, заняли город без боя. Приняв заложников от епископов и знати Бургундии, они поехали в Париж. В те дни скончался король Генрих, и его сыновья стали оспаривать друг у друга королевство; наконец, все перешло к старшему сыну, именем Оттону¹². Луна, находясь в четырнадцатой фазе, приобрела кровавый цвет и в ночь на вторые ноны сентября была почти не видна. Умер папа Иоанн, брат патриция Альберика¹³, и папой римским был назначен некий Лев, раб Божий¹⁴. Хугон, король Италии¹⁵, попытался захватить Рим, но его войско пострадало от голода и потери коней и он, наконец, заключил мир с Альбериком, дав ему в жены свою дочь и сняв осаду, а когда, как рассказывают, обнаружил происки своего брата Бозона против себя, захватил хитростью этого своего брата и заключил под стражу. Сарацины направились пограбить в Аламанию, а на обратном пути убили многих путников, направлявшихся в Рим. Хугон,

сын Роберта, и Хугон, сын Ричарда, поделили между собой Бургундию и заключили мир. Умер Аделельм, епископ Санлисский.

937 г.

В год DCCCCXXXVII епископом Санлиса был поставлен Бернуин из обители святого Криспина. Также по смерти Вальтера, епископа Нимвегенского его преемником стал Трансмар, аббат монастыря св. Ведаста. Король Людовик отказался от опеки герцога Хугона и призвал в Лан свою мать¹⁶. Хугон вступил вговор с Херибертом. Хериберт взял замок под названием Шато-Тьери, доступ в который ему открыл Валон, а самого Валона, который уже стал его вассалом, заковал в цепи. Видели, как часть неба пылала огнем, и за этим последовал набег венгров во Францию с той самой стороны; они опустошали селения и поля, пожгли дома и церкви, увезли множество пленных. Однако некоторые церкви они не смогли поджечь, хотя и подносили к ним огонь; а у церкви святой Макры две скирды хлеба, почти касавшиеся ее стен, не смогли зажечь. Когда в церкви святого Базола некий венгр, войдя в алтарь, дерзнул дотронуться рукой до престола, рука пристала к камню алтаря и он не смог ее оторвать, пока другие венгры не вырубили топором из алтаря кусок камня, приросший к руке, и, ко всеобщему изумлению, язычник должен был отныне носить его.

Некоего священника из Двора Бовона — так называлось селение, где находилась его церковь, по имени Адалгарий, они захватили и увезли в округ Буржа. Он был скован по рукам и ногам железными цепями, а ночью некую пленницу посетило видение, и было ей велено сказать этому священнику, что как только он собирается бежать, увидит себя освобожденным; а равно и ее собственная цепь распалась в согласии с видением. Но она, боясь смерти, которой варвары часто ей грозили, на случай, если она попытается бежать, вновь надела на ноги оковы и, отыскав застежки, которые отвалились, постаралась укрепить свои оковы застежками, не осмеливаясь спастись бегством. На другую ночь упомянутую пленницу вновь посетило видение, и она уговорила священника пуститься в бегство, а его оковы тем временем распались. Воодушевленный этим, священник бросился бежать, несколько дней прятался на болотах, а когда узнал, что варвары удалились, вернулся наконец к себе на родину. Он направился к нам, так как видел в плена некоего монаха из монастыря Орбэ, по имени Хукбальд, которого язычники не раз хотели умертвить, но не мог-

ли причинить ущерба его плоти и говорили, что он — бог. Некто, как рассказывал этот священник, видел, как его нагим поставили на середину и отовсюду осыпали стрелами, но на его коже все же не оставалось ни царапины. Стрелы отскакивали от его тела, как будто оно было из адаманта, и на коже не пропустило ни одного следа от удара. Он говорил, что видел, как его, нагого, изо всех сил рубили мечом, и тем не менее его тело пребывало невредимым.

Бретонцы, воротившись в свои края после долгих странствий, часто сражались с норманнами, которые проникали в соседние земли, много раз выходили победителями и заняли захваченные теми земли. Родульф, король Юры и Цизальпинской Галлии, умер; королевство унаследовал его маленький сын Конрад. Скончался Абbon, епископ Санлиса, и его епископство досталось Видону, сыну Фулькона, графа Анжу, канонику святого Мартина Турского.

938 г.

В год DCCCCXXXVIII король Людовик взял с боя замок под названием Монтины, который держал некий Серл, занимавшийся разбоем; самому же Серлу, благодаря ходатайству архиепископа Артольда, он подарил жизнь, а замок разрушил. Король по просьбе Хугона заключил мир с Херибертом. Он также принял назад Тулли на Маасе вместе с некоторыми селениями, принадлежащими к нему, которые отец его передал как брачный дар его матери, которые удерживал граф Ротгари и которые он уже вернул себе силой. Также, возвращая себе Корбени, который его отец передал святому Ремигию и который присвоил Хериберт, он захватил его с боя по просьбе монахов; а людей Хериберта, оставшихся в нем, пленил, но по просьбе архиепископа Артольда позволил им уйти. Герцог Хугон, сын Роберта, взял в жены сестру Оттона, короля Зарейнского, dochь Генриха¹⁷. Король Людовик, отправившись в приобретенные области, попытался восстановить укрепленный порт, который называют Виссан. Пока он задержался у Арнульфа, люди Хериберта взяли, благодаря предательству некоего Виперта, замок Реймской церкви под названием Шозе, расположенный на реке Марне и построенный прелатом Артольдом; а Региберта, который держал этот замок, увезли с собой; близлежащие селения подвергались постоянному грабежу.

Тем временем король Людовик возвратился по призыву архиепископа Артольда и, поступив к Лану, осадил новую крепость, недавно отстроенную там Херибертом, и взял ее с большим трудом, с помощью множества машин подкопав и

обрушив стену. Затем он отправился на переговоры с Хугоном, братом короля Родульфа, оставив охранять Лан Одона, сына Хериберта, который совсем недавно присягнул ему. Упомянутый Хугон приехал к королю и поклялся быть ему другом. Гислеберт с лотарингцами вступил с Хугоном¹⁸ и Херибертом в заговор против короля Людовика, и они взяли штурмом замок Пьерпонт. Граф Арнульф и Хериберт добились перемирия между королем Людовиком и Хугоном и вели переговоры о заключении мира до самого конца января. Не медля, король Людовик, по совету Одона и Герарда, который оставил Родульфа, епископа Ланского, и перешел к Хугону, захватил и роздал сокровища и добро, обнаруженные в Лане.

940 г.

В год DCCCCXL король Людовик выехал навстречу Вильгельму, предводителю норманнов¹⁹, который прибыл к нему в округ Амбуаза и присягнул ему. И тот даровал ему земли, которые его отец Карл уступил норманнам, а оттуда двинулся на Хугона. Но тот отказался прийти к нему и король вернулся в Лан. Затем король даровал архиепископу Артольду, а с ним и всей Реймской церкви исключительное право чеканить королевскую монету в Реймсе навечно; и все графство Реймское передал церкви. Архиепископ Артольд осадил замок Шозо; на пятый день, по приходе туда короля Людовика, те, кто засел внутри, сбежали; вскоре замок разрушили до основания, а обитателей выселили. К королю пришли послы от Хугона, и король усердно совещался о заключении с ним мира с прелатом Артольдом и Херибертом. Затем он отправился вместе с архиепископом Артольдом к замку, который держал на Марне Херивей, племянник покойного епископа Херивея²⁰, откуда тот совершил набеги на близлежащие селения Реймского епископства. Вскоре, приняв заложников от этого Херивея, он вернулся в Реймс, на следующий день направился к святому Ремигию, вверил себя поручительству святого, пообещал жертвовать каждый год много либр серебра и даровал иммунитет²¹ монахам некого места над тамошним замком. Герцог Хугон, сын Роберта, привлек к себе неких епископов как из Франции, так и из Бургундии и вместе с графом Херибертом и Вильгельмом, герцогом норманнов, осадил Реймс; а на третий день осады, когда почти все войско архиепископа Артольда покинуло его и перешло к Хериберту, граф Хериберт вступил в город. Архиепископа Артольда знать и епископы призвали к святому Ремигию и убеждали либо запугивали, чтобы он сложил с себя обязанности и власть епископа; тогда ему оставят аббатство святого Базола и монастырь Авене, и он уедет жить

к святому Базолу. Хугон и Хериберт сговорились с некоторыми лотарингцами и вместе с Вильгельмом отправились осаждать Лан, оставив в Реймсе диакона Хугона, сына Херибера, ранее уже избранного епископом этого города.

Через шесть или семь недель король Людовик вернулся из Бургундии, взял с собой архиепископа Артольда вместе с его родственниками и свитой, которых граф Хериберт лишил бенефиций, и пришел в сельскую округу Реймса; затем, перейдя реку Эну, направился в Лан. Узнав об этом, Хугон и Хериберт сняли осаду Лана и ночью отступили к замку Пьерпонт, откуда выступили навстречу королю Оттону. Объединившись с ним, они проводили его до Аттины, где вместе с графом Ротгарием присягнули Оттону. Король Людовик, войдя в Лан, обеспечил своих людей необходимым продовольствием и вместе с Хугоном Черным и Вильгельмом Аквитанским вернулся в Бургундию. Король Оттон вверил своему брату Генриху Лотарингию. Затем с большим войском, набранным из разных народов, он отправился в Бургундию вслед за Людовиком, имея при себе Конрада, сына Родульфа, короля Юры, которого еще раньше захватил хитростью и удерживал при себе. Разбив лагерь на Сене, он принял заложников у Хугона Черного вместе с клятвой, что он не причинит вреда Хугону или Хериберту, которые подчинились Оттону. Совершив это, он вернулся к себе. Хугон, сын Херибера, был посвящен в Реймские архиепископы Видоном, епископом Суассонским. Король Людовик вернулся в Лан. А я, составлявший речь во славу гроба святого Мартина, был задержан графом Херибертом, и кто-то меня тайно обвинил в том, что я хотел причинить вред его интересам и интересам его сына. Он заключил меня под стражу, отобрал у меня имущество, которым я располагал в епископстве вместе с церковью, которой я управлял в Кормиси, и я много месяцев оставался в заключении. Король Людовик с боя ворвался в замок Пьерпонт и, приняв заложников, отступил от него. Затем он вместе с архиепископом Артольдом и другими верными отправился в Лотарингию. И король Оттон, перейдя Рейн, пошел ему навстречу, но с помощью их верных между ними было заключено перемирие.

Одна бедная девушка по имени Флотильда из селения, которое называется Лавенна, уверяла, что, бодрствуя и находясь в здравом рассудке, имела видения святых, и предсказывала будущее. На следующий год, в самую ночь рождества Господня она умерла. В этом году в декабре, в воскресную ночь видели в небе разноцветные лучи. Группа англов и галлов, побы-

вавших в Риме, возвращалась, и убили некоторых из них сарацины, и не смогли они пересечь Альпы из-за сарацинов, которые заняли селение, принадлежащее монастырю святого Маврикия.

943 г.

В год DCCCCXLIII граф Арнульф, призвав на совет Вильгельма, герцога норманнов, коварно убил его. Король Людовик передал владения норманнов сыну Вильгельма, рожденному от конкубины-бретонки; некоторые сеньоры пошли на службу к королю, а другие — к герцогу Хугону. Умер граф Хериберт, которого его сыновья похоронили у святого Квентина; а услышав, что Родульф, сын Родульфа из Гу вторгся-де во владения их отца, напали на него и убили. Узнав об этом, король Людовик весьма опечалился. Епископ Артолльд, покинув обитель святого Базола, отправился к королю. И тот пообещал возвратить ему епископство Реймское; и он, собрав своих братьев и других людей из Реймского епископства, связанных с ним, занял замок Омон. Также король Людовик вместе с ними подступил к Музону, но верные епископа Хугона его отбросили, а некоторых его людей убили; он все же сжег окраины и некоторые дома у замка, вместе с которыми сгорели и запасы продовольствия.

Хугон, герцог франков, не раз сражался с норманнами, язычниками с рождения и вернувшимися к язычеству; их воины поубивали множество христиан. Он тоже убил нескольких норманнов, а остальных обратил в бегство и занял замок Эvre, ведь его держали норманны-христиане, которые ему помогли. Людовик, вернувшись в Руан, разбил в бою и убил нормана Турмода, который обратился к язычеству и поклонению идолам и толкал на это сына Вильгельма и других, а против короля строил козни, а вместе с ним и нечестивого короля Сетриха; вверив Руан Эрлуину²², он вернулся в Компьен, где его ожидал герцог Хугон со своими племянниками, сыновьями Хериберта, о встрече с которыми он уже долго и усердно договаривался. И из них король сперва принял епископа Хугона, затем Оттона, герцога Лотарингии, с епископом Адальбероном, и с особым вниманием — герцога Хугона, настаивая на том, чтобы он возвратил королю отнятые аббатства, чтобы епископ Артолльд был восстановлен в своих правах, или же был обеспечен другим епископством, а его братьям и родственникам чтобы вернули их имущество, которым они владели в епископстве Реймском. После этого король принял и остальных сыновей графа Хериберта. Затем король Людовик отпра-

вился в Руан и принял у герцога Хугона замок Эvre, потом занемог и почти все лето пролежал в Париже больной.

Епископ Хугон взял и сжег замок Амбли, который держали изгнанные из Реймса братья Роберт и Родульф, и откуда они совершили набеги на Реймское епископство. Эрлуин, сразившись с Арнульфом, одержал победу, захватил также и того, кто убил герцога норманнов Вильгельма, и, отрубив ему руки, отоспал в Руан. Затем епископ Хугон осадил замок Омон, который держал Додон, брат епископа Артольда; наконец, получив в заложники его маленького сына, отступил, известив об этом короля. Герцог Хугон воспринял от священной купели дочь короля, и король вверил ему герцогство франков и всю Бургундию передал в его управление. Потом Хугон примирил короля с Арнульфом, на которого король гневался из-за убийства Вильгельма. Король Одон захватил неких верных Людовика, которые злоумышляли против него, и заключил под стражу, и поэтому между королями начался раздор.

948 г.

В год DCCCCXLVIII вышеназванный собор был создан в церкви св. Петра, в виду замка Музон, господином Робертом и другими епископами Трирского и Реймского диоцезов. Явился туда епископ Хугон и беседовал с Робертом, но войти на собор не пожелал. Он передал епископам через своего клирика некие письма от имени папы Агапита, полученные из Рима, но не имевшие никакой канонической силы; в них рекомендовалось вернуть епископство Реймское Хугону. По их зачтении епископы стали совещаться с аббатами и другими мудрыми людьми, которые при этом присутствовали, и ответили, что недостойно и не подобает, чтобы приказаниям, доставленным апостольским посольством, которые недавно были принятые Фредериком, епископом Майнцсим в присутствии короля и епископов как Галлии, так и Германии, и уже отчасти исполнены, воспрепятствовало письмо, подброщенное злопыхателем прелата Артольда и противоречащее тому, что было начато по правилам. И было решено зачитать главу 19 Карфагенского собора об обвинении и обвинителе. А по ее зачтении рассудили, в соответствии с содержанием этой главы, что архиепископ Артольд сохранит за собой власть над общиной и епархией Реймса, а Хугона, который отказался явиться по призыву уже на два собора, следует освободить от управления Реймским епископством и общиной, пока не прибудет на вселенский собор, назначенный на августовские каланды, и не оправдается. Этую главу же епископы велели на их глазах перенести на пергамент и отослали Хугону в подтверждение своего

решения. На другой день они отправили такое же послание и к епископу Роберту, ответившему на это, что он никоим образом не подчинится их приговору. Граф Арнульф, помогая герцогу Хугону, взял замок Монтиньи. Тем временем епископ Артольд послал прошение Римскому престолу. И папа Агапит отправил своего викария, епископа Марина к королю Оттону, чтобы созвать и провести вселенский собор. Также из Рима были разосланы особые послания от папы епископам Галлии и Германии, призывающие их на этот собор. Этот собор состоялся, по наставлению папы, в королевской резиденции Ингельхейм, в церкви, названной в честь блаженного Ремигия, в седьмые иды июня, из-за сильнейшего раздора²³ между королем Людовиком и герцогом Хугоном, а также между Артольдом, Реймским архиепископом, и Хугоном, недолжным образом заменившим его на кафедре этого города; эти раздоры привели в смятение все королевство франков. На собор прибыл вышеупомянутый Марин, викарий апостольского престола, съехались также прелаты из Германии и некоторые галльские епископы: Роберт, архиепископ Трирский, Артольд Реймский, Фредерик Майнцкий, Викфрид Кельнский, Адалдак Гамбургский, Хильдебольд Мюнстерский, Гозлин Тульский, Адальберон Метцкий, Беренгарий Верденский, Фульберт, епископ Камбре, Родульф Ланский, Рикон Вормсский, Рейтельбольд Спирский, Поппон Вюрцбургский, Конрад Констанцский, Оделрик Augсбургский, Тетард Хильдесхеймский, Фараберт Тонгрский, Бернард Хальберштадтский, Дудон Падеборнский, Лиоптак, епископ Риба, Михаил Раттисбонский, Доддон Оsnабрюггский, Эверис Минденский, Балдрик Уtrechtский, Херольд Зальцбургский, Адальберт Пассаусский, Старканд Айштадтский, Хорат Шлезвигский, Викхард Базельский, Лисдак, епископ Риба. Когда эти прелаты разместились в вышеназванной церкви, предполагали открытию собора положенные молитвы и зачитали священные тексты, вошли славные короли Оттон и Людовик и сели вместе с ними; после того, как Марин, посол апостольского престола, произнес речь, поднялся король Людовик, сидевший бок о бок с королем Оттоном, и перед лицом этого викария Римского престола и остальных присутствующих принес жалобу, напомнив, как был призван из-за моря послами Хугона и других знатных франков, чтобы принять положенное ему по наследству отцовское королевство, как под единодушные крики знати и франкского воинства был помазан и коронован и принял верховную власть над королевством; а затем был упомянутым Хугоном свергнут и коварно застигнут и пленен, и целый год

провел у него под стражей, и смог добыть свободу не иначе, нежели позволив Хугону занять Лан, оставшийся изо всех королевских владений в руках королевы Герберги и его верных. Рассказал он и обо всех несчастьях, которые претерпел с тех пор, как принял королевство, а если кто-нибудь усомнится в том, что причина его бедствий именно та, которую он назвал, то он либо очистится по решению собора и с согласия Оттона, либо отстоит свои слова в поединке.

Затем поднялся архиепископ Артольд, и в соответствии с полученным им повелением папы Римского, передал письменное изложение начала и продолжения раздора между ним и Хугоном, избранным вместо него первосвященником Реймской церкви. После того, как это изложение зачитали и перевели его для королей на немецкий язык²⁴, на собор пришел некий Сигебольд, клирик вышеназванного Хугона, и протянул им письмо, полученное из Рима, которое уже предлагалось собору в Музоне, уверяя, что такое же письмо из Рима некто из присутствующих должен был передать Марину. Марин достал письмо, которое Сигебольд посыпал в Рим, и предложил зачитать его перед лицом всего собора. После зачтения открылось, как об этом говорило само письмо, что Видон, епископ Суассонский, Хильдегар, епископ Бове, Родульф Ланский и другие епископы со всего Реймского диоцеза посыпали такое письмо к апостольскому престолу с просьбой восстановить Хугона на Реймской кафедре и изгнать Артольда. Осмотрев это письмо, епископ Артольд и вышеназванный Родульф, которые упоминались в нем, а также Фульберт, первосвященник Камбре, отвергли это письмо, утверждая, что никогда его прежде не видели и не слышали о нем, и не принимали участия в его отправлении. Так как клирик не смог оспорить их слова и его подлог был разоблачен, господин Марин посоветовал, обращаясь к вселенскому собору, чтобы они вынесли общий и верный приговор против столь злостного клеветника, который возвел напраслину на епископов. И они, после того, как обвиняемый прилюдно был уличен в подлоге, зачитали главы, гласящие о клеветниках такого рода, и постановили, что его следует лишить всего имущества, и в соответствии с дальнейшим содержанием этих глав, отправить в изгнание. Итак, осужденного на глазах у собора освободили от обязанностей диакона, которые он отправлял. А епископ Артольд, который пробудил сочувствие собора, не избежал приговора, согласно которому он удерживал в своем распоряжении, в соответствии с канонами и писаниями святых отцов, Реймское епископство; все с радостью подтвердили такое решение.

На второй день заседания, после того, как зачитали священные тексты, а викарий Марин произнес речь, Роберт, архиепископ Трирский, предложил вынести приговор собора и против захватчика кафедры, так как Артольд уже был в соответствии со священными установлениями восстановлен в епископстве Реймском. Итак, викарий Марин также посоветовал собору вынести каноническое решение против него. И было приказано зачитать главы из священных законов истинной церкви, а по их зачтении, в согласии со священными канонами и решениями святых отцов Сикста, Александра, Иннокентия, Зосимы, Бонифация, Целестина, Льва, Симмаха и других ученых мужей святой Божьей церкви, отлучили и отторгли от лона Божьей церкви Хугона, захватчика Реймской церкви, до тех пор, пока он не явится, чтобы понести наказание и дать достойное удовлетворение. В оставшиеся дни на соборе обсуждались некие неотложные дела в связи с кровосмесительными браками и церквями, что были вверены священникам в разных частях Германии, но проданы и незаконно присвоены мирянами; и было это запрещено и постановлено, чтобы такие дела не решались, исходя из других установлений. Говорилось и о других предметах, полезных для Божьей церкви, и принятые были некоторые решения.

Тем временем король Людовик просил короля Оттона послать ему подмогу против Хугона и других своих недругов. Тот внял просьбе и приказал герцогу Конраду пойти к нему на помощь с войском из лотарингцев; пока собирали войско, король Людовик оставался с герцогом, а епископы Артольд и Родульф, которые были с королем, дабы не претерпеть в пути обид от врагов, выехали вместе с лотарингскими епископами. И мы оставались с Робертом Трирским, Родульфом Ланским и Адальбероном Метцким в течение почти четырех недель. Наконец войско было собрано, лотарингцы пошли на епископа в Музон, осадили замок, штурмовали его и вынудили воинов, бывших при Хугоне, к сдаче; взяв у них заложников, они отправились навстречу королю Людовику и герцогу Конраду к Лану. А там герцог с войском осадил некий замок, который построил и держал Тетбальд в месте, называемом Острай гора, он же удерживал и Лан против воли короля. Осадив этот замок, они взяли его, но не сразу, а оттуда пошли на Лан. В церкви святого Винцентия собрались епископы и отлучили вышеизданного Тетбольда, а герцога Хугона письменно призвали от имени легата Марина и своего собственного прийти и дать удовлетворение за зло, содеянное против короля и епископов. Видон, епископ Суассонский, явился наконец к коро-

лю Людовику, присягнул ему и помирился с архиепископом Артольдом, дав ему удовлетворение за посвящение Хугона. Герцог Конрад также принял из священной купели дочь короля Людовика. И так, взяв и разрушив замок Музон, лотарингцы возвратились к себе.

Хугон, не медля, собрал большое войско из своих подданных и норманнов, подступил к городу Суассону и осадил его, некоторых людей убил и сжег, забросив факелы, главную церковь, обитель каноников и часть города. Но взять его он не смог, отступил от города, направился к некоему замку, построенному графом Рагенольдом, вассалом Людовика, на Эне, в месте, которое называют Руси, и осадил все еще недостроенный замок. Но и его он не взял, однако разорил соседствующие с его замком селения, принадлежащие Реймской церкви. Его головорезы поубивали многих крестьян²⁵, осквернили церкви и дошли в своем неистовстве до того, что близ Кормиси поубивали в церкви и вокруг нее почти сорок человек, а храм начисто разграбили. Итак, совершив много злодяйий, Хугон удалился вместе со своими разбойниками. А воины, которые вместе с Хугоном недавно подверглись отлучению, вернулись к прелату Артольду; он принял некоторых из них, возвратив им имущество, которым они располагали, а некоторых отверг. После этого он отправился в Трир на собор вместе с епископами Видоном Суассонским, Родульфом Ланским и Викфредом Теруанским. Когда они приехали, Марин вновь был избран председателем вместе с архиепископом Робертом, а из остальных Лотарингских и Германских прелатов никого не нашли. Викарий Марин начал допытываться, как, по их суждению, вел себя после предыдущего собора герцог Хугон по отношению к ним и к королю Людовику. А они доложили о рассказанном выше, о том, как он нечестиво нападал на них и их церкви. Марин спросил о том, призвали ли этого герцога, доставили ли ему письменные призывы, которые он отправил ему для ознакомления. Архиепископ Артольд ответил ему, что некоторые из них были доставлены, а некоторые доставить не удалось, так как гонцы были захвачены головорезами герцога; однако его призывали и письменно, и через вестников. Марин тогда спросил, не присутствует ли здесь посол от герцога. Но никто не пришел, и решено было ожидать, не появится ли он до завтра. Но ничего подобного не произошло, и все присутствующие, как клирики, так и миряне объявили о его отлучении, а епископы уточнили, что провозглашение отлучения следует отложить на третий день собора. Затем обсудили епископов, которые были приглашены и отказались явиться, а

также тех, кто способствовал посвящению Хугона. И Видон Суассонский, упав к ногам викария Марина и архиепископа Артольда, признал себя виновным. Затем за него вступились перед Марином архиепископы Роберт и Артольд и он был освобожден от заслуженной кары. Викфрид Теруанский остался незапятнанным этим посвящением. Присутствовал там некий священник, посол Трансмара, епископа Нойонского, объявивший, что этот прелат столь тяжко болен, что не в состоянии приехать на этот собор; это подтвердили и бывшие при сем епископы из тех мест.

Наконец, на третий день по настоянию Лиуддульфа, посла и капеллана короля Оттона, поскольку этот король советовал так поступить, граф Хугон, недруг короля Людовика, был отлучен за названные выше злодеяния, однако было решено, что до тех пор, пока он не раскается и не явится пред очи викария Марина и епископов, которым причинял обиды, дабы дать удовлетворения, и если до этого он не снизойдет, то пусть отправляется за снятием отлучения в Рим. Отлучили и двух лжеепископов, посвященных проклятым Хугоном, Тетбальда и Ивона; из которых один был посвящен им после своего изгнания в епископы Амбуаза, а другой — в епископы Санлиса после осуждения Хугона. Отлучили также некоего ланского клирика по имени Аделом, которого его епископ Родульф обвинил в том, что он ввел в церковь отлученного Тетбальда. Марин призвал письмом Хильдегарда, епископа Бове, чтобы тот явился к нему или отправился в Рим, чтобы отчитаться перед папой за святотатственное посвящение вышеназванных лжеепископов, при котором он присутствовал. Призвали и Хериберта, сына графа Хериберта, придти и дать удовлетворение за зло, содеянное им против епископов.

Совершив все это, епископы возвратились к себе. А Лиуддульф, капеллан Оттона, проводил викария Марина в Саксонию, к своему королю, где тот освятил церковь Фульдского монастыря. После церемонии освящения, на исходе зимы Марин вернулся в Рим. В этот год скончались епископы Герунк Буржский и Родульф Ланский. У короля Людовика родился сын, которого окрестил архиепископ Артольд, дав ему имя отца.

951 г.

В год DCCCCLI король Людовик отправился с войском в Аквитанию; но, когда он вступил в эту провинцию, Карл Константин, герцог Вьенский, и Стефан, епископ Оверни, пришли к нему и стали его людьми; этот же епископ почтил его наилучшими дарами. Также навстречу ему вышел Вильгельм,

герцог Аквитанский. Задержавшись в Аквитании, король сильно занемог; его принял у себя Летальд, некий бургундский граф, который только недавно присягнул ему, и усердно ухаживал за ним во время болезни. Восстановив свои силы, король вернулся во Францию. Тем временем Фредерик²⁶, брат епископа Адальберона, за которого сговорили дочь герцога Хугона²⁷, придя в это королевство, начал, не известив короля и королеву, строить замок в месте, называемом Фен, а близлежащую местность тревожили частыми вылазками. Король, очень этим обеспокоенный, отправил своих послов к королю Оттону; получив его приглашение, он отправился к нему, послав вперед двух львов, а сам, следуя за ними, был с почетом принят в пасхальные дни. Получив от него достойное его платье, он в самый разгар пасхальных торжеств поскакал с ним в Ахен и возвратился, приняв от него множество превосходных подарков, а герцог Конрад проводил его до самой реки Марны. Этот герцог Конрад, питая вражду к некоторым лотарингцам, разрушил некую башню и лишил имущества некоторых жителей Вердена; он взял также некий замок графа Рагенерия и осадил другие его замки. Послы короля Людовика, вернувшись от Оттона, сообщили, что король Оттон запрещает Фредерику ли, любому ли другому из своих вассалов иметь замки в этом королевстве, если он не сможет добиться согласия на то короля Людовика.

Венгры пересекли Италию, перешли в Амьен и ворвались в Аквитанию; а там задержались почти на все лето, грабя, убивая и разоряя эти места; затем они через Италию вернулись в свои края. Король Людовик осадил замок, который построили некие разбойники, а именно Готберт и его брат Ангильберт; когда в замке закончилось продовольствие, он, наконец, взял его и разрушил; а вернувшись оттуда, отправился на переговоры с Арнульфом и Хугона. Но Хугон отказался явиться на переговоры, так как гневался на Арнульфа из-за замка Монтрей и владений Эрлуина, которые захватил Арнульф, и вместе с Ротгарием, сыном Эрлуина, вступил в эту область и осадил один замок. Король же, возвзвав к Арнульфу, послал за ним, заставил снять осаду и заключил между ними перемирие на три года начиная с декабрьских календ.

Королева Ottогеба, мать короля Людовика, уехав из Лана в сопровождении как Хериберта, так и Адальберта, братьев, и их людей, прибыла к Хериберту, который оказал ей прием и взял ее в супруги. Король Людовик, разгневанный этим, забрал у нее аббатство святой Марии, которое она держала в Лане, и передал его своей жене Герберге, а также подчинил

своей власти фиск Аттины. Король Оттон приехал в Италию; узнав о его приближении, Беренгарий, король лангобардов, бежал из Павии²⁸, а Оттон, вступив в этот город, взял в супруги жену покойного короля Лотаря, сына Хугона, и сестру Конрада, короля Юры. Сарацины заняли альпийские проходы и взимали дань с путников, направляющихся в Рим, и только затем позволяли им идти.

954 г.

В год DCCCCLIV вышеупомянутый Конрад, вступив в союз с венграми, повел их на Лотарингию, вплоть до владений Рагенария, врага своего и епископа Брунона; совершивши их разграбив, с огромной добычей и множеством пленных вступил он в королевство Людовика. Пройдя таким образом через округи Вермандуа, Лана, Реймса и Шалона, он вошел в Бургундию. Немало его людей пало как в сражениях, так и от болезней, а остальные через Италию возвратились к себе. В Лане умер Людовик, сын короля. Король Людовик покинул Лан, вернулся в Реймс и задержался там. Затем он подошел к реке Эне, и тут явился ему словно бы бегущий впереди волк; погнав за ним коня, он упал и сильно разбился, его отвезли в Реймс, где его, ослабевшего и прикованного к постели, охватила слоновья болезнь. Пораженный этим недугом, он скончался и был похоронен у святого Ремигия. Королева Герберга послала к Хугону, прося его совета и помощи. Когда она приехала на встречу с ним, он с почетом принял ее и утешил, и обещал взвести ее сына на трон. Лиудульф, изгнав Генриха, своего дядю²⁹, захватил все герцогство Баварское. Лотарингцы очень пострадали как от набегов Конрада, так и от внутренних усобиц. Фульхарий, декан монастыря святого Медарда, был посвящен в Реймсе в епископы Нойона. Фредерик, брат епископа Адальберона, взял в жены дочь герцога Хугона. Граф Хериберт ворвался в Пасси, замок Рагенальда, с помощью хитрости неких своих вассалов.

Мальчик Лотарь, сын Людовика, был коронован у святого Ремигия архиепископом Артольдом с помощью герцога Хугона, архиепископа Брунона и других прелатов и знатных мужей Франции, Бургундии и Аквитании. Также он даровал Хугону Бургундию и Аквитанию. Замок Пасси был возвращен Рагенальду, а Хериберт получил от Рагенальда некие селения. А королева Герберга с сыном — королем вернулась в Лан. Немного спустя воины Рагенальда тайно взяли некий замок Херибера, под названием Счастливая Гора, находящийся за Марной. Итак, Хериберт и его брат Роберт осадили этот замок, а Хериберт отправил послов в Реймс к Рагенальду, чтобы

тот возвратил замок. Рагенальд согласился только при условии, что они снимут осаду и съедутся обсудить, как им возместить отнятые друг у друга замки. Когда это было исполнено, он принял у Хериберта виллы, которые отдал за вышеупомянутый замок, и вернул Хериберту замок Счастливая Гора. Умер Альберик, римский патриций, его титул достался Октавиану³⁰, его сыну, который был клириком и который позднее, по смерти Агапита, заставил римлян избрать его папой Города³¹.

957 г.

В год DCCCCLVII, в январе, однажды ночью, вскоре после полуночи, Реймская церковь Божьей Матери вдруг осветилась ярким светом, и было это в присутствии архиепископа Артольда, а равно и изумленного сторожа Витарда. Король Лотарь направился в Верхнюю Бургундию. Произошел раздор между Бруоном, ставшим из епископа герцогом, и графом Рагенерием и другими лотарингцами, а затем и во Франции между Балдуином, сыном Арнульфа, и Ротгарием, сыном Эрлуина, из-за замка Амбуаз. Роберт, сын Хериберта, присягнул королю Лотарю. Король Лотарь с матерью и теткой, оставив Хугона, поехал в округ Камбре, навстречу своему дяде Бруону. Рагенерий³², видя, что он не в силах противостоять множеству врагов, пришел к Бруону, но не захотел выдать просимых заложников, и Бруон, схватив его, увез с собой под стражей, а немного спустя отправил в изгнание за Рейн. Умер Лиудульф, сын Оттона, подчинивший почти всю Италию, и похоронили его в Майнце у святого Альбана.

961 г.

Умер Видон, епископ Оксера. Оттон, сын покойного герцога Хугона³³, приехал в Лан, к королю Лотарю в самый разгар пасхальных торжеств, приехали и некоторые другие знатные сеньоры из Франции и Бургундии. По решению короля и собравшихся к нему в Суассоне состоялось совещание знати; Ричард, сын Вильгельма Нормандского, появился, дабы причинить ущерб, и напал на некоторых верных короля, но, потеряв нескольких своих людей, обратился в бегство. Хугон, сын покойного графа Ротгария, скончался едва возмужав, и был похоронен у святого Ремигия. Артольд, архиепископ Реймский, умер накануне октябрьских календ. Король Людовик с королевой-матерью и некоторыми знатными франками отправился в Бургундию; туда съехались к нему прелаты и знать из Аквитании.

963 г.

В год DCCCCLXIII Оделрик, епископ Реймский, призвал к себе франкских сеньоров, которые заняли некие владения Реймской церкви. А я, находясь в преклонном возрасте и измученный недугами, отказался от обязанности священника перед лицом этого прелата. И он, освободив меня от этого бремени, поставил избранного нашей братией племянника моего Флодоарда, и было это на семидесятый год моей жизни. Братья Роберт и Хериберт осадили город Шалон, занятый епископом Гибуином, и по прошествии нундин спалили его огнем, а воинов, которые оставались на высокой башне, освободили.

966 г.

В год DCCCCLXVI король Лотарь взял в жены Эмму, дочь ...³⁴, некогда короля Италии. Архиепископ Оделрик отлучил графа Рагенальда, за то, что тот упорно удерживал поместья, принадлежавшие Реймской церкви. А этот граф вместе со своими людьми вторгся в некоторые местечки в этом же епископстве и опустошил их пожарами и грабежами.

Письма Герберта Орильякского

№ 7

Герберт, некогда сколастик¹, приветствует своего Айарда². Твои просьбы возбудили в нас сочувствие, а мы увещеваем тебя вон из кожи лезть ради наших дел, будто ради собственных. Пусть будет исправлен Плинний³, добудьте вновь Евграфия⁴, с которых изготавляли списки в монастыре Орбе и у святого Базола. Сделай то, о чем мы тебя просим, чтобы мы исполнили твои просьбы.

№ 24

Люпиту из Барселоны¹

Хотя у меня нет перед тобой никаких заслуг, твои велико-души и приветливость побудили меня обратиться к тебе, просять тебя. Итак, прошу, перешли мне переведенную тобой книгу об астрологии², а если захочешь от меня что-либо в вознаграждение, проси без колебаний и получишь.

№ 48

Изложим тайное послание без подписи¹ в немногих словах. Король Лотарь является правителем Франции только по имени, а Хугон² не по имени, но на деле. Если вы вместе постараетесь связать дружбой его сына³ с сыном Цезаря⁴, то вам не надо будет тревожиться из-за вражды королей франков.

№ 74

От лица королевы Эммы к ее матери

Императрице и августе навечно Аделаиде Эмма, некогда королева, а ныне утратившая светоч франков. Прошли времена моего счастья, наступила пора страданий, о моя госпожа, о сладчайшая мать: ведь тот, чьим процветанием и я цвела, чьим царствованием и я царила, превратил меня навсегда из супруги во вдову. О горький день шестых non марта¹, который отнял у меня мужа, который вверг меня в это горе! Пусть нежная мать узнает о стонах и горестях преисполненной печали дочери. Тяжелее разлуки с матерью я сочла бы ныне лишь утрату надежды на спасение души. О, как я жду, как взываю! Некоторые верные нам люди желают собраться и поддержать меня и моего сына в окрестностях горы Р², на границе королевства в 15 календы июня и просят о присутствии вашем и короля Конрада. Но и это промедление кажется мне тысячелетним. Тем временем сделайте так, чтобы наиболее знатные

франки вновь скрепили клятвой верность мне и сыну моему. А что до остального, до того, как следует поступить дальше, чего избегать, то в этом я полагаюсь на ваше суждение. Пусть вас не только королева Эмма, но и все назовут матерью обоих королевств. Я помню ваши слова, что вы отличали моего мужа передо мной, он же любил вас больше меня. Да послужит его душа эта привязанность; и так как на земле вы уже не в силах ее проявить, воздайте ему духовно, через святых отцов, через епископов, аббатов, монахов и всех набожных рабов Господних.

№ 81

Адсону, аббату Монтьеранде¹

Отбрось всякое промедление², отец мой, и в трети или вторые календы июля выезжай из Ура Халдейского³. Повинуйтесь старым друзьям, вы, человек давно испытанной верности. Наш отец Ад.⁴, всегда преданный отечеству и вам, а ныне преданный, как никогда раньше, просит вашего присутствия, не теряя никакой задержки. Не следует сообщать находящемуся вдали то, что мы желаем поведать ему лично. А попутчиками вам пусть будут дорогие и вам, и нам книги⁵. Да будет довольно сказанного об этом.

№ 93

Архиепископу Адальберону¹

Наступило время бесчестных людей, и невозможно определить по народному мнению, каков более выгодный путь. Многие полагают, что для вас лучше действовать в соответствии с приговором². Но еще больше людей считает, что вам надо сидеть в городе, а слабого и неизвестного противника отпугнуть силой как вашего присутствия, так и многочисленного войска. Думают, что вам следует посоветоваться с вашим братом³ и услышать, чего желают Одон и Хериберт⁴, которые внезапно собрались на совет. Хотя им совершенно не свойствена верность, однако можно воспользоваться их жаждой богатства. Пока очевидно, что они в страхе, но опасность их минует, если они сохранят верность.

№ 111

*Христианнейшим императорам Василию и Константину¹
Хугон, Божьей милостью король франков*

Знатность вашего рода, а также слава о ваших великих деяниях побуждает и заставляет нас полюбить вас. Едва ли кто сочтет нас недостойными дружбы. Мы хотели бы так скре-

пить сей святой и праведный союз, чтобы не посягнуть при этом ни на ваши владения, ни на ваши богатства. Мы рассудили предложить вам такое условие, которое, если вы его одобрите, прочно нас объединит и принесет большие плоды. Ведь благодаря нашей защите ни галл, ни германец не потревожит пределов Римской империи. А чтобы сохранить это благо навечно, есть у нас сын, сам уже король², которому мы не можем подыскать равную ему невесту, так как находимся в родстве с соседними королями, и мы убедительно просим руки дочери святой империи³. Если это предложение будет приятно вашим светлейшим ушам, ответьте либо императорским посланием, либо через достойных доверия послов, дабы и мы отправили послов, и могущество ваше, которое сквозит в ваших посланиях, дополнилось делами⁴.

№ 121

Архиепископу Трирскому¹ от имени Адальберона

Не стоит доверять случайным слухам, которые часто достигают вас, но ныне поверьте. С Божьего, разумеется, изволения и благодаря вашим постоянным молитвам мы по-прежнему владеем всем имуществом в епископстве. Распространился и другой громкий слух, из которого верно то, что после полудня, когда воины отяжелели от вина и уснули, горожане сделали мощную вылазку². Наши сопротивлялись и отбросили их, но лагерь сгорел, подожженный чернью. В этом пожаре погибли и все осадные приспособления. Этот ущерб был с избытком восполнен к восьмым календам сентября³. Шлю вам огромную благодарность за то, что с такой необычайной заботой печетесь о наших делах. Мы бы хотели, чтобы вы и дальше так поступали, молясь, и сами молимся за вас горячо и бесконечно.

№ 148

Монаху Ремигию

Твоя доброта, любезный брат, перевешивает том "Ахиллеиды"¹, который я получил, однако он неполон, так как неполным был образец, с которого сделан список. И нашей доброты ты не забудешь, так как мы уже начали тяжелейший труд изготовления сферы, которая уже обточена на токарном станке и искусно обтянута конской кожей. Если ты испытываешь в ней неотложную потребность, можешь ожидать ее, просто окрашенную в один цвет, к календам марта. Но если ты хочешь сферу с горизонтом, красиво размеченную разными цветами, ты растягиваешь работу на год. Также о данном и принятом

нашими клиентами: закон говорит, что ничего не возвращает тот, кто ничего не должен.

№ 162

Ремигию, трирскому монаху

Твои просьбы, дражайший отец, повторенные столько раз, достаточно напомнили мне, подхваченному бурей. Ты не знаешь, ты не знаешь, какую беду мы пережили¹ с тех пор, как расстались с тобой. Разгорячившись от тяжелых и долгих трудов, я навлек на себя недуги, которые нездоровой осенью² почти свели меня в могилу. Налетела на нас злая судьба и отняла все, что даровала, руками головорезов, которые ограбили Реймс. Ныне мы оплакиваем плен друзей и размышляем ночи напролет, не будет ли перемены на нашей кафедре, ведь из-за него наша родина в слезах и позоре. Страх и трепет окружают стены. Голод угрожает горожанам. Духовенство, и черное, и белое, стонет, предчувствуя будущее разорение. Итак, твой долг воздеть руки и взывать к Всемогущему за нас, а если Божья кара смягчится для меня, грешного, я не забуду всех твоих благодеяний.

№ 75

Эпитафия Лотарю

Тот, по воле кого вся знать собиралась толпой и добрые
люди,

Тот, кому вознесла монумент, достойный Августа, печаль,
Цезарь Лотарь, у нас ты был вырван навеки
Когда наступила заря дня второго ужасного месяца Марса.

№ 78

Эпитафия Оттону II

Тот, чей приказ вселял трепет в князей, и в недругов ужас,
Тот, кому власть и народ свой отец завещал достославный,
Цезарь светлейший Оттон, дивный светоч наш и опора,
Отнял тебя у нас рассвет декабря дня седьмого.

Рихер Реймский и его «Четыре книги историй»

Х в. во Франции был сложным и богатым событиями. За эти сто лет норманны, измучившие своими нападениями королевство западных франков в IX в., успели осесть на его землях и по договору 911 г. в Сен-Клер-Сюр-Эпт превратились в подданных франкского короля: образовалось герцогство Нормандское. На троне королевства западных франков уже в первой половине X в. успели побывать два короля, не принадлежавшие к потомкам Карла Великого — Роберт, сын Роберта Сильного, графа Тура и Анжера, и младший брат Одона (Эда), первого представителя дома Робертинов на королевском троне, и Радульф (Рауль), зять Роберта, сын бургундского герцога Ричарда. Происходит рост влияния крупнейших вассалов королей западных франков, среди которых выделяются графы Вермандуа, Блуа и Шартра, нормандские герцоги и, в особенности, «герцоги франков», потомки Роберта I, Гуго (Хугон) Великий и Гуго Капет. Увеличивается размер их владений, их военная мощь и зависимость от них королей, их сеньоров. Происходят даже два вопиющих случая — король Карл Простоватый в 923 г. попадает в плен к Хериберту, графу Вермандуа и, очевидно, так и умирает в плена; в 945 г. его сын, Людовик IV, захвачен Гуго Великим и отпущен им только в обмен на город Лан, одну из королевских резиденций. Наконец, в 987 г., после преждевременной смерти Людовика V, последнего франкского короля из династии Каролингов, на трон избирается в обход законного, казалось бы, наследника, Карла, герцога Нижней Лотарингии, представитель семейства Робертинов, герцог Гуго Капет, родоначальник новой династии Капетингов. Но пределы его власти очень ограничены — слишком мал домен короля, слишком сильны его вассалы; в X в. на территории Франции мы видим, наверное, в классическом виде явление, называемое «феодальной раздробленностью», королевство раздирается междуусобными войнами, повсюду возводятся замки.

Внешнеполитическая история королевства западных франков не менее примечательна. Оно теряет значение некогда центра империи Карла Великого: в 962 г. императорской короной коронуется Оттон, сын Генриха Саксонского, и этот факт формально ставит королей западных франков ниже императоров из династии Оттонов. Растет и вмешательство От-

тонов во внутренние дела королевства — Оттон I участвует в борьбе Людовика IV с Гуго Великим, в 948 г. поддерживает Людовика на соборе в Ингельхайме, обещая ему свою защиту, а в 978 г. Оттон II сурово наказывает короля Лотаря III за экспедицию в Ахен, во владения Оттона. Одной из причин разногласий между королями западных франков и Оттонами становится Лотарингия: в 942 г. Людовик IV отказался от притязаний на нее в пользу Оттона I, однако Лотарь III пытался восстановить свои права на Лотарингию, а Оттон II уступил Нижнюю Лотарингию Карлу, мятежному брату Лотаря III, приняв у него вассальную присягу. Попытки королей вновь заявить свои претензии на уступленные ранее владения осложнялись тем, что и внутри королевства довольно сильным было влияние лотарингской знати. Так, среди реймсских архиепископов X в. мы видим Оделрика, бывшего каноника из Метца, и Адальберона, сына графа Гаузлина Верденского и ранее также метцкого каноника. История внутренней борьбы в королевстве западных франков X в. и его внешнеполитических отношений примечательна и обилием родственных связей как между союзниками, так и между представителями враждующих сторон. Складывается «универсальный в своем роде семейный и политический блок: король Карл Простоватый, будущий герцог Гуго и король Оттон женились на сестрах английского короля Этельстана, король Людовик IV и герцог Гуго взяли в жены сестер короля Оттона*». К этому можно добавить, что Хериберт II, граф Вермандуа, и король Радульф были женаты на сестрах Гуго Великого, а Лотарь II — на падчерице Оттона I. Не менее интересна и церковная история этого периода, например, попытка епископов Франции отстоять свое право низлагать и посвящать епископов и архиепископов самостоятельно, без санкции Рима, на соборах в Реймсе (991 г.) и в Шель (993 или 994 г.). В монастырях, хотя и пострадавших от набегов норманнов и венгров, а также от внутренних усобиц, все же продолжается жизнь, в том числе культурная. В этом отношении особенно выделяется монастырь св. Ремигия близ Реймса. Этот монастырь, один из самых богатых, находился под особым покровительством архиепископов Реймсских и, даже получив около 945 г.** независимость, продолжал оставаться в сфере их влияния. Школа в

* Parisse M. Qu'est que la France de l'an Mil. La France de l'an Mil. Paris, 1990, p. 31.

** См.: McKitterick R. The Carolingian Kings and the See of Reims: 882-987. Ideal and Reality in Frankish and Anglo-Saxon Society. Oxford, 1983.

монастыре св. Ремигия отличалась высоким уровнем образования, здесь преподавал логик Геранн, учитель Адальберона Ланского* и Герberта Орильякского, а затем и сам Герберт, знаменитый ученый и политический деятель того времени, человек скромного происхождения, достигший положения реймсского архиепископа в 991 г., а с 999 по 1003 г. — папа Римский под именем Сильвестра II. Ученость его была такова, что современники не верили, что она была приобретена обычным путем, поэтому в позднейших легендах Герберт-Сильвестр предстает уже чуть ли не чернокнижником, продавшим душу дьяволу.

К сожалению, нарративных источников по этому столь яркому периоду в истории Франции не так уж много. Наиболее ценным из них являются труды Флодоарда, каноника из Реймса — «История Реймской церкви» и «Анналы», но, во-первых, несмотря на всю свою добросовестность, автор писал все же с точки зрения интересов архиепископства Реймского, а во-вторых, даже его «Анналы» доведены только до 962 г. В других же сочинениях того времени история Франции предстает в очень неточном и искаженном виде. Например, Видукинд Корвейский в своих «Деяниях саксов» называет Карла Простоватого сыном Карла Лысого, а Роберта I — сыном Одона**. Ненамного лучше обстояло дело и с французскими авторами: по словам Ж.-Ж.Ампера, автора монографии, посвященной средневековой исторической литературе во Франции, Адемар Ангулемский, живший при короле Роберте II, «спутал Гуго Капета с его братом; ... думал, что Карл Простоватый после своего плениения в конце концов вновь взошел на трон и ... проигнорировал правление короля Рауля»***.

Чрезвычайно интересны для исследователей сохранившиеся в нескольких списках письма Герберта Орильякского (он состоял в переписке с Оттоном I, его сыном и внуком, императрицей Аделаидой и Карлом Лотарингским, занимая место секретаря при Адальбероне Реймском, составлял письма и от его имени), но они чаще всего не датированы, в дипломатических посланиях содержание порой столь неопределенно, что трудно понять, какие события имеются в виду. Наконец, Герберт довольно часто зашифровывал имена своих адресатов и

* См.: Coolidge R.T. Adalbero, Bishop of Laon. *Studies in Medieval and Renaissance History*. Lincoln, 1965, t. II, p. 9.

** См.: Видукинд Корвейский. *Деяния саксов*. М., 1975, с. 79.

*** Ampère J.-J. *Histoire littéraire de la France sous Charlemagne et durant les X-e et XI-e siècles*. Paris, 1870, p. 295.

упоминаемых в посланиях лиц, а также и некоторые фрагменты писем, так что, несмотря на богатые возможности, предоставляемые этим источником, работать с ним очень сложно.

Поэтому своего рода событием стало в прошлом веке открытие сочинения монаха из монастыря св. Ремигия Рихера*, озаглавленного «*Historiarum libri III*» и посвященного Герберту Орильяксскому. Это сочинение охватывало и период 888–962 гг., уже освещенный в трудах Флодоарда, которыми воспользовался Рихер, и почти всю вторую половину X в., особенно плохо отраженную в источниках. Автор его был, без сомнения, человеком хорошо образованным, жил в Реймсе, так что мог быть в курсе многих важных событий, был знаком с Гербертом и включил в свой труд краткую биографию последнего и рассказ о преподавательской деятельности Герберта в Реймсе — настоящий подарок для ученых.

Однако очень скоро исследователей начало смущать явное пренебрежение автора к хронологическому порядку, обилие в его сочинении явно придуманных им речей, сильное увлечение терминологией римского времени. Оказалось чрезвычайно сложно установить, о каких исторических лицах, городах и замках идет у него речь, хотя эта работа была проделана, и вполне успешно. Но возникли сомнения, следует ли относить сочинение Рихера к историческим, или же как источник оно почти безнадежно и его можно рассматривать только как литературное произведение. Уже один из ранних исследователей Рихера, Э.Райман, выражал сожаление по поводу того, что этот автор «пересек установленную природой грань между историком и поэтом»**, О.Молинье считал, что сочинение Рихера может иметь какую-то ценность лишь постольку, поскольку это едва ли не единственный источник по второй половине X в. и поскольку с ним можно сопоставить письма Герберта***. Д.Томпсон писал, что «Рихер в особенности изобилует свидетельствами, которые могут вызвать раздражение у историка, но представляют огромный интерес для изучающих средневековую литературу»****. Еще решительнее высказался по адресу Рихера Ф.Лот: «монах Рихер, очевидно, просто школьник, который фабрикует историческое сочинение, используя риторические приемы, усвоенные им на уроках в

* Это наиболее распространенный вариант русской транскрипции его имени (*Richerus*). Другие варианты: Рихерий, Ришер и Рикер.

** Reimann Ed. De Richeri vita et scriptis. Olsnae, 1845, p. 47.

*** Molinier A. Les sources de l'histoire de la France, t. I. Paris, 1901, p. 285.

**** Thompson J. W. The History of the Historical Writings, t. I. N.Y., 1942, p. 227.

реймской школе. Он также и лжец, который бесстыдно утверждает, что его сведения об 11 тысячах павших со стороны Роберта и 7 тысячах 118 (sic) со стороны Карла основываются на словах Флодоарда, который не приводит никаких цифр ...»*. Даже оценка чисто литературных способностей автора не всегда выглядит однозначной. Современная исследовательница Б.Смелли, причислившая Рихера вместе с Видукиндом Корвейским, Лиутпрандом Кремонским и Гротсвитой к «салонным историкам», для которых на первом месте стояла занимательность повествования**, отметила, что «ему нет равных среди средневековых писателей, когда он описывает собственные приключения ...»***. Р.Латуш, исследователь и переводчик Рихера, на мнение которого мы не раз будем ссылаясь, пишет, что «Рихер, подобно Саллюстию, восстанавливая психологию своих персонажей; он старался разобраться в их намерениях, их чувствах»****. Но Ф.Лот полагал, что «персонажи, о которых он говорит, даже находящиеся на первом плане, как Лотарь и Гugo Капет, — только бледные тени с неясными очертаниями»*****. Однако не только стремление автора к занимательности даже в ущерб истине и его чрезмерное увлечение античными авторами***** были причиной настороженного отношения исследователей к Рихеру. Ему не доверяли также потому, что видели в его сочинении проявления пристрастности автора. В первую очередь пристрастности по отношению к роли собственной страны, собственного народа.

* Lot F. *L'art militaire et les armées au moyen age en Europe et dans le proche orient*, t.I. Paris, 1946, p.117-118.

** См. Smalley B. *Historians in the Middle Ages*. Lnd., 1974, p. 82.

*** Smalley B. *Sallust in the Middle Ages. Classical Influences on European Culture: A.D. 500-1500*. Cambridge, 1971, p. 174.

**** Latouche R. *Une imitateur de Sallust au Xe siècle: l'historien Richer. Etudes médiévales*. Paris, 1966, p. 76.

***** Lot F. *Les derniers carolingiens: Lothaire, Louis V, Charles de Lorraine: 954-991*. Paris, 1891, p. XVIII. Подобные заявления в адрес Рихера не помешали автору активно использовать его сочинение и даже однажды встать на защиту Рихера, доказывая, что Рихер правильно датировал взятие замка Мелен. См. Lot F. *La date de naissance de roi Robert II et le siège de Melun. Mélanges Julien Havet*. Paris, 1895.

***** Среди исследований, посвященных этой теме, можно назвать, кроме уже упомянутых статей Б.Смелли и Р.Латуша, также следующие работы Power G.J. *Richer's Utilisation of his Sources. Harvard Studies of Classical Philology*. 1961, vol. 65 и Southern R.W. *Aspects of the European Tradition of Historical Writing: The Classical Tradition from Einhard to Geoffrey of Monmouth. Transactions of the Royal Historical Society*. vol. 20, Lnd., 1970.

да по сравнению с прочими. Первый исследователь Рихера, Г.Пертц, полагал, что презрение, с которым Рихер пишет о других народах, заставляет вспомнить «bulletins» времен Наполеона I^{*}; Э.Райман высказывался более сдержанно: в угоду своему патриотизму Рихер рассказывал о действиях германских королей «non sine ira et studio»^{**}, «французский национализм» усмотрел у Рихера и А.Эберт^{***}. Причиной подобного отношения к Рихеру стал тот факт, что он (может быть, случайно) представил Генриха Саксонского вассалом франкского короля.

В свою очередь, французские исследователи, считая, что их немецкие коллеги преувеличивают национализм Рихера, не отказывали ему в определенном патриотизме. «Рихер, верный памяти Цезаря, предпочитает говорить о галлах, но он является первым французским историком, благодаря как живости своего национального чувства, так и вниманию к литературной форме, стилю и композиции»^{****}, — писал о Рихере Г.Моню. Кроме этого, в Рихере видели и политическую тенденциозность, порожденную его горячей приверженностью Каролингам. «Он явно пристрастен к последним королям из династии Каролингов и враждебно относится к Гуго Капету» — писал о нем Д.Томпсон^{*****}. Следует отметить, правда, что уже Р.Латуш во введении к своему изданию «Четыре книги историй» признает обвинения Рихера в национализме и особой увлеченности политикой необоснованными. Для русской историографии можно особо отметить, что обвинения Рихера в национализме вызывали у русских исследователей скептическое отношение. «Читая критики немецких ученых на Рихера, можно иногда подумать, что дело идет не о писателе X в., которого настоящее мировоззрение еще предстоит определить, а о каком-нибудь современном германофобе»^{*****}, — таково мнение на этот счет Н.Бубнова, посвятившего свои сочинения Герберту Орильяксскому, но превосходно изучившего и Рихе-

* См. Richeri Historiarum libri IIII. Hannoverae, 1839, p. XIII.

** Reiman Ed. De Richeri vita et scriptis. p. 12.

*** Ebert A. Histoire generale de la litterature du moyen age en Occident, t. III. Paris, 1889, p. 447.

**** Monod G. Etudes sur l'histoire de Hugues Capet. *Revue Historique*. 1885, t. 28, p. 254; того же мнения придерживается Ж.-Ж. Ампер. См. Ampère J.-J. *Histoire littéraire* p. 296.

***** Thompson J.W. The History of the Historical Writing, p. 226; См. также Ebert A. Histoire generale ... t. III, p. 476.

***** Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта как исторический источник, ч. 1. СПб., 1888, с. X.

ра. Что же касается политической ориентации автора, то тут мнения разделились: М.Стасюлевич полагал, что Рихер испытывал глубокую симпатию к Каролингам, хотя и скрывал ее*; А.Горовой считал, что «в тиши кельи борьба и интересы партий стали для него делом чуждым и отдаленным, и мы встречаем на каждом шагу примеры его полной политической индифферентности»**, а О.Юрьева (ученица И.Гревса) придерживалась мнения, что, хотя Рихер и хранил «благоговейную память об умерших королях каролингского дома», однако он «относится с одинаковым уважением и к капетингской монархии, раз она была санкционирована церковью»***. Итак, историк или литератор, талантливый писатель или неудачный подражатель древним, шовинист и ярый приверженец Каролингов или книжник, далекий от политики? Мнения очень противоречивы, а в их основе — одно и то же сочинение. Неопределенность положения, занимаемая Рихером среди других источников, часто приводит к тому, что исследователи, работая с Рихером, возможно, неосознанно проявляют в свою очередь небрежность. Например, М.Со приводит в качестве доказательства враждебного отношения Рихера к Роберту I отзывы о Роберте друзей Карла Простоватого****, его соперника, не указав, что эти цитаты взяты из прямой речи, а ранее О.Вайнштейн приписал Рихеру фразу «Предателю Каролингов не избежать Божьей кары*****», однако в обозначенном им месте (43-я глава первой книги) такой фразы нет, как нет ее и во всем сочинении Рихера, который, кстати, вообще не знает понятия «Каролинги». Можно отметить и другую черту в отношении к Рихеру: порой встречаются случаи, когда автор определенно строит свое изложение на тексте Рихера, не указывая источника информации. Так, уже упомянутый Н.Бубнов пишет о Карле Лотарингском: «Созвав своих друзей и родных ..., Карл в трогательной речи жаловался им на свою судьбу, просил помощи и обещал наградить их, если судьба ему улыбнется»*****. Этот фрагмент представляет собой пересказ речи данного пер-

* См.: Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых, т. II. СПб., 1906, с. 620.

** Горовой А. Герберт или папа Сильвестр II. Киев, 1886, с. 170.

*** Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации во Франции. ЖМНП, 1902, № 2, с. 298.

**** См.: Sot M. Les élévarions royales de 888 à 987 dans l'historiographie de Xe siècle. Religion et culture autour de l'an mil: Royaume capetien et Lotharingie. Metz, 1990, p. 149.

***** Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964, с. 137.

***** Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта, ч. II, отд. 2. СПб., 1890, с. 477.

сонажа у Рихера (IV, 14). Точно так же Л.Тейс рассказывает об экспедиции Лотаря III в Ахен в 978 г. в полном соответствии с главами 68-71 третьей книги Рихера без ссылки на источник*. Возможно, дело именно в чрезвычайной яркости изложения Рихера, благодаря которой отдельные эпизоды задерживаются в памяти, даже когда источник позабыт? Остановимся же подробнее на некоторых аспектах, связанных с изучением сочинения Рихера: быть может, это позволит нам ответить на иные из поставленных в историографии, посвященной Рихеру, вопросов.

* * *

О жизни Рихера нам неизвестно практически ничего, хотя в исторической науке сложился ряд положений, связанных с его биографией. В целом эта условная биография выглядит примерно так: Рихер родился между 940 и 950 годами в семье Родульфа (Рауля), состоявшего на службе у короля Людовика IV, между 966 и 969 гг. он вступил в монастырь св. Ремигия под Реймсом, учился у знаменитого Герберта Орильяńskiego, который поручил ему написать историю франков, что тот и исполнил в промежуток между 991 и 998 годами. Далее след автора совершенно теряется. На чем основаны эти положения? На весьма скучных сведениях, почерпнутых из сочинения Рихера. Попробуем подробнее разобраться в этом условном жизнеописании нашего автора.

Прежде всего, кем был его отец? Рихер впервые упоминает его в 87-й главе второй книги: в 949 г. Людовик IV, собираясь отвоевать Лан, захваченный Гуго Великим, но не имея ни войска, ни желания дожидаться подмоги от своего шурина Оттона I, обращается за советом к Родульфу, отцу Рихера, «eo quod eius esset miles, consiliis commodus facundia simul et audatia plurimus» (II, 87). Заметим, что термин «miles» Рихер обычно применяет к лицам не слишком знатного происхождения, служилым рыцарям**. Родульф посыпает к Лану лазутчиков, составляет план взятия города и сам участвует в его исполнении: он и его воины переодетыми проникают в город, захватывают его ворота и дают сигнал находящимся неподалеку королевским «когортам» (II, 87-90). Что можно сказать об отце Рихера по этому эпизоду? Он пользуется доверием

* См.: Тейс Л. Наследие Каролингов: IX-X века. М., 1993, с. 194-195.

** Титулованную знать Рихер обозначает словами "principes", "primates", "optimates", "magnates", а также "viri consulares", простых же рыцарей — словами "milites", "ordo militaris", "ordo equestris". См. об этом: Merlet R. Origine de Robert le Fort. *Mélanges Julien Havet*. Paris, 1895, p. 101.

короля, но тот обращается к нему в случае крайней нужды, когда вести осаду он не в состоянии, и желательно было бы взять город малыми силами. Для этого Родульф вполне пригоден: в его распоряжении опытные лазутчики, он достаточно отважен, чтобы лично проследить за успешным выполнением задуманной операции. Своего войска у него, очевидно, нет: «когорты», которые он просит разместить в засаде, скорее всего, принадлежат королю. Но в Лан с ним проникают «его люди», он заранее ручается за их стойкость (II, 89), их не так уж много — всего 60 человек (II, 90), небольшая дружина, готовая пойти за Родульфом на самое опасное дело.

Примерно через семь лет, в 956 г. Родульфу случилось оказать услугу и королеве Герберге, вдове Людовика: он помог ей вернуть владения, доставшиеся ей от первого мужа, герцога Лотарингии, и отнятые у нее графом Геннегау. Вдовствующая королева также не в состоянии силой отбить свои поместья, поэтому она созывает на совет своих людей, а они поручают Родульфу придумать, как заставить графа отдать захваченное (III, 7). Родульф охотно соглашается разработать план действий, но из его ответа следует, что для исполнения этого плана ему понадобится помочь других вассалов королевы. Подготовка к операции ведется по той же схеме: Родульф посыпает в замок графа двух лазутчиков, «которых он сам наставлял в военном деле» (III, 8). Замок в это время спешно перестраивают, готовясь к осаде, поэтому лазутчики нанимаются носить щебенку на строительство и легко разузнают все необходимое об устройстве замка и заведенных в нем порядках. Получив эти сведения, Родульф ночью врывается в замок и берет в плен жену и детей обидчика королевы; его люди грабят замок и предают огню (III, 9). Чтобы освободить свою семью,graf вынужден пойти на уступки, но любопытно, что обращается он не к Родульфу, а к Брунону, кельянскому архиепископу и брату королевы (III, 10). Официально интересы королевы представляет Брунон, Родульфу же отводится выполнение черной работы. Родульф здесь все тот же — он полагается не на военную силу, а на тщательную разведку и на хитроумный план, бережет людей. Этот человек, всецело преданный королю, а по его смерти — вдове короля, напоминает Ингона, о котором рассказывается в 9-11-й главах первой книги, конюха, добившегося достаточно высокого положения благодаря личной храбости и преданности королю Одону. Родульф, которого Г. Моно назвал «типичным предводителем шайки, настоящим кондотьером»*, был, очевидно, всем обя-

* Monod G. *Etudes sur l'histoire de Hugues Capet. Revue historique*. 1885, t. 28, p. 248.

зан Людовику Заморскому, чем и объясняется его верность. Он — один из «новых людей» того времени, каким был Ингон, и каким Рихер представляет и короля Одона*, но ему не суждено было основать благородный род: если бы у него были еще сыновья, то они, скорее всего, пошли бы по стопам отца, и их брат — монах наверное упомянул бы об их подвигах. О том, что Родульф занимал достаточно скромное положение и не был особенно известен, говорит и тот факт, что Флодоард, которому в принципе известны оба вышеназванные эпизода, никакого Родульфа не знает**. Что же касается даты рождения Рихера, то имеющиеся у нас данные о Родульфе нам мало что дают для ее определения. В 949 г. он был уже взрослым человеком и даже командовал небольшим отрядом, но он мог быть в это время достаточно молодым, и сын у него мог родиться и через 10, и через 20 лет. Так что время его рождения помещают в промежуток между 940 и 950 гг. более чем условно. Обычно считают, что в монастырь он поступил после 966 г., так как именно в монастыре св. Ремигия умер 28 марта 966 г. Флодоард, а Рихер, хотя и упоминает его в своем сочинении (Пролог; I, 19, 46), однако не пишет, что был с ним знаком***, и до 969 г., когда реймским архиепископом стал Адальберон, так как Рихер подробно описывает начало его деятельности, следовательно, мог быть его свидетелем. При ближайшем рассмотрении эта схема выглядит не слишком убедительной; Рихер начал писать свое сочинение спустя много лет после 966 г. и какие-то детали, связанные с началом жизни в монастыре, могли просто изгладиться из его памяти, особенно если с сочинениями Флодоарда он ознакомился уже после его смерти. И наконец, он не обязан был сообщать в историческом сочинении обо всех своих знакомствах****. Что же касается деятельности Адальберона, то грамота в пользу монастыря, которую раздобыл архиепископ, хранилась, по словам Рихера, в монастырском архиве (III, 29, 30), а на совещании аббатов, состоявшемся по инициативе Адальберона, председательствовал как раз аббат монастыря св. Ремигия (III, 32), так что сведения об этих событиях нетрудно было получить в монастыре и некоторое время спустя. Кроме того,

* Рихер пишет, что отец Одона происходил "ex equestri ordine" (I, 5), то есть был рядовым рыцарем (см. прим. ** на с. 220).

** См. "Анналы" за 949 и 956 г.: в первом случае у Флодоарда операцию осуществляет сам Людовик IV, во втором — Лотарь, сын Герберги.

*** Р.Латушу этот аргумент кажется "слишком шатким", см.: Richer. Histoire de France ..., t. 1. 1. Introduction, p. V.

**** Кстати и о своем знакомстве с Гербертом он напрямую не пишет.

из изложения Рихера как будто следует, что Адальберон сразу по принятии сана занялся перестройкой церкви (III, 22–23), а продолжатель Флодоарда пишет, что церковь св. Марии в Реймсе была перестроена только в 976 г.* Такая неточность у Рихера вполне может быть результатом простой небрежности, но может и свидетельствовать в пользу того, что Рихера еще не было в Реймсе, когда церковь перестраивали. Таким образом, нам кажется, что как нижняя, так и верхняя рамки периода, когда Рихер мог вступить в монастырь, выглядят довольно зыбкими.

Далее, как уже говорилось, традиционная версия гласит, что в монастыре Рихер обучался «семи свободным искусствам» у знаменитого Герберта. Некоторые добавляют к этому, что через посредничество Герберта Рихер был близок и к реймскому архиепископу Адальберону, при котором Герберт исполнял обязанности секретаря**, а Л. Тейс даже приписывает Рихеру склонность «... поворачивать любое событие в пользу своих учителей: Адальберона и, главное, школьного наставника Герберта ...»***. Отметим сразу, что представление о возможной близости Рихера к Адальберону или даже просто личного знакомства с ним основывается, очевидно, единственно на том факте, что в окружение Адальберона входил Герберт, и поэтому вызывает сомнения. Но никто не сомневается в том, что Рихер был учеником Герберта. Является ли это представление столь уж неоспоримым?

Из текста «Четырех книг историй» следует, что, во-первых, Рихер был знаком с некоторыми сочинениями Герберта (см. IV, 73, 101), а во-вторых, ему известно, как именно Герберт преподавал «свободные искусства» в Реймсе, какие книги и приборы он использовал. Все эти сведения, чрезвычайно ценные сами по себе, могли быть очень полезными для знакомства с уровнем образованности Рихера, но дело в том, что учеников Герберта он обозначает как «*sui auditores*» (III, 46) или просто как «*sui*» (III, 47), но ни намеком не говорит, что он сам мог быть в их числе. Книги, с которыми был знаком Рихер: «Записки о Галльской войне» Цезаря, «Этимологии» Исидора Севильского, «Диалоги» Сульпиция Севера, «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война» Саллюстия — в список Герберта не входят. Астрономические приборы Герберта

* См.: MGH, SS, t. III, p. 407.

** Так, Ж.-Ж. Ампер пишет о Рихере: "он был доверенным лицом честолюбивого Адальберона"; Amperè J.-J. *Histoire littéraire de la France sous Chalemagne et durant les X-e et X-e siècles*. Paris, 1870, p. 295.

*** Тейс Л. Наследие Каролингов: IX–X века. М., 1993, с. 189.

он описывает очень подробно, используя греческие* и латинские термины, но эти описания — чисто внешние по характеру, а о том, как именно следовало ими пользоваться, он избегает говорить, по его словам, единственно из стремления к краткости (III, 52). Правда, Рихеру известно, отчего происходит лунное затмение («в то время луна, находясь в четырнадцатой фазе, затемненная расположением земли, пропала с глаз людских», I, 52), вслед за этим, однако, говорится о том, что в Реймсе «видели в небе пылающие острия» и что все эти явления предвещали болезни и раздор. Трудно сказать, является ли этот единичный факт, к тому же стоящий в указанном выше контексте, свидетельством глубоких познаний Рихера в астрономии. Мы скорее склоняемся к тому, что если бы наш автор был хорошо осведомлен в астрономии, то эта осведомленность проявлялась бы гораздо чаще. Заметим также, что Герберт рассказывал об устройстве земли, «сопоставив земную сферу с окружной сферой из дерева» (III, 50), а в описании Рихера земля явно представляет собой плоский круг («orbis», I, 1). Описание абака у Рихера также довольно поверхностно, а к тому же складывается впечатление, что для человека, знакомого с арифметикой и геометрией, он слишком уж небрежен с числами (например, Карлу Простоватому у него 3 года в 888 г. (I, 4) и 15 лет — в 893 г. (I, 12)). Конечно, было бы очень соблазнительным считать учителем Рихера такого человека, как Герберт, но все же прямых доказательств этому у нас нет, и остается вероятность того, что Рихер ознакомился с системой преподавания Герберта и с его приборами, не будучи в числе его учеников. Поэтому следовало бы изменить традиционное «был учеником Герберта» на «мог быть учеником Герберта» или «вероятно, был учеником Герберта».

С вопросом о характере взаимоотношений Рихера и Герберта связано и еще одно положение из традиционной биографии Рихера: что «Четыре книги историй» были написаны им по приказу (или по заказу) Герберта. Так, Н. Бубнов пишет по этому поводу: «Герберт, по-видимому, вполне сознательно отказался (к великому неудовольствию современного исследователя) от лавров историка, предоставив их своему ученику»**. Основывается это положение на двух фразах из пролога «Четырех

* Иногда Рихер пользуется греческими терминами и при описании болезней, но пишет их латинскими буквами, так что нет достаточных оснований полагать, будто он знал греческий язык.

** Бубнов Н. М. Сборник писем Герберта как исторический источник, ч. II, отд. 2, СПб., 1890, с. 928; см. также, например, Reimann E. De Richeri vita et scriptis. Olsnae, 1845, р. 6 или Bezzola R.R. Les origines et la formation de la littérature courtoise en occident, t. 1. Paris, 1960, p. 21.

книг историй». В первом предложении пролога Рихер говорит, обращаясь к Герберту, что описать «сражения галлов» *i imperii tui pater sanctissime Gerberle, auctoritas seminarium dedit*. Заметим, что слово «auctoritas», ключевое в этой фразе, переводится и как «мнение», и как «совет», и как «приказ» и, наконец, как «пример». В следующем предложении Рихер более определенно говорит, что взявшись за работу его подвигло «милостивое повеление» Герберта. Как нам кажется, этого недостаточно для того, чтобы предположить, что Герберт действительно дал Рихеру официальное поручение написать историю Франции. В посвящениях допустимы и обыкновенны преувеличения заслуг того, кому посвящается труд, и вряд ли дело обстояло иначе во времена Рихера. Кроме того, следует учитывать, что влияние Герберта могло проявиться в различных формах: в форме именно приказа, совета или просто рассуждения о пользе исторических сочинений. Далее в том же прологе Рихер пишет уже «я решил», «я опасаюсь», «я ... совершенно иначе построил изложение», то есть он как будто вполне самостоятелен. В пользу предположения, что официального распоряжения со стороны реймского архиепископа Герберта все-таки не было, говорит, во-первых, еще тот факт, что мы не находим в письмах Герберта никаких упоминаний о подобного рода задании, данном своему ученику (как и вообще упоминаний о Рихере), а во-вторых, то, что сочинение Рихера слишком непохоже на официальную историю, его политическая направленность слишком неопределенна, кроме того, в официальной истории были бы неуместны рассказы о подвигах отца Рихера, а тем более — описание его собственной поездки в Шартр, к другу. Можно отметить также, что политические взгляды Рихера и Герберта сильно отличались: Герберт был сторонником Оттонов и идеи возрождения Западной Римской империи во главе с ними; Рихер даже не упомянул о коронации Оттона I императорской короной и предпочитал называть Оттонов «королями» (например, *«transrhenensium geh»* (II, 49), *«saxoniae geh»* (II, 30), *«geh Germaniae et Italiae»* (III, 44), *«geh Italiae»* (III, 45)), а императоры у него — только государи «галлов», последним из которых был Карл Лысый (I, 3, 4). Далее, Рихер ничего не пишет о политической деятельности Герберта. Это можно объяснить и желанием самого Герберта не предавать огласке кое-какие факты своей биографии, однако возможно и другое объяснение: деятельность Герберта относилась скорее к тому, что Рихер обычно именует «кознями» (*«dolus»* или *«insidiae»*), так что он, питавший глубокое почтение к учености Герберта, мог сознательно скрыть от потомков те стороны деятельности Гер-

берта, которых сам не одобрял. И если бы случилось так, что до нас не дошла бы переписка Герберта, Рихер преуспел бы в своем намерении, так как в его сочинении Герберт предстает только в качестве блестящего ученого, преподавателя и ритора, которого впутали в политику.

С другой стороны, не подлежит сомнению, что Рихер испытывал к Герберту большое уважение. Именно Герберт, очевидно, должен был стать первым читателем его сочинения. Рихер пользовался «Реймским собором» Герберта (см. IV, 51-73) и написанными тем актами собора в Музоне (IV, 99-101, 106-107), ему известно и письмо Герберта к грамматику Константину, рассказывающее о правилах вычислений с помощью абака (III, 54). К нему каким-то образом попал текст выступления Герберта на соборе в Музоне, отсутствующий в актах (III, 102-105), и его письма. Более того, хотя мы и утверждали, что Рихер называет Оттонов только «королями», однако есть и исключение: в рассказе о диспуте Герберта с Отриком (III, 56-65) Оттон II назван «августом», а именно так называл Оттонов Герберт, что служит дополнительным доказательством в пользу того, что этот эпизод был записан со слов Герберта. Так что Рихер явно поддерживал какую-то связь с Гербертом. Кстати, следует отметить также, что разница в возрасте между Гербертом и Рихером, возможно, не была особенно значительной. Время рождения Герберта в современной литературе помещают между 945 и 950 гг., а Рихера, как мы уже говорили, — условно между 940 и 950 гг., так что они могли быть и ровесниками. Говоря о двух людях, принадлежавших к одной социальной группе, к одному поколению, живших в одном городе и питавших любовь к «свободным искусствам» (пусть один из них и превосходил другого ученостью) и, видимо, поддерживавших связь друг с другом, мы могли бы скорее назвать их «друзьями», а не «учителем и учеником».

Вернемся к жизни Рихера в монастыре. Очевидно, он не располагал особенно значительным имуществом, так как с одобрением писал о совещании аббатов, на котором осуждались излишества в монашеском быту, ношение дорогой одежды и обуви, а также мехов, наличие у монахов собственных денег (III, 37-41). Когда в 991 г. Рихер предпринял поездку в Шартр, он испытывал недостаток в «денегах, платье и других необходимых вещах» (IV, 50). Аббат дал ему в дорогу только мула, однако у Рихера была еще и верховая лошадь (очевидно, собственная), его сопровождал прислужник, а багаж, который он вез с собой, был, похоже, довольно громоздким, так

что когда мул пал в дороге, пришлось оставить багаж на месте и специально возвращаться за ним с лошадью. Следовательно, кое-каким имуществом Рихер все же располагал. Далее, на том же совещании аббатов и с подачи аббата монастыря св. Ремигия монахам запрещено было покидать монастырские стены, если этого не требовали их обязанности (III, 36), однако в главе 50 четвертой книги Рихер все же оказывается в Реймсе, где и встречает посланца из Шартра, а затем ему разрешают поездку, о которой мы говорили выше, из чего можно заключить, что он занимал в монастыре относительно привилегированное положение (или же к тому времени о постановлениях совещания аббатов уже позабыли).

Предположение о роде занятий Рихера в монастыре направляется само собой во время чтения сочинения. Вряд ли мы сможем найти у какого либо другого историка столько подробнейших описаний различных недугов, так не следует ли из этого, что Рихер занимался врачеванием? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо подробнее остановиться на соответствующих эпизодах у Рихера.

Во-первых, какую роль играют эти эпизоды? Существует точка зрения, что Рихер рассматривал недуги как Божью кару. Так, О. Вайнштейн пишет, что особенностью его сочинения являются «натуралистические описания болезней, предшествующих отправлению в ад грешников и предателей»*. Заметим, что как раз понятие «ад» у Рихера отсутствует в принципе. Однако в его сочинении можно найти два случая, когда причиной смертельного недуга является Божий гнев. Один из этих случаев — совершенно бесспорный: убийцу архиепископа Фулькона, отлученного от церкви, поразил неизлечимой болезнью Господь (I, 18). Однако эта идея могла быть позаимствована из параллельного эпизода у Флodoарда**, кроме того, описание этой болезни, несколько напоминающее болезнь Ирода Великого у Иосифа Флавия (вплоть до червей, которые заживо пожирают несчастного)***, изобилует особенно омерзительными деталями и резко отличается от остальных упоминаемых Рихером недугов. Второй случай уже вызывает некоторые сомнения: графа Хериберта поражает удар в разгар совещания с преданными ему людьми, когда он собирался изложить им «некие гибельные замыслы» (II, 37).

* Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964, с. 137.

** "История Реймской церкви", IV, 10.

*** "Иудейская война", I, 33, 5.

Здесь не сказано прямо о вмешательстве высших сил, но раньше Рихер писал, что упреки людей, обличавших Хериберта в предательстве своего короля не смогли «заставить его покраснеть со стыда, однако гнев Божий его погубил» (I, 47). Если эти эпизоды связаны между собой, тогда, конечно, удар, постигший Хериберта, был проявлением Божьего гнева.

Но у остальных недугов причины вполне земные: плохо залеченные раны (I, 11), перепад температуры, связанный с изменением времени года (I, 65; II, 99; III, 14, 109), повреждения, полученные при падении (II, 103; IV, 5), а причиной болезни короля Одона стала бессонница, порожденная, в свою очередь, чрезмерными тревогами (I, 13). При этом симптомы болезни — бессонница и помрачение рассудка — схожи и у Одона, которого еще можно было бы рассматривать как соперника Каролингов и потому грешника, и у архиепископа Адальберона, покровителя Герберта (IV, 24). А описание болезни короля Лотаря, умершего в 986 г., так что у Рихера даже была возможность узнать детали его заболевания, описание, выдержанное в духе записи в медицинской карте, не менее отвратительно, чем описание болезни Винемара (I, 18), но не фантастическими подробностями типа червей, а своей пугающей реалистичностью (III, 109). Так что эти описания, скорее всего, нужны были Рихеру не для того, чтобы показать, как Господь карает грешников, а по какой-то другой причине.

Вообще при чтении подобных сюжетов прежде всего бросается в глаза явное увлечение автора медициной, его стремление не упустить ни одной возможности показать свои познания в этой области. При этом, даже если речь идет о венценосных больных, как в случае с Лотарем или с Оттоном II (III, 96), автор как будто напрочь забывает, что пишет о царственной особе, методично перечисляя симптомы заболевания, как бы непривлекательны они ни были. Что ж, в то время, как, наверное, и во все времена, многие увлекались медициной на любительском уровне, и сам Герберт не прочь был иной раз рассказать в письме к другу о своих недугах или пообещать прислать лекарство*. Представления Рихера о медицине основывались на учении Гиппократа и Галена о естественных причинах заболеваний и о телесных соках, нарушение сочетания которых влечет за собой болезнь. Поэтому у Рихера довольно часто упоминаются соки («*gumtores*»: I, 11, 13, 56, 65; II, 37, 103 и т.д.), а болезни проис текают от осеннего или весеннего

* См.: MacKinney L.C. Early Medieval Medicine with Special Reference to France and Chartres. Baltimore, 1937, p. 118-120.

похолодания или потепления (складывается впечатление, что для Рихера весна и в особенности осень — нездоровое время года), от внезапного переохлаждения разгоряченного тела (III, 14). Болезни связаны с влиянием окружающего мира, поэтому о приближении эпидемий у Рихера возвещают горящие знаки в небе и другие предзнаменования (I, 52, 65). При описании недугов Рихер употребляет и латинские, и греческие термины, например, печень он обозначает словом греческого происхождения «*ераг*» или «*нεραг*» (I, 4, 6; III, 14; IV, 5), а не латинским «*јесиг*», приводит два варианта названия болезни архиепископа Адальберона — греческий и латинский (IV, 24). Автор очень ценит знания, полученные у древних, так что в эпизоде о состязании двух врачей победу у него одерживает его соотечественник, хорошо подготовленный теоретически (II, 59). Все это может скорее говорить о любительском увлечении медициной и медицинскими трактатами.

Однако наш автор однажды отправился в далекий Шартр, причем весной, в опасное для здоровья время года и в плохую погоду и все лишь для того, чтобы прочитать под руководством своего друга Херибранда две книги — «Афоризмы» Гиппократа и некое сочинение «о согласовании Гиппократа, Галена и Сорана» (IV, 50). Для простого любителя это слишком много. Кроме того, в сочинении Рихера обнаруживается знакомство с практической стороной медицины, с лечением конкретных болезней. Будучи в Шартре, Рихер не удовольствовался сведениями о симптомах недугов, но попросил Херибранда поделиться с ним также познаниями о способах врачевания («*dinamidia*»), основанных на фармацевтике, ботанике и хирургии. Та же тема подлежала обсуждению и во время соревнования врачей при дворе Людовика IV («*tractatumque uberioris quid efficiat farmaceutica, quid vero cirurgica, quid etiam butanica*», II, 59). И важно, кстати, что франк Дерольд одержал там победу над своим соперником из Салерно и как теоретик, и как практик. Лекарственные средства Рихер упоминает всего дважды, но все же упоминает — это териак (II, 59) и алоэ (III, 96). Он также отмечает, что по выздоровлении больные выжидают еще около месяца, чтобы полностью окрепнуть, и только потом возвращаются к делам (I, 49; II, 99). Упоминаются в его сочинении и врачи, причем он знает три варианта их обозначения — «*medicus*», «*physicus*» и «*cirurgicus*». Врачи не всегда оказываются на высоте (они, например, не смогли вылечить Ингона, I, 11), но все же больные в большинстве случаев обращаются к ним, и только король Радульф сразу просит помочи у св. Ремигия (I, 49). Все это

заставило специалиста по истории медицины Л.Маккинни, сначала склонявшегося к тому, что Рихер просто начитался трактатов, признать, что его образование носило выраженный практический характер и что он вполне мог практиковать как врач*. Вот что можно сказать о жизни Рихера в монастыре. Что же касается последних лет его жизни, то на этот счет существуют разные мнения. Р.Латуш полагает, что после отъезда Герберта в Италию и возвращения в Реймс Арнульфа Рихер остался жить в Реймсе, а свое неоконченное сочинение припрятал во избежание неприятностей**. С другой стороны Н.Бубнов, опираясь на факт нахождения черновиков нескольких писем Герберта, написанных после 999 г., в рукописи Рихера, на то, что Рихер и после отъезда Герберта имел определенные сведения о нем и, наконец, на то, что рукопись Рихера попала в Бамберг вместе с сочинениями Герберта, делает из этого вывод, что Рихер сопровождал Герберта***. Отъезд Рихера казался вполне вероятным и Г.МОНО****. На наш взгляд, доказательства, приведенные Н.Бубновым, выглядят достаточно убедительными. Ф.ЛО сообщает также, что «в одном письме Фульберта Шартрского к аббату Флери Аббону, датированному изданиями 1003 г., среди монахов св. Петра в Шартре можно видеть некоего Рихера, который вполне может быть нашим автором»*****. Вывод о возможном пребывании Рихера в Шартре основан на том, что, как мы знаем, у него был там друг, других доказательств этому нет. Но в принципе мнение Ф.ЛО не противоречит версии об отъезде Рихера, так как после смерти Герберта в 1003 г. он мог вернуться на родину и обосноваться в Шартре. Вообще, повторяем, мы не знаем года рождения Рихера и не знаем, сколько он мог прожить после 998 г., которым заканчивается его сочинение. Ясно лишь, что в 991 г. он был вполне в силах предпринять утомительную поездку в Шартр. Недостаточность сведений о жизни Рихера порождает порой ошибки у самых разных исследователей. Так, Л.Маккинни смело пишет, что Рихер в 991 г. был «молодым студентом»******, Д.Томпсон

* Cp.: MacKinney L.C. Early Medieval Medicine, ... p. 124 и его же Tenth., Century Medicine: Classicism and Pragmatism, *Medievalia et Humanistica* fasc. IX. Boulder, 1955, p. 12.

** См.: Richer, *Histoire de France*, t. I. *Introduction*, p. VI.

*** См.: Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта как исторический источник., ч. I, прим. 20 на с. 15 и ч. II, прим. 2 на с. 767-768.

**** Monod G. *Etudes sur l'histoire de Hugues Capet*, p. 249.

***** Lauer Ph. *Le règne de Louis IV d'Outre mer*. Paris, 1900, p. XI.

***** MacKinney L.C. *Tenth Century Medicine*, p. 12.

утверждает, что Рихер был соучеником («fellow-student») принца Роберта*, а П.Зюмтор — что Рихер был «знаменитым врачом, учившимся в Шартрской школе»**, хотя пребывание Рихера в Шартре было, очевидно, непродолжительным. Все эти утверждения порождены единственно отсутствием ясности в биографии Рихера. Но во всяком случае несомненно то, что монах из монастыря св. Ремигия был человеком превосходно для своего времени образованным и питал уважение к образованным людям, что он был как-то связан со знаменитым Гербертом и серьезно занимался медициной — в конце концов это не так уж и мало.

* * *

Рукопись сочинения Рихера была обнаружена знаменитым Георгом Пертцем в 1833 г., в Бамберге, в публичной библиотеке, куда она попала из бенедиктинского аббатства Михаэльсберг, расположенного в том же городе. А в 1838 г. это сочинение, охватывающее историю королевства западных франков за период 888-996 гг. и состоящее из четырех книг, разбитых на главы, уже было опубликовано в т. III серии *Scriptores Monumenta Germania Historica*.

Рукопись «Четырех книг историй» состоит из 57 пергamentных листов, сшитых в тетради различного формата, в основном in-40 и in-80. Некоторые листы были вложены в рукопись, то есть добавлены позднее: это листы, содержащие главы 40, 74-86, 90-94 четвертой книги, повествующие о перипетиях борьбы Одона, графа Блуа и Шартра, с Фульконом Нерра, и 50-я глава той же книги, рассказывающая о путешествии автора в Шартр. Некоторые листы, наоборот, были изъяты из рукописи, а именно лист 37, содержащий продолжение истории об обвинении королевы Эммы и ланского епископа в прелюбодеянии (III, 66), лист с текстом грамоты папы Иоанна XIII в пользу монастыря св. Ремигия в Реймсе (III, 28), отсутствует и текст выступления Герберта на соборе в Музоне (IV, 101-105)***, кем и когда были изъяты эти листы — нам неиз-

* Thompson J.W. *The Literacy of the Laity in the Middle Ages*. Berkeley, 1939, p. 127. Роберт действительно учился у Герберта, что же касается Рихера, то, как мы говорили, на его счет есть некоторые сомнения, но даже если Рихер и был учеником Герберта, то совершенно необязательно в одно и то же время с Робертом.

** Zumthor P. *Histoire littéraire de la France médiévale*. Paris, 1954, p. 75.

*** Этот пробел был восполнен Вайтцем, отыскавшим текст речи Герберта и включившем ее в издание сочинения Рихера. См. прим. *a* к с. 231 Richeri *Historiarum libri IIII. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*.

вестно. Собственно текст сочинения кончается на листе 55. Оборотная сторона этого листа и лицевая — следующего чистые, на оборотной стороне 56-го листа находятся два полу-стертыми отрывка текста, признанные за фрагменты писем Герберта, причем одно из них определенно относится к тому времени, когда Герберт уже стал папой Римским под именем Сильвестра II. Цвет чернил на протяжении рукописи меняется: пролог, книга первая и главы 1-78 второй книги написаны более блеклыми чернилами с буроватым оттенком,ими же сделаны и записи за 995 и 996 гг. в «Анналах», а оставшаяся часть сочинения и заметки за 997-998 гг. — более темными.

Текст сочинения испещрен поправками, сделанными, очевидно, той же рукой; в основном это поправки стилистического характера. В главах 14, 20-21, 23-24 первой книги Рихер последовательно заменяет имя Гислеберта, лотарингского герцога, на имя Генриха Саксонского, его тестя, а «Бельгику»*, соответственно, на «Германию», что навлекло на автора обвинения немецких ученых XIX века в «шовинизме»**. Иногда автор вычеркивает часть текста, самое большое изъятие такого рода — это конец 40-й главы первой книги, повествующей о действиях Гислеберта и Роберта после того, как они заключили союз, но его содержание до некоторой степени повторяет содержание следующей главы. Курьезная поправка была сделана и к 44-й главе первой книги, когда автор сначала написал, что у короля было войско численностью в пять тысяч человек, затем исправил на шесть тысяч и наконец — на десять. Вообще складывается впечатление, что первая книга подверглась наиболее серьезной правке. В остальных книгах правка сводилась к довольно незначительным вычеркиваниям и вставкам. Более или менее значительный фрагмент был вычеркнут из 37-й главы третьей книги, любопытно отметить также, что в 76-й главе той же книги он сперва назвал воина из армии Оттона II, вызывающего на поединок защитников осажденного Парижа, «лающей собакой», но затем смягчил это выражение, так что воин стал «безумцем» или даже просто «задирой». Все эти исправления сделаны тоже более темными чернилами.

Иногда автор, вместо того, чтобы полностью привести имена персонажей, пользуется сокращениями. Так, учитель Герберта обозначен у него аббревиатурой «G», а если имя стоит не

* Так автор называет Лотарингию.

** Генрих Саксонский, основатель династии Оттонов, оказался в результате этих исправлений вассалом короля Карла Простоватого.

в именительном падеже приводится и последняя его буква (например, «G...о», III, 45), королева Эмма и ланский епископ Адальберон (Асцелин) скрыты за буквами «E. R» и «Ad. L» (III, 66), имя отца Рихера сокращено до «Rod.», а слова «*pater meus*» до «*p. m.*» (II, 88)*; графы, приглашенные архиепископом Арнульфом в Реймс, обозначены как «*G. et V. comites*» (IV, 34). В ряде случаев в тексте оставлены пробелы: не указаны имя папы Римского, к которому приехали Боррель, Хаттон и Герберт (III, 43), точное место проведения собора в 962 г. (III, 16), имя третьего спутника Гуго Капета во время поездки в Италию (III, 84), название замка, разрушенного разведенной женой короля Роберта II (IV, 88). Текст сочинения, как уже говорилось, разбит на главы, большинство из них озаглавлено, причем заголовок не всегда точно соответствует содержанию. Глава 44 третьей книги озаглавлена «*Quod Atto Romae moratus decessit*»; последнее слово может быть переведено и как «*уехал*», и как «*умер*», известно также, что Хаттон, епископ Вика, был убит в Риме в августе 971 г., однако в ней вообще не говорится ни о смерти, ни об отъезде епископа, а только о том, как он собрался в обратный путь, а основное содержание главы составляет рассказ о том, какое впечатление произвела на папу Римского ученьость молодого Герберта. Далее, глава 63 той же книги, повествующая о диспуте Герберта с Отриком, озаглавлена «*Quae sit causa conditi mundi*», тогда как в ней трактуется вопрос о причине философии, а о причине сотворения мира речь заходит только в следующей главе.

Обилие поправок, явное редактирование текста той же рукой, наличие сокращений, пропусков и неточностей, а также тот факт, что сочинение явно не закончено и в конце его мы находим план, опираясь на который, автор, очевидно, намеревался продолжать работу, убеждают нас в том, что мы имеем дело с довольно редким явлением: сочинение Рихера дошло до нас в авторской рукописи, причем явно черновой.

Время написания «Четырех книг историй» определяется исходя из некоторых указаний автора, а также из различия в оттенках чернил. Опираясь на текст сочинения Рихера, можно установить следующие временные рамки: в прологе Рихер пишет о Герберте, как об архиепископе Реймском, а значит, работа над сочинением была начата не ранее июня 991 г., когда Герберт был посвящен в архиепископы, а предпоследняя

* Автор все же не всегда пользуется последним сокращением: в главе 90 третьей книги мы читаем полностью «*pater meus*». См. также III, 7-8.

запись «Анналов» сообщает, что Герберт получил архиепископство Равенское, что произошло в августе 998 г. Однако мы уже говорили, что к рукописи Рихера подшип лист с текстами двух писем Герберта, одно из которых он определенно написал уже будучи папой Римским, то есть после апреля 999 г., притом до 23 января 1002 г., когда умер Оттон III, которому адресовано письмо.

Уже Пертц предположил, что разница в цвете чернил может позволить более точно определить время написания сочинения и даже выделить отдельные этапы работы над ним. Исходя из того, что более светлыми чернилами выполнены не только первая глава и 1-78-я главы книги второй, но и заметки за 995 и 996 гг., он сделал вывод, что в 996 г. автор прервал работу и, возможно занялся редакцией уже написанного, пользуясь более темные чернила. Этими же чернилами он продолжил писать сочинение. В целом Пертц полагает, что первая часть работы была проделана в 995-996 гг., а остальная — в 996-998 гг. после перерыва*. Не все полностью согласны с такой датировкой: Ф.Лот, например, предпочитает более широкие временные рамки написания сочинения (июнь 991-август 998)**, Р.Латуш относит второй период работы к 997-998 гг.***, а А.Эберт же вообще считает, что работа была в основном закончена в 995 г., в последующие же годы автор только редактировал свой труд****. Что касается возможного перерыва в работе, то существует версия, связывающая его с уже упомянутым возможным отъездом Рихера в Италию. И все же нам хотелось бы отметить, что если бы Рихер вынужден был сделать перерыв в работе, хотя бы в связи с отъездом в Италию, он, скорее всего, довел бы изложение до логического конца. Однако глава 78 книги второй, написанная более светлыми чернилами, и следующая за ней, 79-я, начиная с которой автор пользуется чернилами более темными, тесно связаны между собой. Они обе входят в рассказ о соборе в Ингельхайме 948 г., охватывающий 69-81-ю главы, но их объединяет и более узкий сюжет: в 78-й главе говорится о том, как Сигебольд, клирик низложенного архиепископа Гуго, был уличен в попытке подлога, а 79-я глава начинается с сообщения о том, как его наказали, причем в изложении не заметно никакого

* См.: Richeri Historiarum libri IIII ..., введение, р. IX.

** Lot F. Les derniers Carolingiens. Paris, 1891, p. XVII, n. 1.

*** Richer. Histoire de France ... Introduction., p. VII

**** Ebert A. Histoire générale de la littérature du moyen âge en occident, t. III. Paris, 1889, p. 469.

сбоя. Так что нам кажется, что версия о перерыве 996 г. вызывает некоторые сомнения. В конце концов, Рихер мог написать все сочинение или до отъезда, или уже по приезде в Италию. И почему нельзя предположить, что у него просто оказались под рукой два сорта чернил?

Сочинение написано правильным латинским языком, хотя его чтение местами затруднено из-за последующей правки. Бросается в глаза увлечение автора античностью и античными авторами. «Четыре книги историй» начинаются с весьма архаичного описания мира и Галлии, которую он вслед за Цезарем делит на «Бельгику», «Кельтику» и «Аквитанию» (I, 2), а исторические лица у Рихера произносят речи, в которых иной раз заметны цитаты из произведений Саллюстия. Автор увлекается и античной терминологией: в его рассказах фигурируют центурионы (III, 69, 74), клиенты (I, 38) и даже гладиатор (в значении «палач», II, 8), войска он постоянно подразделяет на легионы и когорты, норманнов чаще называет «пиратами», своих соотечественников — «галлами», герцогство Лотарингское — «Бельгикой», а Рим — иногда просто «Городом» (II, 78; III, 43).

Для Рихера достаточно характерны повторы одних и тех же или схожих выражений. Например, он в похожих словах говорит о преданности Оттону II и Лотарю их вассалов: Оттон «завоевал такое расположение и любовь у своих людей, что они обещали сложить за него голову, какая бы опасность ему не угрожала» (III, 77), а Лотарь «пользовался у них такой благосклонностью и любовью, что они сулили, если он повторит поход, вновь пойти за ним, куда прикажет...» (III, 102). Король Гуго, разоряя владения Карла Лотарингского, «свирепствовал так, что не оставил даже хижины — убежища выжившей из ума старухи» (IV, 37), а Одон, граф Блуа и Шартра, вступив на земли своего противника Фулькона Нерра, «так свирепствовал там, что не оставил ни хижины, ни петуха» (IV, 79). Дословно он повторяет выражения *«et hoc per biennium»* (III, 94; IV, 79), *«Maiora pollicens ac plura promittens»* (II, 16; III, 11; IV, 46).

Хотя Рихер пишет прозой, было замечено, что дважды (IV, 29 и 47) он перешел на стихи. Кроме того, Рихер использует иногда и рифмованные словосочетания: уже процитированное выше *«maiora pollicens ac plura promittens»*, а также *«te imperantem et me militantem»* (II, 51).

Что касается истории самой рукописи Рихера, то установлено, что она была передана аббатству св. Михаила в Бамберге императором Генрихом II, одновременно и вместе с сочине-

ниями Герберта Орильякского. В каталоге библиотеки этого монастыря, составленного монахом Руотгером между 1112 и 1123 гг. она значится под заглавием «*Liber Richeri ad Gerbertum*»* (так как сочинение начинается с обращения к Герберту). На рукописи имеются также пометки XVI и XVII веков. До 1838 года это сочинение было практически неизвестно, однако им пользовался Эккехард из Ауры на рубеже XI — XII веков (на рукописи есть и его пометки), Гуго из Флавини почерпнул из него сведения о биографии Герберта для своей хроники, а гуманист аббат Тритемий (1432–1516) использовал его для своих «Хроник монастыря Хиршau» и «Краткой истории происхождения франков».

«Если же меня обвинят в незнании неведомой старины, то я не отрицаю, что почерпнул некоторые сведения из сочинения Флодоарда, реймского каноника, но не используя те же выражения; я заменил их и совершенно иначе построил изложение, о чем свидетельствует мой труд», — объявляет Рихер в прологе к своему сочинению. Итак, основной источник назван, указано также, что автор собирается не переписывать Флодоарда, но подвергнуть позаимствованные у него данные литературной обработке. Далее Рихер дважды отсылает читателя к Флодоарду, предлагая прочесть у него о деятельности реймских архиепископов Фулькона и Херивея (I, 49) и проверить точность приводимых Рихером сведений о числе погибших в битве при Суассоне (I, 46, эта отсылка неверна, так как Флодоард вообще не указывает число павших). Следовательно, Рихер ничуть не скрывает своего основного источника и даже советует читателю обратиться к нему. Посмотрим, каким образом использовал Рихер этот источник, насколько было им соблюдено заявленное в прологе условие — обязательная литературная обработка.

Известны два сочинения Флодоарда: «Анналы», охватывающие период с 919 по 965 гг., и «Четыре книги истории Реймской церкви». Рихер пользовался главным образом «Анналами», но «История Реймской церкви» также была ему известна: в 19-й главе первой книги он отсылает читателя к сочинению Флодоарда, в котором описана история Реймса «*ab urbe condita*». Это явно не относится к «Анналам», к тому же первая глава первой книги «Истории Реймской церкви» как раз озаглавлена «*De conditione urbis Remensis*». Кроме того, хотя «Анналы» и «История» Флодоарда часто пересекаются между со-

* См.: *Richeri Historiarum libri IIII ...*, введение, р. XVI.

бой, но в «Истории» содержатся и сведения, которых в «Анналах» нет, например, эпизод с убийством архиепископа Фулькона*, который был использован Рихером (I, 17). На этих двух сочинениях базируется изложение Рихера начиная с 15 главы первой книги, а именно с рассказа о фаворите Карла Простоватого Хаганоне, и кончая приблизительно 22-й главой книги третьей (существенно, содержащийся в этой главе рассказ о начале деятельности Адальберона Реймского и о перестройке церкви в Реймсе основан уже не на самих «Анналах», но на их кратком продолжении, сделанном позднее).

Прежде всего, несмотря на утверждение в прологе, что заимствования у Флодоарда будут сделаны, «не используя те же выражения», Рихер довольно часто практически воспроизводит изложение Флодоарда. Например, Флодоард в следующих словах описывает поездку королевы Герберги, жены Людовика IV, в Ахен: «Когда приближались пасхальные торжества, королева Герберга поехала к своему брату королю Оттону и отпраздновала пасху вместе с ним в Ахенском дворце. Там тогда присутствовали послы от различных народов, а именно от греков, итальянцев, англов и некоторых других народов**. А у Рихера мы читаем: «Она (Герберга) уехала, когда приближались пасхальные торжества, и отпраздновала святую пасху в Ахенском дворце вместе с братом Оттоном ... Присутствовали послы греков, итальянцев, англов и многих других народов» (II, 86). Очень схожи у обоих авторов и рассказы о гибели архиепископа Фулькона, начиная с изъятия у Балдуина Фландрского монастыря св. Ведаста, включая сообщение о том, как Балдуин поручил отомстить за себя некоему Винемару, и кончая описанием нападения на Фулькона, вплоть до обстоятельств гибели сопровождающих архиепископа: они пытались прикрыть его своим телом и были вместе с ним пронзены копьями (I, 17)***. Однако описание болезни, которой Всевышний поразил нечестивого убийцу, у Рихера гораздо красочнее. Таких примеров почти буквального сходства «Четырех книг историй» с сочинениями Флодоарда довольно много.

Однако зачастую Рихер на основе скучных сведений Флодоарда создает развернутый эпизод. Например о битве при Суассоне, рассказ о которой занимает у Рихера 44-46 главы книги первой, Флодоард сообщает только то, что «Роберт, во-

* "История Реймской церкви", IV, 10.

** "Анналы", 949 г.

*** Ср.: "История Реймской церкви", IV, 10.

оружив тех, кто был с ним, пошел против (короля — A.T.); завязалось сражение и многие с обеих сторон пали, также и король Роберт погиб, пронзенный копьем. Однако те, кто стоял на стороне Роберта, т.е. его сын Гуго и Хериберт с остальными, одержали победу и обратили в бегство Карла с лотарингцами*. Рихер же подробно рассказывает о приготовлениях к битве, о заговоре, составленном против Роберта сторонниками Карла Простоватого, о поединке Роберта с Фульбертом и т.д. (I, 46). «В следующем году граф Гуго послал за море призвать Людовика, сына Карла, которого вырастил король Альстанн, его дядя, и тот, приняв клятву у франкских послов, отослав его во Францию. Гуго и другие знатные франки двинулись ему навстречу и приняли его сразу, как он сошел с корабля на прибрежный песок близ Булони**,— так рассказывает Флодоард о призвании Людовика IV Заморского; у Рихера те же события занимают главы 1–4 первой книги, причем помимо прочих подробностей, в изложение вводятся две речи. Если Флодоард упоминает, что Арнульф Фландрский взял замок Монтрей с помощью некоего предателя***, то Рихер приводит сцену переговоров посланцев Арнульфа с потенциальным изменником и даже дает последнему имя — Роберт (II, 11). Флодоард пишет, что Людовик IV при осаде крепости Лана использовал военные машины****, Рихер подробно описывает одну из этих машин (II, 10). Вообще у Рихера заметна склонность приукрашивать изложение Флодоарда, иногда добавляя в него эмоциональный оттенок. Рассказ Рихера о гибели герцога Гислеберта (III, 19) в целом соответствует повествованию Флодоарда*****¹, но последний ничего не говорит о том, как печалился по этому поводу Людовик IV. Точно так же, когда у Флодоарда сыновья покойного Гуго Великого являются к королю Лотарю, он просто жалует им подобающие владения и принимает у них присягу*****², Рихер же сообщает, какие чувства они испытывали друг к другу («quogum benignitate rex non imparem liberalitatem demonstrans...», III, 13). Любопытно посмотреть, как Рихер использует рассказы Флодоарда о чудесах. Флодоард, как известно, питал пристрастие к всевозможным чудесам, предзнаменованиям и видени-

* "Анналы", 923 г.

** "История Реймсской церкви", IV, 26.

*** "Анналы", 939 г.

**** "Анналы", 938 г.

***** "Анналы", 939 г.

***** "Анналы", 960 г.

ям: так, под 962 г. в «Анналах», как о важном событии, рассказывается об изгнании беса из некоего слуги королевы Герберги, а под 944 г. — о человеке, у которого вновь отросла потерянная некогда рука. Рихер охотно заимствовал у Флодоарда некоторые «чудеса»: землетрясение (I, 46), языки пламени в небесах (I, 52, 65; II, 7), лунное затмение (I, 52), светящийся шар в воздухе (II, 46). Почти дословно воспроизводит Рихер чрезвычайно красочный рассказ Флодоарда* о буре, обрушившейся на Париж (II, 41). Причем Рихер, как и Флодоард, полагает, что все эти явления предвещают различные бедствия: эпидемии, усобицы, нашествия врагов. Но все-таки создается впечатление, что Рихер выбирает у Флодоарда подобные эпизоды, следуя определенному принципу: его интересуют чудеса, так или иначе связанные с явлениями природы. Поэтому у Рихера нашествие венгров предваряет только «дивно пылающий в небе огонь» (II, 7), тогда как Флодоард в соответствующем эпизоде рассказывает о ряде других чудес (Анналы, 937 г.).

Случается также, что Рихер неверно понимает Флодоарда, отчего происходят ошибки; подобные случаи указаны в примечаниях.

Среди расхождений Рихера с Флодоардом есть и не случайные. Например, говоря о взятии Людовиком IV Лана, Флодоард не упоминает об участии в этой операции Родульфа, отца Рихера**, хотя рассказ о последовавшей за этим попытке Гуго Великого отбить город и о том, как он усилил гарнизон крепости Лана, примерно одинаков и у Флодоарда, и у Рихера (II, 87-90). Точно так же и Монс у Флодоарда берет сам король Лотарь***, а не Родульф, как у Рихера (II, 7-9). В этом случае Рихер предпочел, очевидно, поверить рассказам отца.

Таким образом, манера Рихера обращаться с «Анналами» и «Историей Реймской церкви» не отличается единообразием. Он может и почти дословно переписывать фрагменты сочинений Флодоарда, может вносить в них изменения, может полностью переделывать, причем не всегда достаточно аккуратно.

Помимо сочинений Флодоарда Рихер активно использует работы Герberта Орильянского. Это, прежде всего, «Реймский собор» («Acta concilii Remensis», «удивительное красноречие которого, по словам Рихера, «может сравниться с крас-

* «Анналы», 944 г.

** «Анналы», 949 г.

*** «Анналы», 956 г.

норечием Туллия», то есть Цицерона, I, 73) и не названные Рихером акты собора в Музоне (*«Acta concilii Mosomensis»*); также составленные Гербертом*. Реймский собор, посвященный процессу над архиепископом Арнульфом, сдавшим Реймс Карлу Лотарингскому, состоялся 18-19 июня 991 г. в монастыре св. Базила в Реймсе. Сочинение Герberта, ставшего преемником Арнульфа, было написано несколько позднее и представляло собой не точную запись происходившего на соборе, а вольную переработку произнесенных там речей. Главной целью Герберта было, по-видимому, подчеркнуть право провинциальных соборов низлагать и посвящать епископов и решать подобные вопросы помимо папы Римского. Рассказывая об этом соборе, Рихер предпочел воспользоваться этим сочинением, правда, его пересказ более подробен вначале, примерно по главу бб четвертой книги (весь рассказ о соборе занимает у Рихера 51-73 главы), а очень подробные в изложении Герберта прения защитников Арнульфа с обвинителями сведены у Рихера к двум небольшим главкам (IV, 67-68).

Что же касается актов собора в Музоне, то это сочинение Герберта представляет собой лишь сухой отчет, в котором опущен даже текст выступления самого Герберта. Рихер переписывает у Герберта список участников собора**, добавляя к нему еще двух сыновей графа Годефрида и реймского видами Рагенерия (IV, 99), а затем составляет выступления участников собора, включив в их число, очевидно, и подлинный текст речи Герберта. Кроме этого, содержание 23-й главы четвертой книги, рассказывающей о нападении защитников осажденного Лана на королевский лагерь, соотносится с содержанием письма, написанного Гербертом от имени архиепископа Адальберона Экберту Трирскому. Знаменитый рассказ о диспуте Герберта с Отриком (III, 56-65), очевидно, был записан Рихером также со слов Герберта***. Письменные источники не являются единственным типом источников для Рихера. Замечено, что определенное влияние оказали на его сочинение устные героические предания того времени, наибольший интерес в этом отношении представляют эпизоды, связанные с историей нормандского герцога Вильгельма по прозвищу Длинный Меч (II, 20, 28, 30-33). Как уже отмечалось, мог

* Оба произведения изданы в MGH, SS, т. III.

** Там же, с. 690.

*** Только здесь Оттон II называется "августом", это обычное обращение для Герберта, а Рихер предпочитал называть Оттонов просто "королями".

Рихер опираться и на воспоминания своих родственников и знакомых.

Подводя итог рассуждениям об источниках «Четырех книг историй», мы можем выделить следующие характерные черты отношения автора к этим источникам. Во-первых, своих источников он в принципе не скрывает и даже предлагает читателю свериться с ними. Во-вторых, он понимает ценность документального источника: тексты письменной присяги Арнульфа Реймского и его отречения переписаны им из «Реймского собора» лишь с незначительными изменениями. В текст была включена и грамота папы Иоанна XIII в пользу монастыря св. Ремигия (III, 28), но лист с этой грамотой пропал из рукописи, так что судить о точности ее воспроизведения невозможно. В-третьих, круг источников у Рихера достаточно широк и включает как письменные, так и устные свидетельства разного рода. Но при этом в каждом конкретном случае Рихер имеет дело только с одним источником и не пытается проверить его данные, бывает иногда небрежен и искажает смысл изложения.

* * *

Простое изложение данных, заимствованных из различных источников, не было основной целью Рихера, онставил себе задачей создать на основе этих сведений нечто подобное сочинениям римских авторов, действительно «Историю» в полном смысле этого слова. Еще Г. Пертц заметил, что в 97-й главе третьей книги Рихер цитирует «О заговоре Катилины» Саллюстия*, а посвященная Рихеру статья Р.Латуша была озаглавлена уже «*Un imitateur de Sallust au Xe siècle: l'historien Richer***. Словом, за нашим автором прочно закрепилась репутация «подражателя Саллюстия». Для того, чтобы проверить, насколько заслужена эта репутация, надо посмотреть, насколько часто он цитирует Саллюстия или подражает ему, является ли это подражание чисто внешним, или же сходство в выражениях подразумевает и одинаковый смысл эпизодов, похожи ли, наконец, взгляды Саллюстия и Рихера на историю.

Влияние Саллюстия на Рихера проявляется прежде всего в трех случаях: при составлении речей, в характеристиках персонажей и в описаниях военных действий. Остановимся сперва на речах — характерной черте античной историографии, воспринятой и Рихером. Если сопоставить речь царя Адхерба-

* См.: *Richeri Historiarum libri IIII*, введение, р. VIII, п. 2.

** См.: *Latouche R. Etudes médiévales*. Paris, 1966.

ла перед сенатом* и выступление короля Людовика V перед знатью (IV, 2), то заметно, что они начинаются почти с одних и тех же слов: «*Pater meus moriens mihi praecepit*», — у Адхербала и «*Pater meus in eritudinem qua et periit decidens, mihi praecepit*», — у Людовика. По словам Адхербала, его отец советовал ему «видеть в вас (в римлянах — А.Т.) своих родных, своих близких: если я буду так поступать, то ваша дружба будет для меня войском, богатством, опорой царствования**», а Людовик говорит, что отец велел ему, чтобы он «относился к вам (к герцогу Гуго и другим сеньорам — А.Т.), как к родственникам и друзьям, и ничего не предпринимал без вашего ведома. Он утверждал, что если я обеспечу вашу верность, будет у меня ... и богатство, и войско, и защита королевству». Адхербал жалуется на Югурту: «*Jugurtha, homo omnium quos terra sustinet sceleratissimus, contempto imperio vostro Masinissae*», ему вторит Людовик, имея в виду реймского архиепископа: «*Adalbero Remorum metropolitanus, homo omnium quos terra sustinet sceleratissimus, contempto patris mei imperio....*». Заметно, что, используя цитаты из Саллюстия, Рихер вносит некоторые изменения, приспосабливая их к ситуации. Он вставляет упоминание о болезни Лотаря, отца Людовика, так как ранее подробно о ней рассказывал (III, 109), в обращение Людовика к знати вводит понятие верности, важное для его эпохи, и намек на обязанность Людовика советоваться со своими слушателями. Вообще же обстоятельства, в которых произносятся эти речи, совершенно разные: Адхербал — проситель, Людовик — сеньор, требующий суда над своим вассалом.

Та же речь Адхербала цитируется и в воззвании Карла Лотарингского к архиепископу Адальберону (IV, 9), и в обращении Карла к друзьям (IV, 14). Влияние слов Адхербала заметно и в жалобной речи Людовика IV. «Мне уже ни жить не хочется, ни умереть нельзя!» — восклицает он (II, 52), а у Саллюстия мы читаем: «Но теперь мне и не хочется жить, и нельзя умереть без позора»***. А в речи Оттона II к своим вассалам (III, 73) заметны уже цитаты из речи Катилины****. «Сильна наша молодость, дух могуч», — говорит Катилина*****, «пока сильна ваша молодость и дух могуч, вы не

* "Югуртинская война", XIV.

** Цит. по изд.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981, с. 46.

*** Гай Саллюстий Крисп. Сочинения, с. 49.

**** "О заговоре Катилины", XX.

***** Гай Саллюстий Крисп. Сочинения, с. 14.

пренебрежете этим деянием», — обращается к вассалам Оттон. У Саллюстия мы читаем: «если ... вы предпочитаете быть рабами, а не повелевать»*, а в речи Оттона: «если вы предпочитаете повелевать, а не быть рабами». Цитаты из Саллюстия вкраплены и в обращение Гуго Великого к пленному Людовику IV. Схожи обращения Гуго к королю («*Parvum te, o gehx*», II, 51) и царя Масиниссы к Югурте («*Parvum te, Jugurtha*»)**. «*Jam memineris te virum esse*», — говорит Гуго, а в письме Лентула к Катилине есть слова «... et memineris te virum esse»***. Герцог Роберт перед битвой с пиратами «ъезжал легионы и, называя по именам наиболее выдающихся воинов, убеждал их помнить о своих доблестях и благородстве, увещевая их сражаться за родину, за жизнь, за свободу» (I, 28). Подобным образом у Саллюстия Марк Петрей «верхомъъезжая ряды, обращался к каждому солдату по имени, ободряя их, напоминал, что они с безоружными солдатами сражаются за отчество, за своих детей, за алтари и очаги»****; впрочем, конец возвзвания Роберта взят не отсюда, а из речи Катилины, который напоминает своим сообщникам, что они сражаются «*pro patria, pro libertate, pro vita*»*****. В речи приближенных Карла Простоватого сказано: «*Regnum egerptam non ittimpes nisi ferro viam videnter aperias*» (I, 43); в цитированной выше речи Катилины эта же мысль выражена иначе: «*Fergo iter aperiundum est*»*****. К речам у Рихера мы еще вернемся, а сейчас следует отметить, что, во-первых, Рихер действительно использует цитаты из Саллюстия, хотя их не так уж много, если учесть общее количество речей в «Четырех книгах истории», а во-вторых, эти заимствования всегда уместны и приспособлены к ситуации, в которой речь произносится. С другой стороны, нельзя сказать, что передача персонажу Рихера слов персонажа Саллюстия означает сопоставление, сближение этих персонажей. В большинстве случаев Рихер берет именно цитату, не обращая внимание на контекст, в котором она стоит у Саллюстия. Мы находим фрагменты одной и той же речи Адхербала в выступлениях двух совершенно разных персонажей, Людовика V и Карла Лотарингского, в речь Гуго Великого попали и слова царя Масиниссы, и фрагмент письма

* Там'же, с. 15.

** «Югуртинская война», X.

*** «О заговоре Катилины», XLIV.

**** «О заговоре Катилины», LIX; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения, с. 38.

***** «О заговоре Катилины», LVIII.

***** Там же.

заговорщика Лентула, а передавая воззвание герцога Роберта, Рихер вообще склеивает выражения из выступлений двух противников — Катилины и Петрея. Адхербал называет «преступнейшим человеком из всех, кого носит земля» Югурту, узурпировавшего власть и убившего его брата, Людовик V применяет те же слова к вполне добродетельному, в изображении Рихера, Адальберону. Может быть, менее случайно наличие цитат из речи Катилины в выступлении Оттона II, который, как и Катилина, призывает своих вассалов к делу дурному, к нападению на Францию, что Рихер, конечно, никак не мог одобрить.

Другой особенностью античной историографии вообще и Саллюстия в частности являются развернутые характеристики персонажей; Рихер воспринял и эту черту, хотя и не столь последовательно. Обычно при анализе заимствований Рихера у Саллюстия обращают внимание на некоторое сходство характеристики герцога Лотарингии Гислеберта (I, 35) с характеристикой Катилины*. В характеристике Гислеберта есть неточная цитата из Саллюстия: *«alieni adpetens, sui profusus»*, — говорится о Катилине, *«suis adeo profusus, aliena enormiter sitiens»* — о Гислеберте, в остальном же Рихер предпочитает выражать те же мысли своими словами (например, не *«nobili genere natus»*, а *«clarissimo genere inclitus»*). Гислеберт, как и Катилина, любит раздоры и войны, стремится к недостижимому, но описание его внешности: негнущаяся шея, недружелюбный взгляд, цвет глаз, который никто не может запомнить, «бесспокойные» ноги, — вполне оригинально. Если Катилина красноречив, то у Гислеберта «отдельные части речи редко бывали последовательными», его слова были «неясны».

Таким образом, характеристика Гислеберта написана под влиянием характеристики Катилины, но никак не является ее калькой. У Рихера выходит персонаж очень выразительный и лишь отчасти напоминающий Катилину. Кстати, сходство с этим персонажем Саллюстия заметно еще у одного героя Рихера, а именно у узурпатора Хезилона (Генриха Баварского). Собираясь отнять власть у юного Оттона III, Хезилон собирал вокруг себя всевозможных клятвопреступников, негодяев, лиц, «осужденных по суду или опасающихся суда за содеянное» (III, 97). Так же действовал и Катилина: у обоих авторов мы читаем слова *«juditiis convictos, sive etiam pro factis juditium timentes»***. Складывается впечатление, что Катилина послужил для Рихера образцом отрицательного персонажа, заго-

* "О заговоре Катилины", V.

** "О заговоре Катилины", XIV.

ворщика и узурпатора, и сопоставление с ним Гислеберта и Хезилона не случайно*. Но в принципе подобного рода характеристики у Рихера вообще немного, так что этот вывод нельзя считать доказанным. Вполне в духе Саллюстия выдержан рассказ о Карле Простоватом: «Он был хорошо сложен, нрава доброго и простого.

Недостаточно обучен военному искусству, но сведущ в свободных искусствах. Очень щедр и совсем не жаден. Отличался он двумя недостатками: был чересчур любострастен и несколько небрежен в заботе о правосудии» (I, 14), но эта характеристика написана Рихером самостоятельно. Надо заметить, что он вполне усвоил основные правила составления подобного рода характеристик: указание на особенности и внешности персонажа, и его душевного склада, на наличие в его характере и положительных, и отрицательных черт. С другой стороны, у Рихера по сравнению с Саллюстием, характеристики в меньшей степени служат обоснованием дальнейших поступков персонажа, им отведена скорее функция украшения. Некоторое влияние Саллюстия заметно у Рихера и в описаниях военных действий. Чаще всего, говоря о пренебрежении Рихера к хронологии, указывают, что он перенес осаду Лана Людовиком IV с лета на начало зимы, чтобы сопоставить этот эпизод с осадой Сутула у Саллюстия**. У Саллюстия этот эпизод выглядит следующим образом: «Хотя из-за непогоды и неудобной местности не было возможности ни взять, ни осадить город (ибо глинистая равнина вокруг его стен во время зимних дождей превратилась в болото), Авг все-таки ... начал придвигать навесы, возводить насыпь и поспешно вести другие работы***. А Рихер пишет так: «Приближалась зима, угрожала непогода, поэтому они не смогли соорудить военные машины, без которых нельзя было завоевать крепость, стоявшую на горе» (II, 84). Сходство, как видно, не очень близкое, тем более что у Саллюстия основным препятствием ко взятию города оказывается болото, а у Рихера — гора. Некоторое сходство можно увидеть в рассказах о нападении защитников Лана на лагерь осаждающих (IV, 23) и Мария — на лагерь Югурты****, но, как уже говорилось, этот эпизод у Рихера скорее

* Кстати, Герберт Орильякский в одном из писем называет Катилиной Карла Лотарингского. См.: Бубнов Н. Сборник писем Герберта ..., ч. II, отд. 2, с. 617.

** См., например: *Latouche R. Un imitateur de Sallust ...*, p. 72.

*** "Югуртинская война", XXXVII; Гай Саллюстий Крисп. Сочинения, с. 62.

**** "Югуртинская война", XCIX.

имеет источником письмо Герберта. Похоже описывают Саллюстий и Рихер укрепления военных лагерей: «*vallo atque fossa munire*» у Саллюстия* и «*fossis et aggeribus vallabant*», «*aggere et fossa muniri*» у Рихера (IV, 18, 21). Кроме этого, считается, что сцена взятия Лана Карлом Лотарингским (IV, 16) навеяна сценой взятия Капсы у Саллюстия**, но прямых соответствий в этих фрагментах нет, к тому же у Рихера дело происходит «в полумраке», то есть ближе к ночи, а у Саллюстия — «с наступлением дня»***. И наконец, очевидно вслед за Саллюстием Рихер обозначает Испанскую марку как «*citeriora Hispania*» (IV, 12)****. Итак, использование Рихером сочинений Саллюстия, хотя и достаточно ограниченное, не подлежит сомнению. Но велика и разница между этими двумя авторами, государственным деятелем в отставке и скромным монахом. Саллюстий предваряет свои сочинения рассуждениями о смысле и пользе истории, его труды подчинены одной идее, их композиция строго выверена. Он, если так можно выражаться, «присутствует» на страницах своих сочинений, постоянно давая оценку происходящему и делая из него выводы. Рихер же, быть может, более пристрастный в описании событий, более увлеченный ими, тем не менее воздерживается от определенного выражения своего мнения и от морализаторства; о цели и смысле своего труда, о предъявляемых к нему требованиях он практически не пишет, его сочинение построено довольно беспорядочно и очень трудно разглядеть в нем какое-то подобие основной идеи. Можно сказать, что Саллюстия больше интересует, какой урок можно извлечь из того или иного эпизода, Рихера — занимательность и яркость эпизода как такового. Кроме того, оба использованных Рихером сочинения Саллюстия посвящены каждое одной, строго ограниченной теме, их временные рамки достаточно узки, хотя автор и прибегает к экскурсам в прошлое. Сочинение же Рихера охватывает больше ста лет и распадается на множество отдельных эпизодов. Поэтому подражание Рихера Саллюстию носит характер чисто внешний, сходства между их сочинениями меньше, чем различий, и определять Рихера как «подражателя Саллюстия», нам кажется, не стоит: такое определение является далеко не исчерпывающим.

* Там же, XLV.

** Там же, XCI.

*** Гай Саллюстий Крисп. Сочинения, с. 93.

**** Ср. "О заговоре Катилины", XIX.

* * *

Персонажи Рихера произносят длинные речи, взывают к чувствам друг друга и обмениваются репликами, что составляет одну из наиболее характерных черт нашего автора и является самым заметным проявлением его увлечения античной историографией. Как и у античных авторов, речи у Рихера призваны обрисовать чувства и образ мыслей исторических лиц, показать причины их поступков, сделать изложение более выразительным. Уроки риторики, получил ли он их от Герберта или от кого-либо другого, Рихер усвоил хорошо, поэтому большинство исследователей, признавая, что эти речи — плод фантазии Рихера, поддаются искушению процитировать какую-либо из них — для иллюстрации или же в качестве аргумента. Последнее таит в себе немалую опасность: часто тем самым предполагается, что в речах находит свое выражение позиция самого Рихера, а так ли это на самом деле? В сочинении Рихера действует множество персонажей, они оказываются достаточно словоохотливыми, и при этом случается, что их высказывания противоречат друг другу. Может быть, не все речи придуманы Рихером и среди них есть и подлинные?

Мы не будем останавливаться на речах, произнесенных, например, на Реймском соборе — хорошо известно, что они составлялись на основе «Реймского собора» Герберта, который хотя и не является протоколом собора, но все же дает представление о предметах, на нем обсуждавшихся. Поэтому историки, которых интересует этот собор, обращаются к Герберту, а не к Рихеру. Внимание исследователей традиционно привлекала другая речь — речь реймского архиепископа Адальберона на совещании в Санлисе (IV, 11), в которой тот высказываеться в пользу выборности королей вообще, а в частности — призывает избрать королем Гуго Капета. Соблазнительно было бы считать, что Рихер каким-то образом узнал содержание речи Адальберона и включил ее в свое сочинение. Как полагает Н.М.Бубнов, «она передана, конечно, не буквально, но вместе с тем нет никакого основания рассматривать ее как простое риторическое упражнение Рихера. Рихер имел полную возможность собрать о том, что говорил Адальберон, самые точные сведения от самого Адальберона или от своего учителя Герберта. К тому же взгляд на порядок престолонаследия, высказываемый Адальбероном в этой речи, диаметрально противоположен тому, который Рихер высказывает в измышленной им речи Гуго Великого»* (II, 2 — A.T.). Однако

* Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта как исторический источник, ч. II, отд. 2, с. 440, прим. 1.

Р.Латуш обращает внимание, что, несмотря на разницу в содержании этих двух речей, их план и стиль очень схожи. «Одно и то же начало: ablativeйный оборот, призванный обозначить ситуацию, в одном случае после смерти законного короля Карла Простоватого, в другом — Людовика V. Далее в обоих случаях следует приглашение посовещаться. Затем изложение аргументов в пользу Людовика IV и Гуго Капета. И, наконец, выводы»*. Мы можем только добавить к этому, что и разные «взгляды на порядок престолонаследия» в этих двух речах не могут служить доводом в пользу подлинности речи Адальберона, так как подобных случаев у Рихера много. Так, тот же Гуго Великий, обращаясь к королю Людовику IV, всячески подчеркивает свои заслуги перед ним и неблагодарность короля: «Некогда, о король, преследования врагов заставили тебя, ребенка, бежать в заморские края. Согласно моему замыслу и совету, тебя призвали оттуда и возвели на престол. После ты прислушивался к моим советам, и дела твои процветали. Я ни за что не отложился бы от тебя, если бы не твой упорный гнев ... Как ты полагаешь, с чьей, если не с моей помощью тебе удавались все необходимые и славные предприятия?...А так как ты, став королем, ничего мне не пожаловал, я охотно приму Лан в награду за военную службу» (II, 51). Но король Людовик оценивает заслуги герцога перед собой, мягко говоря, несколько иначе: «Сколько добра я потерял из-за тебя, сколько бед претерпел, в какой печали ныне пребываю!» (II, 52), а историю «верной службы» герцога излагает так: «Когда трон опустел, он, вняв советам добрых людей, призвал меня ... и с общего согласия возвел на престол, не оставив мне ничего, кроме Лана. Когда же, став королем, я постарался вернуть то, что по закону входит в королевские владения, он повел себя как последний завистник. Став моим тайным врагом, он совращал деньгами моих немногих друзей и возбуждал ненависть в моих недругах» (II, 73). Если сопоставить эти высказывания с собственно авторским текстом, то окажется, что слова обоих героев не совсем соответствуют истине. Герцог произносит свою речь перед королем, захватив его в плен, но

* Latouche R. Un imitateur de Salluste au Xe siècle, l'historien Richer, p. 80. А Ф. Лот сначала предпочел считать речь Адальберона подлинной (см.: Lot F. Les derniers carolingiens, p. 206), но затем склонился к мысли, что она составлена Рихером (см.: Lot F. Etudes sur le règne d'Hugues Capet et la fin du X-e siècle. Paris, 1903, p. 1, n. 3.). Современный исследователь Л. Тейс вновь возвращается к версии о подлинности речи Адальберона, но, как нам кажется, не подкрепляет эту версию убедительными доказательствами (Cм.: Theis L. L'Avenement d'Hugues Capet: 3 juillet 987. Paris, 1984, p. 16).

сомневаясь в возможности удержать его, поэтому его уверения в том, что виновник их разрыва — король, внявший наущениям «ничтожных и несведущих людей» (II, 51), — в значительной степени лицемерная попытка оправдать свои действия. И Лан у короля он попросту отбирает в обмен на свободу, но придает этому захвату вид пожалования. С другой стороны, согласно Рихеру, Людовик действительно первым нанес обиду герцогу, когда отказался от его опеки (II, 6), а затем еще оскорбил его, пожаловав ему город Байе, а потом неожиданно и в резкой форме приказав отступиться от него (II, 42), так что он — вовсе не невинная жертва злокозненного герцога. Роль Гуго в призвании и коронации Людовика, по версии Рихера, также более значительна, чем хотелось бы королю, причем король обязывался поступать в соответствии с советами герцога и нарушил это условие. Поэтому слова Гуго и Людовика — это только их слова, выражающие их мнения, которые решительно отличаются друг от друга и в меньшей степени, но все же отличаются, от точки зрения самого Рихера.

Подобным же образом король Людовик V выдвигает обвинения против Адальберона: «Реймсский архиепископ Адальберон, преступнейший человек из всех, кого носит земля, презрев власть моего отца, во всем помогал Оттону, врагу франков ...» (IV, 2), а Адальберон отвечает на обвинения: «я до сих пор стремился к благу королей, почитал их род, а также, как подобало, охотно отстаивал выгоды сеньоров» (IV, 4), а далее говорит: «объявляю, что в моей душе не гнездится ничего, что не было бы на пользу государству» (IV, 8). Карл Лотарингский говорит о себе, что он «не лишен доблести» (IV, 9), а тот же Адальберон заявляет, что Карла «ослабляет бездействие» (IV, 11). Кстати, Карл также высказывает в пользу передачи короны по наследству, тогда как Адальберон считает, что «на трон будет возведен только тот, кто блещет не только знатностью рождения, но и мудростью, кто стойко сохраняет верность и подкрепляет ее величием души» (IV, 11).

Можно найти и немало примеров того, как речи того или иного персонажа вступают в противоречие с авторским изложением. Например, герцог Гуго Великий, отказываясь от посагательств на престол, объясняет свое решение, в частности, следующим образом: «Мой отец ... правил не без великого греха, ибо тот, кому одному по закону надлежало царствовать, был жив и при жизни заточен в темницу» (II, 2), король Людовик IV также возлагает вину за плenение Карла Простоватого на Роберта, отца Гуго (II, 73), тогда как, согласно Рихеру, король Роберт пал в битве при Суассоне (I, 46) и только

после этого, уже по избрании королем Радульфа, Хериберт, граф Вермандуа, захватил Карла в плен (I, 47). А Оттон II, обращаясь к своим вассалам, говорит: «Я никогда не забуду, сколь отважно и доблестно вы служили мне до сих пор, ни разу не нарушив верности» (III, 73), однако только в предыдущей главе речь шла о том, что Оттону пришлось задабривать своих людей, и мириться с теми, «кого он обидел, возвращая им отнятое имущество или предоставляем обещанное ранее» (III, 72). Так что их отношения не были такими уж безоблачными. Тот же Оттон отвечает на мирные предложения «галлов»: «Признаюсь, я до сего дня прилагал много усилий, дабы достичь мира и согласия ...» (III, 80), тогда как он перед тем совершил грабительский поход во Францию (III, 74-77). Король Гуго Капет заявляет, что род Каролингов пресекся, и Арнульф, кандидат на римскую кафедру, — «единственный потомок королевской династии» (IV, 28), но всем известно, что есть еще Карл Лотарингский, законный, в отличие от Арнульфа, отпрыск династии Каролингов, и Гуго, как сообщает автор, испытывает угрызения совести, отняв у Карла трон (IV, 39). И уж конечно лживы заверения в дружбе и готовности помочь ланского епископа Адальберона (IV, 42). Поэтому следует помнить, что взгляды персонажей Рихера не обязательно соответствуют его собственным взглядам, так что судить по ним о политических симпатиях Рихера практически невозможно. Приходится согласиться с А.Горовым, который пишет о Рихере: «Описывая лица, приводя их речи, он — движимый исключительно художественными побуждениями — старается добросовестно стать в положение каждого из них»*. С другой стороны очевидно, что речь Гуго Великого в пользу Людовика IV (II, 2) или выступление Оттона I на соборе в Ингельхайме (II, 76) есть выражение не взглядов Гуго или Оттона, но мнения Рихера касательно того, что должен был бы сказать тот или иной персонаж в той или иной ситуации, т.е. авторская точка зрения в речах все же отражена, но косвенным образом.

Итак, хотя мы склоняемся к тому, что использовать прямую речь из *«Historiarum libri quatuor»* в качестве источника информации можно лишь с большими оговорками, тем не менее, это не значит, что на речи у Рихера вообще не следует обращать внимания. Рихер достаточно умело заставляет своих героев высказываться в духе античной риторики, а его ста-
рания выразить в речах точку зрения персонажей, а не собственную, только говорят в его пользу как литератора. Среди его речей нет столь четких и ясных, имеющих обще-

* Горовой А. Герберт или папа Сильвестр II. Киев, 1886, с. 170.

ственное значение, как у Саллюстия, его фразеология часто очень туманна, но Рихер и не писал на злобу дня, а отсутствие, очевидно, собственной определенной позиции по отношению к различным проблемам современного ему государства мешало ему позволить своим героям выразить свои мысли более определенно. Но по сравнению с Саллюстием ситуации, в которых в его сочинении произносятся речи, более разнообразны, а сами речи в целом более эмоциональны, более красочны. И, как уже говорилось выше, они чрезвычайно важны для указания на внутренние причины действий персонажей, они сами становятся до некоторой степени причинами событий, вызывая слушателей на те или иные поступки, и поэтому заслуживают самого пристального внимания.

* * *

Конечно, довольно сложно говорить о концепции или взглядах автора, который, подобно Рихеру, крайне редко позволяет себе комментировать излагаемые им события и вовсе не говорит о задачах историка, смысле исторических сочинений, как это делает Саллюстий в начале своей «Югуртинской войны». Однако содержание пролога «Четырех книг историй» позволяет сделать некоторые выводы на этот счет. Рихер сообщает читателю, что в своем труде он намеревался «поведать о сражениях галлов ... сохранить на письме память о войнах галлов, частых в то время, о разных мятежах и различных причинах тех или иных событий» (Пролог). Таким образом, автор ставит себе целью как сохранить для будущих поколений рассказ о событиях, так и объяснить, чем эти события были вызваны*. Уже в прологе автор сообщает, что ему известно сочинение Флодоарда, охватывающее более половины того периода, которому посвящено сочинение Рихера, но это автора не смущает. Хотя автор скромно именует свой труд «*opusculum*», то есть «сочиненьице», однако похоже, что он не считает, что «Анналы» и «История Реймской церкви» Флодоарда обязательно сохранятся на века и сохранят тем самым сведения об интересующих Рихера событиях. Для него эти сочинения — своего рода сырье, с которым можно обходиться достаточно вольно. Что же не удовлетворяет Рихера в наследии Флодоарда, каких его недостатков он хотел избежать и исходя из каких требований он строит свое сочинение?

Очевидно, в анналах (в том числе и в анналах Гинкмара, которые он также упоминает в прологе) автора отпугивала неизбежная в этом жанре запутанность и сумбурность в изло-

* Собственно выражение "diversas negotiarum rationes" из пролога можно перевести и как "взаимосвязь событий" или "смысл событий".

жении. Похоже, самому Рихеру доставили немало хлопот персонажи с одинаковыми именами, поэтому он даже предостерегает читателей от смешения королей, носивших одни и те же имена, Карл и Людовик, «ибо любое искажение последовательности событий приводит к настолько сильному заблуждению, насколько был нарушен порядок» (Пролог). Далее Рихер, чтобы не спутать двух персонажей — тезок, говорит о втором из них, как о «другом Бернарде» (*«Bernardo alio»*; II, 44), и все-таки, похоже, сам смешивает двух Гуго, двоюродных братьев, герцога франков и низложенного реймского архиепископа (См. III, 15). Он вообще старается как-либо охарактеризовать каждое вновь появляющееся действующее лицо, указывая на его личные качества, происхождение (*«Радульф, сын Ричарда Бургундского, муж решительный и немало осведомленный в науках»*, I, 47), роде занятий (*«... ему унаследовал Сеульф, ранее он выполнял в том же городе обязанности архидьякона»*, I, 41), титуле (*«Рагенерий, знатный муж консульского достоинства»*, I, 34). Тем не менее Херберт, граф Вермандуа, появляется совершенно неожиданно и безо всяких объяснений (I, 46), точно так же в четвертой книге вдруг и непонятно откуда появились Фулькон Нерра (IV, 79) и Конан Реннский (IV, 82), хотя в последнем случае речь шла о современниках Рихера и людях хорошо известных. И все же, как нам кажется, одну из своих задач автор видел в том, чтобы избежать путаницы и заблуждений, сделать изложение более внятным, хотя нельзя сказать, чтобы это ему полностью удалось.

Кроме того, Рихер заявляет, что не собирается останавливаться ни на истории других народов (сведения о которых попадали в анналы наряду с фактами внутренней истории), ни на истории какой-то отдельной местности, как это было в *«Истории Реймской церкви»*. В его планы входит написать историю *«Галлии»*, территория которой, как это следует из его сочинения, примерно соответствует территории государства Карла Лысого, начиная с 882 г., то есть с того момента, когда обрываются анналы Гинкмара, а о *«делах других народов»* автор предполагает говорить *«от случая к случаю»*, если это необходимо (См. Пролог). Поэтому, кстати, он вполне мог не упомянуть о коронации Оттона I императорской короной просто потому, что, по его мнению, это никак не затрагивало королевства западных франков, а вот мятеж после смерти Оттона II напрямую касается интересов *«Галлии»*, так как он побудил Лотаря вновь заявить о своих претензиях на Бельгику — Лотарингию (III, 97, 99), рассказ о вступлении Оттона II

на трон сопровождается сообщением о вражде между ним и Лотарем (III, 67), смута в Риме важна для него, ибо она помешала Хериберту, графу Вермандуа, осуществить реставрацию Карла Простоватого (I, 54), короли англов Адельстан (II, 1) и Эдмунд (II, 49) также появляются в связи с внутренними событиями в Галлии. Таким образом, сочинение Рихера можно с оговорками назвать попыткой создания национальной истории. С оговорками — потому, во-первых, что слово «национальная» тут не очень подходит, а также потому, что целостной истории такого рода у него не получилось, он чаще всего пишет о Северной Франции, а о других регионах — только иногда.

Но главное, в чем Флодоард не удовлетворял Рихера — это отсутствие литературной обработки материала. Для поклонника античной литературы на длительное существование могло рассчитывать только сочинение, написанное хорошим языком и в соответствии с римскими взглядами на исторический жанр. Факты Рихер мог позаимствовать у Флодоарда, но суть была в другом, в литературном, связном, подчиненном единому замыслу изложении этих фактов, в осмыслиении причин и следствий событий. Это подразумевало еще и введение в текст искусно составленных речей и приближение сравнительно недавнего прошлого к римской действительности. Очевидно, Рихер был достаточно высокого мнения о своих способностях в этой области, так что он даже дерзнул посвятить свой труд образованнейшему человеку того времени, который, без сомнения, был в состоянии оценить литературные достоинства сочинения и искусство, с которым автор порой вкраплял в него цитаты из Саллюстия. Похоже также, что Рихер считал себя вправе самому избирать события, достойные запечатления на века, поэтому описание подвигов его отца выглядит у него не менее значительным, чем, например, рассказ о вражде Арнульфа и Эрлуина (и для самого автора, наверное, так оно и было).

Изложение истории Франции Рихер начинает достаточно методично. Сначала он рассказывает об устройстве мира, затем — о месте, которое занимает в этом мире Галлия, наконец — о народах, ее населяющих. Заканчиваются эти вводные главы предельно сжатым рассказом об истории «галлов» в предшествующий период: «когда святой Ремигий окрестил их, им была ниспослана особенно славная и блестательная победа. Говорят, что их первым христианским королем был Хлодвиг. После него государством по очереди правили высокородные императоры вплоть до Карла, с которого начинается наша ис-

тория» (I, 3). Собственно повествование он начинает с момента, критического для этого государства: его правитель, король Карл, — очень мал (Рихер даже преуменьшает его возраст), поэтому сеньоры, не чувствуя никакой узды, затеваюут усобицы и стараются нажиться за чужой счет. «Никто не был королю за старшего, никто не заботился об охране королевства. Каждый был способен лишь захватывать чужое добро ... Поэтому общее согласие превратилось во всеобщий раздор. Вот из-за чего распространились грабежи, вспыхнули пожары, начались разбойные набеги» (I, 4). К этому добавляется и другая опасность — уже осевшие в Галии пираты-норманны, воспользовавшись усобицей, а возможно, и приложив усилия, чтобы разжечь ее, нарушают прежние клятвы и вторгаются сначала в Бретань, а затем и в собственно Галлию. «Когда их нападения участились, все земли Кельтской Галлии, которые находятся между реками Сеной и Луарой и называются Нейстрией, были почти полностью разорены» (Там же). Однако знать осознает, что раздоры вдохновляют пиратов «на бесчеловечные дела», и решает заключить мир, съехавшись для того на совет. «На этом совещании, прислушавшись к мудрым советам и поклявшись в верности, вернулись к величайшему согласию и подготовились воздать варварам за нанесенные оскорблении» (Там же). А для успешного изгнания норманнов и обуздания мятежников сеньорам потребовался вождь, способный руководить их действиями. Поэтому они избрали своим королем не маленького Карла, а Одона, «мужа воинственного и решительного» (*«virem militarem ac strenuum»*, I, 5). Одон успешно сражается с норманнами (I, 5, 7-9), но улаживать внутренние ссоры ему удается далеко не всегда (I, 5). Потом подрастает Карл, и его сторонники коронуют его (I, 12). Согласно версии Рихера, эта коронация не приводит к войне между королями Карлом и Одоном, так как последний вскоре умирает. Правление Карла начинается весьма удачно, сеньоры признают его, его власти подчиняются и заморские народы, «и даже Роберт, брат покойного короля Одона, человек большой отваги и весьма решительный, предложил королю свою военную службу» (I, 14). Однако вскоре спокойствию приходит конец, король наносит оскорбление Роберту и другим сеньорам, и они становятся его врагами. Король не в силах подавить разрастающийся мятеж и в конце концов попадает в плен к Хериберту, графу Вермандуа (I, 47), а королем избирают зятя покойного герцога Роберта, Радульфа. Тот вступает на трон в весьма тревожной обстановке, ему приходится сражаться и с норманнами.

нами (I, 49-50, 51, 57), и с мятежными сеньорами, а из их числа в первую очередь противостоять проискам Хериберта, графа Вермандуа, «так как Хериберт слишком много требовал от короля, король же ничего ненасытному не давал» (I, 52). Но постепенно Радульфу удается упрочить свое положение. К концу первой книги он уже одержал несколько побед над норманнами, утвердил своего ставленника на Реймской кафедре (I, 60-61), взял крепость Хериберта в Лане (I, 62), его власть признают аквитанцы (I, 57), ему присягают гасконские сеньоры (I, 64). Мир и спокойствие как будто восстановлены. Вслед за Радульфом на троне оказывается Людовик, сын Карла Простоватого и, кажется, сама природа благоволит его возвращению: и послам, отправленным в Англию звать его на царство, и самому юному королю сопутствует благоприятный ветер (II, 2, 4). Послы объявляют королю Адельстану, приютившему юного изгнанника, что «все желают Людовика ради всего доброго. И нет никого, кому бы собственное благо было дороже и значило больше, чем его благо» (II, 3). Прибывшего на родину короля радостно приветствуют его подданные: «Все ему руко-плескали. Все ликовали. Таково было настроение у всех» (II, 4). Королю отказывается подчиниться только брат покойного Радульфа, но король легко побеждает его (II, 5). Однако вскоре король неосторожно ссорится с герцогом Гуго, сыном Роберта. Спокойствию приходит конец: союзник Гуго Хериберт захватывает королевский замок Шато-Тьеири, в небесах видны грозные знамения и в Галлию вторгаются новые враги — венгры, разоряют ее, а знать снова увлечена усобицами, король не может рассчитывать на ее помошь и не в силах дать отпор венграм (II, 7). Следующие главы посвящены военным действиям, в частности — усобице между Арнульфом Фландрским и Эрлуином, графом Монтрей. Далее пересказывать сочинение Рихера нет смысла — мы хотели только показать, что его изложение, особенно в более ранней части, подчинено, как нам кажется, определенному замыслу, определенной схеме: раздор знати, которым пользуются внешние враги — примирение и воцарение согласия — раздор — снова примирение и т.д. (в третьей и четвертой книгах это уже не так заметно). Большинство фактов, содержащихся у Рихера, так или иначе связано либо с раздорами, либо с попытками их преодолеть. Достижение согласия — важнейшая задача королей, персонажи Рихера вполне осознают пагубность раздоров. В обращении архиепи-

скопа Херивея к Генриху Саксонскому* раздор предстает почти что в персонифицированном виде («с тех пор, как ты допустил в свою душу зависть, свойственную негодиям, вокруг тебя свил гнездо великий раздор», I, 23), Оттон II говорит послам Лотаря, просящим мира: «я давно знал, какой вред наносят государству бесконечные распри, когда знатные сеньоры обоих королевств то и дело воюют друг с другом» (II, 80), а послы обвиняют в развязывании подобных войн «охотников до раздора, вражды и резни», «дурных людей» (III, 79). «Пусть дружба одолеет тех, чьи раздоры несут гибель государству, да установится согласие и да правит оно мужами», — объявляют они (Там же). От раздоров страдает и церковь. «Негодия свирепствуют в Реймской метрополии, лишенной пастыря, божественная служба обесценилась, истинная вера обратилась в ничто», — жалуется на соборе в Ингельхайме Роберт Трирский (II, 71), а посол папы Римского Марина отвечает ему: «Когда власть короля будет упрочена и обретет подлинное могущество, тогда благодаря ее защите Божья церкви процветут к вящей радости и будут поддерживать добродетель в добрых людях» (II, 72). И как ранее сеньоры последовали мудрым советам, объединившись, чтобы избрать Одона (I, 4), так и во время усобицы между Лотарем и Гуго Капетом, после того, как «раздоры великих мужей терзали государство в течение нескольких лет», «наиболее мудрые советники обоих государей собрались на совет и много жаловались на раздоры своих господ ... Они постановили, чтобы доброжелатели каждого из государей просили другого о мире, дабы каждый из двух, тронутый дружелюбием другого, легче пошел к нему навстречу и горячо покаялся перед ним в нарушении дружеского союза» (III, 89-90). Мудрым угоден мир, хотя это не значит, что автор отрицательно относится к войнам, направленным на обуздание внешних врагов или на расширение королевских владений, как поход Лотаря на Верден (III, 101-108). Однако внутренние распри, развязывающие руки врагам и представлявшие реальное бедствие во времена Рихера (усобицу между Фульконом Нерра и Одоном, графом Тура и Блуа он даже называет «гражданской войной», *«bellum civilis»*, IV, 79, 81), отнюдь не встречают у автора сочувствия, хотя он и увлекается подробной описанием какого-либо сражения или осады. Кстати, участие отца Рихера в подобного рода операциях оба раза было оправдано необходимостью вернуть владельцам отнятые у них владения и наказать захватчиков. Таким образом, повторяем, что если в сочи-

* В первой редакции — к Гислеберту, герцогу Лотарингии.

Уважаемые читатели!

Извините, на стр. 257 отсутствует первая строка:
нении Рихера и есть едина тема (насколько это вообще воз-

можно в сочинении, построенном по принципу отдельных рассказов), то это тема своеобразной борьбы раздора и согласия, хотя похоже, что раздор в конце концов берет верх; сочинение заканчивается на достаточно тревожной ноте: только что раскрыт заговор против королей Гуго и Роберта (IV, 96–97), Герберту угрожает новое разбирательство (IV, 107).

Но Рихер намеревался поведать также и о причинах событий. Если посмотреть, каковы у него эти причины, то оказывается, что большинство поступков персонажей «Четырех книг» определяется какими-либо человеческими побуждениями, эмоциями. Р.Латуш писал, имея в виду Рихера, что «один из излюбленных приемов историков — риторов состоит в реконструкции чувств их героев и в поиске психологических причин их поведения»*. Сеньоры пришли к согласию и избрали Одона королем «потому, что гневались на своих врагов» (I, 4), аквитанцы признали власть Радульфа «в благодарность за милость короля» (I, 57), Гислеберт отправился в свой последний поход, «желая отомстить за беззаконное оскорбление» (II, 19), а его обидчик, Оттон I ранее разорил «белгов», так как «он утверждал, что они презрели повеление его отца» (II, 18), архиепископ Артольд взял замок Шозе, «чтобы не казалось, что он не печется о своих делах» (II, 21). Людовик IV спешит взять Лан, поскольку считает, что «обида останется неотмщенной, если он будет долго ожидать войска» (II, 87); папа Римский удовлетворяет просьбу архиепископа Артольда как будто в основном из расположения к нему (III, 25, 26), брошенная Людовиком V жена вступает в новый брак, «печалясь и опасаясь дальнейших обид» (III, 95), архиепископ Арнульф сдает Реймс Карлу Лотарингскому потому, что «сострадал дяде, думал о нем, заботился о нем, относился к нему, как к другому родителю» (IV, 32). Мощным стимулом оказывается алчность и желание возвыситься (I, 63; II, 7, 11; III, 11; IV, 75), а с другой стороны — жалость. Когда Карл Простоватый заявил о своих претензиях на престол, многие пошли за ним из сочувствия к его жалобам (I, 12), нормандский герцог Вильгельм Длинный Меч помог Эрлуину, «tronutый его жалобами» (II, 14), друзья Людовика IV вознегодовали против Гуго Великого, выслушав жалобы короля (II, 52), а друзья и родичи Карла Лотарингского посулили ему помочь в ответ на жалобное обращение (IV, 15). Поэтому в сочинении Рихера столь важное место занимают жалобные речи и речи вообще

* Latouche R. Un imitateur de Sallust au Xe siècle, l'historien Richer. Etudes médiévales. Paris, 1966, p. 73.

— они показывают не только знакомство автора с риторикой, но и внутреннюю подоплеку действий персонажей.

Важным побудительным мотивом является и зависть. Герцог Роберт взбунтовался против короля не только из-за нанесенного ему оскорблений, но и потому, что «сильно ему завидовал, так как полагал, что королевство должно было достаться ему по наследству от брата» (I, 16), архиепископ Херивей назвал зависть, «свойственную негодяям», первопричиной отложения Генриха Саксонского от короля (I, 23), обиженный нормандским герцогом Вильгельмом Оттон I обратился к Арнульфу Фландрскому и Гуго Великому и «разжег великую зависть и возбудил в друзьях великую ненависть к Вильгельму, так как они, хотя и втайне, очень ему завидовали» (II, 31), а король Людовик IV, жалуясь на герцога Гуго, говорил, что тот «повел себя, как последний завистник», и зависть же объяснял причиной бунта отца Гуго (II, 73). Зависть же, хотя в данном случае автор не употребляет этого слова, заставила Отрика устроить проверку познаний Герберта (III, 55-56). Конечно, не только побуждения подобного рода лежат в основе действий персонажей Рихера, но все же случаи простого расчета* у него встречаются очень редко. Нам хотелось бы остановиться еще на одной особенности Рихера. Наряду с такими характеристиками персонажей, как знатность, могущество, воинственность или целомудрие, если речь идет о клириках, он выделяет еще и образованность, то есть осведомленность в «свободных искусствах», а наряду с походами, войнами, коронациями и соборами его интересуют и события в научной жизни. Он отмечает, что Карл Простоватый был «сведущ в науках» (*ad litteris liberalibus admodum eruditus*, I, 14), образованностью, по его словам, отличаются Сеульф, сменивший Херивея на реймской кафедре (I, 41) и король Радульф (I, 47), а вот клирик, погубивший графа Аделельма, был, напротив, человеком невежественным (I, 63). Образованность — одна из составляющих положительной характеристики, и Рихер пишет об Оттоне II: «Он славился осведомленностью в свободных искусствах, так что в ходе научных диспутов он мог и искусно задавать вопросы, и правильно разрешать их» (III, 67), о Роберте, сыне Гуго Капета: «Роберт отличался таким усердием и дарованиями, что в военных делах выделялся, и

* См. например: "Лотарь, пользуясь случаем, подумывал о вторичном вторжении в Бельгику, чтобы вернуть ее под свою власть, ведь Оттона больше не было, а знатные сеньоры жили в раздоре и королевство оставалось без короля и никем не управлялось", III, 99.

был прекрасно обучен божественным и каноническим наукам, был привержен и к свободным искусствам» (IV, 13), а о своем друге Херибранде — что это был «человек большой доброты и учености» (IV, 50). Автор с похвалой отзываетя о стараниях реймского архиепископа Адальберона «как следует наставить сынов своей церкви в свободных искусствах» (III, 42), с интересом пишет о состязании двух медиков, теоретика, знакомого с трактатами, и практика (II, 59), рассказывает о собственной поездке с научными целями (IV, 50). Но наиболее важное место занимает в этом ряду повествование о Герберте, о начале его деятельности, о книгах и приборах, которыми он пользовался, и о его победе на диспуте. Герберт, «который подобно сияющему лучу озарил и просветил всю Галлию», появился в окружении архиепископа Адальберона по воле Бога, а ранее Пророчество способствовало его поездке в Италию (III, 43), где его дарования вызвали большой интерес. Рихер рассказывает, как из Италии Герберт отправился в Реймс учиться логике и как Адальберон поручил ему «наставлять в свободных искусствах толпу учеников» (III, 45), как именно Герберт обучал их, описывает «некоторые достойные восхищения приборы» (III, 50). В результате «молва о таком учителе разнеслась не только по Галлии, но достигла и народов Германии, пересекла Альпы и распространилась по Италии до самого Тирренского моря и Адриатики» (III, 55). Саксонский складистик Отрик, завидуя Герберту, указывает Оттону II на ошибку последнего, чему император немало удивился, «ведь он видел его и нередко слушал, как тот дискутирует» (III, 56). Поэтому Оттон решает устроить диспут между Отриком и удачно приехавшим в Италию Гербертом; на этом диспуте Герберт доказывает, что обвинения против него ложны и побеждает Отрика (III, 58-65). После этого «Герберт получил роскошные подарки от августа и со славой вернулся в Галлию» (III, 65). Рихер чрезвычайно похвально отзываетя о «Реймском соборе» Герберта, который полезен не только как источник информации, но и для «познания правил риторики» (IV, 73). Исходя из тех же соображений он намеревался привести текст выступления Герберта на соборе в Музоне (IV, 101) и сообщил под конец, что Оттон III пожаловал Герберту епископство Равенское из уважения к его дарованиям («Анналы»). Для нас важно не только почтение автора к Герберту, который должен был стать его главным читателем, но и его восприятие уважения высокопоставленных персон к Герберту, а также и к Дерольду, как чего-то само собой разумеющегося, его интерес к подобного

рода диспутам и соревнованиям, которые он, очевидно, считает событиями весьма важными и достойными памяти потомков. Это почтение автора к «свободным искусствам» и его собственная гордость своей образованностью составляют очень привлекательную его особенность.

Все вышесказанное относилось скорее к содержательной стороне «Четырех книг историй», но следует остановиться и на том, как именно он строит изложение с точки зрения хронологии. Дат у Рихера вообще крайне мало: он приводит дату коронации Одона (I, 5) и Карла Простоватого (I, 12); в дальнейшем он иногда называет число и месяц, когда состоялось какое-либо событие, но не год. Например, по его словам, собор в Вердене должен был состояться в 15 календы декабря (II, 65), собор в Музоне — в январские иды (II, 67), а в Ингельхайме — в августовские календы (II, 69); Людовик V умер в 11 календы июня (IV, 5), Гуго Капет был коронован в июньские календы (IV, 12), нападение защитников Лана на лагерь короля произошло в августе (IV, 23), архиепископ Адальберон приезжал в Рим на Рождество (III, 25), на Рождество же был коронован и Роберт, сын Гуго (IV, 13). Надо заметить, что годы Рихер отсчитывает от рождества Христова, в соответствии с христианской системой летоисчисления, а числа — согласно римскому календарю; из христианских праздников он называет только Рождество и Пятидесятницу (I, 5; III, 91)*. Нельзя сказать, чтобы Рихер не стремился к точности при передаче последовательности событий. Он часто соотносит одно событие с другим: собор на горе св. Марии состоялся через шесть месяцев после возвращения Адальберона из Рима (III, 30), осажденный Реймс открыл ворота королям Людовику, Оттону и Конраду на шестой день осады (II, 55)**, сам Рихер встретился с посланником Херибранда примерно за две недели до плена Карла Лотарингского (IV, 50). Случается, что один и тот же срок повторяется, что вызывает сомнения в его реальности: Людовик IV назначает совещание знати через 30 дней (II, 30), Арнульф Фландрский также договаривается о встрече с Вильгельмом Длинный Меч через 30 дней (II, 30), анафема Гуго Великому провозглашается спустя 30 дней после собора в Ингельхайме (II, 81-82) и тридцать дней понадобилось Людовику IV, чтобы оправиться от болезни (II, 99). Кроме этого, в сочинении Рихера фигурирует еще срок в 40 дней (II, 45, 82; III, 15) или «три раза по 40 дней» (III, 19);

* Что Адальберон Ланский предал Карла Лотарингского именно в Вербное Воскресенье, следует из слов Карла; прямо автор об этом не говорит (IV, 47).

** Флодоард пишет: "post tertiam obsidionem diem", "Анналы", 946 г.

дважды повторяется выражение: «и так было в течение двух лет» (III, 94; IV, 79). Поэтому похоже, что Рихера беспокоит не столько действительное вычисление временных промежутков между событиями, сколько простое обозначение, много или мало времени прошло. Даже когда он указывает возраст своих персонажей, он как правило, не обходится без ошибок. Карлу Простоватому у Рихера 3 года в 888 г. (I, 4) и 15 лет в 893 г. (I, 12); Людовик IV умер в возрасте 34-х, а не 36 лет (II, 103), а Лотарь — в 45 лет, а не в 68, пережив при этом Оттона I не на 10, а на 13 лет, а со смерти Людовика IV прошло к этому времени не 37 лет, а 32 года (III, 109). Так что довольно опасно полагаться на кажущуюся точность Рихера.

Обычно Рихер увязывает содержание соседних глав с помощью слов и выражений типа *«integre»*, *«quo tempore»*, *«dum haec gerentur»*. Однако если предположить, что посредством подобных «связок» соединяются сообщения о событиях, происходивших примерно в одно и то же время, тогда придется обвинить Рихера в чудовищном пренебрежении хронологией. Можно, например, подумать, читая его, что убийство архиепископа Фулькона (900 г., I, 17) произошло уже после разрыва между Карлом Простоватым и герцогом Робертом (920 г., I, 16), что герцог Лотарингии Гислеберт к 923 г. уже был женат на Герберге, дочери Генриха Птицелова (I, 35), тогда как их брак состоялся в 928 г., что та же Герберга, будучи уже женой Людовика IV, родила близнецов (953 г.) примерно тогда же, когда мать короля вышла замуж (951 г.; II, 101-102).

Разгадка этого явления заключается очевидно, в том, что Рихер строил свое изложение отнюдь не как подобие анналов или хроники: его сочинение состоит из отдельных историй, внутри которых хронологический порядок, в общем, соблюдается. Так, в главах 22-41 третьей книги автор рассказывает о деятельности Адальберона в начале его архиепископства, хронологические рамки этого рассказа 969-весна 972 г. Следующие главы (III, 41-65) посвящены Герберту Орильякскому и начинаются с рассказа о его юности (родился между 945 и 950 гг.), а заканчиваются отчетом о диспуте Герberта с Отриком, который состоялся в декабре 980 г. В эпизоде с диспутом уже действует император Оттон II, однако только в 67 главе Рихер сообщает о смерти Оттона I (973 г.) и о возведении на престол его сына. Коронация сына Лотаря, Людовика V (III, 91; июнь 979 г.) состоялась в действительности еще до примирения Лотаря с Оттоном II (III, 81; июль 980 г.) и с Гуго Великим (III, 90; 18 июня 985 г.), но Рихер, очевидно, пожелал выделить в один рассказ все, что связано с коронацией Людовика V и с планом сделать его королем Аквитании (III,

91-95). О том, что после смерти Оттона II в его королевстве поднялся мятеж, автор сообщает дважды (III, 97 и 99), в одном случае речь идет о неудачной попытке Лотаря заключить договор с мятежником Хезилоном (III, 97-98), в другом — о том, как Лотарь воспользовался смутой в Германии, чтобы захватить Верден*. Рассказ о своей поездке в Шартр (IV, 50), которая состоялась до плена Карла Лотарингского, он помешает после соответствующего эпизода (IV, 47). Н.Бубнов полагает также, что бегство пленного епископа Адальберона из Лана (IV, 20) произошло уже после второй неудачной осады Лана королем (IV, 21-23), однако в главе 19 речь зашла о башне Лана, поэтому в следующей главе автор и рассказал о побеге епископа из этой башни, а затем вернулся к описанию действий короля**. Следует заключить, таким образом, что, пожалуй, наиболее верным переводом заглавия сочинения Рихера, которое переводилось и как «История своего времени»***, и как «История Франции»****, является все же перевод дословный: «Четыре книги историй» или «Истории в четырех книгах», ибо оно представляет собой подобие мозаики, собранной из различных историй, заимствованных у Флодоарда или составленных самим автором, подвергшихся влиянию как античной историографии, так и современных автору героических легенд, что и определяет не в малой степени неповторимое своеобразие труда реймского монаха.

* * *

Остановимся еще на одном вопросе — на вопросе о политической ориентации Рихера, его отношении к Каролингам и Капетингам. В прошлом веке Рихера традиционно и не очень обоснованно считали «горячим защитником дела Каролингов»*****, хотя уже Ф.Лот утверждал, что его «приверженность Каролингам сильно преувеличена»*****. Аргументы в пользу традиционной версии основывались не в малой степени на том, что Рихер называет герцога Роберта и его потомков, Гуго Великого и Гуго Капета, тиранами. Остановимся сперва на значении этого слова у нашего автора. Тиранами Рихер называет, кроме вышеупомянутых персонажей, еще

* Подобным же образом дважды говорится о том, как Вильгельм Длинный Меч пришел к Людовику IV и присягнул ему (II, 20, 28).

** Бубнов Н.М. Сборник писем Герберта, ч. II, отд. 2, с. 960.

*** В изд.: Richer. *Histoire de son temps*. Ed. et trad. F.Guadet, Paris, 1845.

**** В изд.: Richer. *Histoire de France*. Ed. et. trad. R.Latouche, vol.1-2. Paris, 1930-37.

***** Eckel A. Charles le Simple, Paris, 1899, p. 137.

***** Lot F. *Les derniers carolingiens*. Paris, 1891, p. XVII.

вождя норманнов Катилла (I, 10-11), герцога Лотарингии Гислеберта (I, 40), расхитителей церковного имущества (III, 19), духовных лиц, преступивших законы (IV, 89), Хериберта, графа Вермандуа, и его сына (I, 62; II, 7, 22-24, 26-27, 36, 75; III, 11, 12), Одона, графа Блуа, и Фулькона Нерра (IV, 90), Карла Лотарингского (IV, 18, 37). Гуго Великий и Арнульф Фландрский называют тираном Вильгельма Длинный Меч (II, 32), а о Рагенерии, захватившем владения королевы, говорится, что он действовал «с безрассудством тирана» (III, 6). В целом можно сказать, что тиран у Рихера — это тот, кто нарушает мир, наносит вред государству и посягаает на нечто, ему не принадлежащее, будь то корона, поместья или скот. Кроме того, от этого определения можно избавиться: герцог Роберт не является тираном, когда сражается с пиратами (с помощью короля, I, 28), а Гуго Великий и его сын — когда находятся в мире с королями; Карл Лотарингский, наоборот, автоматически становится тираном, когда выступает против короля Гуго (IV, 18). Таким образом, нам кажется, что понятие «тиран» у Рихера лишено особой эмоциональной окраски и свидетельствует о неодобрительном отношении автора не столько к персонажу, сколько к его образу действия. Поэтому говорить только на этом основании о враждебности автора к Капетингам нельзя*. Теперь обратимся к взаимоотношениям двух семейств, как они описаны у Рихера. Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что первый из представителей рода Робертинов (Капетингов), оказавшихся на троне, а именно Одон, изображен у Рихера вполне законным королем, а о долгой борьбе между ним и сторонниками Карла практически не упоминается: Одон остается королем и после коронации Карла, но вскоре умирает (I, 13), и его сторонники вполне достойно хоронят его. Причем похоже, что только по его смерти Карл вполне утверждается в своих правах: следующая глава открывается словами: «Итак, Карл, став королем ...» (I, 14). Борьба между представителями двух родов начинается, по Рихеру, только с разрыва Роберта, брата Одона, с Карлом. Но поначалу их отношения складываются вполне мирно: Роберт идет на службу к Карлу, а «король поставил его герцогом Кельтики, почти четыре года он пользовался его советами и

* Современный исследователь М. Со утверждает, что Рихер называет герцога Роберта не только "tirannus", но также "transfuga" и "desertor", но эти два слова взяты из речи приближенных Карла Простоватого, которые вряд ли могли иначе отзываться о Роберте (I, 43). См.: Sot M. *Les élévarions royales de 888 à 987 dans l'historiographie du Xe siècle. Religion et culture autour de l'an mil: Royaume capetien et Lotharingie*. Metz, 1990, p. 149.

очень доверял ему» (I, 14). Однако далее Рихер говорит о Карле, что «он и дальше был бы счастлив во всех своих предприятиях, если бы в одном не ошибся так сильно» (там же). Эта ошибка заключалась в том, что Карл приблизил к себе незнатного Хаганона*, отдавая ему предпочтение перед знатными сеньорами, чем вызвал негодование последних (I, 15) и в особенности Роберта, которого неосмотрительно усадил вместе с Хаганоном, как равного (I, 16). После этого Роберт покинул короля и стал обдумывать, «как ему самому захватить власть». Автор сообщает, что Роберт и раньше завидовал королю и считал себя законным наследником брата, однако из его изложения следует, что Роберт преданно отстаивал интересы короля, пока тот не оскорбил его. Тем не менее, начав злоумышлять против Карла, он становится «тираном» (I, 21). Сторонники Роберта делают неудачную попытку захватить Карла в плен (I, 22), а затем коронуют Роберта (I, 41); между приверженцами Карла и Роберта происходит сражение, в котором Роберт погибает (I, 46). Определить отношение автора к этим двум персонажам достаточно сложно. С одной стороны, хотя Рихер и называет коронацию Роберта «преступлением», а его самого — тираном, он все же высоко отзывает о его личных качествах, указывает, что король сам подтолкнул его к измене, не скрывает его отважного поведения во время сражения с пиратами (I, 28–30) и в битве при Суассоне. С другой стороны, Карл выглядит у Рихера фигурой достаточно слабой: он очень нуждается в опеке решительного архиепископа Херивея, а до него — Фулькона, почему Роберт и замышлял убийство последнего, «ибо ему казалось, что как только тот погибнет, он с легкостью сможет возвратить королевство» (I, 16). Карл часто представлен плачущим или жалующимся (I, 18, 21, 34, 42, 55), он, единственный изо всех королей у Рихера, не принимает личного участия в решающем сражении, а наблюдает за его ходом издали (I, 45). Почти комическим выглядит эпизод, когда архиепископ Херивей освобождает его из плена (I, 22); умирает Карл, «окваченный тоской и печалью» (I, 56). Этот персонаж, едва ли не самый интересный у Рихера, производит впечатление скорее жалкое и очень далек от того решительного и отважного государя, который требуется франкам. Можно добавить, что в истории мятежа действует еще один персонаж, лотарингский герцог Гислеберт, причем появляется он как раз в тот момент, когда отношения между Карлом и Робертом становятся достаточно мирными. Этот человек, которого, по словам Рихера, сопоставившего его с Катилиной, «очень радовали беспорядки и взаимные распри» (I, 35), был мятежником по натур-

* На самом деле Хаганон был родственником Фредеруны, жены Карла.

ре и питал, причем беспринципно, «необычайную ненависть» (I, 36) к другу своего покойного отца Карлу (I, 34), который в свое время «милостиво пожаловал» ему земли отца, а потом простил ему измену (I, 39). Гислеберт, которому все равно, кто будет его сообщником и кого возводить на трон, возможно, и введен автором для того, чтобы снять часть ответственности с Роберта: у него были причины гневаться на короля, а к наиболее решительным действиям его подтолкнул такой человек, как Гислеберт. В конечном счете складывается впечатление, что отношение Рихера к Карлу и Роберту сложнее, чем принято думать. Карл — законный король, и автор отзыается о нем не без сочувствия, но качествами истинного короля скорее обладают Роберт и Радульф, коронованный после смерти Роберта. Роберт — личность, безусловно, героическая, но он нарушил присягу, данную своему сеньору — Карлу* и посягнул на его права. Дальнейшие отношения королей из династии Каролингов и герцогов — потомков Роберта складывались по схеме, подобной схеме отношений Карла и Роберта. Гуго Великий, хотя и сознает свои права на престол, но отказывается от них в пользу Людовика IV, при условии, что тот, «не отступится от его советов» (II, 4), и верно служит ему. Но король дважды нарушает договоренность — когда отстраняет от себя герцога (II, 6) и когда уже после примирения жалует ему Байе, а затем отбирает обратно (II, 43), после чего герцог начинает подговаривать «верных своих и друзей поспешить с отмщением». О.Юрьева следующим образом оценивает его действия: «Король не сдержал верности сеньора по отношению к своему вассалу Гуго, чем и возбудил справедливое негодование последнего»**. В своем обращении к захваченному в плен королю герцог подчеркивает как свои прошлые заслуги, так и готовность служить ему: «Итак, вернется к нам добродетель и призовет нас к согласию, чтобы ты правил, а я — служил, а с моей помощью и остальные придут к тебе на службу» (II, 51).

* К клятвопреступникам низшего ранга у Рихера относятся с открытым презрением. Граф Хериберт, впущеный в Шато-Тьеи предателем, издаваясь над ним и бросает в тюрьму (II, 7), его сын Роберт тоже пользуется помощью изменника при взятии Дижона, но затем выдает его обманутому сеньору — королю (III, 12), граф Одон, по воле которого был повешен знатный человек, склоненный им к измене, утверждал, что смерть предателя его не печалит (IV, 78), что же касается Адальберона Ланского, то он сравнивается с Иудой (IV, 47).

** Юрьева О.П. Очерки по истории феодализации монархии во Франции. ЖМНП, 1902, № 2, с. 53.

Окончательно помириться с королем герцога заставило только отлучение и увещевания епископов, но после того, как король и Гуго Великий заключили мир (II, 97), последний вновь стал преданно служить королю, повинуясь его приказам (II, 98, 99), а после его смерти поддержал юного Лотаря, сына Людовика IV. Сын Гуго Великого, Гуго Капет, также является верным вассалом Лотаря, и, задумав поход на Ахен, Лотарь обращается за помощью в первую очередь к нему (III, 69). Недоверие Лотаря к Гуго, заставившее его заключить мир с Оттоном II через его голову кажется результатом прежде всего чрезмерной подозрительности короля (III, 78), так как из текста Рихера никак не следует, что Гуго в чем-то обманул его доверие, а попытка короля захватить герцога на его обратном пути из Италии выглядит и вовсе предосудительно (III, 86-88). Однако после примирения с Лотарем, Гуго помогает ему короновать Людовика V и демонстрирует свою готовность повиноваться своему сеньору: «Теперь правили два короля и обоим герцог выказывал необычайную обходительность и предлагал всевозможные услуги, превознося перед всеми королевское достоинство и не скрывая своей покорности» (III, 91). Даже попытка короля за его спиной осуществить план сделать Людовика аквитанским королем (III, 92-93) не заставила герцога взбунтоваться.

Гуго остается верным слугой и Людовика V, подчинившись, хотя и неохотно, даже решению короля идти на Реймс (IV, 3). Затем Людовик V умирает, и на престол избирают уже самого Гуго, а Карл Лотарингский, пытающийся оспорить его права, превращается в тирана. В целом можно отметить следующее: разрыв между герцогами из рода Робертинов и королями постоянно происходит по вине последних, а наиболее мирные периоды правления Каролингов относятся именно к тому времени, когда герцоги служат им, так что из сочинения Рихера как будто следует, что королям лучше было бы сохранять дружбу с герцогами. Истинное положение герцогов франков, превосходивших последних Каролингов могуществом, не замалчивается автором. Гуго Великий — явно хозяин положения в тот момент, когда он возводит на престол Людовика IV (II, 1-4); уговаривая своего сеньора заключить договор с Оттоном II, вассалы Гуго Капета говорят ему: «Оттон не настолько беден рассудком, чтобы не знать, что ты превосходишь Лотаря и военными силами, и богатством» (III, 83). Кстати, и Герберт Орильякский незадолго до смерти Лотаря писал, что Лотарь — правитель Франции только по имени,

Гуго же — на деле*. Когда молодой Людовик V вступает на престол, многие советуют ему «остаться при герцоге, ведь ... ему стоит поучиться и благоразумию, и доблести у столь выдающегося государя. Также ему будет очень выгодно, если на время он вверится опеке могущественного человека» (IV, 1). А в знаменитой речи Адальберона на совещании в Санлисе стоит обратить внимание на то, что одной из причин, не позволяющих избрать Карла, является неприемлемость этой кандидатуры для герцога, так как жена Карла — дочь вассала Гуго: «Как стерпит великий герцог, чтобы женщина из семьи его вассалов стала его королевой и властвовала над ним? Как подчинится тот, перед кем склоняли колена равные ей и даже высшие ...?» (IV, 11).

Рихер испытывает определенное почтение к носителям королевского титула, но, похоже, именно из-за титула, а не из-за принадлежности их к королевской династии**. Каролинги у него ничем не отличаются от королей из другого рода: например, Радульф, так же, как Карл Простоватый (I, 12) или Одон (I, 7) издает «королевские эдикты» (I, 57), так же, как Людовик IV (II, 5, 98) объезжает окраины своих владений, чтобы принять присягу у съезжающихся к нему местных сеньоров (I, 64). В современной литературе, правда, уже проявляется склонность считать Рихера не «прокаролингским», как ранее, а «прокапетингским» историком***. Б. Гене полагает, что первые Капетинги нуждались в собственной истории Франции, в которой, в частности, не были бы скомпроментированы их предки, и именно в этом контексте следует рассматривать таких авторов, как Рихер и Аймоин****. Но такому пониманию, как нам кажется, противоречит последняя, четвертая книга сочинения Рихера, в которой королем является уже Гуго Капет: прокапетингский автор не стал бы писать о нем, что «король, сознавая свою вину, упрекал себя в том, что он нарушил закон, отняв у Карла отцовский трон» (IV, 39). В эпизоде, рассказывающем об осадах Лана, столь важных для Гуго, нашего автора больше всего занимает устройство оставшегося бесполезным тарана (IV, 22).

* См.: *Les lettres de Gerbert*. Ed. par J. Havet, Paris, 1889, № 48.

** Любопытно также, что короли у Рихера, похоже, лишены особого, почти магического ореола: они попадают в плен, жалуются, плачут и тяжко болеют, а Рихер с увлечением перечисляет симптомы их болезней.

*** См., например: Landes R. L'accession des Capétiens, *Religion et culture autour de l'An mil*, p. 157, n. 155.

**** См. Guenée B. *Histoire et culture historique dans l'Occident médiévale*. Paris, 1980, p. 334.

Наконец, то, что Карл Лотарингский лишен права наследования обоснованно и по своей вине, следует только из слов Адальберона Реймского (IV, 10, 11), до этого Карл на страницах «Четырех книг историй» отсутствовал, и нам неизвестно, разделяет ли автор мнение Адальберона касательно Карла — мы уже говорили, что к приведенным у Рихера речам надо относиться крайне осторожно. А в главе, рассказывающей о пленении Карла Лотарингского, симпатии автора скорее находятся на его стороне, чем на стороне бесстыдного святотатца — епископа, который выдал его и тем послужил королю Гуго (IV, 47). Так что, в сочинении Рихера довольно сложно усмотреть какую-либо определенную политическую направленность. Скорее можно сказать, вслед за А. Горовым, что «Рихер так перепутал свои политические симпатии и антипатии, что, вероятно, сам не дал бы отчета, какую партию или династию он ставит выше других»*. С другой стороны, позиция Рихера по отношению к Каролингам и Капетингам может представлять интерес, как попытка объективного взгляда на их усобицы.

Достаточно ясно, что король у Рихера — это в первую очередь крупнейший сеньор, которому вассалы обязаны верно служить, но который и сам имеет определенные обязательства перед ними. Поэтому отношения Каролингов с Капетингами (Робертинами) на всем протяжении сочинения Рихера — это прежде всего отношения небезупречных сеньоров с небезупречными вассалами (Гуго Капет, по свидетельству Рихера, подумывал даже о том, чтобы закрепить за Карлом Лотарингским захваченные владения, приняв у него вассальную присягу: IV, 18, 45). Бунт против короля осуждается как бунт вассалов против сеньора: нельзя восставать против своего господина, кем бы он ни был. Эту тему развивают у Рихера самые разные персонажи: за выступление против господина упрекают Гуго Великого и участники собора в Ингельхайме (II, 77) и «галльские» епископы (II, 96), но и приближенные Гуго Капета предостерегают его от восстания против короля, чтобы другие не подумали, «что можно, не совершая правонарушения и клятвопреступления, покидать своих господ и надменно поднимать головы против них» (III, 83). В том же духе высказывается и Оттон I (II, 29). И хотя мы ранее предостерегали от смешения точки зрения персонажей Рихера с авторской, в данном случае, нам кажется, взгляд его героев на сущность взаимоотношений короля с его знатными подданными может совпадать с мнением самого Рихера.

* Горовой А. Герберт или папа Сильвестр II. Киев, 1886, с. 170.

* * *

Итак, что же мы можем сказать в заключение о Рихере Реймском и его сочинении? Автор «Четырех книг историй» — человек, безусловно, превосходно для своего времени образованный и одаренный незаурядными литературными способностями. Его увлечение античной литературой и стремление уподобиться римским авторам приводит к тому, что он не только пользуется терминами, не имеющими отношения к реалиям X в., но во многом подчиняет свое изложение принципам античной историографии, превращая своих персонажей, живших с ним в одно время или в не столь отдаленном прошлом, в «галлов», «белгов», «кельтов», «оптиматов» и «мужей консульского достоинства», произносящих речи, ведущих в бой легионы и издающих эдикты. При этом подобная стилизация оказывается важнее, чем историческое повествование как таковое. За это пренебрежение связным изложением исторических фактов в пользу стилизации и критиковали, главным образом, Рихера ученые прошлого века.

Далее, необычно и увлечение Рихера медициной, заставившее его использовать любую возможность, чтобы показать свои познания в этой области. Рихер как будто лишен смиренния — он не стесняется описывать подвиги своего родителя (II, 87-90, III, 7-9) и собственную поездку в Шартр (IV, 50). В прологе «Четырех книг историй» отсутствуют обычные ссылки на свою необразованность*, напротив, он даже называет свой основной источник — сочинения Флодоарда,— как бы предлагая сопоставить с ними его труд и оценить сделанные им усовершенствования, выражает надежду, что его сочинение читателю понравится (пролог). Политические взгляды Рихера довольно неопределены — нельзя сказать, чтобы его сочинение было направлено против или, наоборот, в пользу какой-либо династии или партии. Его повествование распадается на ряд отдельных эпизодов — историй, он может нарушить хронологию и один раз путает персонажей (III, 15), но при этом он точен как раз там, где его повествование имеет, очевидно, наименьшее отношение к действительности: рассказывая о юношах, похитивших лодки у Гуга Великого, он называет сумму, которую они посулили своему незадачливому гостеприимцу — 10 солидов (II, 57), он указывает, как именно прятали яд Дерольд и его соперник (II, 59), говорит, что во время свидания Гуга Капета с Оттоном II меч последне-

* Даже Герберт извинялся перед читателями за свое невежество во вступлении к «Реймскому собору». См.: MGH, SS, t. III, p. 659.

то лежал на плетеном кресле (III, 85), описывая осадную башню, приводит даже размеры пошедших на нее бревен (III, 105). Наконец, складывается впечатление, что он не всегда бывает вполне серьезен: ирония проглядывает в том, какое прозвище он дал своему мулу, павшему по дороге в Шартр — Буцефал (IV, 50), несколько комическими выглядят эпизоды скандала, учиненного Вильгельмом Длинный Меч в Аттины (II, 30) и, возможно, освобождения Карла Простоватого архиепископом Херивеем (I, 22). Напрашивается вопрос, всегда ли он был полностью серьезен и в других случаях?

Из всего вышесказанного следует, в частности вывод, что «Четыре книги историй» очень слабо напоминают официальную, написанную по заказу государственного деятеля, предназначенную для широкого круга читателей хронику*. Сочинение Рихера — вообще не хроника, принцип изложения в нем совершенно иной, к тому же в нем не ощущается хода времени, развития истории. Оно не похоже и на результат исполнения официального заказа, так как слишком неопределенно в политическом плане, слишком отрывочно и имеет слишком личный характер. «Четыре книги историй» скорее представляют собой сочинение, написанное образованным человеком для очень немногочисленных читателей, своих единомышленников, способных оценить его достоинства. Для этого узкого круга читателей, главным из которых должен был стать, очевидно, Герберт, была интересна не собственно история X в., в которой они и без того могли быть осведомлены, а попытка автора рассказать эту историю в занимательной форме и в соответствии с принципами античной историографии. Перед такими читателями Рихеру не было нужды извиняться, и сведения, относящиеся к самому автору, могли представляться им важными. Кто на самом деле смог ознакомиться с трудом Рихера в то время — мы не знаем, как не знаем и того, какое место занимали «Четыре книги историй» в жизни монаха из Реймса.

Если «Четыре книги историй» — не историческое произведение в полном смысле этого слова, то стоявшие перед ним литературные задачи автор выполнил блестяще — едва ли можно назвать другой источник того времени, дающий столь

* При этом сочинение Рихера довольно часто называют хроникой. См., например: Чайковская О.Г. Писатели-монахи и писатели-рыцари (X в.). *Французский ежегодник*, 1962. М., 1963, с. 7: "Историки получили в свое распоряжение неоценимое сокровище, обширную и весьма подробную хронику событий X в., написанную к тому же человеком замечательным".

же яркое представление о своей эпохе. Для чисто повествовательной истории из него можно почерпнуть не так уж много, с его данными сложно работать (главным образом, потому, что он практически не датирует события), но при этом он сохранил ряд драгоценных сведений, например, о совещании аббатов, на котором шла речь о реформировании монастырской жизни (III, 32–42), и о раннем периоде деятельности Герберта (III, 43–65). За описаниями и речами Рихера, выдержанными в античном духе, все равно чувствуются подлинные отношения X в., чувствуется человек, живший в то время.

Замечательная особенность сочинения Рихера заключается в том, что оно сохранилось в черновике. Мы не знаем, как оно должно было выглядеть в окончательном варианте, но можем проследить за ходом редактирования, вносимыми изменениями, их характером. В полностью отредактированном виде «Четыре книги историй», возможно, были бы свободны от многих погрешностей автора, и гораздо труднее было бы подвергнуть его критике. Рихер обогащает наши представления о раннесредневековом монахе-историке, требуя при этом чрезвычайной осмотрительности в работе как с ним, так и с другими подобного рода источниками: забота о стиле и занимательности повествования могла взять верх над точной передачей фактов не только у Рихера, но у него это обстоятельство заметнее. Он дает возможность поставить проблему соотношения заимствований из литературы и почерпнутого из исторических источников и из действительности в историческом сочинении того времени. И несмотря на близость сочинения Рихера к беллетристике, несмотря на его незаконченность и сложность работы с ним, — он практически ни в чем не позволяет быть полностью уверенным, — насколько беднее были бы наши познания о Франции X в. без «Четырех книг историй» монаха Рихера из обители св. Ремигия в Реймсе.

Комментарии

Рихер Реймский «История»

Перевод сделан по изданию Richeri Historiarum libri III/Ed. G.H.Pertz, Hannoverae, 1839 (MGH, SS, in usum scholarum).

Пролог

1 ...*Герберту, архиепископу Реймскому...* — Герберт Орильякский или Реймский (между 945 или 950-1003 гг.), учитель Рихера по монастырской школе в Реймсе, где преподавал в 972-989 гг. (см.: Darlington O.G. Gerbert, the teacher. *The American historical review*, vol. 52, № 3, 1947). Реймским архиепископом Герберт стал в 991 г., что позволяет сделать вывод о том, что работа над сочинением была начата Рихером не ранее 991 г.

2 ...*благословенной памяти Гинкмар...* — Гинкмар (806-882), архиепископ Реймский с 845 г. Автор трактата «О дворцовом и государственном управлении» (*De ordine palatii et regni*), написанного для наставления Людовика Косноязычного, многочисленных писем. Продолжил Сен-Бертенские анналы (*Annales Bertiniani*), доведя их до 882 г.

3 ...*восьмой до тебя на архиепископстве.* — На самом деле не восьмой, а девятый (Фулькон (882-900), Херивей (900-922), Сеульф (922-925), Хугон (925-932, 940-948), Артольд (932-940, 948-961), Оделрик (962-969), Адальберон (969-988), Арнульф (988-991, 996-1021). Очевидно, Рихер сознательно опускает Арнульфа, предшественника и соперника Герберта. Перипетиям борьбы Арнульфа за Реймскую кафедру удалено много внимания в книге IV.

4 ...*Флodoарда, реймского каноника...* — Флодоард, реймский каноник (894-966), оставил два исторических сочинения: «Анналы», охватывающие 919-965 гг., которыми в основном и пользуется Рихер, и «Историю Реймской церкви» (*Historia ecclesiae Remensis*), доведенную до 948 г.

Книга I

Глава 1

1 ...*согласно космографии...* — Эта «космография», по мнению Р. Латуша, позаимствована из «Истории против язычников» Павла Орозия (нач. V в.н.э.), написанного под влиянием Аврелия Августина очерка мировой истории, весьма популярного на протяжении всего средневековья (кн. I, гл. II).

2 ...*Рибейскими горами, Танаисом, Меотидой...* — Имеются в виду соответственно Уральские горы, Дон, Азовское море.

3 ...*ее уроженцев отличает довольно светлый цвет кожи* — Этимология названия взята из «Этимологии» Исидора Севильского. (кн. XIV, гл. IV, 25). Исидор Севильский выводит название «Галлия» от греческого слова «*gala*» — «светлый».

Глава 2

1 ...*на Бельгику, Кельтику, Аквитанию...* — Подобное деление Галлии восходит к «Запискам о Галльской войне» Юлия Цезаря и является для времени Рихера глубоко архаическим (I, 1).

2 ...*за их порождение получившую такое название...* — Рихер, видимо, сопоставляет название «Германия» с глаголом *germinare* — «произрастать» и

производными от него словами типа «*germanitas*» — «братьство, родство», «*germanus*» — «родной». См. также: Исидор Севильский, «Этимологии», XIV, IV, 4.

3 ...*Арапом...* — Соной, притоком Роны.

Глава 3

1 ...*И святой Иероним...* — Иероним (ок. 350-420), один из отцов церкви. Перевел на латинский язык и продолжил «Хронику» Евсевия Кесарийского (ок. 267-338), которая стоит у истоков христианской историографии. Он также составил новый исправленный латинский перевод Библии (Вульгату), вытеснивший более раннюю Итулу. Известны и многие другие его сочинения, на одно из которых и ссылается Рихер, а также письма.

2 ...*белги лучше умеют вести дела...* — Эти названия народов Галлии столь же архаичны, как и деление ее в гл. 2, и само название «Галлия».

3 ...*Вот и Сульпиций говорит...* — Сульпиций Север (ок. 400), христианский писатель из Аквитании, автор всемирной хроники и «Жития св. Мартина Турского», известны также его письма и диалоги. См.: Сульпиций Север «Диалоги», I; CSEL, t. I, p. 160.

4 ...*когда святой Ремигий окрестил их...* — Ремигий (св. Реми) — архиепископ Реймский (437-533), апостол франков. Происходил из знатного рода (сын графа Ланского), получил хорошее образование, был избран архиепископом в 22 года. Из его произведений сохранились 4 письма, в том числе два, адресованные королю Хлодвигу. Его гробница находится в Реймсе, в церкви Сен-Реми. Один из наиболее почитаемых национальных святых во Франции.

5 ...*их первым христианским королем был Хлодвиг.* — Хлодвиг (Chlodwig или Clodoveus у Рихера) (ок. 466-511) король салических франков с 481 г., из династии Меровингов. Его завоевания в Галлии (победа над галло-римлянами в битве при Суассоне в 507 г.) положили начало Франкскому государству. Христианство он принял в 496 г., как утверждает традиция, под влиянием своей жены, католички Клотильды, племянницы бургундского короля.

6 ...*высокородные императоры вплоть до Карла...* — Карл Простоватый (879-929, король в 898-923 гг.)

7 ...*с которого начинается наша история.* — В прологе Рихер писал, что его сочинение является в определенном смысле продолжением анналов Гинкмаря. В действительности же между последним годом анналов (882 г.) и первым историческим событием, приведенным Рихером (коронация Одона, начало 888 г.) существует разрыв. За это время Одон, сын Роберта Сильного, получил титул графа Парижского и прославился во время осады Парижа норманнами (ноябрь 885-ноябрь 886); порой практически лишенный какой-либо помощи извне, Одон сумел отстоять город и вынудил норманнов снять осаду (странный, что этот эпизод не привлек внимания Рихера, тем более его могла бы заинтересовать хитрость, примененная осажденными — они составили подобие зажигательной смеси и сожгли норманнские корабли, о чем рассказывает Абbon в поэме «Об осаде Парижа» (*De bello parisiaco*). На трон королевства западных франков, минуя малолетнего Карла Простоватого, в 884 г. призывают Карла Толстого, бывшего к тому времени королем Германии и носившего с 881 г. императорскую корону: Франция и Германия объединились под властью одного монарха. Правление Карла Толстого было неудачным, он оказался не в состоянии управлять столь обширным государством, в которое входила и Италия, и осенью 887 г. был низложен решением знати, а вскоре и умер. В Германии его преемником стал Арнульф, побочный сын

Карломана, брата Карла Толстого; в Бургундии был помазан Родольф, потомок знатного рода Вельфов, свои короли появились и в Италии, и в Лотарингии. В Северной же Франции королем был избран Одон, к тому времени сосредоточивший в своих руках огромные земельные владения и получивший титул маркиза Нейстрии. Попытка вновь объединить земли империи Карла Великого быстро обернулась стремительным распадом.

Глава 4.

1 ...*а прадедом — Карл Лысый...* — Карл Лысый (823-877) приходился Карлу Простоватому не прадедом, а дедом; отцом Карла был Людовик Косноязычный (846-879), а Карломаном звали дядю и брата Карла Простоватого.

2 ...*разу, как ему исполнилось четыре года.* — Карл Простоватый родился через пять месяцев после смерти отца, 17 сентября 879 г., что позволило позже его противникам высказывать сомнения в его законном происхождении (Eckel A. Charles le Simple. Paris, 1899, p. 2). Его мать Аделаида умерла гораздо позже.

3 ...*вдохновило пиратов...* — Так автор называет норманнов.

4 ...*король давовал им эту провинцию...* — Р.Латуш полагает, что здесь могли отразиться воспоминания о договоре в Сент-Клер-сюр-Эпт 911 года между Карлом Простоватым и предводителем норманнов Роллоном (Хрольфом), согласно которому король передал норманнам административную власть над городами Руан, Эvre и Лизье, а норманны присягнули королю на верность и обязались креститься. Рихер относит это событие ко времени до восшествия Карла на престол.

5 ...*место под названием ров Гивольда.* — Эти события упоминаются в Сен-Бертенских анналах под 856 годом: «Тем временем другие датские пираты в середине августа поднялись по Сене и полностью разграбили города по обеим сторонам реки, а также близлежащие монастыри и деревни, отвезли добычу в хорошо укрепленное место, которое называется Ров Гивольда, где спокойно провели зиму», MGH, SS, t. 1, p. 450.

6 ...*руководил вождь Катилл.* — Предводитель пиратов по имени Катилл нигде больше не упоминается, скорее всего, этот персонаж вымышлен Рихером. Может быть, «Катилл» — это искаженное скандинавское имя «Кетель» или «Кетиль».

7 ...*Карлу было только три года...* — Карлу весной 888 г. было 8 лет.

Глава 5

1 ...*пятое воскресенье марта...* — Э.Фавр (E.Favre, Eudes, comte de Paris et roi de France. Paris, 1893) считает, что Одон был коронован 29 февраля 888 г. в Компьене, скорее всего, в церкви св. Корнелия.

2 ...*Одона, мужа воинственного и решительного...* — Одон или Эд из рода Робертинов, граф Парижский, один из наиболее могущественных сеньоров королевства, прославившийся успешной обороной Парижа от норманнов в 885-886 гг. Король в 888-898 гг.

3 ...*Его отцом был Роберт...* — Роберт Сильный (ум. в 866 г.), граф Тура и Анжера с 852 г., прадед короля Хугона Капета.

4 ...*из сословия всадников...* — «ex equestri ordine», то есть из служилых рыцарей, а не из знатного рода, каким были Робертини-Капетинги.

5 ...*Витикин, прибывший из Германии.* — О саксонском происхождении Робертинов говорится еще в «Чудесах святого Бенедикта» Аймоина. Э.Фавр согласен с такой версией, тогда как Р.Мерле (R.Merle. Origine de Robert le fort. Melanges Julien Haret. Paris, 1895) считает ее легендарной и полагает, что Роберт Сильный был франкского происхождения (р. 104).

6 ...улачивать скоры. — В первой редакции после этих слов стояло «так как рыцари отказывались подчиняться человеку незнатного происхождения».

7 ...цена коровы поднялась до 11/12 либры. — Модий, исходная величина для определения объема сыпучих тел в Древнем Риме, составляя чуть меньше 9 л; указанные автором денежные единицы восходят к римской системе весов, основой которой являлся фунт — либра (327,5 г) и его производные, в числе которых находились унция (1/12 либры) и драхма (1/96 либры). Непонятно, почему курица у Рихера оказалась значительно дешевле яйца. Говоря о стоимости коровы, Рихер употребляет редкое слово «*jabus*», которое означает 11 унций, то есть 11/12 либры. См.: Du Cange C.D. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, слово «*jabus*» T.2, p.1. Basilea, 1762.

8 ...курица — денарий... — Денарий — имевшая широкое хождение во Франкском королевстве серебряная монета, вес которой составлял около 2 г.

Глава 7

1 ...к походу против пиратов. — Этот поход Одона против пиратов и последующее сражение с ними вымышлены.

2 ...разгромили Рим, столицу мира. — Непонятно, какие события имеет в виду Рихер. Рим франки никогда не завоевывали.

Глава 8

1 ...там полегло 13 тысяч... — Цифра маловероятная, но автору свойственно преувеличивать количество как участников сражений, так и убитых.

Глава 9

1 ...на середину пробился Ингон... — История Ингона известна только из сочинения Рихера. Далее автор говорит, что Ингону был пожалован город Блуа (I, 11); в 991 г. Рихер совершил поездку в Шартр (IV, 50), который находился тогда под властью Одона, графа Блуа, и мог познакомиться там с какой-то местной легендой. С другой стороны, этот рассказ может быть и плодом вымысла автора.

Глава 10

1 ...близилась Пятидесятница.. — Пятидесятница — праздник сошествия святого Духа на апостолов. Отмечается спустя 50 дней после Пасхи.

Глава 11

1 ...Ингон получил в супружество его вдову. — Известно, что сеньор имел право распоряжаться рукой вдовы и дочерей умершего вассала.

2 ...ревматизм усилился и охватил все его тело... — Описания различных недугов и болезней, порой гораздо более подробные, — характерная особенность сочинения Рихера.

Глава 12

1 ...вовлек белгов... — Рихер обычно называет белгами жителей Лотарингии, которая фигурирует у него как Бельгики.

2 ...Уже достигнув пятнадцати лет.. — Выше (гл. 4) автор говорил, что в 888 г. Карлу было 3 года, а в 893 он оказывается уже пятнадцатилетним. На самом деле Карл к моменту коронации достиг 13 лет.

3 ...епископами Ланским, Шалонским и Теруанским. — О.Экель полагает, что на коронации Карла могли присутствовать епископы Лана, Шалона и Теруана, но не Майнца, Трира и Кельна, так как эти города находились под властью Арнульфа, незаконного отпринка рода Каролингов, объявленного осенью 887 г. королем восточных франков (т.е. королем Германии) (A.Eckel. Charle le Simple, p. 12).

4 ...в феврале... — Экель принимает дату коронации 28 января 893 г. (Charlie le Simple, p. 12).

Глава 13

1 ...он почтил св. Мартина... — Св. Мартин (336-401) — один из наиболее почитаемых святых во Франции. Был сыном военного трибуна, согласно легенде, однажды разделил свой плащ с нищим, после чего ночью ему явился во сне Христос. Став христианином, св. Мартин перебрался в Галлию и поселился на Луаре, ведя отшельнический образ жизни. Его авторитет у местных жителей был таков, что они едва ли не силой заставляли св. Мартина стать епископом г. Тура. После смерти св. Мартин был похоронен в Туре, о чудесах, произошедших на его могиле, не раз рассказывает в своей «Истории франков» Григорий Турский.

2 ...он окончил свою жизнь. — Одон умер 1 января 898 г.

3 ...в базилике св. Дионисия мученика. — На самом деле события развивались иначе: за коронацией Карла в 893 г. последовала долгая борьба между ним и Одоном, окончившаяся в 897 г. договором, согласно которому Одон сохранял за собой корону, но наследовать бездетному Одону должен был Карл.

Глава 14

1 ...нрава доброго и простого. — «ingenio bono simplicique». Рихер, видимо, первым использовал прилагательное «simplex» — «простой», характеризуя Карла, который впоследствии стал фигурировать в латинской историографии как Carolus Simplex. У Рихера это определение имеет иной смысл, он не сомневается в умственных способностях короля, а хвалит его нрав.

2 ...сведущ в свободных искусствах. — Имеются в виду так называемые семь свободных искусств, подразделявшиеся на тривиум (грамматика, диалектика, риторика) и квадриум (арифметика, астрономия, геометрия, музыка) и составлявшие основу образования в средние века.

3 ...и очень доверял ему. — Л. Тейс сообщает следующее: «...в грамоте 904 г., пожалованной в пользу аббатства Сен-Мартен в Туре, Роберт назван «особоуважаемым человеком, братом нашего предшественника и господина короля Эда (Одона — А.Т.)» // Тейс Л. Наследие Каролингов: IX-X века, М., 1993, с. 142.

4 ...многими талантами золота и серебра. — Талант — самая крупная единица массы и денежно счетная единица в Древней Греции, равнялась 26,2 кг.

5 ...Генриха, человека знаменитого... — Рихер имеет в виду Генриха I Птицелова, короля восточных франков в 919-936 гг., основателя Саксонской династии, которого Рихер считает вассалом Карла (См. также I, 23-24).

6 ...Англов и другие заморские народы... — Автор сильно преувеличивает могущество Карла. О каких «сарматах» идет речь в предыдущей фразе — неясно, мнение же Рихера о том, что англы подчинились Карлу, может быть основано на том, что тот вторым браком был женат на английской принцессе (см. прим. 1 к гл. I кн. II настоящего издания).

Глава 15

1 ...особое благоволение выказывал Хаганону... — О личности фаворита Карла Простоватого, лотарингца Хаганона, мало что известно, по некоторым сведениям, он был вовсе не незнатного происхождения, но приходился родственником Фредеруне, первой жене Карла, умершей в 911 г.

2 ...открыто возлагал ее на себя. — У Рихера стоит: «*pilleum etiam a capite regis sepiissime sumptum, palam sibi imponet*», он пользуется термином «*pilleus*», обозначавшим круглую войлочную шапку, знак свободы, переводится также как «защита», «оплот».

Глава 16

1 ...остановился в городе Суассоне. — Этот съезд знати в Суассоне состоялся в начале 920 г.

2 ...против Фулькона, Реймского архиепископа... — В это время Фулькона, который также исполнял обязанности канцлера, давно уже не было в живых.

3 ...Балдуина, графа Фландрии... — Балдуин (Бодуэн) II Лысый, сын Бодуэна I Железная Рука, первого графа Фландрии, от брака с Юдифью, дочерью Карла Лысого.

Глава 17

1 ...убийство архиепископа Фулькона. — Основное содержание главы заимствовано Рихером из «Истории Реймской церкви» Флодоарда (Кн. IV, гл. 10), вплоть до отдельных подробностей (гибель приближенных Фулькона, склонившихся над его телом и т.д.).

2 ...Фулькону, вышеназванному архиепископу. — Это произошло в 899 г., однако Карл вверил Аррас не Фулькону Реймскому, а упомянутому ниже Рихером Альтмару, своему приближенному. Фулькон получил аббатство св. Ведаста, которое вскоре обменял на аббатство св. Медарда, как это и рассказано у Рихера.

3 ...аббатство св. Медарда... — Это аббатство находилось у Суассона, гораздо ближе к Рейму, чем аббатство св. Ведаста.

4 ...подосланного с когортой... — Рихер употребляет именно слово «когорта» (*cohors*), то есть десятая часть римского легиона.

5 ...убиты вместе с ним. — Фулькон был убит в июне 900 г.

Глава 18

1 ...нечестивый человек лишился жизни. — Рихер почерпнул описание этой болезни (так называемой «водянки») также из «Истории Реймской церкви» (Кн. IV, гл. 10) вместе с идеей, что эта болезнь — божья кара, однако Рихер придумывает ее название и ряд «красочных» подробностей. Вообще считалось, видимо, что подобного рода недуг постигает особо «выдающихся» преступников и предателей. У Иосифа Флавия от такой болезни умирают Ирод Великий (Иудейская война, I, 33, 5) и Катулл, правитель Пентаполиса (там же, VII, 10, 4); схожая деталь (выпадение внутренностей) имеется и во второй библейской версии смерти Иуды (Деян. I, 18).

Глава 19

1 ...унаследовал архиепископство. — Херивей или Эрве был избран архиепископом 6 июля 900 г. (См.: Eckel. Charles le Simple, p. 52).

2 ...историю города Реймса от его основания... — «*Ab urbe condita*». Это выражение говорит о возможном знакомстве автора с Титом Ливием; в любом случае его использование весьма уместно, так как «История Реймской церкви» действительно начинается с рассказа об основании этого города.

3 ...Эрлебальда, графа... — Владение Эрлебальда называлось *Pagus Castricencis*. Его границы точно не установлены. См. напр. п. 2 р. 3 издания «*Les Annales de Flodoard.*» ed. par Ph. Lauer, Paris, 1906.

Глава 20

1 ...с Генрихом Зарейнским. — Генрих I Птицелов, упомянутый в гл. 14.

2 ...был убит буянами. — Флодоард также сообщает, что Эрлебальд был убит «врагами короля» во время переговоров последнего с Генрихом в Вормсе («История Реймской церкви», IV, 16).

Глава 21

1 ...возможность захватить корону. — Рихер снова возвращается к съезду в Суассоне 920 г., о котором шла речь в главе 16.

2 ...тиран... — «*tigrinus*».

Глава 22

1 ...он посвятил в епископы.. — Так как епископ оказывался одновременно и служителем Бога, и крупным землевладельцем, могущественным лицом в королевстве, то его кандидатура должна была быть одобрена королем, и король принимал участие в церемонии посвящения, передавая епископу светскую власть над епархией.

2 ...к герцогу Генриху... — Генрих I Птицелов, упомянутый в гл. 14.

Глава 23

1 ...во главе всех, кто населяет Германию. — Могущество короля Генриха не зависело от желаний Карла, но Рихер упорно представляет Генриха вассалом франкской короны. Объяснение этому следующее: в первой редакции в главах 14, 20-21 и 23-24 стояло имя Гислеберта, герцога Лотарингии, формально подвластной франкскому королю, и зятя Генриха Птицелова. Затем Рихер внес в текст соответствующие изменения и ввел Гислеберта в повествование только в главе 34.

Глава 24

1 ...ту верность, какой был мне обязан. — Вассальная присяга налагала обязательства и на вассала, и на его сеньора, при нарушении их последним вассал мог отказаться от службы ему на законных основаниях.

Глава 25

1 ...архиепископа Хериманна.. — Хериманн, архиепископ Кельнский.

2 ...изложил папе Иоанну... — Иоанн X (914-928).

Глава 26

1 ...для решения многих неотложных дел. — Собор состоялся в 921 г.

2 ...важные дела были рассмотрены... — См. главы 19-20 настоящей книги. В частности, на этом соборе призвали к ответу некоего графа Исаака «зато, что творил зло против церкви» («История Реймской церкви», IV, 19).

3 ...графа Эрлебальда... — см.: I, 19-20.

Глава 27

1 ...на графа Рихуина... — Рихуин, граф Верденский.

Глава 28

1 ...во главе с Роллоном... — Имеется ввиду тот самый Роллон (Хрольф), с которым Карл в 911 г. заключил договор в Сен-Клер-сюр-Эпт (См. прим. 4 к гл. 4).

2 ...вел вышеназванный Рихуин. — Флодоард ничего не говорит об участии Рихуина в этом сражении.

3 ...командовал Далмаций... — Далмаций упомянут в одной из грамот короля Рауля (Радульфа) (См.: R.Latouche (ed.) Richer. Histoire de France. t. 1, p. 65, n. 4).

4 ...вспомогательные отряды белгов... — В первой редакции здесь говорилось, что белгов-лотарингцев вел герцог Гислеберт.

5 ...воодушевлял он воинов. — Ср.: «Сам он, верхом объезжая ряды, обращался к каждому солдату по имени, ободряя их, напоминал, что они с безоружными разбойниками сражаются за отчество, за своих детей, за алтари и очаги» (О Марке Петре, легате Гая Антония). Гай Саллюстий Крисп. «О заговоре Катилины», гл. 59; См.: Гай Саллюстий Крисп. Сочинения., М., 1981, с. 38.

6 ...к месту, где должно было состояться сражение. — Очевидно, Рихер говорит о битве при Шартре 911 г.

Глава 30

1 ...вступили в сражение и белги... — В первой редакции эта фраза звучала так: «Гислеберт с белгами неожиданно вступил в сражение.»

Глава 33

1 ...сочинение в 24 главах... — Весь эпизод с крещением язычников взят у Флодоарда, но только там говорилось о 23 главах («История Реймской церкви», кн. IV, гл. XIV).

Глава 34

1 ...муж консульского достоинства... — «vir consularis» (в тексте аббревиатура «v. c.»); так Рихер обозначает титулованную знать, в данном случае — герцога (см. также I, 45).

2 ...по прозвищу Длинная шея... — Рагенерий (Ренье) Длинная Шея, герцог Лотарингский.

3 ...скончался во дворце в Мерсене. — Умер между 25 августа 915 и 19 января 916 г.

Глава 35

1 ...взять в жены Гербергу... — Он женился на Герберге только в 928 г. См. об их браке: Видукинд Корveyский. «Деяния саксов». М., 1975, кн. I, гл. 30, с. 144.

2 ...радовали беспорядки и взаимные распри. — Р.Латуш сопоставляет эту характеристику с характеристикой Катилины у Саллюстия: «С юных лет ему были по сердцу междуусобные войны, убийства, грабежи, гражданские смуты, и в них он и провел свою молодость. Телом он был невероятно вынослив в отношении голода, холода, бодрствования. Духом был дерзок, коварен, переменчив, мастер притворяться и скрывать что угодно, жаден до чужого, расточитель своего, необуздан в страстих, красноречия было достаточно, разумности мало.» Г.Саллюстий Крисп, «О заговоре Катилины», гл. 5, ст. 7.

Глава 38

1 ...в городе Харбурге... — Ныне Гель.

2 ...с двумя своими клиентами... — Рихер использует уменьшительный вариант слова «клиент» (cliens) — «clientulus». Словом «клиент» в Древнем Риме обозначались лица, находящиеся под покровительством представителя какого-либо знатного рода, а позже — иногда вассалы. Рихер, очевидно, желает подчекнуть незначительность спутников герцога.

Глава 39

1 ...в поход против сарматов... — Генрих Птицелов вел военные действия против славянских полабских племен: ободритов, лютичей и так называемой сербо-лузицкой группы племен. Обозначение славян как сарматов достаточно распространено в латинской литературе того времени.

2 ...уговаривал его отказаться от недозволенного. — После коронации Роберта (I, 41) Генрих признал его королем.

Глава 40

1 ...скрепили клятвой исполнение задуманного. — Неизвестно, стал ли Гислеберт союзником Роберта. Рихер, кстати, умалчивает о его участии в событиях, последовавших за коронацией Роберта (I, 41), а в книге второй изображает его вассалом Людовика IV, сына Карла, пользующимся большим расположением сеньора (II, 19). Роберта поддерживали бургундский герцог Радулф (Рауль), будущий король (см. I, 47) и Хериберт II, граф Вермандуа.

Глава 41

1 ...умер после длительной болезни. — Херивей умер 2 июня 923 г., соответственно Роберт был коронован 30 июня, в воскресенье.

Глава 43

1 ...если не проложишь себе дорогу железом. — Возможно, это искаженная фраза Саллюстия «ferro iter aperiundum est» («О заговоре Катилины», LVIII)

Глава 44

1 ...едва доходило до 10 тыс. — Сначала стояло 5 тысяч, потом автор исправил число на 6000 и, наконец, на 10000. (См. R. Latouche (ed.) Richer, Histoire de France, t. I, p. 2, p. 85).

Глава 45

1 ...поручил герцогу Фульберту... — В «Анналах» Флодоарда нет упоминаний о Фульберте. Р.Латуш сообщает, что это имя встречается в двух дипломах Карла, *idem*, п. 3 р. 87.

2 ...в окружении 4 тыс. воинов. — В первом варианте было 2 тысячи.

3 ...мужу консульского достоинства Хагральду. — Человек по имени Хагральд упоминается в «Анналах» Флодоарда под 945 годом (см. наст. соч. II, 47). В данном случае, скорее всего, вымышленный персонаж.

4 ...церковь, посвященная св. Геновеве... — Св. Женевьевы (Геновева) (420–500 гг.) — считалась покровительницей Парижа, так как предсказала, что гунны Аттилы минуют город, а затем помогла его жителям с продовольствием во время осады. Построила в Париже церковь над могилами святых Дионисия и Элевтерия (уп. I, 13), там и похоронена.

Глава 46

1 ...бросились в атаку, подняв знамена. — Битва при Суассоне произошла 15 июня 923 г.

2 ...показав, что это точно он... — Роберту в то время было около шестидесяти лет, так что его седая борода могла резко выделяться на фоне военного обличия.

3 ...а со стороны Карла 7 тыс. 118 человек. — у Флодоарда нет никаких сведений о числе погибших. См. «Анналы», 923 г.

4 ...Хугон, сын Роберта... — Будущий Хугон (Гуго) Великий, герцог франков (ок. 895–956 гг.). Во время битвы при Суассоне ему было уже около 28 лет.

5 ...Херибертом... — Хериберт II, граф Вермандуа.

6 ...не смог ни тот, ни другой. — Согласно Флодоарду, часть добычи была разграблена местными крестьянами.

7 ...и некоторые дома разрушились. — Флодоард также упоминает об этом землетрясении («Анналы», 922 г.)

8 ...воевать за него, если он прикажет. — Обращение Карла за помощью к норманнам, давним врагам своих подданных, к тому же далеко не полностью обратившимся в христианство, произвело очень неприглядное впечатление и подорвало остатки доверия к королю.

Глава 47

1 ...пригласили в город Суассон Радульфа... — Радульф был женат на Эмме, дочери Роберта, кроме того, он мог претендовать и на родство с Каролингами, будучи племянником Рихильды, второй жены Карла Лысого.

2 ...поставили над собой королем. — Радульф был коронован 13 июля 923 г. в Суассоне, причем его помазал на царство тот же епископ Саннский Готье, который короновал и Роберта, и Одона.

3 ...короля отвезли в Перонну... — Рассказ Рихера в целом совпадает с повествованием Флодоарда, но у него Карла сначала увозят в Шато-Тьерри (*Castellum Theoderici*), а потом уже в Перонну («Анналы», 923 г.).

4 ...Германцы, лишившись короля... — Конечно, имеются в виду не германцы, а жители Лотарингии, которые поддерживали Карла.

Глава 48

1 ...против герцога Вильгельма... — Гильом II, граф Оверни, герцог Аквитании.

Глава 49

1 ...Манассией... — Манассия II Младший, владетель Лангря.

2 ...Варнерием... — Варнерий (Гарнье), виконт Саннский и граф Тройи.

3 ...Иосельмом... — Иосельм (Жосселин), епископ Лангрский.

4 ...Ансегизом... — Ансегиз, епископ Тройи.

Глава 50

1 ...и избиение его людей. — Флодоард в своих анналах помещает рассказ об этой операции Радульфа под 925 г., не упоминая о смерти Роллона. В действительности Роллон умер между 928 и 932 гг..

2 ...захватывают укрепление... — в первой редакции текста после этих слов было добавлено «вырвав у Роллона глаза, убивают его». Затем Рихер вычеркнул эти слова, после чего название главы лишилось смысла.

Глава 51

1 ...было убито 8 тыс. пиратов. — Содержание взято у Флодоарда («Анналы», 926 г.), но там говорится о 1100 погибших.

Глава 52

1 ...пропала с глаз людских... — Согласно Флодоарду, затмение произошло в 927 г. («Анналы»), но Рихер добавляет вполне научное объяснение этого явления.

2 ...Возвещенные этими знаками... — Очевидно Рихер, несмотря на свои познания в астрономии, связывает и эпидемию, и начало смуты с лунным затмением.

Глава 53

1 ...сын пирата Роллона... — Вильгельм Длинный Меч, герцог Нормандии (ок. 928-942 гг.).

2 ...уже рассказывалось... — Как уже отмечалось, во второй редакции текста сообщение об убийстве Роллона отсутствует.

Глава 54

1 ...папе Иоанну... — Папа Иоанн X.

2 ...в заключении и под стражей. — Иоанн X в то время находился в заключении у Гвидо, маркиза Тосканского.

Глава 55

1 ...и получил то, чего желал. — Согласно Флодоарду («История Реймской церкви», кн. IV, гл. XX), Хериберт обошелся без согласия короля: «Вскоре после его (Сеульфа — А.Т.) смерти граф Хериберт пришел в Реймс, привзвав Аббона, епископа Суассонского и Бовона, епископа Шалонского. Объединившись с ними,... как духовенство, так и мирян заставил подчиниться своей воле».

2 ...архиепископ Сеульф расстался с жизнью. — Сеульф умер 1 сентября 925 г.

3 ...нежный возраст не позволял мальчику... — Флодоард говорит, что Хугону еще не исполнилось пяти лет (Там же).

Глава 56

1 ...лишился жизни. — Карл Простоватый умер в Перонне 7 октября 929 г. Болезнь его автором, очевидно, придумана, у Флодоарда сказано только «*Karolus quoque rex apud Peronam obiit*» («Анналы», 929 г.).

Глава 57

1 ...Сражение короля с пиратами и их бегство. — Содержание главы заимствовано у Флодоарда; но краткое сообщение (всего около трех строчек) обрастает вымышленными деталями. Ср.: «Король Радульф в одном сражении в округе Лиможа полностью истребил норманнов, обитавших по Луаре, которые тревожили грабежами Аквитанию и подчинил себе аквитанов», «Анналы», 930 г.

Глава 58

1 ...между Хугоном и Херибертом... — Хугон, сын Роберта I (см. I, 46) и уже упоминавшийся Хериберт II, граф Вермандуа.

Глава 59

1 ...открыли ворота и просили о милости. — Это событие произошло в 931 г. (Флодоард, «Анналы»).

Глава 61

1 ...монах Артолльд из обители св. Ремигия... — Артолльд был архиепископом Реймским с 932 по 961 гг. с перерывом в 940–948 гг. Следует отметить, что в момент его избрания малолетний Хугон, хотя и посвященный вопреки каноническим правилам, не был формально низложен, то есть в стране оказалось два реймских архиепископа сразу.

Глава 62

1 ...поспешил с 8 тыс. в Лан. — Хериберт завладел Ланом, одним из важнейших городов королевства и фактической столицей при последних Ка-ролингах в 929 г.

2 ...вышел из города, оставив жену... — Хериберт II был женат на сестре Хугона, дочери короля Роберта, звали ее, очевидно, Хильдебранда или Адела.

3 ...заянял крепость вместе с городом. — Это произошло в 931 г.

Глава 63

1 ...неким клириком, ищущим епископства Нойонского. — Флодоард рассказывает об этих событиях в записи за 932 г. («Анналы»).

2 ...умертили почти на самом алтаре... — Рихер уже второй раз упоминает подобное святотатственное убийство (см. сообщение о том, как Ингон заколол только что окрещенного Катиля прямо в купели (I, 10), и оно опять остается безнаказанным и не осуждается автором.

Глава 64

1 ...*Рагемунд...* — Раймонд-Понс III, граф Тулусский.

2 ...*Эрмингауд...* — Граф Эрмингауд, дядя Рагемунда.

3 ...*Луп Ацинарий Гасконский...* — Луп Азнар, сын Гарсии Санша, герцога Гаскони (ум. 920).

Глава 65

1 ...*и многие умерли.* — Согласно повествованию Флодоарда, эпидемия произошла в 934 г. («Анналы»).

2 ...*он умер и покинул людей.* — Радульф умер 14 или 15 января 936 г.

Книга II

Глава 1

1 ...*к дяде по матери, королю Адельстану...* — Карл Простоватый вторым браком был женат на Эадгифу (или Эттиве), дочери Эдварда, короля западных саксов, и сестре Адельстана. Известна «Правда короля Адельстана» (ок. 930 г.). Кстати, второй женой герцога Хугона Великого была Ээтхильд, сестра Эадгифу.

Глава 2

1 ...*при жизни был заточен в темницу.* — Это заявление Хугона противоречит рассказу Рихера, согласно которому Карл Простоватый попал в плен (I, 47) уже после смерти Роберта (I, 46).

2 ...*своим королем.* — Почему Хугон, сын короля Роберта, один из наиболее влиятельных людей королевства, не выставил своей кандидатуры на трон? Из его речи следует, что он считал такой вариант возможным, но добровольно отказался от него. Очевидно, для Хугона выгоднее было возложить корону на голову юноши, который не знал даже языка своих будущих подданных, так как он рассчитывал иметь на него решающее влияние, нежели короноваться самому и оказаться перед лицом враждебной ему коалиции магнатов типа Херберта, графа Вермандуа, которые могли поставить на того же Людовика.

3 ...*того юношу.* — Людовик родился в 920 г., следовательно в то время ему было около 16 лет.

Глава 3

1 ...*не слишком доверял варварам...* — Слово «варвары» (*«barbares»*) использовано здесь скорее в значении «чужаки».

2 ...*что они прибыли и находятся напротив.* — У Рихера явно были ошибочные представления о ширине Па-де-Кале.

Глава 4

1 ...*епископа Одона...* — В первой редакции было «аббата Одона».

2 ...*позже архиепископа Кентерберийского...* — Одон в то время был епископом Солсбериjsким, у Флодоарда он не упоминается.

3 ...*не отступится от его советов...* — Указание на истинное положение короля. Герцог Хугон у Рихера не скрывает своих подлинных целей.

4 ...передать его галльским сеньорам... — В первой редакции конец фразы выглядел так: «пока по приказу короля не передал его графу Хериберту, а тот также нес его, пока ему не приказали вручить его графу Арнульфу». Об Арнульфе см. прим. 2 к гл. 8.

5 ...был коронован архиепископом Артольдом с двадцатью епископами. — Людовик IV был коронован 19 июня 936 г.

Глава 5

1 ...королевские поместья. — Владения Людовика были очень скромны: Кьерси, Компьен, Вербери, Вер, Понтион (уп. I, 55), несколько аббатств, Лан, цитаделью которого по-прежнему владел Хериберт, граф Вермандуа.

2 ...Однако Хугон... — Хугон Черный, герцог Бургундии, под этим прозвищем он фигурирует далее у Рихера как посредник на переговорах Людовика IV и Хугона Великого (II, 97).

3 ...повернул с герцогом в Париж. — Эта операция была выгодна прежде всего герцогу Хугону Великому, который в результате ее получил Санс и Оксерр, ранее принадлежавшие Хугону Черному.

Глава 6

1 ...посеял семена великого бедствия. — То есть, с точки зрения Рихера, вина за последовавшую смуту в немалой степени лежит на короле, нарушившем условия договора.

Глава 7

1 ...протянув руки тирану... — Принесение присяги на верность сопровождалось вложением рук в руки сеньора.

2 ...неожиданное вторжение венгров в Галлию. — В конце IX в. союз венгерских племен, теснимых печенегами, переходит Карпаты и оседает в Среднем Подуновье, откуда с начала X в. начинаются опустошительные набеги, от которых в первую очередь страдали германские территории и Лотарингия. Первое крупное поражение нанес венграм Генрих Птицелов в 933 г.; набеги прекратились после сокрушительного поражения, понесенного венграми от короля Оттона I, сына Генриха, в 955 г. в битве на реке Лехе близ Аугсбурга.

3 ...с большой толпой пленных. — Этот рассказ о вторжении венгров и предшествовавшем ему знамении в целом основывается на повествовании Флодоарда, но у последнего описание разбойничего набега сопровождается еще рядом чудесных явлений. Так, у Флодоарда венгры, как ни стараются, не могут сжечь некоторые церкви, венгры берут в плен некоего священника и заковывают его, но цепи распадаются и он убегает от венгров, а в церкви св. Базола один из язычников дерзко прикасается к алтарю и его рука прирастает к камню, так что его сотоварищам приходится освобождать его с помощью топоров («Анналы», 937 г.).

Глава 8

1 ...обезглавлен гладиатором... — «Gladiatori decollandus», Р.Латуш переводит слово «гладиатор» просто как «палач». Рассказ в целом соответствует изложению Флодоарда («Анналы», 938 г.), но эта деталь у него, разумеется, отсутствует.

2 ...был принят Арнульфом... — Арнульф I, граф Фландрский.

Глава 9

1 ...он осадил крепость... — Это произошло в 938 г.

2 ...и другое метательное оружие. — «missilia».

Глава 10

1 ...*машину наподобие длинного дома...* — Флодоард просто сообщает, что Людовик использовал много машин (*«Анналы»*, 938 г.), Рихер же приводит развернутое описание одной из них.

2 ...*ее заполнили новобранцы...* — «*frones*».

3 ...*подкопали и разрушили часть стены*. — Примечательно, что Рихер не указывает названия столь подробно описанной им машины; судя по всему он имеет в виду особо солидный вариант «черепахи» (термином *«testudo»* обозначалась не только своеобразная «кровля» из сомкнутых щитов, но и передвижной навес, использовавшийся при осадных работах). Это приспособление довольно примитивно, но Рихер создает впечатление его мощи и эффективности.

Глава 11

1 ...*Арнульф, вышеназванный правитель Теруана...* — Арнульф Фландрский (см. II, 8).

2 ...*крепость Эрлуина...* — Эрлуин, граф Монтрей.

3 ...*исходило много жалоб...* — Видимо, Эрлуин пользовался удобным положением своего замка и нападал на проплывающих мимо него путников.

4 ...*и доложили, что уговорили его*. — У Флодоарда об этом и последующих событиях сказано только: «Граф Арнульф, воспользовавшись изменой некоего предателя, взял приморский замок Эрлуина, который называется Монтрей, а жену этого Эрлуина с сыновьями отоспал за море к королю Альстану. Немного спустя Эрлуин собрал немалое войско из норманнов и взял замок с боя, а из воинов Арнульфа, которых нашел внутри, некоторых убил, а некоторым сохранил жизнь, чтобы вернуть жену» (*«Анналы»*, 939; ср. у Рихера главы 11-14).

Глава 13

1 ...*к предводителю норманнов Вильгельму...* — Вильгельм Длинный Меч, герцог Нормандии и граф Руана, сын Роллона, с которым Карл Простоватый якобы заключил договор в Сен-Клер-сюр-Эпт (911 г.).

Глава 16

1 ...*они уплыли вовсюси*. — У Флодоарда об этой экспедиции рассказано так: «Корабли англов, посланные их королем Альстаном в помощь королю Людовику, пересекли море, ограбили приморские области графства Фландрского и, не исполнив дела, ради которого прибыли, возвратились за море, в свою страну» (*«Анналы»*, 939 г.).

Глава 17

1 ...*изгоняет сторонников Оттона...* — Оттон I Великий, сын Генриха Саксонского, король Германии (936-973 гг.), 2 февраля 962 г. короновался императорской короной в Риме. Рихер не сообщает о смерти Генриха и коронации Оттона I, что делает Флодоард (*«Анналы»*, 936 г.).

2 ...*в переговоры с Хугоном...* — Имеется в виду Хугон Черный (см. прим. 2 к гл. 5).

3 ...*Гислеберта, герцога Бельгики...* — О нем рассказывалось в книге первой (34-41).

Глава 18

1 ...*Тем временем...* — 939 г.

2 ...*он должен был стать правителем Бельгики...* — Лотарингия перешла под власть Генриха Саксонского (Птицелова) в 935 г. согласно его договору с королем Радульфом.

3 ...из-за дерзости славян... — «*Sclavi*». До этого автор называл славян сарматами (I, 14, 39). Имеются в виду войны Генриха со славянами.

4 ...тогда пищал в колыбели. — Карл Простоватый (которому, кстати, было около сорока лет в 919 г., когда Генрих стал королем) был потомком Карла Великого, в империю которого входили и германские области. Однако после Верденского договора 843 г. королевством западных франков, Лотарингией и Германией (королевством восточных франков) правили разные монархи. Последним императором, объединившим под своей властью все эти страны, был Карл Толстый (882–888), предшественник Одона на троне королевства западных франков. Поэтому Карл Простоватый, положение которого всегда было очень непрочным, никак не мог претендовать на власть над Саксонией.

Глава 19

1 ...собрал отборнейших новобранцев... — Снова «*tirones*». Интересно рассмотреть, что подразумевается под этим античным термином у Рихера. Впервые тироны появляются в рассказе о сражениях короля Радульфа с пиратами. Они поджигают лагерь противника (I, 49), участвуют в штурме укрепления норманнов и взбираются на его стены (I, 50). Во время осады цитадели Лана Людовиком IV тироны катят к ее стенам осадную «машину» (II, 10); в настоящем же отрывке они, скорее, представляют собой ополчение. Далее во время похода Людовика IV с союзниками против Хугона Великого на тиронов была возложена обязанность переправиться через Сену и захватить лодки для перевозки войска (II, 58). Во время осады Парижа Оттоном II тирон участвует в поединке с неким «германцем», от сражения с которым отказались знатные сеньоры (III, 76). Наконец, тироны избивают «белгов», напавших из засады на войско короля Лотаря (III, 98). Исходя из вышесказанного, можно предположить, что тироны у Рихера — это некие непривилегированные соединения, на которых возлагаются вспомогательные операции, «черная работа», которые ищут случая отличиться (на вызов германца готовы ответить многие тироны, III, 76) и которые, возможно, представляют собой ополчение. Термин «*tirones*» мы переводим как «новобранцы» или как «молодые воины».

2 ...погрузился в воду вместе со всадником. — Гислеберт погиб в 939 г.

3 ...взял в супружество его жену Герберг... — Герберга, родившаяся в 913 или 914 г., была соответственно на 7 или 6 лет старше девятнадцатилетнего Людовика.

Глава 20

1 ...пожалованную отцом короля Карлом. — Возможно, имеется в виду эпизод в главе 53-й первой книги, когда безымянный «сын пирата Роллона» попросился на службу к временно освобожденному Карлу и присягнул ему.

Глава 21

1 ...и осадил его. — О захвате этого замка, принадлежавшего к Реймскому епископству, Херибертом Рихер упоминает в главе 8 настоящей книги.

2 ...А взятый замок он разрушил... — Замок, согласно Рихеру, был построен самим Артолльдом; по-видимому, теперь Артолльд не был уверен в том, что ему удастся удержать замок, и предпочел разрушить его.

Глава 22

1 ...Хугон... — Хугон Великий, герцог франков.

2 ...и изгнал епископа. — Рихер уже рассказывал о том, как в архиепископы Реймские был посвящен малолетний Хугон, сын Херибера и племянник

герцога Хугона, и о его замене Артольдом (I, 55, 59-61). Теперь Хериберт пожелал восстановить своего сына на реймской кафедре.

Глава 24

1 ...*появился в округе Реймса*. — Захват Реймса Херибертом был для короля тем более болезненным, что он незадолго перед тем передал все графство Реймское под власть архиепискова (см. Флодоард, «Анналы», 940 г.).

Глава 25

1 ...*оказали великий почет и послушание*. — Хугон был восстановлен на реймской кафедре в 941 г.

Глава 26

1 ...*оставив Лан осажденным*... — В первой редакции было: «оставив Реймс осажденным», позже автор исправил свою ошибку.

2 ...*с двумя спутниками*... — Флодоард упоминает только одного спутника короля («Анналы», 941 г.).

3 ...*под названием Омон*. — Латинское название замка довольно любопытно — «Altus monte», то есть «Высокая гора».

Глава 27

1 ...*Тем временем*... — 942 г.

2 ...*папа Стефан*... — Стефан VIII (939-942).

3 ...*снять с Хугона епископский паллиум*... — Паллиум — широкий белый воротник из шерсти, на котором были вышиты три креста; символизировал пастыря, несущего на плечах овец. Согласно обычанию, каждый архиепископ должен был получить от папы Римского паллиум. Обычай этот был установлен в 707 г. папой Иоанном VII; вручение паллиума автоматически означало и одобрение папой кандидатуры архиепископа.

Глава 28

1 ...*и осыпал несметными дарами*. — Выше Рихер уже рассказывал о том, как Вильгельм присягнул Людовику IV и получил от него в держание провинцию (II, 29).

2 ...*Вильгельм, герцог аквитанов*... — Вильгельм (Гийом) Юный.

3 ...*Алан, герцог бриттов*... — Алан Кривая Борода (герцог с 936 г.).

Глава 29

1 ...*вернуть Хугону милость короля*. — Хугон приходился родственником Оттону I, будучи женатым, как и Людовик IV, на его сестре.

Глава 30

1 ...*состоится совещание знати*. — Содержание глав 30-33 основано не на данных Флодоарда, а на каком-то другом источнике или вымышлено.

2 ...*«Поднимись-ка, король!»* — «Surge paululum, rex!»

3 ...*Оттон, охваченный стыдом...* — Рихер опять пытается представить дело так, как будто король Германии находится на положении вассала франкского короля.

Глава 32

1 ...*необходимо встретиться в ближайшее время*... — Обстоятельства убийства Вильгельма у Рихера соответствуют анонимной «Жалобе» на смерть герцога (Опубликована в изд.: Lauer Ph., Le règne de Louis IV d'Outre mer, Paris, 1900, p. 319-323).

Глава 33

1 ...*по забывчивости умолчал*. — Ср.:

«Occidente versus sole labescente
revertente remidando innocentem
transfligati insidentes: advenite,
expectate, expectate!
... Adhuc latet seniores vos archanum
sibi ipsi atque vobis profuturum...»
(Указ. изд., р. 322).

2 ...выхватили мечи и убили его. — Вильгельм Длинный Меч был убит 17 декабря 942 г.

3 ...обратились в бегство. — Ср.:
«Quod videntes puntores illi duo
jugularunt mox inertes nautas suos ...»
(там же, р. 323).

4 ...предали его погребению под громкие жалобы. — Эпизоды, связанные с историей Вильгельма Длинный Меч, представляют очень большой интерес. Уже давно его имя вносится в список возможных прототипов Гильома Оранжского, героя многочисленных песен (См. Bedier J. *Les legendes épiques*, t. 1. Paris, 1908, р. 182 (хотя самому Бедье это предположение казалось маловероятным)). Прямых совпадений с этими песнями у Рихера нет, однако трактовка образов Вильгельма Длинный Меч и Гильома Оранжского (они, кстати, тезки, только имя прочтено по-разному) имеет нечто общее. Вильгельм Длинный Меч предстает так же, как и Гильом, беззаветно преданным своему королю (тоже Людовику), таким же отважным, но грубоватым, так же пекущимся о королевской чести пуше самого короля и так же не встречающим с его стороны должной благодарности (Вильгельма не допускают на совещание в Аттины, а после его убийства король не предпринимает никаких попыток отомстить убийцам своего вассала). Кстати, в «Короновании Людовика» действует нормандский герцог Ришар, который может иметь своим прототипом сына Вильгельма, Ричарда, которого Рихер упоминает дважды (II, 39 и «Анналы»). См.: Песни о Гильоме Оранжском. М., 1985.

Глава 34

1 ...по имени Ричард... — Ричард I, герцог Нормандский (942–996 гг.).

Глава 35

1 ...сына покойного герцога... — Упомянутого в предыдущей главе Ричарда, сына Вильгельма Длинный Меч.

2 ...с обнаженными мечами... — Здесь Рихер использует для обозначения меча слово «*ensis*» вместо обычного «*gladius*», возможно, чтобы указать на разницу в вооружении между франками и норманнами.

3 ...проткнул бы его через рукав кольчуги до самого левого паха... — В тексте говорится о том, что Турмод нанес королю эту рану: «*Thurmodus ... regem a tergo appetit ... per lorica manicam rene usque ad sinistri lateris urosundriam, lancea saucia!*» (Кстати, эта фраза напоминает эпизод из описания битвы при Суассоне, I, 46). Но мы сочли возможным поставить этот пассаж в сослагательном наклонении: срубить противнику голову вместе с плечом, будучи столь тяжело раненым, мог бы герсонаж из «Песни о Роланде», но у Рихера, которому была хорошо известна слабость человеческого тела (См. о смерти Людовика II, 103), подобная ситуация выглядит неестественной. Непонятно также, почему Рихер, столь увлеченный медициной, упустил возможность рассказать, как лечили такое серьезное увечье (ведь граф Фульберт, получив такую рану, умер на месте, I, 46). Поэтому, учитывая состоя-

ние, в котором находится рукопись Рихера, мы несколько изменили чтение данного фрагмента.

Глава 37

1 ...*Смерть Хериберта* — 23 февраля 943 г.

2 ...*испустил дух на глазах своих людей*. — Ранее Рихер писал, что гнев Божий поразил Херибера (I, 47); может быть, эта внезапная смерть в разгар преступных переговоров и есть проявление Божьей кары. В таком случае это у Рихера вторая болезнь, ниспосланная свыше как наказание (см. I, 18).

3 ...*и был принят им милостиво*. — У Херибера было четыре сына, в данном случае речь идет о старшем, Хериберте III.

4 ...*пригласил через послов Эрлуина...* — См. II, 11-14.

Глава 38

1 ...*в отмщение за друга...* — См. выше (II, 14), как Вильгельм помог Эрлуину отбить замок, захваченный Арнульфом.

Глава 39

1 ...*воспринял его дочь...* — Возможно, речь идет о Матильде (943-981/82).

2 ...*поставил его герцогом всех галлов*. — Рихер уже раньше называл Хугона герцогом. Титул герцога франков (*dux francorum*) Хугон получил в 936 г., вскоре после коронации Людовика, а в настоящей главе рассказываеться о событиях 943 г.

3 ...*герцога Готии Рагемунда...* — Рагемунд (Раймонд)-Понс III, граф Тулузский (см. I, 64).

Глава 41

1 ...*и вытоптали посевы*. — Описание бури практически дословно заимствовано у Флодоарда (*«Анналы»*, 944 г.).

2 ...*Беренгара...* — Беренгар (Беранже), граф Реннский.

3 ...*Алан...* — Алан Кривая Борода, герцог Бретани.

4 ...*был захвачен и город Нант*. — Рассказ основан на данных *«Анналов»* Флодоарда за 944 г., но Флодоард пишет о Доле, а не о Нанте. Ф.Ло полагает, что это не ошибка Рихера, а сознательно сделанное им исправление, он просто спутал события 919 г. в Нанте и 944 г. — в Доле. См. Ph. Lauer, *Le regne de Louis d'Outre-mer*. Paris, 1900, p. 286.

Глава 42

1 ...*сам поведет на него войско*. — Король нарушает обязанности сеньора по отношению к герцогу, отняв у него ранее пожалованный город.

Глава 43

1 ...*Теутбольд Турский...* — Теутбольд (Тибо), по прозвищу Мошенник, граф Тура, Блуа и Шартра. См. также II, 48 и III, 20.

2 ...*на королевский замок Монтины...* — Выше говорилось о разрушении этого замка королем (II, 8).

3 ...*с лошадьми и рогатинами*. — Флодоард говорит, что союзник Хугона Великого, ворвавшись в поместья короля, напал на королевских охотников с собаками и увел их лошадей и все, что ни увидал (*«quodque sibi visa sunt*, «Анналы», 945), Рихер, видимо, неверно прочитал конец фразы, и у него вышло «с рогатинами» (*«cum vepabulis»*).

Глава 44

1 ...*другого Бернарда и Теодерика...* — Бернард, граф Ретеля и его племянник Теодерик.

2 ...пошел на город Реймс. — В 945 г.

Глава 45

1 ...попросил графа Рагенальда... — Рагенальд (Рено), граф Руси.

Глава 46

1 ...Теотилона, епископа Турского. — Теотилон умер 28 октября 945 г.

Глава 47.

1 ...*А варвар...* — Слово «варвар», видимо, указывает на норманнское происхождение Хагрольда.

2 ...*схватили его и заперли.* — Людовика IV захватили 13 июля 945 г.

Глава 48

1 ...*Норманны же...* — В первой редакции далее стояло «не слишком доверяя герцогу».

2 ...*отослать и старшего.* — У Людовика IV в то время было два сына: Лотарь, будущий король (род. в 941 г.), и Карл (род. в 945 г., умер в плену до 953 г.).

3 ...*под охрану к Теутбольду Турскому.* — Теутбольд (Тибо), по прозвищу Мошенник, граф Тура, Блуа и Шартра. См. также II, 43 и III, 20.

Глава 49

1 ...*Эдмунда Английского...* — Преемник короля Адельстана. Известна и «Правда короля Эдмунда».

Глава 50

1 ...*Удрученный суровым посланием Оттона...* — Оттон I пользовался большим влиянием во Франции, далее будет не раз рассказано об его участии во внутренних делах этого королевства.

Глава 51

1 ...*Вспомни же, что ты мужчина.* — Видимо, цитата из Саллюстия (О заговоре Катилины, XLIV).

2 ...*ты царил, а я служил...* — Автор использует здесь рифмованное выражение «te imperantem et me militarem».

3 ...*Поэтому его отпустили...* — Это произошло только в 946 г.

Глава 52

1 ...*мучения, которые угрожали и мне.* — Напоминание о пленении Карла Простоватого (см. I, 47).

2 ...*Мне уже ни жить не хочется, ни умереть нельзя.* — Возможно, это искаженная цитата из речи Адхербала у Саллюстия (Югуртинская война, XIV).

Глава 53

1 ...*и назначил время.* — Основное содержание политики Оттона в отношении королевства западных франков заключалось в поддержании равновесия между королем и герцогом франков; он не допускал чрезмерного усиления или ослабления одного из своих родственников, так как если бы кому-либо из них удалось взять верх и объединить королевство под своей властью, он вряд ли допустил бы вмешательство Оттона в свои дела и мог бы даже угрожать его могуществу, предъявив претензии на спорную Лотарингию.

2 ...*бургундского короля...* — В тексте стоит «ab regem Genauinorum», то есть «от короля генавнов». Племя генавнов обитало во времена Цезаря в Ре-

тийских Альпах. Рихер, очевидно, связал это племя с городом Женевой и поэтому счел возможным так обозначить подданных Конрада.

3 ...*Конрада*... — Конрад Тихий, король Бургундии с 937 г. В 951 г. Оттон I женился на его сестре Аделаиде, вдове короля Италии Лотаря.

Глава 54

1 ...как иногда сыпется частый *град*. — «quam densa grando quandoque dilabitur».

Глава 57

1 ...*притворяясь, что они исполняют обет*. — В первой редакции после этих слов стояло «quod et fertur Bernardi comitis astutia dispositis».

2 ...*дать тебе десять солидов*... — Так называлась золотая монета, чеканка которой началась в период Домината, с 309 г. Позже золотые монеты с таким названием распространились по Западной Европе, однако в X в. во Франции серебряная монета преобладала над золотой, а слово «солид» использовалось скорее как счетно-весовая единица. Уплатить мельнику юноши должны были указанную сумму в денариях. Кстати, от слова «солид» («solidus») произошло название французской монеты «су».

3 ...и отогнали 72 лодки. — По мнению Ф.Ло, этот эпизод основан на устной героической поэзии того времени (Ph. Lauer, *Le règne de Louis IV* ..., p. 269)

Глава 58

1 ...во владения пиратов... — В Нормандию.

Глава 59

1 ...*епископ Амьенский Дерольд*... — В «Анналах» Флодоарда Дерольд упомянут под 929 г. как медик.

2 ...*неким медиком из Салерно*... — Итальянский город Салерно и в последующие времена славился своими медиками.

3 ...*между ушной раковиной и указательным пальцем*... — Р.Латуш полагает, что это описка, надо было бы не «auricularem», а «annularem», и Дерольд прятал яд под перстнем, а не за ухом.

Глава 61

1 ...*отпраздновали пасху в Ахене*. — Это свидание состоялось в 947 г.

Глава 62

1 ...на двенадцатый день... — В первой редакции было на «десятый день».

Глава 64

1 ...*только Видон, епископ Суассонский, одобряет его действия*. — Ранее этот епископ был отдан в заложники норманнам вместо старшего сына Людовика IV (II, 48).

Глава 65

1и не за какие-либо очевидные провинности... — Выше Рихер писал о Хугоне, сыне Хериберта, что «в его пользу говорило не только знатное происхождение, но и целомудренная душа» (II, 25).

2 ...*будучи сам лишенным сана*... — Согласно Рихеру, Хугон так и не был формально низложен (II, 56). Для разрешения создавшейся сложной ситуации и было решено созвать собор.

Глава 66

1 ...*Подошло время*... — 947 г.

2 ...*Израэль Бретонский*... — Местонахождение его кафедры неизвестно.

3 ...достопочтенный Брунон... — Брат Оттона I, упомянут также в 1-2, 10, 12 и 18-й главах третьей книги; в то время он был аббатом в Лауресхайме.
4 ...Агенольд... — Аббат монастыря в Горце.
5 ...Одилон. — Аббат Ставело.

Глава 67

1 ...когда подошел срок... — 948 г.

2 ...19 главу Карфагенского собора... — На Карфагенских соборах 418 и 419 гг. был принят кодекс канонов африканской церкви, отстававшей право поместных соборов судить преступных членов своих церквей без участия папы. При составлении этого кодекса присутствовал св. Августин, епископ Гиппона.

Глава 68

1 ...папа Агапит... — Папа Агапит II (946-955).

2 ...Марина, епископа Остии... — Марин был епископом Бомарзо, а не Остии.

Глава 69

1 ...В установленный срок... — В главе 67-й говорилось, что собор был назначен на 1-е августа, но начался он не в «установленный срок», а 7 июня 948 г.

2 ...Боппон... — У Флодоарда его имя читается как «Рорро» («Анналы», 948).

3 ...Эвхерий... — Everis у Флодоарда (там же).

4 ...Лифдаг, епископ Риба. — Как и у Флодоарда, этот епископ у Рихера поименован дважды, причем его имя дано в двух вариантах (См. там же). Список в целом соответствует списку у Флодоарда, но Рихер пропустил епископов Адальберона Метцкого и Михаила Раттисбонского.

Глава 71

1 ...истинная вера обратилась в ничто. — Похожие выражения использует Герберт в одном из писем: «Пропадает, отец мой, пропадает Божья церковь. Государство погибло, святая святых осквернена вторжением, люди ограблены врагами» (Havet, № 16).

Глава 73

1 ...заточил в темницу до конца его жизни. — Та же неточность, что и в речи Хугона Великого (См. прим. 1 к II, 2).

2 ...до самых Рифейских гор. — Это, разумеется, образное выражение. Всем было известно, что Людовика увезли в Англию, а упоминание о Рифейских (Уральских) горах должно подчеркнуть далекое расстояние.

3 ...он возвел на трон Радульфа. — Согласно как Рихеру, так и Флодоарду, Хугон не был главным инициатором избрания Радульфа (I, 47 и «Анналы», 923 г.).

Глава 76

1 ...в этой части света... — Оттон I, будущий император, уже претендует на особые полномочия на территории королевства Людовика.

Глава 77

1 ...Послание, отправленное собором Хугону. — Это послание, очевидно, составлено самим автором.

Глава 79

1 ...Епископы осуждают лжесвидетеля. — Начиная с этого места автор пользуется более темными чернилами.

Глава 80

1 ...святых отцов Иннокентия, Александра, Симмаха, Сикста, Целестина, Зосимы, Льва, Бонифация... — папа Иннокентий I (402–417), первым сформулировавший основы превосходства Римской церкви над прочими и боровшийся против еретиков-донатистов и пелагиан; Александр (ум. 326) — епископ Александрии, участник Никейского собора 325 г.; Симмах — папа римский (498–514); Сикст III — папа римский (432–440); Целестин I — папа римский (417–418), борлся за улучшение нравов духовенства; ему приписывают запрет принимать в клир несвободных лиц; Лев I Великий — папа римский (440–461). Пользовался огромным авторитетом, в том числе и как теолог, отстаивал права римской кафедры. Известен тем, что во время переговоров с предводителем гуннов Аттилой убедил его пощадить Рим. Сохранились сочинения Льва I — проповеди и письма; Бонифаций I — папа римский (418–422), первым провозгласил римского епископа «главою всех христиан».

Глава 81

1 ...после этого собор распустили. — Протоколы этого собора опубликованы, см. MGH, LL., t. II, Acta synodi Ingelheim.

Глава 82

1 ...во главе с герцогом Конрадом... — Конрад Рыжий, граф Лотарингии.

2 ...Ему унаследовал Рорикон... — Рорикон, епископ Ланский, внебрачный сын Карла Простоватого, умер в 976 г.

Глава 84

1 ...под названием Монтею... — Латинское название — «Mons acutus» — «острая гора».

Глава 86

1 ...отпраздновала святую пасху... — Пасха в 949 г. пришлась на 22 апреля.

Глава 87

1 ...он держал совет с моим отцом... — Слова «pater meus» — «мой отец» переданы аббревиатурой «р.м.».

2 ...Мой отец... — Слова «pater meus» — «мой отец» переданы аббревиатурой «р.м.».

Глава 88

1 ...Родульф... — Неизвестно, действительно ли отца нашего автора звали Родульф (Рауль): в тексте его имя сокращено и читается как «r o : l», однако в научной литературе, начиная с первого издания Рихера Г.Пертца, принято расшифровывать это сокращение именно так.

2 ...моего отца... — Снова аббревиатура «р.м.».

3 ...моему отцу... — Снова аббревиатура «р.м.».

Глава 90

1 ...которые укрылись в башне. — В «Анналах» Флодоарда за 949 г. об этом взятии Лана рассказано так: «Король Людовик внезапно подошел к Лану и, после того, как его люди ночью тайно перебрались через стену и взломали ворота, вступил в город...». Сообщение об укрывшихся в крепости и попытке герцога отвоевать город (гл. 91) в целом совпадает с изложением Рихера.

Глава 92

1 ...потери от городских арбалетчиков... — Одно из первых упоминаний об арбалетиках (слово «арбалет» обозначено как «arcubalista»).

2 ...*кроме «черепахи» из щитов*. — См. прим. 3 к десятой главе настоящей книги.

Глава 96

1 ...*королю следует оказывать почет*... — «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». Римл. 13, 1.

Глава 97

1 ...*вернулись к полному согласию*. — Это произошло в 950 г.

Глава 98

1 ...*к нему поспешил Карл Константин*... — Карл-Константин, граф Виеннский, незаконный сын Людовика Слепого, короля Прованса и Валенсии (980-928).

2 ...*столицу генавнов*... — См. прим. 1 к II, 53.

Глава 99

1 ...*Через 30 дней*... — В первой редакции было «через двадцать дней».

Глава 101

1 ...*вышла замуж за графа Хериберта*... — Хериберт III, сын Хериберта II Вермандура, получивший из отцовских владений Шато-Тьери (См. II, 37).

Глава 102

1 *Тем временем*... — Замужество матери Людовика IV имело место в 951 г., а его сыновья Генрих и Карл родились в 953 г.

2 ...*Одного из них называли Карлом*... — Будущий Карл Лотарингский (953-991).

Глава 103

1 ...*увидел бегущего по лугу волка*. — У Флодоарда сказано: «arriquit ei quasi lupus praecedens» («Анналы», 954 г.), то есть он, возможно, имел в виду не несчастный случай на охоте, а вмешательство нечистой силы в судьбу короля. См.: Poly J.-P., *Le gloire des rois et la parol cachee ou l'avenir d'une allusion. Religion et culture autour de l'An mil: Royaume capetien et Lotharingie. Actes de colloque Hugues Capet. Metz, 1990*, p. 174.

2 ...*его охватила слоновая болезнь*. — «pestis elefanciasis».

3 ... *от рождения же 36-й* — Людовику было тогда 34 года.

Книга III

Глава 1

1 ...*архиепископу Бруону*... — Бруон, архиепископ Кельнского, герцог Лотарингии.

Глава 2

1 ...*короновал двенадцатилетнего Лотаря*... — Коронация Лотаря состоялась 12 ноября 954 г.

Глава 3

1 ...*герцог Вильгельм*... — Вильгельм (Гийом) Длинноволосый, граф Пуатье, позже принял титул герцога Аквитании.

Глава 5

1 ...*был погребен в базилике святого Дионисия мученика*. — Хугон Великий умер 16 июня 956 г. К этому времени он был могущественнейшим челове-

ком в королевстве, под его властью находилось герцогство франков, включавшее в основном земли бывшей Нейстрии, Бургундия, Бретань, часть Нормандии.

Глава 6

1 ...*вел войну с Булизлавом...* — Флодоард пишет в «Анналах» за 955 г. (то есть Рихер опять нарушает хронологический порядок), что Оттон воевал против венгров «*sunt Burizlao*», а затем — против двух «королей сарматов», «*suffragante sibi Burizlao gege*», а значит, этот «король» был его союзником.

2 ...*владения королевы Герберги, находившиеся в Бельгии.* — Рагенерий (Рене), граф Геннегау, племянник Гислеберта, герцога Лотарингии и первого мужа Герберги. Речь идет о владениях, доставшихся Герберге от Гислеберта, очевидно, Рагенерий считал себя вправе претендовать на них.

Глава 8

1 ...*под названием Монс...* — Латинское название этого замка переводится примерно как «Замковая Гора». Вспомним также названия типа «Высокая гора» (II, 26), «Гора Мучеников» (Монмартр, II, 41), «Острая Гора» (III, 84).

Глава 9

1 ...*и захваченными воинами.* — У Флодоарда («Анналы», 956 г.) отец Рихера не упоминается, а замок Рагенерия берет сам король Лотарь.

Глава 11

1 ...*сын тирана Хериберта..* — У Хериберта II было пятеро сыновей: Хериберт III, Адальберт, граф Вермандуа, Роберт, граф Мо и Труа, Одон, граф Амьена и Хугон, неудачливый архиепископ Реймский.

Глава 13

1 ...*Хугон..* — Хугон Капет (ок. 940-996) будущий король западных франков.

2 ...*Оттон...* — Оттон или Одон, герцог Бургундии в 960-965 гг.

Глава 14

1 ...*на двадцатый год своего архиепископства.* — 30 сентября 961 г.

Глава 15

1 ...*Хугон, которого король недавно сделал герцогом..* — Очевидно Рихер путает Хугона Капета, который действительно недавно стал герцогом, с его двоюродным братом Хугоном, сыном Хериберта II Вермандуа и низложенным реймским архиепископом.

Глава 16

1 ...*в округе Мо..* — То есть на территории, подвластной Роберту, брату Хугона (см. прим. 1 к гл. 10)

2 ...*в селении..* — Пропуск у Рихера.

3 ...*те, кто был близок к герцогу..* — Имеется в виду Хугон Капет.

4 ...*епископы Орлеанский, Парижский и Санлисский..* — Орлеан, Санлис и Санс находились на территории, подвластной Хугону Капету, а Париж был столицей Робертинов со времен Одона.

Глава 17

1 ...*papa Иоанн..* — Иоанн XII (955-964); он и Октавиан, преемник Агапита, упомянутый далее — одно лицо: Октавиан, сын римского диктатора Альберика, стал папой под именем Иоанна XII.

Глава 18

1 ...*по имени Оделрик.* — Оделрик, архиепископ Реймский (962-969), был, очевидно, ставленником Брунона Кельнского, дяди короля. Его преем-

ник, Адальберон, также происходил из Лотарингии, будучи племянником Адальберона, епископа Метцкого.

Глава 19

1 ...*был посвящен в базилике святого Ремигия...* — Оделрик был посвящен только в 963 г.

Глава 20

1 ...*предал анафеме Тетбальда Турского...* — Тетбольд Мошенник, граф Тура, Блуа и Шартра, упомянут в 43 и 48-й главах второй книги.

Глава 21

1 ...*Арнульф, граф Теруанский.* — Арнульф I, граф Фландрский, умер 27 марта 965 г.

Глава 22

1 ...*унаследовал Адальберон...* — Рихер забыл рассказать о смерти Оделрика (умер 6 ноября 969 г.)

2 ...*после своего избрания...* — Согласно продолжению «Анналов» Флодоарда, перестройка церкви началась только в 976 г.

3 ...*восстановить свою церковь.* — В продолжении «Анналов» Флодоарда говорится, что перестройке подверглась церковь святой Марии, а Ф.Лот полагает, что речь идет о церкви Сен-Дени: F.Lot, *Les derniers carolingiens. Paris, 1891*, p. 73, note 1, p. 74.

Глава 24

1 ...*только если это вызвано необходимостью...* — Устав ордена святого Бенедикта позволял монахам прерывать молчание только для молитв или в случае крайней необходимости.

2 ...*По завершении же всех дневных молитв...* — Этот цикл ежедневных молитв назывался комплеторием (completorium), этот термин и использует Рихер.

3 ...*до утренних хвалений.* — «Laudes» — заутреня.

4 ...*и писания отцов церкви.* — Эта глава и главы 32-42 чрезвычайно ценные, так как освещают начало монастырской реформы во Франции.

Глава 25

1 ...*он поехал в Рим.* — Поездка Адальберона в Рим продолжалась с ноября 971 г. по апрель 972 г.

2 ...*папа Иоанн..* — Иоанн XIII (965-972).

Глава 28

1 ...*Иоанн, раб рабов Божьих...* — После этих слов стоит крест, следующий лист отсутствует.

Глава 30

1 ...*к Реймскому диоцезу.* — Собор состоялся в мае 972 г. в Монт-Нотр-Дам в окрестностях Суассона.

Глава 37

1 ...*надевая роскошные одежды.* — В первой редакции далее стояло: «тогда как добрые монахи были бы довольны любым прикрытием для головы. Разве они не отступили от религиозных установлений? Ведь они судят о достоинстве по одежде, и простую, без сомнения, отвергают, и отсюда гнушаются тем, что напоминает им о религии».

Глава 40

1 ...*ткани из Норика.* — Норик — римская провинция между верхним течением Дравы и Дунаем (I в.). В данном случае, скорее, имеются ввиду ткани, привозимые из Византии и с Востока через земли бывшего Норика.

Глава 43

- 1 ...*Бог послал к нему Герберта...* — См. прим. 1 к Прологу.
- 2 ...*в обители святого исповедника Герольда.* — Монастырь святого Герольда в Орильяке (Орийаке).
- 3 ...*Боррелью, герцогу ближней части Испании...* — Боррель в то время еще не имел герцогского титула. Его паломничество, очевидно, состоялось около 967 г.
- 4 ...*епископу Хаттону...* — Хаттон или Аттон, епископ Вика.
- 5 ...*к блаженной памяти папе* — Имя папы у Рихера пропущено, но папой в описываемое время был Иоанн XIII.

Глава 44

- 1 ...*во время посещения Рима.* — Хаттон был убит в Риме 22 августа 971 г., но Рихер об этом не пишет.
- 2 ...*Оттона, короля Германии и Италии...* — В то время Оттон уже был императором (коронован в 962 г.), но Рихер предпочитает называть его королем.
- 3 ...*занимаясь преподаванием.* — Среди учеников Герберта были, вероятно, и сын Оттона I, будущий Оттон II.

Глава 45

- 1 ...*лучшим из логиков считался Геранн...* — Н.М.Бубнов сообщает, что подпись архидиакона Геранна стоит под актами собора в Mont-Notre-Dame en Tardenois (См. III, 30) (Сборник писем Герберта как исторический источник, ч. 2, отд. 1, с. 33). У Рихера его имя обозначено аббревиатурой G.
- 2 ...*вышеназванному архиепископу...* — Имеется в виду Адальберон, при котором Герберт впоследствии исполнял обязанности секретаря.
- 3 ...*наставлять в свободных искусствах...* — См. прим. 2 к I, 14.

Глава 46

- 1 ...*«Изагоги» или «Введение» Порфирия...* — Порфирий — греческий философ II века н.э., ученик неоплатоника Плотина. Большинство его трудов утеряно, сохранились «Изагоги» («Эйсагоге» — введение к «Категориям» Аристотеля) в переводе Boэция.

2 ...*согласно переводу ритора Викторина...* — Гай Марий Викторин — автор комментариев к «Риторике» Цицерона и перевода сочинения Порфирия.

3 ...*в переводе Манлия...* — Так Рихер называет Аниция Манлия Торквата Северина Boэция (ок. 480-524), римского философа и политического деятеля из знатного рода Анициев. Находился при дворе короля Теодориха в Равенне, занимая пост магистра оффиций (первого министра). Был заподозрен в тайных сношениях с Византией, провел долгое время в заключении и был в конце концов казнен. Один из наиболее почитаемых авторов в средние века, известны его переводы и комментарии к Аристотелю и Порфирию, трактаты, посвященные логике, арифметике, музыке, вопросам теологии. В XI в. была составлена приписываемая Boэцию «Геометрия», при написании которой, кстати, были использованы сочинения Герберта (Разоблачению этого подлога посвящена книга Н.М.Бубнова «Абак и Boэций», Пг., 1915). Широкой известностью пользовался и написанный Boэцием в заключении трактат «Утешение философии» («Consolatio philosophiae»).

4 ...*книгу высказываний Аристотеля, то есть «Категории».* — Аристотель (384-322 до н.э.) знаменитый греческий философ, основатель школы

перипатетиков. «Категории» Аристотеля входят составной частью в свод трудов, посвященных логике и получивших название «Органон».

5 ...«Пери Херменейас» или «Об истолковании»... — Трактат Аристотеля по логике. В одном из писем Герберта упоминаются комментарии Бозия на эту книгу. См. Haret, № 123.

6 ...*переведенное Туллием*... — Марк Туллий Цицерон (106-43 до н.э.), известный римский оратор, писатель и политический деятель..

Глава 47

1 ...о гипотетических силлогизмах... — Эти указания Рихера заставляют вспомнить названия трактатов Бозия по логике: «О категорическом силлогизме», «О гипотетических силлогизмах», «О топических различиях», «О делении», их, видимо, и использовал Герберт.

2 ...*Марона*... — Публий Вергилий Марон (70-19 до н.э.), крупнейший римский поэт, автор сборника пастушеских стихотворений («Буколики» или «Эклоги»), поэм «Георгики» и «Энеиды», рассказывающей о странствиях троянского героя Энея после взятия Трои греками..

3 ...*Стация*... — Публий Папиний Стаций (ок. 40-95), римский поэт, автор эпических поэм «Фиваида» и «Ахиллеи»; рукопись последней упоминается в двух письмах Герберта. См. Haret, № 134, 148.

4 ...*Теренция*... — Теренций Афр (190-159 до н.э.), великий римский комедиограф, автор шести пьес.

5 ...*Ювенала*... — Децим Юний Ювенал (ок. 60-после 127), римский поэт-сатирик, популярный и в средние века.

6 ...*Персия*... — Август Персий Флакк (34-62), римский поэт этруского происхождения, автор сатир, написанных в духе Горация.

7 ...*Горация*... — Квинт Гораций Флакк (65-8 до н.э.), знаменитый римский поэт, автор лирических стихотворений («Сагміна») и сатир («Сермонес»).

8 ...*историографа Лукана*. — Марк Анней Лукан (39-65), римский эпический поэт, племянник философа Сенеки. Из его сочинений сохранилось 10 песен и поэма «Фарсалия», рассказывающая о войне между Цезарем и Помпеем.

Глава 49

1 ...*каких трудов потребовала от него математика*. — Первая часть курса Герберта представляет собой, по сути, тривий (диалектика (46), грамматика и риторика (47-48)), а вторая, которую Рихер называет «математикой» — это квадривид, включающий в себя арифметику (49), геометрию (54), астрономию (50-53) и музыку (49).

2 ...и так передал им полные знания. — Схолии Герберта к «Musica institutio» Бозия опубликованы в издании Н.М.Бубнова «Gerberti opera mathematica». Berlin, 1899, s. 28-31.

Глава 50

1 ...*наставил в познании звезд*. — Подобная сфера упоминается в одном из писем Герберта: именно в обмен на нее монах Ремигий из Трира согласился сделать для Герберта список «Ахиллеиды» Стация (Haret, № 148). См. также его трактат «Об устройстве сферы» («de spherae compositio»), PL, t. 1. 139.

Глава 54

1 ...*абак, то есть доску с делениями*. — Абак — известный еще в Древнем Риме счетный прибор, действующий по принципу счетов, представлял собой доску, разделенную на столбцы, по которым передвигали жетоны. Герберт

использовал вместо жетонов арабские цифры, вырезанные из рога; видимо, он и ввел их в Европе. По указанию Н.М.Бубнова, авторитет Герберта в это областя был одно время так велик, что «людей, искусствых в вычислениях, иногда называли «гербертистами» (Сборник писем Герберта, ч. II, отд. 1, прим. 73 к с. 38).

2 ...*где все это изложено достаточно подробно.* — Константин, монах аббатства святого Бенедикта, друг Герберта и адресат многих его писем. Указанное Рихером сочинение также представляет собой письмо, см. «*Opera mathematica*», р. 51.

Глава 55

1 ...*в Саксонии славился Отрик.* — Отрик, монах из монастыря святого Маврикия, получил образование и преподавал в Магдебурге, занимал при местном архиепископе примерно то же положение, что Герберт при Адальбероне. В 978 г. он оставил Магдебург и переехал ко двору Оттона II. Умер он в 981 г. Его учеником был святой Адальберт (Войтех), убитый язычниками-пруссами.

Глава 56

1 ...*и разоблачил перед августом Оттоном...* — Оттон II (973-983), но о его восшествии на престол Рихер скажет только в 67-й главе.

2 ...*Август...* — Обычно Рихер называет Оттона королем, здесь же используется слово «август». Именно так обращается к Оттонам Герберт, что, возможно, говорит о том, что этот эпизод основан на рассказе Герберта.

Глава 57

1 ...*и в Тичино встретился с августом и Отриком.* — Поездка Адальберона и Герберта в Италию состоялась в декабре 980 г.

2 ...*а также Адсон, аббат Монтьеранде...* — Адсон, аббат Монтьеранде с 968 г., друг Герберта, писатель, обладатель обширной библиотеки, где была представлена в основном античная литература. Умер в 992 г. по дороге в Иерусалим, куда он сопровождал некоего графа Хильдунина, на которого сам наложил соответствующую epitимью. Труды Адсона см.: PL, т. 137. Также см. о нем: Verhelst D. Adson de Montier-en-Der. *Religion et culture autour de l'An mil...*, р. 25-30.

Глава 60

1 ...*о разделении философии согласно Викторину...* — В тексте стоит «*Vitruvii*», очевидно, описка Рихера, так как автор «Десяти книг об архитектуре» едва ли мог служить авторитетом в споре на данную тему. Разделение философии, подобное тому, которое излагает Герберт, содержится в Комментариях Боззия к «Изагогам» Порфирия в переводе Викторина (См. прим. 1-2 к гл. 46).

Глава 63

1 ...*Ведь Платон...* — Платон (427-347 до н.э.), знаменитый греческий философ, ученик Сократа, основатель Академии в Афинах, родоначальник так называемого идеалистического направления в философии.

Глава 66

1 ...*королеву Эмму...* — Лотарь III женился на Эмме в начале 966 г. Она была дочерью Аделаиды, жены Оттона I, от первого брака с Лотарем, королем Италии.

2 ...*Адальберона, епископа Ланского...* — Они обозначены как «E. R.» и «Ad. L.»

3 ...обвиняли в позорном разврате... — Адальберон, епископ Ланский, писатель (см. его «*Carmen ad Roibertum regem Francorum*, PL, ser. Latina, t. 141), был в то время канцлером Лотаря. Считалось, что упомянутое обвинение было выдвинуто против него Карлом, младшим сыном Людовика IV и братом Лотаря.

4 ...после чего архиепископ ... — Дальше лист обрезан.

Глава 67

1 ...*После кончины Оттона...* — Оттон I умер 7 мая 973 г.

2 ...он *пожаловал ее Оттону, отцу Оттона* — Как уже говорилось, Людовик не располагал властью над Лотарингией и, соответственно, не мог пожаловать ее Оттону, который и не был его вассалом.

Глава 68

1 ...*вместе с беременной супругой Феофано...* — Оттон II был женат на Феофано, дочери византийского императора Романа II, их свадьба состоялась в Риме в апреле 972 г.

Глава 69

1 ...*предвидя большую нехватку военных сил у врага*. — Этот поход состоялся летом 976 г.

Глава 73

1 ...*пока сильна ваша молодость и дух могут...* — В речь Оттона вставлены цитаты из речи Катилины у Саллюстия: «*si igitur magis imperare quam servire parati estis ... dum aetas viget animusque valet!*», «О заговоре Катилины», 20.

Глава 74

1 ...*Тем временем...* — Осень 978 г.

2 ...*с тридцатью тысячами всадников*. — Хотя обычно Рихер приводит фантастические цифры, в данном случае Ф.Лот полагает, что Оттон II действительно мог располагать войском таких размеров. См.: Lot F., *Les derniers..., 98*.

3 ... *послав вперед центурионов*. — «*centuriones*». См. также упоминание о центуриях и центурионах в главе 69 настоящей книги. Рихер вообще увлекается античной военной терминологией, здесь, вероятно, имеются ввиду передовые отряды и их командиры.

4 ...*идти плакаться к герцогу*. — То есть к Хугону Капету.

5 ...*оказал большие почести святому Ремигию*. — Реймского архиепископа Адальберона позже обвиняли в сговоре с Оттоном, в планы которого входил не только грабительский набег, но, при случае, и свержение Лотаря. При войске Оттона находился изгнанный к тому времени Карл, брат короля, который и должен был заменить его на троне.

Глава 75

1 ...*заняли пространство в 160 стадиев*. — Стадий — мера длины (125 шагов, около 176,6 м). Видимо, Рихер хочет сказать, что войско разместилось, вытянувшись вдоль Сены в одну узкую линию.

Глава 76

1 ...*отогнать безумца...* — «*Furentem*», в первой редакции было «*сапет latrantem*».

2 ...*избавив всех от такого позора*. — В первой редакции далее стояло: «и не только себя, но и весь свой народ прославить на вечные времена».

3 ...был избран Ивон... — Во второй редакции имя Ивона вычеркнуто. Ф.Лот приводит документ, из которого следует, что у Хугона Капета был вассал по имени Ивон, которому тот пожаловал аббатство Омбле. См.: Lot F., *Les derniers* ..., р. 402.

4 ...германец бросает копье... — В описываемое Рихером время подобный поединок с использованием копий мог быть только конным, однако здесь германец бросает свое копье, как это делали германцы у Тацита.

5 ...просил обещанной награды и получил ее. — Параллель этому эпизоду традиционно видят в поединке Гильома Оранжского с Изоре, также у стен осажденного Парижа; считают также, что в «Монашестве» Гильома отразились воспоминания об осаде Парижа Оттоном II в 978 г. См.: Михайлов А.Д. Жеста Гильома // Песни о Гильоме Оранжском, с. 499. Но Ивон у Рихера сражался все-таки не с богатырем невероятной силы, а с обычным воином, до которого сеньоры не пожелали снизойти.

Глава 79.

1 ...*те, кто больше всего любит раздор...* — Могут подразумеваться Хугон Капет, Карл Лотарингский, Генрих, герцог Баварский.

Глава 81

1 ...*они встретились* — Встреча при Маргу состоялась в начале июля 980 г.

Глава 84

1 ...*он сообщил Оттону о своих намерениях.* — Посольство Хугона ездило в Италию в декабре 980 г., одновременно с Адальбероном и Гербертом (см. прим. 1 к III, 57); Н.М.Бубнов полагает, что это совпадение — не случайность и Адальберон был причастен к заключению союза между Хугоном и Оттоном II // Сборник писем Герberта ..., ч. 2, отд. 1, с. 119.

2 ...*герцог отправился...* — Весной 981 г.

3 ...*Бурхардом...* — Бурхард (Бушар), граф Вандомский.

4 — Пропуск у Рихера.

Глава 85

1 ...*что и дальше будет носить его.* — Подавая Оттону меч при свидетелях, Хугон как бы признавал себя его вассалом. Ср. поведение Хугона Великого на первой встрече с будущим Людовиком IV, II, 4.

Глава 86

1 ...*отправил к Конраду...* — Конрад Тихий, король Бургундии, был братом Эммы.

Глава 87

1 ...*все особенности его внешности.* — Оба письма составлены Рихером.

2 ...*разыскать его и опознать* — По мнению Н.Бубнова, Аделаида гостила у Оттона во время визита к нему Хугона Капета и могла, таким образом, обойтись без описания его внешности. См.: Сборник писем Герберта, ч. 2, отд. 1, с. 475. Однако слугам Аделаиды нужно было бы это описание.

Глава 90

1 ...*Так была скреплена их взаимная дружба.* — Примирение Лотаря с Хугоном состоялось 18 июня 985 г.

Глава 91

1 ...*Возведение Людовика...* — В первой редакции в заголовке стояло имя Роберта, затем Рихер исправил ошибку. Вероятно, он спутал Людовика V с

Робертом, сыном Хугона Капета, который также был коронован при жизни отца и формально правил вместе с ним (См. IV, 12-13).

2 ...короновал его как короля франков... — Тринадцатилетний Людовик V был коронован 8 июня 979 г.; Рихер опять отступает от хронологического порядка.

Глава 92

1 ...взять в супруги Аделаиду... — Аделаида, вдова Стефана, графа Жеводан, и Раймонда Тулузского, маркиза Готии.

Глава 94

1 ...и возведен на трон. — Свадьба и коронация состоялись в 982 г.

2 ...а она — в преклонных летах... — Разница в возрасте между Людовиком и его супругой составляла около двадцати лет.

Глава 95

1 ...Забрал сына и увез. — В 985 г.

2 ...поехала к Вильгельму Арльскому... — Вильгельм (Гийом), граф Арльский, правитель Прованса.

Глава 96

1 ...если бы по Божьей милости не успел вернуться. — Имеется в виду поражение, понесенное войском Оттона II от сарацин 15 мая 982 г. при мысе Колонна. Оттон I приобрел, путем женитьбы на Аделаиде, власть над Северной и Средней Италией, Южная же оставалась в руках византийцев, хотя Оттон старался присоединить и ее к своим владениям. Упомянутый неудачный поход Оттона II также был частью плана подчинения юга полуострова.

2 ...привели к его смерти. — Оттон II умер 7 декабря 983 г. в возрасте 28 лет.

Глава 97

1 ...остался пятнадцатилетний сын Оттон. — Оттон III родился в 980 г., и ему было 3 года. Короновали его 25 декабря 983 г.

2 ...Хезилон... — Хезилон — это Генрих, герцог Баварский, племянник Оттона. Ко времени смерти Оттона II он, уже неоднократно пытавшийся поднять мятеж, находился в заключении у Поппона, епископа Уtrechtского, однако сумел выговорить себе свободу и даже добиться выдачи маленького Оттона III (мать которого Феофано была тогда в Италии), намереваясь первоначально стать регентом при Оттоне. В начале 984 г. Генрих-Хезилон собирает вокруг себя союзников, в числе которых оказался и Карл, которого Оттон II сделал герцогом нижней Лотарингии. На соборе знати в Магдебурге 16 марта Генрих предъявил уже претензии на корону, но его согласились признать королем только с согласия Оттона III, хотя Генрих все же присвоил королевский титул и начал переговоры с Мечиславом Польским и Болеславом Чешским, противниками Оттонов. На собрании на Бюрштадских полях около Вормса коалиция сторонников Оттона III во главе с Конрадом, герцогом Швабии и Виллигизом Майнцким вытребовала у Генриха обещание отдать Оттона; а в июне 984 г., на рейхстаге в Рара, на котором присутствовали и Феофано с Аделаидой, Оттона возвратили матери, и между двумя коалициями было заключено перемирие. Адальберон Реймский и Герберт проявили большой интерес к этим событиям, пытаясь побудить Лотаря защитить интересы Оттона, сторонниками которого они были.

3 ...осужденных по суду или опасающихся суда за содеянное... — «*juditiis convictos, sive etiam pro factis juditium timentes...*» — цитата из Саллюстия, «О заговоре Катилины», 14.

4 ...в назначенном месте у Рейна. — Встреча была назначена на 1 февраля 985 г., а местом встречи, согласно Герберту, был Бризак (См. Haret, № 39).

Глава 99

1 ...королевство оставалось без короля и никем не управлялось. — Лотарь попытался извлечь для себя выгоду из смуты в Германии, сперва предъявив претензии на опеку над малолетним Оттоном III, затем — попытавшись вернуть под власть франкской короны Лотарингию. В переговорах, связанных с первым планом, принимали активное участие Адальберон Реймский и Герберт.

Глава 100

1 ...*Одона*... — Одон, граф Блуа и Шартра, сын Тетбольда Мошенника.

2 ...*Херберта*... — Херберт III, граф Труа, Монферрана.

Глава 101

1 ...рекой *Маасом* с крутыми берегами. — Рихер неплохо представлял себе окрестности Вердена. См. об этом: Evrard J.-P. *Verdun au temps de l'évêque Haymon (988-1024). Religion et culture autour de l'An mil ...*, p. 273-278, см. также карту р. 278.

2 ...и сдались Лотарю. — Верден сдался в феврале 985 г.

Глава 102

1 ...врукопашную сражаться с врагом. — В очень похожих выражениях автор ранее говорил о преданности вассалов Оттона II своему господину (III, 77).

Глава 103

1 ...герцог Бельгии *Теодерик*... — Теодорик I, герцог Верхней Лотарингии (983-1026) и племянник герцога Хугона Капета (сын его сестры Беатрисы).

2 ...*Годефрид*... — Годефрид (Годфруа) Старый или Пленник, граф Вердена, брат реймского архиепископа Адальбера.

3 ...*знаменитый Сигефрид*... — Сигефрид (Сигфруа), граф Люксембурга.

4 ...*известные братья Бардон и Гозилон*... — Племянники Годефрида.

5 ...*бревна из Аргонны*... — Так назывался лес близ Вердена.

Глава 104

1 ...выстроили у них над головой «черепаху»... — Как уже говорилось раньше, особенность черепахи состояла в том, что это был передвижной навес (См. прим. 3 к II, 10). Это приспособление применялось при штурме, а не при обороне. В данном случае речь может идти об обычном защитном навесе.

Глава 105

1 ...*подтащить ее к расположениям врага*. — Рихер опять не приводит названия машины и гораздо больше рассказывает о ее устройстве, чем о ее конкретном предназначении и «боевых характеристиках». По сути эта «машина» представляет собой чрезвычайно примитивную, состоявшую только из каркаса «гуляй-башню».

Глава 106

1 ...*машину удалось подогнать к врагам без потерь*. — Об этой выдумке известно только из сочинения Рихера. Непонятно только, каким образом уда-

лось без потерь вкопать эти столбы и натянуть канаты: с помощью описанного устройства машина могла продвинуться только до столбов, так что их надо было бы установить почти вплотную к стене.

Глава 107

1 ...*подобную машину, но не столь высокую и крепкую.* — Осажденные могли соорудить в плохо приспособленном для осады укреплении башню из дерева, но вряд ли им удалось бы использовать внутри стен, в застроенном пространстве (эта «стоянка» представляла собой торговый квартал города) передвижную башню.

Глава 109

1 ...*пережив Оттона на 10 лет...* — На 3 года, если речь идет об Оттоне II, и на 13 лет, если об Оттоне I.

2 ...*с тех пор, как воспринял королевство по смерти отца...* — На тридцать втором году.

3 ...*от рождения — на шестьдесят восьмом...* — Лотарь умер в возрасте 45 лет.

4 ...*он умер и так уплатил свой долг природе.* — Это произошло 2 марта 986 г.

Глава 110

1 ...*за ними с жалобами следовала остальная толпа.* — Ср.: «Парадная кровать была из массивного золота и украшена ценностями камнями; покрывало — из чистого пурпурного и пестрого узорами; тело, лежавшее на нем, было покрыто алым сукном; голову царя обивала диадема, а над нею лежала золотая корона, правая рука держала скипетр. Парадную кровать окружали сыновья и многочисленная толпа родственников; непосредственно за ними шли телохранители, отряд фракийцев, затем германцы и галлы — все в военных доспехах ... Тело перенесено было на расстояние двухсот стадий в Иродион, где оно, согласно завещанию, было предано земле» (Описание похорон Ирода Великого, Иосиф Флавий, «Иудейская война», I, 33, 9; Цит. по изд.: Иосиф Флавий. Иудейская война. Минск, 1991, с. 133).

2 ...на 240 стадиев... — Кстати, этой мерой длины Рихер, кажется, пользуется вполне осмысленно — расстояние от Лана до Реймса определяется им в 240 стадиев (примерно 45,4 км), что более менее соответствует действительности.

Книга IV

Глава 1

1 ...*избрали на царство...* — Следует обратить внимание, что даже коронация при жизни отца (см. III, 91) не избавила Людовика V, которому тогда было около 20 лет, от повторного утверждения на троне. Королевская власть еще не стала наследственной в полном смысле этого слова. См. письмо, составленное Гербертом от имени Эммы, матери короля, в котором она просит императрицу Аделаиду поддержать ее и ее сына (Приложение 2, № 74).

2 ...*будет просить помощи на чужбине, у иноземцев.* — Престиж Людовика V пошатнулся из-за его неудачной попытки стать королем Аквитании (см. III, 92-95).

3 ...*у столь выдающегося государя.* — См. письмо Герберта, в котором он указывает на истинное положение Хугона в королевстве незадолго до смерти Лотаря (Приложение 2, № 48).

Глава 2

1 ...*пожаловался герцогу и немногим другим...* — В речи заметны цитаты из «Югуртинской войны» Саллюстия (речь Адхербала перед сенатом): Адхер-

бал также начинает с сообщения о смерти своего отца, о предсмертном совете отца относиться как к родным и близким к тем, к кому он ныне обращается, дабы обеспечить себе спокойствие и защиту (См.: Югуртинская война, 14).

2 ...*преступнейший человек из всех, кого носит земля...* — «Adalbero Remogum metropolitanus, homo omnipotens quos terra sustinet sceleratissimus, contemptu patris mei imperio», а у Саллюстия мы читаем: «Jugurtha homo omnium quos terra sustinet sceleratissimus, contemptu imperio vostro Masinissae» (Там же).

3 ...и невредимым ушел с войском. — Против Адальберона выдвигались подобные обвинения. Его брат, Годефрид Верденский, был в войске Оттона во время похода 978 г. Кроме того, Оттон во время этой кампании побывал в Реймсе и, очевидно, встречался с прелатом. Считалось, что это он помог Оттону отступить из Франции.

Глава 4

1 ...*стремился к благу королей, почитал их род...* — Это ложь, так как во время смуты в Германии после смерти Оттона II Адальберон вступил в активные переговоры с его вдовой Феофано, обещая отстаивать интересы ее сына; не говоря уже о том, что выдвинутые против Адальберона обвинения, видимо, были небезосновательны. Адальберона может оправдывать его происхождение, а также тот факт, что во время Верденской кампании Годефрид, брат Адальберона, надолго попал в плен (см. III, 103–108).

2 ...*пока не удовлетворил короля.* — Тем не менее, он счел за лучшее покинуть Реймс и узнавал об обстановке в городе через Герберта (См. Приложение 2, № 93).

Глава 5

1 ...*он скончался, уплатив свой долг природе.* — Людовик V умер 21 или 22 мая 987 г.

2 ...*решили похоронить его в Компьене ... рядом с отцом.* — До этого Рихер писал, что Лотаря похоронили в монастыре св. Ремигия в Реймсе (III, 110).

Глава 6

1 ...*герцог начал так...* — Заметим, что герцог уже берет бразды правления королевством.

Глава 7

1 ...*не в силах был высказать на суде?* — Заступничество герцога, как и недовольство действиями Людовика (IV, 3) было, очевидно, обусловлено существованием союза между ним и Адальбероном: позже Адальберон поддержит Капета на выборах короля (IV, 11).

Глава 9

1 ...*так обратился к нему по поводу королевства...* — В речи Карла заметны цитаты из речи Адхербала у Саллюстия («Югуртинская война», 14): «Pater nos duos fratres reliquit ... Omnia generis mei praesidia extincta sunt ... Utinam mihi fortunisque meis honestus exitas accidisset.»

2 ...*меня надлежит наследовать брату и племяннику.* — Ранее Роберт также считал себя наследником своего брата Одона (I, 16).

3 ...*Отчего я изгнан...* — Считалось, что Лотарь изгнал своего младшего брата из-за того, что тот обвинил в прелюбодеянии Эмму, жену Лотаря, и Адальберона Ланского (См. III, 67).

4 ...*мне, лишенному всех почестей?* — Карл был герцогом Нижней Лотарингии с 977 г., приняв ее из рук Оттона II.

Глава 10

1 ...*Так как ты...* — Следует обратить внимание, что Карл обращался к Адальберону на «вы», а тот говорит ему «ты».

2 ...*собрались в Санлисе.* — Собрание в Санлисе состоялось в конце мая 987 г.

Глава 11

1 ...*не убоялся служить иноземному королю...* — Став герцогом Нижней Лотарингии, Карл присягнул Оттону II, а затем участвовал в походе 978 г. и даже был провозглашен королем вместо Лотаря.

2 ...*из рода служилых рыцарей, не равную себе?* — Карл Лотарингский был женат на дочери Хериберта III, графа Труа, Мо и Вермандуа. Звали ее, как Рихер сообщает далее, Аделаида (IV, 49).

3 ...*тъму почитают светом и свет тъмою!* — Исаия, V, 20.

Глава 12

1 ...*коронованный в июньские календы...* — 1 июня. Многим исследователям эта дата кажется маловероятной и они относят коронацию Хугона Капета к 3 июля 987 г., в соответствии с «Анналами» Сен-Дени.

2 ...*чтобы короновать своего сына Роберта.* — Такие же действия действовали предпринимали Людовик IV (III, 109) и Лотарь (III, 91).

3 ...*герцогом ближайшей части Испании Боррелем...* — Боррель уже упоминался Рихером (III, 43-44).

4 ...*под власть варваров...* — мусульман

Глава 13

1 ...*был привержен к свободным искусствам...* — Роберт был одним из учеников Герберта Орильякского. Его сочинения и письма см. PL, t. 141.

Глава 14

1 ...*он говорил, обливаясь слезами...* — В этой речи опять цитируется речь Адгербала (См. прим. 1 к IV, 9): «...subvenite destituto parenti ... per liberos atque parentes ... subvenite mihi misero ...».

Глава 15

1 ...*В то время Адальберон...* — Уже упоминавшийся Адальберон (Асцеплин) Ланский, обвинявшийся в прелюбодеянии с королевой (III, 66). Кстати, об этих наветах, сделанных Карлом, упоминается и в письме Герберта, написанном от лица Теодорика, епископа Метцкого (Havet, № 31).

Глава 16

1 ...*Захватил и осталенную городскую знать почти полностью.* — Карл взял Лан весной 988 г.

Глава 18

1 ...*удержать как королевское пожалование захваченные владения.* — То есть если Карл станет вассалом Хугона.

2 ...*разбили лагерь.* — Первая осада Лана должна была происходить в июне-августе 988 г.

Глава 20

1 ...*спустился по веревке из окна и уехал верхом...* — Возможно, Адальберон бежал уже после второй осады Лана королем.

2 ...он будто бы сам предоставил возможность взять город. — Как позже совершил подобное Арнульф Реймский (IV, 33-35).

Глава 21

1 ...*подступили к городу...* — Второй поход начался, очевидно, только в июне 989 г.

Глава 22

1 ...и он отступил. — Сравним этот эпизод с рассказом об осаде Иотапаты у Иосифа Флавия («Иудейская война», III, 7, 19): «А так как валы приближались уже к стенам, то он (Веспасиан — А.Т.) решил поставить «баран» (*«aries»*). Это — чудовищная балка, похожая на корабельную мачту и снабженная крепким железным наконечником наподобие бараньей головы, от которой она и получила свое название; посередине она на толстых канатах подвешивается к другой поперечной балке, покоящейся обоими своими концами на крепких столбах. Подтянутый многочисленными воинами назад и брошенный соединенными силами вперед, он своим железным концом потрясает стену. Нет той крепости, нет той стены, которая была бы настолько сильна, чтобы противостоять повторенным ударом «барана»» (*«Иудейская война»*, III, 7, 19). Рихер иначе объясняет происхождение названия тарана — «барана»; более подробно рассказывает о его устройстве, но в целом описания скожи, как деталями, так и порядком их изложения. И кстати, если предположить, что это описание у Рихера навеяно литературой, то тем самым можно было бы снять с Хугона Капета, опытного военачальника, обвинения в бесмысленной трате времени и сил на построение громоздкой машины, которую, скорее всего, не удастся вкатить на «гору».

Глава 23

1 ...*самим ринуться на врага*. — Возможно, этот эпизод навеян письмом Герберта к Экберту Трирскому (Приложение 2, № 121).

Глава 24

1 ...*уплатил долг человеческой природе*. — Адальберон умер 23 января 989 г.

Глава 25

1 ...*Арнульф, сын Лотаря...* — Незаконный, родился в 967 г.

Глава 27

1 ...*ведь он еще юноша...* — Арнульфу в то время было около 25 лет.

Глава 28

1 ...*так как королевский род пресекся...* — Заметим, что Карла Лотарингского Хугон не берет в расчет.

Глава 29

1 ...*если позорно уклонится от соблюдения верности*. — Условие по тем временам невиданное, но показывает, насколько король не доверял побочному Каролингу Арнульфу.

2 ...*расписку в двух экземплярах...* — См. текст расписки в гл. 60.

3 ...*один отдал королю, другой оставил себе*. — В подлиннике здесь стоят стихи:

«Ille honoris cupidus inventum laudat.

Sese sic posse suscipere asseverat.

Jussus itaque cirographum notavit,

Regi alteram alteram sibi servavit».

Глава 31

- 1 ...*устыдится приближающейся неправды*. — Прем. Сол., I, 5.
2 ...*облачен в епископское одеяние*. — Арнульф был рукоположен в конце марта 989 г.

Глава 34

- 1 ...*Гилберта*... — Гилберт, граф Руи, в тексте стоит только инициал «G».
2 ...*Видона*... — Видон (Ги), граф Суассонский, обозначен инициалом «V».
3 ...*Священник Алгерий*... — Этот человек упомянут еще в главах 62 и 73-й настоящей книги, но там его имя пишется не «Algerus», а «Adalgerus».

Глава 36

- 1 ...*вместе с Ланом и Суассоном*... — Суассон попал под власть Карла благодаря присяге графа Ги (IV, 34).

Глава 39

- 1 ...*отняв у Карла отцовский трон и присвоив королевство*. — Ранее Хугона не очень тревожило это обстоятельство (IV, 28).

Глава 40

- 1 ...*Одон*... — Граф Тура, Блуа и Шартра. См. также III, 100.

Глава 41

- 1 ...*поклявшись ему в верности*... — Видимо, Адальберона-Асцелина подозревали в том, что, находясь в плену у Карла, он присягнул ему так же, как это сделал Арнульф (IV, 36).

Глава 42

- 1 ...*поторопились осудить архиепископа*... — Еще летом 990 г. на соборе в Санлисе Арнульфу воспретили служить мессу.

Глава 43

- 1 ...*он изложил королю вышеназванные козни*... — В подлиннике стоит «*τεσπάς*», греческое слово, написанное латинскими буквами и имеющее смысл, примерно соответствующий указанному нами.

Глава 45

- 1 ...*слева от королевы*. — Хугон Капет был женат на Аделаиде, дочери Вильгельма (Гильома) I, графа Пуату.

Глава 47

- 1 ...*сегодня вы освящали побеги винограда*... — Следовательно, предательство Адальберона-Асцелина свершилось в Вербное Воскресенье, которое в 991 г. пришлось на 29 марта.

- 2 ...*а не то постигнет меня участь Иуды*. — Ж.Бедье указывает, что «имя «Асцелин» стало и оставалось некоторое время типичным именем предателя, как «Ганелон», «Бурмонт» и «Иуда». См.: Bédier J. Les légendes épiques, t. 1, p. 254; кстати, в «Короновании Людовика» один из предавших Людовика сеньоров носит имя Аслен, т.е. Асцелин.

- 3 ...*кто же виновник этого утреннего происшествия*. — В подлиннике здесь стихи:

«Coram quibus cum hostes facio agmine adessent
Et ille exercefacti adversarios advertissent,

*A lectis prosulientes,
Et arma capessere nitentes
Quaerunt quidnam matutinus
Eorum afferat eventus»*

Глава 49

1 ...*Карла заключили в темницу...* — Карл, очевидно, умер еще до начала Реймского собора.

Глава 50

1 ...*за 14 дней до их пленения...* — То есть в середине марта 991 г.

2 ...*изучить логику Гиппократа Косского...* — Гиппократ из Коса (ок. 460-ок. 370 до н.э.) знаменитый греческий врач из семьи, ведущей свое происхождение от бога врачевания Асклепия. Был крупнейшим авторитетом как в древности, так и в средние века, хотя его сочинения практически не сохранились. Был сторонником рационального объяснения процессов, происходящих в человеческом теле, и возникновения болезней. Гиппократ разработал теорию четырех телесных соков: крови, мокроты, желтой и черной желчи, нарушение гармонии которых ведет к заболеваниям; влияние этих представлений очень заметно у Рихера. Рихер разделял и мнение Гиппократа о влиянии окружающего мира на состояние здоровья человека.

3 ...*по приглашению аббата Д...* — Его имя обозначено инициалом D.

4 ...*мул, который до того выглядел Буцефалом...* — Буцефал — знаменитый конь Александра Македонского, здесь его кличка использована для создания иронического оттенка.

5 «*О согласовании Гиппократа, Галена и Сорана*». — Эта книга неизвестна. Гален (129-199), — греческий врач, последний крупный медик — теоретик античности, будучи одновременно лекарем гладиаторов, усовершенствовал методы лечения. Систематизировал достижения современной ему медицины, был весьма популярен в средние века, в том числе и у арабов. Соран из Эфеса — греческий врач, практиковал в Риме в начале II в., автор жизнеописания Гиппократа и многочисленных трудов, посвященных практической стороне медицины (гинекологии, лечению переломов, перевязкам).

6 ...*тайны врачевания с помощью фармацевтики, ботаники и хирургии.*

— Это показывает, что интерес Рихера к этой сфере не был чисто теоретическим.

Глава 51

1 ...*восстановят на прежней кафедре.* — Собор в монастыре св. Базила (Реймский собор) состоялся 17-18 июня 991 г.

2 ...*Херберт, епископ Оксера.* — Главы 51–73 основаны на «Acta concilii Remensis» Герберта Орильякского (Cm. MGH, SS, t. III).

Глава 52

1 ...*и почтенный возраст, и жизнь, полная заслуг.* — Рихер точно пересказывает Герберта, но как будто исправляя стиль последнего. Сигину доверили право выносить суждения в спорных случаях, так как, согласно Герберту, его «aetas et vitae meritum ac scientia commendabat» (Acta Consilii Remensis, MGH, SS, t. III, p. 660), а согласно Рихеру, «eo quod aetatis reverentia et vitae meritum plurimum commendaretur».

2 ...*даром красноречия и ораторскими способностями.* — Такой же случай: Герберт пишет, что Арнульф Орлеанский «inter omnes Galliarum episcopos sapientia et eloquentia clarior haberetur» (там же), а Рихер выражает ту же мысль по-другому: «ipse inter Galliarum episcopos eloquii virtute et efficacia

dicendi florebat. Чем это объяснить: Рихер опасался обвинений в плагиате, что было бы несколько странно для Х в., или же его не вполне устраивал стиль Герберта?

Глава 53

1 ...*а горожане ограблены разбойниками*. — Во вступительной речи Арнульфа Орлеанского в «Реймском соборе» сказано: «славный город Реймс подвергся нападению врагов из-за коварной измены, был ограблен, святая святых была осквернена вооруженной шайкой» (там же, с. 661).

2 ...*согласно 31 главе постановлений Толедского собора*... — Постановления испанских соборов вообще отличает идея подчинения церкви политической власти королей, поэтому неудивительно, что к решениям Толедского собора прибегли в этом деле, которое разбиралось под давлением со стороны короля, и вмешательство в которое папы было бы нежелательно.

Глава 54

1 ...*строгость которого соответствует серьезности преступления*. — В «Реймском соборе» епископ Даиберт говорит: «Очень тяжело быть судьей в чужих делах, так как, уличая виновного, ты сам подпадаешь под обвинение, осуждая его, осуждаешь самого себя» (там же, с. 661). Рихер делает из этой реплики целое выступление, смысл которого совершенно иной.

Глава 55

1 ...*он недостоин епископского сана*. — Другим становится и ответ епископа Херивея Даиберту. У Герберта он говорит следующее: «Видите ли, если церковное правосудие не будет строгим, то и мирских законов не станут бояться, а это опасно. Ведь из этого следует, что нарушив божественные законы, мы подпадаем под мирское право. Как может остаться без суда тот, чья вина доказана? Мы пойдем против наших государей, если не дерзнем затронуть того, кто подлежит суду» (Там же, с. 661).

Глава 56

1 ...*Манассию*... — Манассия, граф Ретеля или Омона.

2 ...*Ротгера*... — Ротгер, граф Порсьенна.

Глава 60

1 ...*грамота следующего содержания*... — Текст расписки взят из «Acta concilii Remensis», гл. 8 (MGH, SS, t. III, p. 661).

2 ...*достичь вечного блаженства*. — Здесь у Рихера единственное отклонение от текста: Герберт употребляет здесь выражение «aeternae benedictionis», Рихер заменяет его почти тождественным по смыслу «aeternae beatitudinis».

Глава 62

1 ...*оделал это, но не беззаконно*. — Присягнув Карлу на верность и став его человеком, Адальгер оказался уже не изменником, но лазутчиком Карла в Лане.

Глава 63

1 ...*и тех, кто расточал чужое имущество под видом распродаж*. — Арнульф действительно подверг анафеме тех, кто разграбил Реймс, продолжая игру в ни о чем не ведавшую жертву чужого коварства.

Глава 64

1 ...*они видят злых и добрых*. — Притч. Сол., XV, 3.

Глава 65

1 ...*сообщить об этом римскому первосвященнику*... — Папой римским в то время был Иоанн XV (985–996).

Глава 72

1 ...Я, Арнульф, некогда реймский архиепископ, подписал. — Текст тоже из «Acta concilii Remensis», гл. 54 (MGH, SS, t. III, p. 685).

Глава 73

1 ...покинул юношу... — То есть Арнульфа.

2 ...сочинение господина и несравненного мужа Герберта... — Имеются в виду «Acta concilii Remensis», составленные в 995 г.

3 ...ставшего преемником Арнульфа на епископстве... — Герберт был архиепископом Реймским с 991 по 996 гг.

4 ...сравниться с красноречием Туллия. — Цицерона (см. прим. 6 к III, 46).

Глава 74

1 ...Тем временем Одон... — Все тот же граф Тура, Блуа и Шартра (III, 100; IV, 40).

Глава 75

1 ...к кастеллану крепости... — Этого человека звали Готье.

2 ...почему сейчас ею владеет чужак? — Крепостью владел Бурхард (Бушар) Вандомский (См. III, 84).

Глава 76

1 ...приготовился сопротивляться вместе с Одоном. — Мелен был взят в 991 г.

Глава 79

1 ...Фулькон... — Фулькон Нерра, граф Анжуйский.

2 ...не оставил ни хижины, ни петуха... — Похожее выражение Рихер использовал раньше, говоря о походе Хугона против Карла (IV, 37).

Глава 82

1 ...Конан... — Конан, граф Реннский.

Глава 87

1 ...развелся с женой Сусанной... — Король Роберт в 988 г. женился на Сусанне (Розале), дочери короля Италии Беренгара II и вдове Арнульфа II Фландрского. Развод произошел в 991 или 992 г.

2 ...она же была старухой. — Сусанне было больше 30 лет.

3 ...под названием ... — Пропуск у Рихера.

Глава 88

1 ...сокрушились из-за этого преступного развода... — В их числе был и Герберт.

Глава 89

1 ...папа римский Бенедикт... — Имя папы обозначено инициалом «B», но Бенедикт IV умер в 983 г., как и Бонифаций VII, попытавшийся в 984 г. узурпировать папский престол и убитый римлянами в 985 г.; в описываемое Рихером время папой Римским был Иоанн XV.

2 ...Когда они съехались в Шель... — 993 или 994 г.

3 ...одно сердце и одна душа. — Деян., IV, 32.

4 ...«У всякого благоразумного проси совета.» — Тов., IV, 18.

5 ...отторгнутого от церкви отвращающейся. — Тит., III, 10.

Глава 94

1 ...окончил свою жизнь... — Одон умер 12 марта 996 г.

Глава 98

1 ...*Граф Ландрик...* — Ландрик, граф Невера.

Глава 99

1 ...*в защиту Арнульфа* — Изложение основано на «Acta concilii Mosomensis» Герберта Орильякского (MGH, SS, t. III).

2 ...*собрались в Музоне, имея при себе посла папы* — Собор состоялся 2 июня 995 г.

3 ...*граф Годефрид...* — Годефрид, граф Вердена (См. III, 103).

4 ...*Регенерий, реймский видам.* — Это лицо у Герберта не названо.

Глава 101

1 ...*Ее текст был таким...* — После этого стоит крест, окруженный четырьмя точками, но следующие несколько листов отсутствуют. Вайтц включил текст речи Герберта в издание «Historiarum libri quattuor», чтобы заполнить эту лакуну.

Глава 102

1 ...*гнев от лица Господня*. — 2 Парал., XIX, 2.

2 ...*согласно решению Африканского собора...* — См. прим. 1 к II, 67. Попытка отстоять самостоятельность поместных соборов в вопросах назначения и смещения епископов, сделанная на Реймском соборе, была не первой: более чем за сто лет до того Гинкмар, архиепископ Реймский, указывал, что в священном писании и решениях первых Вселенских соборов нет подтверждения тому, что римский епископ может претендовать на решающую роль в подобных делах. Гинкмар указал следующее соотношение между текстами, имеющими каноническую силу для христиан: на первом месте стоит Священное писание, на втором — решения первых вселенских соборов, особенно Никейского, затем — решения поместных соборов и уже потом — сочинения отдельных отцов церкви и письма пап, на последние можно ссылаться только если они не противоречат всему вышенназванному. Гинкмар даже усомнился в подлинности некоторых папских декреталий.

Глава 104

1 ...*прислешники Симона...* — Имеется в виду Симон-волхв, пожелавший купить у апостолов дар наделять людей святым Духом (Деян. 8; 18-24); отсюда произошло понятие «симония» — купля-продажа церковных должностей или духовного сана.

2 ...*«Если глаз твой соблазняет тебя...»* — Матф. V, 29.

3 ...*считать язычником и мытарем.* — Там же, XVIII, 17.

4 ...*великий папа Лев...* — См. прим. 1 к II, 80.

5 ...*уничиожил грехиный мир великим потопом.* — Источник цитаты не обнаружен.

6 ...*папа Геласий...* — Геласий (492-496) — известен тем, что сформулировал теорию «двух мечей» (независимость духовной власти от светской).

7 ...*да будет подвергнут проклятию и каре.* — Цитата из письма папы Геласия (PL, t. 69, col. 79).

8 ...*этот свирепый зверь Одон...* — Одон, граф Тура, Блуа и Шартра.

«Анналы»

1 ...*в Санлисе...* — Название города почти не читается, как сообщает Р. Латуш. В IV, 107 говорилось, что местом проведения собора был назначен Реймс.

2 ...*Ричард, пиратский герцог...* — Ричард I, герцог Нормандии (см. II, 34), умер в декабре 996 г.

3 ...Умер герцог Генрих. — Генрих Баварский умер 27 августа 995 г.
4 ...состоялся в свое время. — 5 февраля 996 г.

5 ...он отговаривал ее. — Брак между Робертом и Бертой казался невозможным: он приходился ей троюродным братом, к тому же был крестным отцом одного из ее детей от Одона и, сверх того, его развод с Сусанной был признан далеко не всеми.

6 ...на суде в присутствии папы... — Папа Григорий V.

7 ...был назначен другой собор. — До этого места «Анналы» писаны более светлыми чернилами.

8 ...умер в своем поместье Жуф. — Хугон Капет умер 24 октября 996 г. В тексте говорится: «... in oppido Hugonis Iudeis extinctus est», поэтому долгое время считалось, что речь идет о враче-иудее, которого Рихер якобы обвиняет в смерти короля. Однако сейчас доказано, что Рихер просто привел название деревни (совр. *Les Juifs*) близ Шартра, где умер Хугон. См.: *Theis L. L'avenement d'Hugues Capet: 3 juillet 987. Paris*, 1984, p. 178.

9 ...взял в жены Берту... — Свадьба состоялась в начале 997 г.

10 ...доминал осадой Хильдеберта. — Хильдеберт (Одебер), граф Перигора, союзник Фулькона Нерра.

11 ...получил Равеннское епископство. — В августе 998 г.

Флодоард «Анналы»

Выдержки из «Анналов» Флодоарда переведены по изданию: *Patrologiae cursus completus, series latina*, t. 139, *Paris*, 1853, col. 423-488.

1 ...королевство Лотаря. — Так Флодоард постоянно называет Лотарингию; ему, однако, известно и понятие «*Lotharingienses*» — «лотарингцы».

2 ...с Эрлебальда сняли отлучение. — См. у Рихера главы 19-20, 26 книги первой.

3 ...Ричард, маркиз Бургундии... — отец короля Радульфа (Рауля).

4 ...Граф Роберт... — Граф Парижский, брат покойного короля Одона.

5 ...заявился бой... — Флодоард описывает битву при Суассоне 15 июня 923 г.

6 ...своему сыну Одону... — Одон стал затем графом Амьена.

7 ...сыну Ротгария... — Видимо, того самого графа Ротгария, который упомянут в записи за 923 г. в качестве сторонника короля Роберта.

8 ...и заключил союз с Херибертом. — См. об этих событиях главы 53-54 первой книги у Рихера. Заметим, что у Флодоарда избрание сына Хериберта архиепископом Реймским (925 г.) предшествует предпринятой Херибертом попытке восстановить Карла на троне (927 г.); Рихер же меняет эти факты местами, делая посвящение малолетнего Хугона своего рода условием примирения Херибера с королем после неудавшегося переворота.

9 ...верные Хериберта... — «*fideles*», то есть вассалы.

10 ...под защитой короля Альстана... — Флодоард называет короля Эсекса Адельстана «тех *Aistanni*».

11 ...принять королевский венец... — Флодоард употребляет здесь слово «арех», обозначавший не только символ жреческого сана (головной убор жреца-фламина в Древнем Риме) или царской власти (тиара), но и власть как таковую.

12 ...к старшему сыну, именем Оттону. — Будущий император Оттон I Великий.

13 ...папа Иоанн, брат патриция Альберика... — Иоанн XI (931-935) был сыном печально известной Марозии из рода Теофилакт, фактически владев-

шего Римом и распоряжавшегося папским престолом. Альберик (или Альберих) поднял мятеж против своего брата и заключил его вместе с матерью в тюрьму, где тот вскоре и умер; Альберик же стал полновластным хозяином в Риме, приняв титул «сенатора, патриция и государя всех римлян».

14 ...некий Лев, раб Божий. — Папа Лев VII (936-939), ставленник Альберика.

15 ...Хугон, король Италии... — Хугон (Гуго) был мужем Марозии, матери Альберика, бежал из Рима во время мятежа, позже предпринял попытку вернуться.

16 ...призвал в Лан свою мать. — Королеву Эадгифу (Этгиву).

17 ...дочь Генриха. — Хедвига, Хугон был женат на ней третьим браком.

18 ...с Хугоном... — В данном случае имеется в виду уже Хугон, сын Роберта.

19 ...навстречу Вильгельму, предводителю норманнов... — Герцог Вильгельм Длинный Меч.

20 ...покойного епископа Херивея... — Видимо, Херивея, архиепископа Реймского (900-922).

21 ...даровал иммунитет... — «*im munītās*»; это означало, что замок изымался из сферы действия королевской власти и освобождался от всех повинностей в пользу короны; монастырь получил также административную и судебную власть над дарованными владениями.

22 ...вверив Руан Эрлуину... — Видимо, Эрлуину, графу Монтрей (см. у Рихера II, 11-15, 38, 40).

23 ...из-за сильнейшего раздора... — Рихер просто сообщил, что собор состоялся «в установленный срок» (II, 69); согласно Флодоарду же, его пришлось собрать раньше назначенного дня по указанной здесь причине.

24 ...перевели его для королей на немецкий язык... — Сочинение Артольда должно было быть написано на латыни, которой короли не знали.

25 ...многих крестьян... — Флодоард называет их колонами («*colonī*»); речь идет скорее всего о зависимых крестьянах.

26 ...Тем временем Фредерик... — Фредерик (Фридрих), будущий герцог Верхней Лотарингии (с 959 г.) и граф Бара, брат Адальберона, епископа Метцкого.

27 ...дочь герцога Хугона... — Беатрису.

28 ...Беренгарий, король лангобардов, бежал из Павии... — Беренгарий, маркграф Иvrei, которого подозревали в отравлении итальянского короля Лотаря (950 г.); намеревался женить своего сына на его вдове Аделаиде, чтобы обеспечить за своим родом трон Италии, но Аделаида, воспротивившаяся этому браку и заключенная Беренгарием в крепость, обратилась за помощью к Оттону I. Под этим предлогом Оттон вступил в Италию, занял Павию, принял титул короля лангобардов и женился на Аделаиде.

29 ...Генриха, своего дядю... — Генриха-Хезилона, герцога Баварского.

30 ...его титул достался Октавиану... — Октавиан, сын Альберика, стал папой Римским в возрасте 18 лет под именем Иоанна XII (955-964) и прославился необычайной порочностью и бесстыдством. Подорвав свое положение в Риме, Иоанн вынужден был искать себе покровителя и обрел его в лице Оттона I, который совершил еще один поход в Италию, занял Рим и получил от Иоанна императорскую корону (2 февраля 962 г.). Тем не менее в 963 г. Иоанн XII был осужден и низложен церковным собором.

31 ...избрать его папой Города. — Флодоард, как и Рихер, иногда следует традиции античности, согласно которой Рим назывался просто Городом («*Urbs*»).

32 ...*Рагенерий*... — Тот самый племянник герцога Гислеберта, в операции против которого участвовал отец Рихера (III, 6-10); Флодоард рассказывает о взятии замка Рагенерия в записи за 956 г.

33 ...*сын покойного герцога Хугона*... — Оттон-Генрих, король Бургундии с 965 г.

34 ...*Эмму, дочь*... — пропуск в рукописях. Эмма была дочерью короля Италии Лотаря.

Письма Герберта Орильякского

Фрагменты из переписки Герберта переведены по изданию: *Les lettres de Gerbert, ed. par J. Hivet, Paris, 1889.*

№ 7

1 ...*Герберт, некогда сколастик*... — Герберт писал это письмо, уже не будучи учителем в кафедральной школе в Реймсе.

2 ...*своего Айрарда* — Айрард, аббат монастыря св. Теодерика близ Реймса.

3 ...*будет исправлен Плиний*... — Гай Плинний Цецилий Секунд Старший (23/24-79), римский государственный деятель, историк, писатель. Сохранилась составленная им своеобразная энциклопедия, «Естественная история» (*«Naturalis historia»*) в 37 книгах.

4 ...*добудьте вновь Евграфия*... — Комментатор Теренция.

№ 24

1 ...*Люпиту из Барселоны*. — Адресат Герберта не установлен.

2 ...*переведенную тобой книгу об астрологии*... — Книга могла быть переведена с арабского.

№ 48

1 ...*послание без подписи*... — Адресат неизвестен.

2 ...*Хугон*... — Хугон Капет, герцог франков.

3 ...*связать дружбой его сына*... — Роберта, будущего короля Роберта II.

4 ...*с сыном Цезаря*... — С малолетним Оттоном III.

№ 74

1 ...*день шестых нон марта*... — Король Лотарь, муж Эммы, умер 2 марта 986 г.

2 ...*в окрестностях горы Р.* ... — *in vicinia Romarici monti.*

№ 81

1 ...*Адсону, аббату Монтьеранде*. — Адсон, аббат Монтьеранде (см. у Рихера III, 57), был большим другом Герберта.

2 ...*Отбрось всякое промедление*... — *Rumpre moras omnes* — цитата из Вергилия (*«Энеида», IX, 13*)

3 ...*из Ура Халдейского*. — Ур Халдейский — древнейший город в Месопотамии, политический центр Вавилонского царства, упоминается в Библии. Н.Бубнов предлагает переводить это выражение у Герберта, как «ад кромешный» (Сборник писем Герберта, ч. 2, с. 372). В данном случае речь идет, очевидно, о монастыре Адсона, переживавшем тогда период упадка, так как тот должен был привезти оттуда книги.

4 ...*Наш отец Ад* ... — Адальберон Реймский.

5 ...*дорогие и вам, и нам книги*. — Ранее Герберт писал о своем желании получить принадлежащую Адсону «Историю» Юлия Цезаря (См. Hivet, № 8).

№ 93

1 ...*Адальберону*. — Письмо написано в сентябре 986 г.; Адальберон Реймский перед тем вынужден был покинуть город из-за преследований Людовика V (См. Рихер, IV, 2-4).

2 ...*в соответствии с приговором*. — Рихер, IV, 4.

3 ...*с вашим братом...* — Годефридом, графом Верденским.

4 ...*Одон и Хериберт...* — Одон, граф Тура, Блуа и Шартра и Хериберт III, граф Труа, Мо и Вермандуа.

№ 111

1 ...*императорам Василию и Константину...* — Василий II и Константин VII, братья Феофано, жены Оттона II.

2 ...*сын, сам уже король...* — Роберт, коронованный в декабре 987 г.

3 ...*дочери святой империи*. — Может быть, речь идет об Анне, другой сестре императоров, ставшей затем женой Владимира Киевского, но скорее всего, для короля важно было только родство предполагаемой невесты с императорской фамилией, выбор же конкретной кандидатуры предоставлялся императорам. Византия (Восточно-Римская империя) пользовалась тогда большим престижем в Европе; получить невестку из императорского рода значило бы для Хугона Капета и сравняться с Оттоном II, женатым на гречанке.

4 ...*дополнилось делами*. — Какова была реакция на это письмо, и было ли оно вообще отослано, — неизвестно.

№ 121

1 ...*Архиепископу Трирскому...* — Экберту Трирскому.

2 ...*сделали мощную вылазку*. — Речь идет о второй осаде Лана королем Хугоном (См. Рихер, IV, 23).

3 ...*к восьмым календам сентября*. — К 25 сентября 988 г.

№ 148

1 ...*том «Ахиллеида»...* — «Ахиллеида» Стация, см. Рихер, III, 47.

№ 162

1 ...*какую беду мы пережили...* — Захват Реймса Карлом Лотарингским (См. Рихер, IV, 34-35).

2 ...*нездоровой осенью...* — Осень 989 г.

Реймские архиепископы 882-1021

Фулькон	882-900
Херивей	900-922
Сеульф	922-925
Гуго	925-932; 940-948
Артольд	932-940; 948-961
Оделрик	962-969
Адальберон	969-988
Арнульф	988-991; 996-1021
Герберт	991-996

Указатель личных имен и географических названий, упомянутых в «Истории» Рихера Реймского

- Абbon, abbat Flери IV, 66
Августин, abbat IV, 50
Августин, св. III, 24
Авен, abbатство II, 22
Авранш, город I, 4
Агапит II, папа II, 67, 69, 95; III, 17
Агата, св. Анналы
Агенольд, монах II, 66
Адальберон, архиепископ Реймса III, 22, 26, 30, 57, 91; IV, 2, 6, 24, 102, 104
Адальберон, епископ Лана III, 66; IV, 15, 41-47, 51, 72, 96
Адальберон, епископ Метца II, 66, 97
Адальберт, епископ Пассау II, 69
Адальгер (Алгерий), священник IV, 34, 61, 62, 73
Адальдаг, епископ Гамбурга II, 69
Аделаида, императрица III, 87
Аделаида, жена Людовика V III, 92, 94
Аделаида, жена Карла Лотарингского IV, 49
Аделаида, дочь Карла Лотарингского IV, 49
Аделельм, граф Appраса I, 63
Аделельм, диакон II, 82
Аделельм, епископ Лана I, 26
Аделестан, король англов II, 1-3, 12, 16
Адриатика III, 55
Адсон, abbat Монтьеранде III, 57
Азия I, 1
Айрард, епископ Нойона I, 63
Аквитания (Аквитанская Галлия) I, 2, 6, 12, 28, 48, 56, 64; II, 41, 98; III, 1, 3, 4, 92-95
Алан, герцог бретонцев II, 28, 41
Александр, св. II, 80
Альпы I, 2, 7; II, 54, 98; III, 55, 85
Альтмар, граф I, 17
Амбуаз, город II, 82; IV, 93
Амьен, город II, 20, 33, 37, 40, 64
Ангильберт, разбойник II, 100
Англия II, 1
Ангулем, город I, 12
Анжу, округ I, 6
Ансегиз, епископ Труа I, 49; II, 94
Арап, река I, 2
Аргонна, лес III, 103
Арелат I, 5
Аристотель III, 46
Арнольд II, 25
Арнульф, архиепископ Реймса IV, 25-29, 31, 32, 34-36, 39, 41, 43-45, 47-49, 51, 53, 55-57, 59-61, 64, 66, 67, 69, 70, 72, 73, 89, 95, 97, 99, 102, 104; Анналы
Арнульф, граф Фландрии II, 8, 11, 12, 14, 15, 30-33, 38, 40, 42, 44, 60; III, 21

- Арнульф, епископ Орлеана III, 84; IV, 51-53, 66, 72, 73
 Арас, город I, 17, 58, 63
 Артольд, архиепископ Реймса I, 61; II, 4, 8, 21, 22, 25, 36, 56, 60, 65-69, 78-80; III 2, 14, 15
 Артуа, округ I, 51
 Асбен, город I, 44
 Аттиньи, поместье I, 44, 55; II, 30; III, 74
 Африка I, 1
 Ахен, город II, 61, 86; III, 68

 Базол, св. II, 22, 36; IV, 51
 Байе, город II, 42, 47, 48
 Балдрик, епископ Уtrechta II, 69
 Балдуин, граф Фландрис I, 16, 17
 Балтильда, св. II, 74
 Бардон III, 103
 Бато, город I, 4
 Безансон, город II, 98
 Бельгика (Лотарингия) I, 2, 12, 14, 16, 17, 21, 22, 27, 34, 36, 39, 41, 44, 46; II, 8, 16-19, 29, 54, 61, 83, 86, 92; III, 1, 6, 12, 67, 77, 81, 82, 97-100, 102, 103, 108; IV, 10, 90
 Бенедикт, папа IV, 89
 Беренгар, граф II, 41
 Беренгарий, епископ Вердена II, 69
 Бернард II, 44
 Бернард, граф Санлиса II, 43
 Бернард, епископ Хальберштадта II, 69
 Берта, вдова графа Одона Анналы
 Блуа, город I, 11; III, 3; IV, 79
 Бове, город I, 50
 Бован, епископ Шалона I, 62; II, 60
 Бонифаций, папа II, 80
 Боппон, епископ Вюрцбурга II, 69
 Боррель, герцог III, 43; IV, 12
 Бозэций (Манлий) III, 46, 60, 65
 Брен, замок I, 58
 Бретань (Малая Британия) I, 4, 6; IV, 79, 81, 82, 90, 91
 Бриенн, замок II, 100
 Бриод, город I, 7; III, 93, 95
 Британия I, 2
 Британский океан I, 2
 Броэрек, замок IV, 82
 Бруон, аббат, позже архиепископ Кельна и герцог Лотарингии II, 66; III, 1, 2, 10, 12, 18

 Бруон, епископ Лангра IV, 51, 56, 57, 72
 Булизлав, "король сарматов" III, 6
 Бульон, город II, 2, 3
 Бургундия I, 49; II, 5, 21-26, 42, 98, 100; III, 1, 11, 13
 Бурхард III, 84
 Буцефал IV, 50

 Вальберт, аббат I, 63
 Валон II, 7
 Варнерий, граф I, 49
 Ведаст, св. I, 17
 Вель, река I, 58
 Верден, город II, 66; III, 100-104, 108
 Вермандуа, округ I, 53; II, 44; IV, 17
 Видон, граф IV, 34, 36
 Видон, епискон Оксера II, 94
 Видон (Гвидон), епискон Суассона II, 24, 48, 64, 78, 82; III, 19; IV, 51, 63, 72
 Викторин III, 46, 60
 Викфрид, архиепископ Кельна II, 69
 Викфрид, епископ Вердена III, 19
 Викфрид, епископ Теруана II, 82
 Викхард, епископ Базеля II, 69
 Вильельм, герцог Аквитании I, 48; II, 98; III, 3, 4
 Вильельм, племянник Роберта II Анналы
 Вильгельм Арльский III, 95
 Вильельм, герцог Нормандии II, 13, 20, 28, 30-34, 38
 Винемар I, 17, 18
 Винцентий, св. II, 81, 82
 Виссан, порт II, 8
 Витикин I, 5
 Виттон, архиепископ Руана I, 32, 33
 Вормс I, 20
 Виенн, город II, 98

 Гален IV, 50
 Галлия (Франция) Пролог; I-4, 16, 39, 46, 48, 49, 54; II, 2-4, 7, 27, 39, 68, 95; III, 1, 17, 26, 29, 43, 55, 65, 67, 74, 77, 88; IV, 2, 12, 51, 89, 90, 95, 96, 99, 104
 Гаронна, река I, 2; IV, 18
 Гаузлин, епископ Туля II, 66, 69
 Геласий, папа IV, 104

- Гель, река I, 38
 Геновева (Женевьеве), св. I, 23
 Генрих, герцог Саксонии I, 14, 20-22, 24, 35, 38, 39
 Генрих, сын Людовика IV II, 102
 Герарн III, 45
 Герберга, королева I, 35; II, 19, 39, 51, 56, 86, 101, 102; III, 1, 2, 6, 9
 Герберга, дочь Карла Лотарингского IV, 49
 Герберт Орильякский Пролог; III, 43, 45, 55, 57, 58, 61-63, 65; IV, 73, 89, 95, 97, 99, 101, 106; Анналы
 Геристал, город I, 39
 Герлон I, 11
 Герман, архиепископ I, 22
 Германия I, 2, 5, 23, 39, 54; II, 16, 68, 82, 86; III, 1, 44, 55, 67, 99; IV, 95, 96
 Герольд, св. III, 43
 Гилберт, граф IV, 34, 36
 Гинкмар, архиепископ Реймса Пролог
 Гиппократ IV, 50
 Гипуин (Гибуин), епископ Шалона II, 60; III, 16, 19
 Гислеберт, герцог Лотарингии I, 34, 35, 37-41; II, 17, 19
 Годесман, епископ Амьена IV, 51, 57, 72
 Годефрид, граф Вердена III, 103; 99, 106
 Гозберт, разбойник II, 100
 Гозилон III, 103
 Гозfred, граф III, 93
 Гора Мучеников (Монмартр) II, 41
 Гораций III, 47
 Готия I, 7; II, 39; III, 1, 92
 Григорий V, папа Анналы
 Гуалтерий, епископ Отена IV, 51, 64, 72

 Даиберт, архиепископ Буржа IV, 51, 54, 72, 89
 Далмаций I, 28-30
 Дамасий, легат II, 27
 Денз, замок I, 58
 Дерольд, епископ Амьена II, 59
 Дижон, замок III, 11
 Дионисий, св. I, 13; III, 5
 Доддон, епископ Оsnабрюгте II, 69

 Дре, замок IV, 40
 Ду, река II, 98
 Дудон, воин Карла Лотарингского IV, 62
 Дудон, епископ Падеборна II, 69
 Дузи, селение II, 64

 Европа I, 1

 Жуф, деревня Анналы

 Зосима, папа II, 80

 Ивон III, 76
 Ивон, епископ Санлиса II, 82
 Иероним, св. I, 3
 Израэль, епископ II, 66
 Иисус Христос IV, 49, 58
 Ингельхайм, город II, 69, 77, 95; Анналы

 Ингон I, 9-11
 Иннокентий, папа II, 80
 Иоанн X, папа I, 25, 54
 Иоанн XII, папа III, 17
 Иоанн XIII, папа III, 25, 26, 28
 Иоанн XV, папа IV, 95
 Иоанн Креститель IV, 107
 Иоанн, сколастик IV, 66
 Иосельм, епископ I, 49
 Исаак, граф II, 17
 Испания III, 43, 44, 91, 92; IV, 12
 Италия III, 30, 44, 55, 81
 Иуда IV, 47

 Йорк, город II, 2

 Калаум, гора I, 49
 Каликт, св. III, 22
 Камбрези, город I, 46
 Карл Великий III, 71
 Карл Простоватый, король I, 3, 4, 12, 14-16, 20-24, 26, 34, 37, 39, 40, 42, 45-47, 53-56; II, 1, 2, 18, 20
 Карл, герцог Верхней Лотарингии II, 102; IV, 9-11, 14, 16-20, 24, 25, 32-39, 41-49, 56, 62, 73, 96
 Карл Константин, граф Виенна II, 98
 Карл Лысый, император I, 4
 Карломан I, 4
 Катилл, предводитель норманнов I, 4, 9, 10, 28

- Квентин, св. II, 37
 Кельтика (Кельтская Галлия, Нейстрия) I, 2, 5, 6, 12, 14, 16, 21, 28, 37, 39-41, 57; II, 60; III, 2
 Колумба, св. I, 65
 Компьен, город II, 35, 43, 51; III, 74, 91; IV, 5
 Конан, граф Ренна IV, 82-86, 91
 Кондре, город I, 44
 Конрад, герцог Бургундии II, 53, 54, 82, 83, 92, 97; III, 86
 Корби, монастырь I, 63
 Котанс, город I, 4
 Криспин, св. II, 25
 Криспиниан, св. II, 25
 Кузи, замок III, 20
- Да Фер, город I, 13
 Лан, город I, 26, 51, 62; II, 4, 6, 9, 16, 17, 20, 23, 25, 26, 29, 39, 46, 51, 52, 54, 73, 81, 84, 87, 97, 101, 102; III, 2, 5, 13, 68, 81, 102, 108, 109; IV, 15, 16, 23, 25, 36, 40, 41, 46, 48, 56, 96
 Лангр, город II, 5
 Ландрик II, 25
 Ландрик, граф Невера IV, 98
 Лев, легат IV, 95, 99, 100; Анналы
 Лев I, папа II, 80; IV, 104
 Леодульф, епископ Трира IV, 99
 Летольд, граф II, 98, 99
 Лизье, город I, 4
 Лимож, город I, 10, 12, 57
 Лиоптак (Лифдаг), епископ Риба II, 69
 Литта, город I, 39
 Лодомер, св. IV, 79
 Лотарь, король III, 1, 2, 11, 21, 45, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 78, 81-83, 86, 90, 95, 97-99, 101, 102, 104, 107, 109; IV, 1, 9, 25, 26, 28, 58
 Луара, река I, 4, 28, 48, 64; II, 58; IV, 74, 82, 92
 Лукан III, 47
 Луп Ацинарий Гасконский I, 64
 Льеж, город I, 41
 Людовик IV Заморский, король II, 1-4, 19, 29, 35, 54, 58, 61, 70, 73, 74, 76, 77, 82, 86, 87, 91, 103; III, 67
 Людовик Косноязычный, король I, 4
- Людовик V, король III, 91, 92, 94, 95; IV, 1, 2, 5, 6, 9, 11, 28
 Людовик, сын Карла Лотарингского IV, 49, 96
- Маас, река I, 38; III, 69, 80, 103; IV, 13
 Маастрихт, город I, 39
 Маконне, округ II, 98
 Манассия, граф I, 49
 Манассия, граф Ретеля IV, 56
 Маргу III, 80
 Мария, св. III, 30; IV, 56, 99; Анналы
 Марин, легат II, 68-70, 72, 75, 79, 80, 82
 Мармутье, аббатство IV, 94
 Марна, река I, 2, 13; II, 8, 97; III, 16; IV, 18
 Марон (Вергилий) III, 47
 Марсилий, св. I, 10
 Мартин, св. I, 13, 14; IV, 94
 Мартин, монах I, 31
 Медард, св. I, 17; III, 74
 Мезьер, город I, 19
 Мелен, замок IV, 74-77, 80, 93
 Меотида I, 1
 Мерсен, город I, 34, 39
 Метц, город III, 22; IV, 165
 Милон, епископ Маконне IV, 51, 72
 Мо III, 16, 17; IV, 50
 Монпенсье, город I, 7
 Монс, замок III, 8
 Монтею, замок II, 84
 Монтинви, замок II, 8, 43
 Монтрей, замок II, 11, 12
 Музон, город II, 60, 67, 83; IV, 99
- Нант, город II, 41; IV, 81, 86, 91
 Невер, город II, 39
 Нил, река I, 1
 Ним, город I, 7
 Нойон, город I, 63; IV, 12
 Норик III, 40
 Нормандия II, 42
 Нохер, епископ Льежа IV, 99
- Овернь, округ I, 7; III, 4
 Оделрик I, 55
 Оделрик, архиепископ Реймса III, 18
 Оделрик, епископ Аугсбурга II, 69
 Одилон, монах II, 66

- Одон, граф III, 100; IV, 40, 74–76, 78–81, 87, 90–94, 97, 104; Анналы
Одон, король I, 5, 7–9, 13, 14
Одон, епископ II, 4
Одон, епископ Санлиса IV, 51, 65, 72
Октавиан (Иоанн XII) III, 17
Омон, замок II, 26
Оранж I, 7
Орбэ, монастырь IV, 50
Орлеан, город II, 58; III, 3; IV, 12
Отрик III, 55–57, 60–63, 65
Оттон I, король, император II, 17–19, 29–31, 49, 50, 53, 54, 61, 63, 68, 70, 73, 75–77, 82, 86, 92; III, 1, 6, 67
Оттон II, король, император III, 44, 45, 56–58, 67–74, 77–87, 96, 109; IV, 2
Оттон III, король, император III, 97, 99; IV, 96, 97, 102; Анналы
Оттон, герцог Бургундии III, 13

Павия, город III, 17
Париж, город I, 13, 31; II, 5, 41, 57; III, 3, 5, 74; IV, 24, 93
Перигор, город I, 12
Персий III, 47
Перонна, замок I, 47
Петр, св. II, 95; IV, 102
Пикиньи, остров II, 33
Пиренеи I, 2
Платон III, 63
По, река III, 57
Понтион, поместье I, 55
Порсьен, город II, 26
Порфирий III, 46, 65
Пуатье, город III, 3, 5, 13
Пюи, город I, 6

Равenna, город III, 57
Рагемунд, герцог I, 64; II, 39; III, 92
Рагенальд, граф II, 45
Рагенерий, герцог Лотарингии I, 34
Рагенерий, граф Геннегау III, 6, 8, 10
Рагенерий, реймсский видам IV, 4, 99
Радегунда, св. III, 3
Радульф, епископ Лана II, 80
Радульф, король I, 47, 49, 54–56, 60, 64; II, 2, 5, 73; III, 15
Рамнульф, аббат IV, 66
Ратбод, епископ Нойона IV, 51, 59, 72
Реймбольд, епископ Спира II, 69
Реймс, город I, 12, 17, 19, 22, 41, 49, 52, 54, 59, 60, 65; II, 22, 24–26, 44, 52, 54, 58, 60, 84, 103; III, 1, 26, 45, 74, 110; IV, 24, 25, 33, 50, 56, 63, 102, 107
Рейн, река I, 2, 20, 38, 39, 58; II, 17–19, 54, 69; III, 97, 98
Ремигий, св. I, 3, 12, 14, 41, 49, 61; II, 22, 25, 69, 103; III, 2, 19, 25, 26, 30, 75, 110; IV, 28, 50, 107
Ретгер, граф II, 28
Рикон, епископ Вормса II, 69
Рикульф, епископ Суассона I, 22
Рим I, 7, 25, 54; II, 27, 68, 77, 82, 83, 95; III, 25, 30, 43, 44, 57, 81, 83, 85–87, 96; Анналы
Рифейские горы (Урал) I, 1; II, 73
Рихер, автор Пролог; IV, 50
Рихер, аббат I, 25
Рихуин, граф I, 27, 28
Ричард Бургундский I, 47
Ричард, герцог Нормандии II, 34; Анналы
Роберт, архиепископ Трира II, 56, 66, 67, 71, 72, 74, 80, 82
Роберт, вассал Эрлуина II, 11
Роберт, граф Труа III, 11, 17
Роберт I, король I, 14, 16, 21–23, 27–31, 36, 40, 41, 43, 46, 54; II, 1
Роберт II, король IV, 12, 13, 60, 87, 89, 95; Анналы
Роберт Сильный I, 5
Ров Гивольда, лагерь норманнов I, 4
Родульф, аббат III, 32
Родульф, епископ Лана I, 26; II, 17, 69, 78, 82
Родульф, отец автора II, 88
Роллон, предводитель норманнов I, 28, 50, 53
Рона, река I, 2, 7
Рорикон, епископ Лана II, 82; III, 16, 19
Ротгер IV, 56
Руан, город I, 4, 32; II 28, 34, 35, 37, 38, 42, 44, 47, 48
Рустик, св. I, 13

- Сант-Макр, монастырь III, 66
 Саксония I, 14, 22; II, 18; III, 55
 Салерно, город II, 59
 Санлис, город II, 56, 92; IV, 10, 47,
 48; Анналы
 Северный океан I, 4
 Сена, река I, 4, 49; II, 35, 42, 56, 57,
 93; III, 74, 75; IV, 74, 77
 Серл, разбойник II, 8
 Сетрих, предводитель норманнов II,
 35
 Сеульф, архиепископ Реймса I, 41,
 55
 Сигебольд, клирик II, 78
 Сигефрид III, 103
 Сигуин, архиепископ Санса IV, 51-
 53, 66, 72, 90
 Сиз, город I, 4
 Сикст III, папа II, 80
 Сильвестр, священник II, 82
 Симмах, папа II, 80
 Симон IV, 104
 Соломон III, 23
 Сомма, река II, 32, 33
 Соран IV, 50
 Средиземное море I, 1, 2
 Стаций III, 47
 Старканд, епископ Айштадта II, 69
 Стефан VII, папа II, 27
 Стефан, епископ Оверни II, 98
 Суассон, город I, 16, 21, 22, 45, 47,
 49, 55; II, 25, 85, 93; III, 74; IV,
 36
 Сугерий Майнцский IV, 99
 Сульпиций Север I, 3
 Сусанна, королева IV, 87
- Танаис (Дон), река I, 1
 Теодерик, граф II, 17, 44
 Теодерик, герцог Верхней Лотарингии III, 103
 Теотилон, епископ Тура II, 46
 Теренций III, 47
 Теруан, город II, 11
 Тетард, епископ Хильдесхайма II,
 69
 Тетбальд, диакон II, 64, 82
 Теутбальд, граф Тура II, 43, 48; III,
 20
 Тимофея, св. I, 55; III, 26, 30
 Тирренское море III, 55
 Тичино, город III, 57
- Тонгр, город I, 22
 Трансмар, епископ Нойона II, 82
 Тролли, город I, 26
 Труа, город III, 11
 Туллий (Цицерон) III, 47
 Тулуза, город I, 7
 Тур, город I, 13, 14, 16; II, 55; III, 3;
 IV, 90; Анналы
 Турмод, предводитель норманнов II,
 35
- Уаза, река II, 28
 Уш, река III, 11
- Фараберт, епископ Тонгра II, 69
 Феофано, императрица III, 68, 70
 Фландря I, 16; IV, 90
 Флодвард, каноник Пролог; I, 19, 46
 Фредерик, архиепископ Майнца II,
 56, 67, 69
 Фульберт, герцог I, 45, 46
 Фульберт, епископ Камбре II, 69, 97
 Фулькон, граф Анжу IV, 79, 81-87,
 90-92, 94; Анналы
 Фулькон, епископ Реймса I, 12, 16,
 17
- Хаганон I, 15, 16, 21
 Хагральд I, 45
 Хагрольд, норманн II, 47
 Хадульф, епископ Нойона III, 19
 Хаймон, епископ Вердена IV, 99,
 100
 Харбург, город I, 38
 Хаттон, епископ Вика III, 43, 44
 Хезилон (Генрих), герцог Баварии
 III, 97-99; Анналы
 Хейрольд, епископ Зальцбурга II, 69
 Херберт, епископ Оксerra IV, 51, 72
 Хериберт II, граф Вермандуа I, 46,
 47, 52-55, 58-60, 62; II, 1, 6-9,
 22-24, 26-28, 30, 37, 82; III, 11
 Хериберт III II, 82, 101; III, 20, 100
 Херибранд, клирик IV, 50
 Херивей, архиепископ Реймса I, 19,
 22, 23, 26, 32, 33, 41
 Херивей, епископ Бове IV, 51, 55,
 72
 Хериманн, архиепископ I, 25
 Хильдеберт, граф Перигора Анналы
 Хильдебольд, епископ Мюнстера II,
 66, 69

- Хильдегар, епископ Бове II, 78, 82
Хильдегард, граф I, 51
Хильдуин, епископ Тонгра I, 22, 25
Хильдуин Анналы
Хлодвиг, король I, 3
Хорат, епископ Шлезвига II, 69
Хугон, архиепископ Реймса II, 23-
25, 27, 37, 44, 55, 60, 65, 66, 78,
80, 82, 83; III, 15-17
Хугон Великий, герцог I, 46, 54, 58,
62; II, 1, 2, 22, 23, 28-32, 34, 39,
42, 48, 49, 51, 52, 56, 73, 77, 81,
82, 85, 95, 97; III, 1
Хугон Капет, герцог, потом король
III, 13, 85, 87, 88, 90; IV, 12, 18,
23, 37, 60, 95; Анналы
Хугон Черный, герцог Бургундии II,
5, 17, 97
Целестин I, папа II, 80
Цизальпинская Галлия II, 42
Шартр, город III, 3; IV, 50
Шато-Тьерри, замок II, 7; IV, 50
Шатодун, замок IV, 93
Шевремонт, город I, 39
Шель, город III, 74; IV, 89
Шер, река II, 63, 64
Шозо, замок II, 8, 21
Э, замок I, 49, 53
Эvre, город I, 4; II, 42
Эвхерий, епископ Миндена II, 69
Эдмунд, король англов II, 49, 50
Элевтерий, св. I, 13
Эльзас II, 17
Эмма, королева III, 66, 86, 87, 92,
102; IV, 16
Эна, река I, 45; II, 24, 103; III, 77
Эрлебальд, граф I, 19, 20, 26
Эрлуин, граф Монтрей II, 11-15, 38,
40, 42, 44, 47
Эрмингауд I, 64
Эперне, селение III, 20
Эркембальд, епископ Тура IV, 89
Этамп, город I, 21; III, 74
Этгива, королева II, 6, 101
Ювенал III, 47
Юlian, св. I, 7; II, 46
Юпия, город I, 39

Епископ в пути. Рисунок с рукописи X в., Британский музей

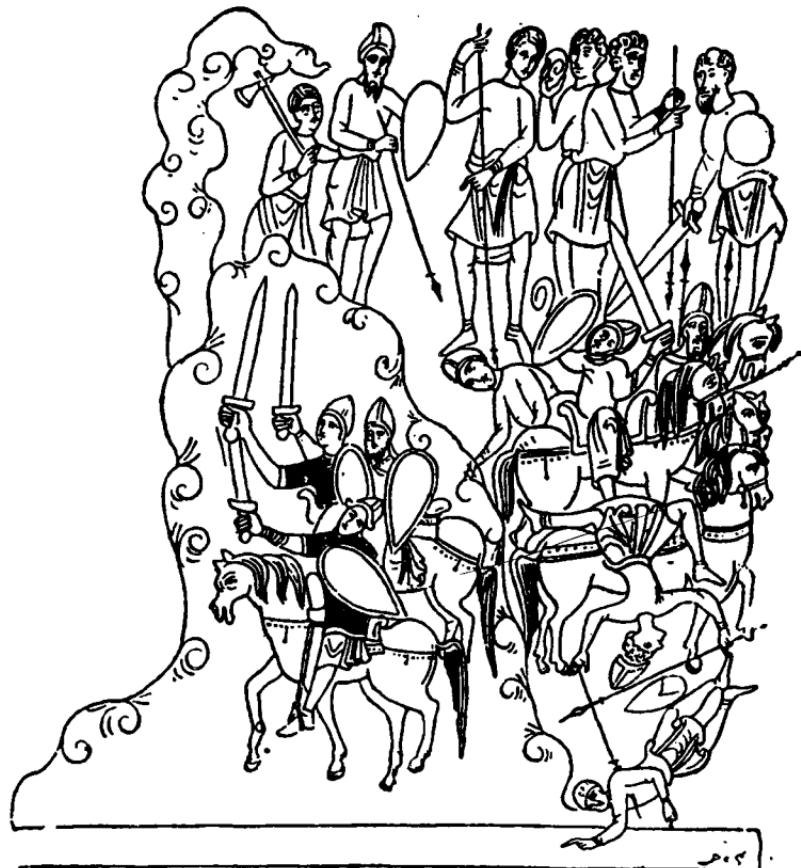
Портрет феодала. По миниатюре с рукописи 989 г.

Портрет короля. По миниатюре с рукописи X в.

Изображение воинов X в.,
Франция, Национальная библиотека

Изображение битвы X в.,
Франция, Национальная библиотека

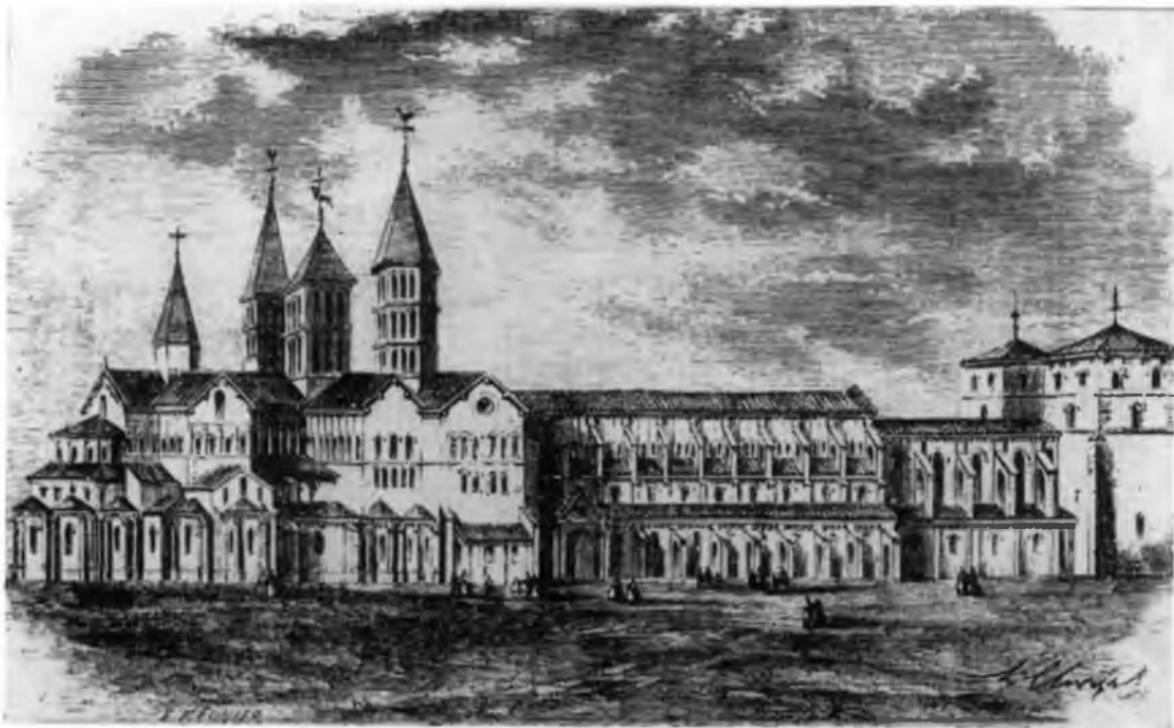
Надгробие Людовика IV с изображением самого короля
в соборе Сен-Реми в Реймсе

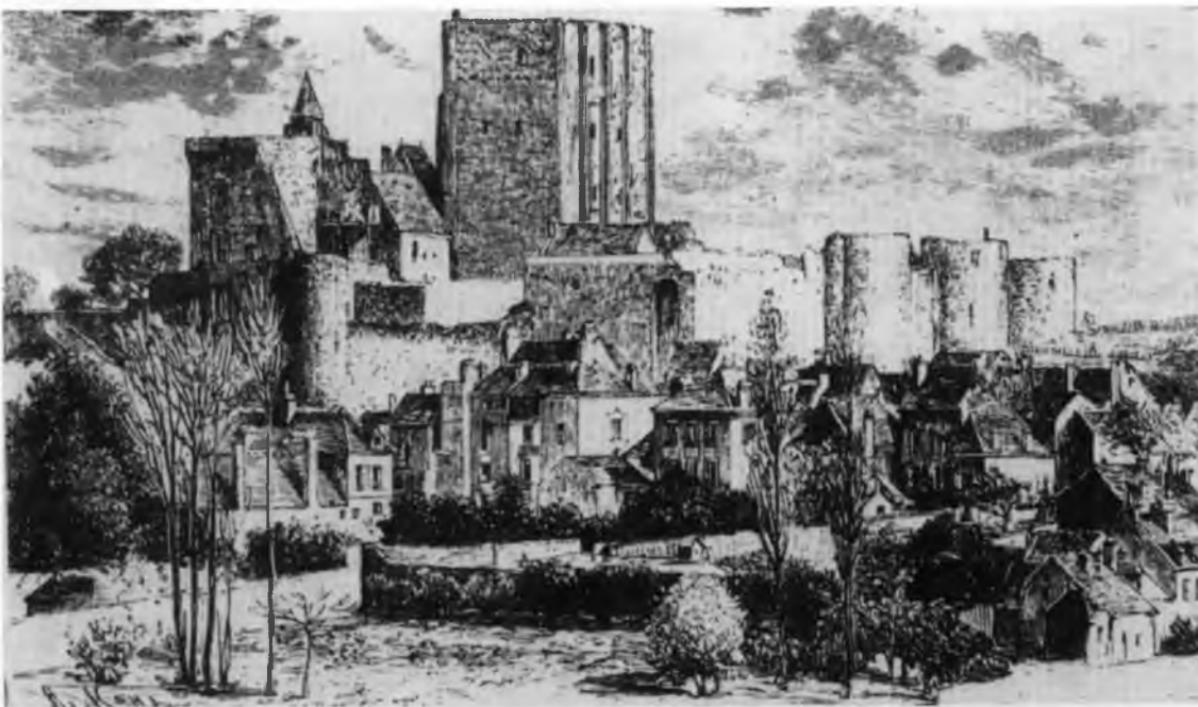
Портрет папы Сильвестра II (Герберта). С рис. XIX в.

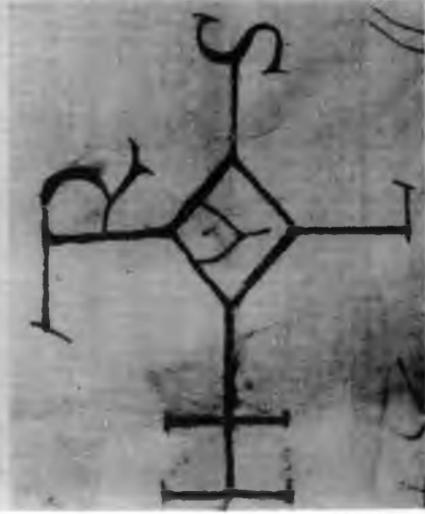
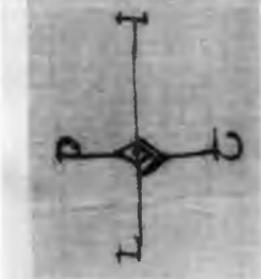
Портал собора Сен-Этьен в Бовэ после перестройки 997 г.

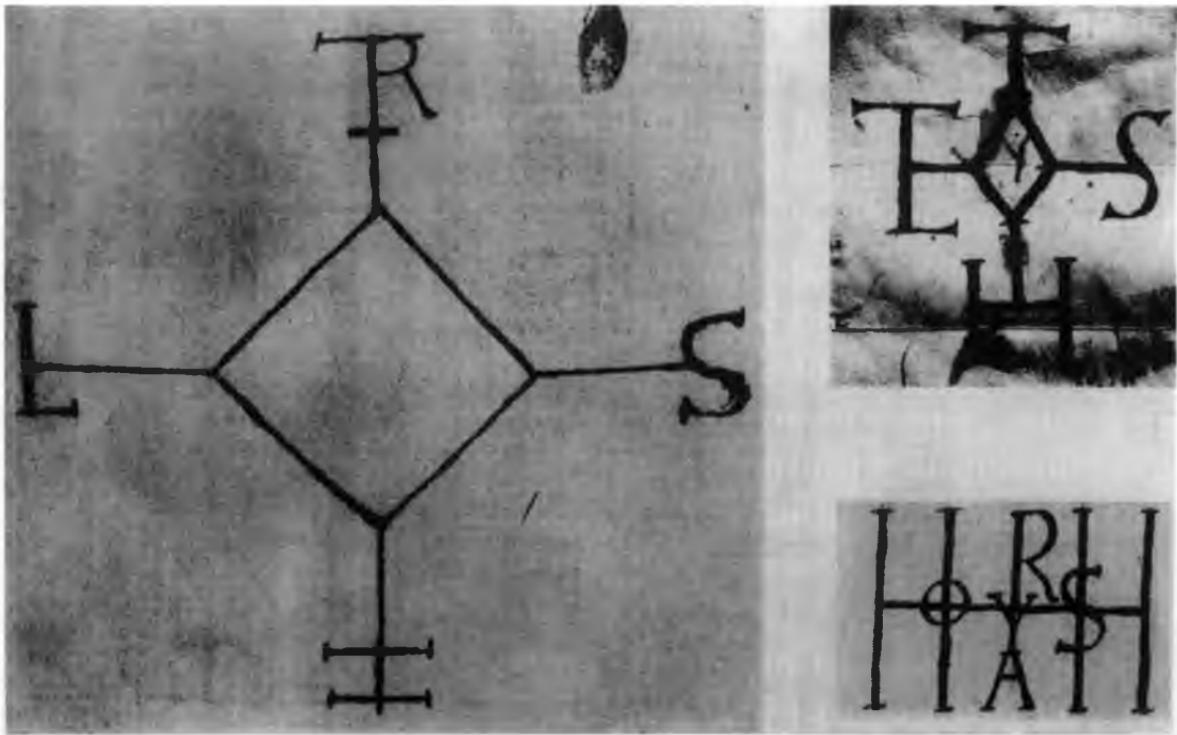

Клюнийское аббатство

Лошский замок

Подписи королей Людовика V и Лотаря

Содержание

Пролог	5
Книга I	7
Книга II	41
Книга III	89
Книга IV	131
Приложения	185
Флодоард. Анналы	187
Письма Герберта Орильякского	209
<i>A.B. Тарасова.</i> Рихер Реймский и его «Четыре книги историй»	213
Комментарии	272
Указатель реймских архиепископов	317
Указатель личных имен и географических названий, упомянутых в «Истории» Рихера Реймского	317

Рихер Реймский

ИСТОРИЯ

Художественное оформление А. Сорокин

Компьютерная верстка Н. Мерзляков

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 17.07.97.
Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печл. 18,27. Уч.-изд.л. 24,9. Тираж 3000 экз. Заказ № 2233

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д.4, корп.1. Тел. 181-00-13 (дирекция);
181-04-13 (отдел реализации). Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6

